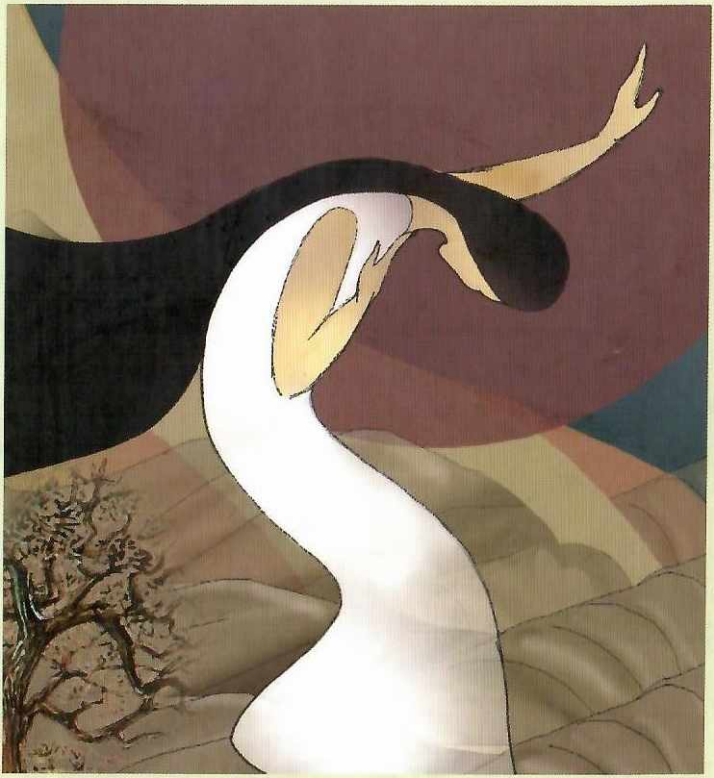
Мухамет ШАЯХМЕТОВ
Безмолвная СТЕПЬ



Intelli book

Мухамет ШАЯХМЕТОВ

Безмолвная СТЕПЬ

Документальная повесть

Intelli book

Алматы 2008

УДК 821(574)
ББК 84 Каз 7 – 44
Ш33

Руководитель проекта М. Немербаева
Ш33 Шаяхметов М. Безмолвная степь. Документальная повесть.
– Алматы: ТОО "Intelli Group", 2008. – 384 с.

Перевод с казахского Н. Кенжегуловой
В книге использованы фотографии из архива автора

ISBN 978 – 601 – 219 – 001 – 4

Книга «Безмолвная степь» – документальная повесть о поколении, которое в период своего становления подверглось неотвратимому Молоху, сокрушавшему все и вся на своем пути. Сцены насильственной коллективизации и тотального голода начала 30-х годов XX века, увиденные автором в детском возрасте и описанные им на склоне лет, потрясают. Потом был другой Молох – вторая мировая война, но стойкий солдат из степного аула сумел достойно пройти и ее горнило.

Мухамет Шаяхметов без пафоса и назиданий рассказал о пережитом. Его произведение заставит и плакать, и смеяться, потому что написал его оптимистичный, светлый человек, проживший нелегкую, но достойную жизнь.

Сегодня мы остро нуждаемся в книгах, где слышно биение неравнодушного человеческого сердца. Документальная повесть Мухамета Шаяхметова – из их числа.

ББК 84 Каз 7 – 44

ISBN 978 – 601 – 219 – 001 – 4

© Шаяхметов М., 2008
© ТОО "Intelli Group", 2008

ВВЕДЕНИЕ

Сказать, что книга «Безмолвная степь» является попыткой освещения трагических «белых пятен» казахской истории, – значит упростить, довести до схемы кровоточащую человеческую память. Автору книги Мухаметкалыму Шаяхметову выпала горькая доля долгие годы нести на себе клеймо выходца из кулацкой семьи. Он рано лишился отца, погибшего в атмосфере человеконенавистничества тех лет, был исключен из школы, ценой неимоверных усилий близких людей пережил годы великого голода… С верой в лучшее он встречал все, что преподносила ему жизнь, не тая зла на обидчиков и благодарно принимая доброе участие людей в своей судьбе. Наступали иные времена, и не озлобившееся сердце юноши потянулось к знаниям, к свету, к счастливому будущему, обещанному новой властью. Потом была война с ее суровыми испытаниями и проверкой на человеческую и гражданскую прочность, тяжелое ранение, трудное возвращение. Шаяхметов вступил в ряды Коммунистической партии, искренне принял ее идеи и верно им служил.

Все повествование Мухаметкалыма Шаяхметова пронизано искренностью – тем качеством, которое нечасто встретишь в сегодняшней мемуаристике. Показывая жизнь без прикрас, автор правдиво передает не только события, но и ощущения того времени. Атмосфера трагедии, пережитой народом в период коллективизации и сопутствующего ей голода, не может не взволновать читателя. Как и детально выписанные воспоминания о войне и послевоенном времени. Подкупает желание автора в любых ситуациях искать и находить в людях проявления доброты и любви друг к другу.

Дочитав книгу Мухаметкалыма Шаяхметова, испытываешь глубокую благодарность за то, что он, пройдя суровые жизненные испытания, не огрубел сердцем, не закрыл его для людей. Позитивная настроенность человека, перенесшего столько невзгод, – пример мудрого отношения к жизни, в котором сегодня нуждаются многие.

Книга «Безмолвная степь» может дать читателю массу сведений о национальных традициях, обогатит эмоциональными впечатлениями для лучшего понимания казахской ментальности.

В название книги заложен глубокий смысл. После коллективизации степь в буквальном смысле обезлюдела и затихла. Не стало кочевий и кочевок, исчезли бесчисленные стада, не слышалось ни песен, ни гомона детей, лишь втуне раздавался слабый плач и стон раздавленного чудовищным бедствием народа. Второй смысл названия состоит в том, что степь не восстала – народ, где каждый третий умер от голода, с молчаливой покорностью нес выпавшие на его долю скорби. Прошли десятилетия, сменились почти два поколения, прежде чем о безжалостном истреблении казахского народа заговорили во весь голос.

Казахский и английский варианты этих мемуаров вышли раньше. На берегах туманного Альбиона книга снискала большую популярность и стала бестселлером.

ГЕНОЦИД ПРОТИВ СВОЕГО НАРОДА

Сегодня осталось совсем мало очевидцев, которые могли бы подтвердить, что воочию видели живых мертвецов, чьи черепа обтягивала сухая, морщинистая кожа, грязные лица были лишены даже намека на мышцы, глаза запали в бездонные глазницы. Они медленно брели, спотыкаясь и механически переставляя, казалось, непомерно длинные ноги, а руки их свисали, как плети. Так выглядели люди, обреченные на смерть от голода. В своей книге Мухаметкалым Шаяхметов описывает страшные картины голода в казахской степи в 30-е годы 20 столетия. Ценность данного произведения в том, что автор – очевидец описываемых событий.

Мухаметкалым Шаяхметов родился в 1920 году в семье кочевника-крестьянина, в 6-м ауле Семипалатинской губернии Курчум-Алтайской области. Свой трудовой путь начал в 1939 году преподавателем в школе. Участник Великой Отечественной войны. В течение 40 лет работал директором средних школ. Награжден орденом Отечественной войны и медалями.

История казахского народа имеет немало трагических страниц. Будучи истинными детьми природы, казахи сумели преодолеть катаклизмы, которые сломили бы другие народы, и, невзирая на драматические перипетии судьбы, сохранили свое великодушие, доброту, толерантность и искренность.

К сожалению, в нашем цивилизованном обществе доминируют ложные представления о приоритетности богатства и власти, что ведет человечество к материальному и духовному кризису. Сегодня миллионы людей в мире живут на грани вымирания от голода.

В начале 30-х годов минувшего столетия нарушение привычного уклада жизни казахов, тотальная насильственная коллективизация способствовали моральной и экономической де-

зориентации целого народа, издревле занимавшегося кочевым животноводством. Этот народ был не в силах в одночасье приспособиться к новым условиям жизни. Людей лишали последней скотины, и в итоге они, искони не занимавшиеся земледелием, были обречены.

В 1932 году разразился голод, какого казахская степь не знала. Это был спровоцированный Советской властью геноцид – чудовищное массовое уничтожение казахского народа. «Автором» машины был «усатый вождь» – Сталин, активным же исполнителем, запустившим этот механизм смерти, стал секретарь краевого партийного комитета Шая Ицкеевич – Филипп Исаевич Голощекин. Этот преступник от политики создал программу «Малый Октябрь в Казахстане», породившую репрессии и голод в республике.

Автор книги живописно рисует картины жизни казахской глубинки тех лет, иллюстрируя ими процесс претворения политики партии на местах. Коллективизация осуществлялась крайне медленно, параллельно с нею внедрялась идеология поиска и уничтожения классовых врагов. Народ был далек от классовой борьбы, люди думали о том, как выжить в тяжелейших условиях голода и террора. Это привело к эмиграции – тысячи и тысячи людей покидали Отчизну и уходили в Китай.

Едва минул голод, разразилась страшная вторая мировая война. Автор книги в годы войны служил в отряде разведчиков. Вернувшись в аул инвалидом, поступил на заочное обучение и работал учителем в средней школе.

Книга Мухаметкалыма Шаяхметова – своеобразная энциклопедия казахского аула всего советского периода. В ней отображена уникальная, трагическая и в то же время типичная судьба человека того времени. Пожелаем этой книге добрых и умных читателей.

КАКИМБЕК САЛЫКОВ,
поэт, заслуженный деятель культуры РК

ОТ АВТОРА

Наши недруги называли страну Советов «красной империей». Возможно, так и было на самом деле, но в каждом историческом периоде можно обнаружить как положительные, так и отрицательные моменты. Мы, старшее поколение, горды тем, что смогли обустроить страну и вырастить достойную смену, чтобы встать в один ряд с цивилизованными государствами. И мы по праву можем гордиться тем, что мы – казахи!

Молодежь, возможно, даже не подозревает, каких усилий стоил нам наш нелегкий путь. Но их нельзя в этом винить. Зачарованные мифами о светлом будущем, мы не запечатлели происходившее на скрижалях времени. И теперь, когда есть возможность открыто писать правду, требование жизни и прямой долг людей моего поколения – рассказать без утайки о пережитых трудностях.

Эти записи вначале были в блокнотах в виде моих личных дневниковых записок, которые я вел для себя много лет. Позже, обрастая подробностями, они вошли в книгу. Ее главный герой – простой народ. Чтобы показать правду жизни, я старался писать просто, без прикрас, хотя, наверное, в моих представлениях присутствует неизбежный субъективизм.

Безмолвная СТЕПЬ

Враги отчизны

Лето 1930 года. Два дня назад закончилась перекочевка нашего аула с обширных жайляу Алтая в родное стойбище Карагаш, что в низине. Трава на новом кочевье еще не примята, высокая – по пояс, так и норовит зацепить детвору за ноги и свалить наземь. Сумерки. Я, десятилетний мальчуган переловил и привязал к когену – длинной веревочной привязи – ягнят и вошел в дом. Мать тихо шепнула: «Приехал старший дядя». Старший дядя – родной брат моего отца Шаяхмета – Тойымбай. Как и вся аульная детвора, я называл его ата – дедушка. Мы, аульчане, не видели его больше года, а теперь он приехал тайком. Любивший детвору, он особенно выделял и баловал меня, и возможно, поэтому мое детское сердце сильно истосковалось по нему. Войдя, я увидел, что посредине юрты стоят, обнявшись, дядя и его мама – моя восьмидесятипятилетняя бабушка. Они рыдали. Вид плачущего шестидесятилетнего мужчины, чья борода посеребрена инеем, повторявшего: «Моя апа! Мама!» растрогал и наполнил все мое существо острой жалостью. Откуда он пришел, отчего вызвал во мне тоску?

Дядя Тойымбай был старейшиной нашего аула, влиятельным и зажиточным. Его почитали, неукоснительно выполняли его волю, уважительно обращались к нему не по имени, а – «дед Айкена», подразумевая его единственного сына. Все аульные женщины, кроме женге – жен старших братьев, обычно именующие деверей ласкательными име-

нами, называли его просто старшим дядей. Тойымбай ата не вмешивался в дела других, в общественную жизнь аула, не пытался властвовать, он был немногословным. Добровольные общественные обязанности Тойымбая аты заключались в том, что он пригонял домой аульную скотину, отбившуюся от стада, следил за небольшим поголовьем верблюдов – собственностью аульчан, назначал время перекочевок и определял место новой стоянки. В последние два года из-за запрета советской власти использовать наемную рабочую силу в личном хозяйстве он не нанимал пастуха и в течение трех дней кряду, как другие аулчане, пас овец. Осенью 1929 года он был причислен к баям и кулакам, подвергся конфискации, и решением районного суда был приговорен к лишению свободы на два года. И вот теперь, спустя год, вернулся в родной аул.

Под нашим аулом я подразумеваю небольшой аул в пять – шесть юрт рода Науей-Байсак, относящийся к административному аулу №6 Курчумской волости Бухтарминского уезда Семипалатинской губернии и существовавший с царских времен до конца 1929 года, до разделения советским правительством округов на районы. В поселении жили потомки десятого поколения племени Найман, а точнее – рода Кокжалды – небольшого подрода Отей – деда знаменитого батыра Кокжала Барака.

В 70-е годы 18 века представители подрода Отей, составлявшие два административных аула, перекочевали на южный Алтай с берегов рек Шар и Кызыл су, нынешних Жарминского и Чарского районов Семипалатинской области. С того времени поселения подрода Отей располагались на правом берегу быстротечной и прозрачной горной реки Курчум, разрезавшей сердцевину Южного Алтая. Река в среднем течении, у Зайсанской впадины, вбирает притоки с Алтайских гор и впадает в Иртыш.

Род Науей – это потомки славного воина Жандели, двою-

родного брата и соратника батыра Барака в ратных делах. Со временем он разросся и образовал четыре аула. Кое-кто из моих соплеменников, не желая отдавать сыновей в солдаты, в 1916 году откочевал в Китай, многие погибли в 1917-1918 годах от эпидемии холеры. В конце концов, изрядно поредевшая и обедневшая часть в 20-е годы слилась в два аула. Осенью 1929 года советская власть выискала в ней двух классовых врагов и подвергла репрессиям. Одним из двух оказался Тойымбай ата.

Кампания по уничтожению классовых врагов началась в стране в 1928 году и через год дошла до далекого от центра края, что у самых истоков Иртыша. Хотя узын кулак доносил до местного население слухи о политике власти, проводимой в других местах, но им не верили и жили спокойно, надеясь на то, что напасти обойдут их стороной. И потому, когда репрессии добрались до их аула, люди растерялись, словно на них внезапно напал лютый враг. Таким же неожиданным было известие о том, что Тойымбая вызвали в сельский совет и задержали. Страшные слухи о том, что у него конфискуют скотину и будут судить, пугали весь аул. На другое утро кое-кто из аульчан стал собираться на судебный процесс, и я, любопытный, как и вся детвора, еле вымолил у матери разрешение (в тот день отца дома не было), устроился позади одного из всадников и приехал в аул, где проходил суд. В то время суд был большой редкостью и считался чрезвычайным событием. Народу собралось много. Из нашего административного аула №6 должны были судить 6 или 7 человек. Кроме них на суд явились аульные активисты, свидетели, близкие родственники судимых, немало было и зевак, которые, прослышав, что конфискованное у баев имущество раздадут бедным, пришли в надежде поживиться.

В то время в горных районах южного Алтая и в долине Прииртышья не было крупных баев. У самых зажиточных насчитывалось до тысячи голов овец, 100-200 голов лошадей,

а верблюдов и коров – всего около десятка. Самых богатых баев еще в 1926 году отправили в ссылку, а теперь, в 1929 году, правительство приступило к искоренению богачей помельче – тех, кто имели самое большее 500 овец, 20-30 голов лошадей, несколько верблюдов и коров. В документах хозучета, проведенного сельским советом в мае 1928 года, дед Тойымбай имел 350 голов овец без весеннего приплода, одного жеребца, трех меринов, две кобылицы с приплодом за последние два года, пять верблюдов, пять коров с телятами, одного быка и 3-4 головы молодняка крупного рогатого скота.

Осенью 1929 года Советская власть объявила, что главные враги коллективизации – зажиточные крестьяне-кулаки и начала кампанию по их уничтожению, обложив чудовищными натуральными налогами в виде мяса и зерна. Тех, кто сумел уплатить, облагали налогом повторно.

Казахам, издревле занимавшимся только скотоводством и не имевшим на руках свободного капитала, нелегко было платить налоги зерном, которого они не выращивали. Они вынуждены были обменивать скот на зерно, что удавалось редко, или продавать на базаре скотину и на вырученные деньги покупать зерно. Скот в большом количестве никто не покупал, а сроки уплаты налога поджимали. Пока одни делали отчаянные попытки спасти свои жизни и жизни близких, отдавая последнее, другие, видя, что не в силах справиться с уплатой растущих налогов, попросту перестали сдавать государству зерно и скот, уповая на Божью милость. В итоге план продразверстки оказался невыполненным. Местные органы власти всех переставших платить налоги и тех, кто не укладывался в срок, обвинили в саботаже, их осудили, конфисковали скот и имущество.

До 1929 года на территории Казахстана законы и положения советского правительства еще не имели достаточной силы. Когда первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Голощекин писал Сталину, что в Казахстане еще не уста-

новлена советская власть, он был недалек от истины.

Судебные заседания проходили в просторной юрте. Вокруг низкого стола на кошме располагались судебные исполнители. Рядом, прямо на голом полу, сидели свидетели, родственники обвиняемых и просто любопытные. Были здесь и дети, поэтому не удивительно, что я присутствовал на суде и видел все происходившее с начала до конца.

Диалог между судьей и обвиняемыми происходил примерно такой:

Судья: Почему вы не уплатили обязательный налог?

Обвиняемый: Я – крестьянин, не занимающийся земледелием, у меня нет своего зерна. По возможности покупал его у других и сдавал государству. Выплатил два налога. Для уплаты третьего налога не смог закупить зерно, так как не нашел его на рынке. Поэтому я не смог вовремя уплатить третий налог. Если найду зерно на продажу, выплачу.

Судья – второму обвиняемому: Вы, обманывая советскую власть, подмешали в сданное зерно песок, мелкие камни. Почему вы это сделали?

Обвиняемый: Сданное мною зерно было чистым. Я купил его на базаре, проверял на чистоту. И государству сдал в таком же чистом виде. Я не подмешивал в зерно песок и камешки. Это – напраслина. Если я это сделал, не видать мне счастья своих детей.

Судья – одному из свидетелей: Что вы скажете по этому вопросу? Вы же принимали зерно?

Свидетель: Когда я принимал зерно, то не заметил, чистое оно или нет. Только когда его привезли в заготзерно, обнаружили, что на самом дне мешка оно перемешано с песком и мелкими камешками.

Судья: Назовите имена тех, кто, обманывая государство, подмешал в зерно песок и мелкие камни.

Свидетель: Все обвиняемые делали это, пытаясь обмануть государство.

Слыша такое, присутствовавшие на суде поражались, восклицая: «Астапыралла!», то есть «Боже, спаси!», а кто-то невесело смеялся над этим неприкрытым фарсом.

В тот же день было вынесено решение суда: за невыполнение налога по сдаче государству зерна, а также за подмешивание с целью вредительства в сданное государству зерно песка и мелких камней конфисковать у названных баев и кулаков скот и имущество и подвергнуть их тюремному заключению на два года; по истечении тюремного срока отправить на 5 лет в ссылку.

Жестокое решение суда вступало в силу с момента его объявления. Около 20 человек, осужденных за последнее время таким же образом только в одном административном ауле, в спешном порядке отправили под конвоем в город Оскемен (Усть-Каменогорск).

Для спешки были причины. Во-первых, осужденных в районном центре было негде и не на что содержать, во-вторых, место заключения не должно было находиться близко к государственной границе, потому что многие после вынесения приговора отпрашивались домой, чтобы попрощаться с родными, и исчезали бесследно, переправившись в Китай.

Казахи, испокон веков жившие на степных просторах, не знавшие, что такое неволя, тюрьма, считавшие неприемлемой для себя даже жизнь горожан, искали все возможные пути, чтобы избежать заточения и остаться на воле, свободными. Понятно, для степняка самый естественный путь – побег, одновременно являвшийся и формой протеста против политики советской власти, сеявшей вражду между людьми, посягавшей на частную собственность, насильно заставлявшей вступать в колхозы.

Из истории известно, что нередко обиженные на своих сородичей казахи перекочевывали в иные пределы. А что было делать тем, кого признали классовыми врагами? Раз-

ве можно описать состояние человека, которого в одночасье лишили всего, что он нажил праведным трудом за всю свою жизнь? Отобрали имущество, оставленное предками, оторвали от детей, родни и отправили в ссылку... Случалось, что испытав на себе все эти мытарства, люди пессимистически заключали: «Мир разрушен, жизнь закончена. В ней не осталось ничего интересного».

Каждого из 20 осужденных посадили на собственных коней и отправили по этапу в сопровождении конвоя из двух милиционеров. Следуя в Оскемен, в 30 верстах от районного центра путники должны были заночевать в ауле в ущелье Каинды, но в первую же ночь совершили побег, связав по рукам и ногам своих конвоиров. Пять или шесть беглецов в скором времени вместе с семьями бежали через государственную границу в Китай, но остальные даже не думали об эмиграции, очевидно, решив хотя бы несколько дней пожить на свободе. Их беспечность соответствовала пословице: «Пока топор опускается, полено ищет спасения». К тому же они верили, что аульчане их поддержат и не выдадут властям.

Среди беглецов, не желавших покидать родину, были мой дядя Тойеке и его двоюродный брат Муксиын – сын Нурмаганбета (Мукшая). Ночью они переправились на лошадях на другой берег Иртыша, надеясь, что их не отыщут у дальней родни из рода Бес Болат Карауыл Жасык, жившей всего в 80-90 километрах. Здесь, у родственников второй жены, дядя Тойымбай провел вторую половину зимы и половину лета. Подобных беженцев, нашедших убежище у родни, было немало.

Конфискация 1929 года по сравнению с последующими была щадящей: семьям оставляли 2-3 головы скота. Например, семье дяди Тойымбая были оставлены кобыла с жеребенком, один верблюд, дойная корова, одежда для каждого члена семьи, постель, зимний дом и летняя юрта. Все остальное имущество, как утверждали, было роздано

бедным семьям. Между тем, не было составлено ни описи конфискованного имущества, ни того, что получили бедные семьи, не указывалась и сумма в денежном эквиваленте. Определенно известно одно: в государственную казну не поступило ни копейки. От конфискованного в 1929 и 1930 годах у баев скота, полученного крестьянами, в колхозы не было отдано ни одной головы. Бедняки, даром получившие имущество баев, растратили его бездумно.

Жизнь казаха без скота была немыслима, и семьях, где хозяина осудили, а все имущество и скот отобрали, слышались плач и стенания, продолжавшиеся в течение нескольких дней, будто по умершему. Сызмальства каждый берег скот, как зеницу ока. Случайную потерю животных люди считали бедой и сильно сокрушались по этому поводу. Если, например, погибал козленок, запутавшись на привязи, хозяин искренне жалел о нем, если же погибала любимая лошадь жигита или издыхал верблюд, то по этому случаю горевали и выражали сочувствие все родственники.

Многие неимущие проявляли чувство собственного достоинства и не хотели брать даже худого козленка из конфискованного скота богатых. Уполномоченные советской власти и активисты расценивали это как пережиток прошлого, не понимая, что этот жест – свидетельство высокой нравственности и морального уровня казахов, о чем говорится в пословице: «Не брать даже мелочь из разрушенного».

Но вернемся к нашим беглецам. Все они, кроме ушедших в Китай, были задержаны зимой 1930 года. Прятавшиеся поблизости были арестованы в своих аулах еще раньше. Кое-кто, не выдержав тягот скитаний в тяжелое зимнее время, сдавался добровольно. Самым упорным оказался дядя Тойымбай. Около года он скитался за пределами аула и лишь к концу лета тайно возвратился в родной дом. В это время в аулах редело число праздно шатавшихся из дома в дом в надежде на дармовой кумыс. Большинство мужчин еще

летом спускалось с гор в долину на сенокос и для других хозяйственных дел. В аулах, стоявших в ущельях, оставались старики, способные лишь присматривать за скотиной. Чужих в аулах не было. Сельчане сочувственно советовали дяде, куда лучше податься, спустя месяц неожиданно нагрянули в наш аул активисты, или, как их называли в народе, – бельсенды. То ли до них дошли вести о беглеце, то ли они совершали очередной объезд аулов, но, верные себе в своих нелепых выходках, активисты и на сей раз поразили аульчан. Узнав среди привязанных на стойбище лошадей Рыжего – аргамака, принадлежавшего дяде, увели его, не удосужившись даже справиться о хозяине, видимо, решив: куда мол он теперь денется? Действительно, спустя неделю дядя Тойымбай по совету родни добровольно сдался властям, и его заключили в тюрьму города Зайсана.

Две точки зрения на классовый вопрос

Представители класса имущих, кого новая власть отнесла к числу баев и кулаков, предвидели репрессивные меры со стороны новой власти. Не случайно в те годы были сложены строки:

Идет деление на баев и кулаков,
Пришла, считайте, гибельная сила,
Надежды сменила тяжесть оков,
И зло нашу жизнь разбило.

Одни, не дожидаясь конфискации, со всем своим имуществом и семьей ушли в Китай, а те, которые упустили теплые дни для побега и остались с большим количеством скота, были осуждены и скрывались у родни. В условиях традиционного казахского быта именитые богачи пользовались

уважением народа и, как правило, никто не доносил властям о беглецах. Это свидетельствовало, с одной стороны, о безмолвном протесте народа против политики советской власти, посягавшей на частную собственность, а с другой – доказывало силу кровного родства. Обычно если какие-то семьи постигало несчастье в виде природных катастроф, и они лишались скота, имущества, родня собирала средства и поддерживала их материально. Эта традиция в нашем ауле была прочной и незыблемой. Казахи, считающиеся кровными родственниками до седьмого колена, сумели сохранить свое единство. Те, у кого была возможность, помогали родне тягловой силой, делились молочными продуктами. Я уже упоминал, что среди осужденных в прошлую осень был родственник наших аульчан – Муксиын – сын Мукшая, внук Баяна, которого за паломничество в святые места Мекки называли кажи. Зиму 1929-1930 годов он скрывался у родни и сильно захворал. Почувствовав серьезность недуга, он сдался местным властям и был заключен в тюрьму. Спустя некоторые время его в связи с обострением болезни отпустили домой (в те годы действовало такое гуманное правило в отношении заключенных). Он был к этому времени болен настолько, что не мог даже сесть в седло.

Время подобно каравану, равнодушному к человеческим страстям, шло вперед, в будущее, лето вступало в свои права. Казахский аул готовился к перекочевке на летние пастбища – жайляу. После конфискации имущества двух зажиточных родственников нашего аула поголовье скота сократилось настолько, что даже овец едва набралось на одну отару, поэтому два родственных аула объединили свою живность.

В начале 20 века потомки нашего четвертого предка Науей (1800-1865) разрослись до численности 4 аулов. Разделение казахов-скотоводов на отдельные аулы зависело от количества скота. Увеличившееся поголовье овец делили на новые отары, а лошадей – на косяки. За новыми отарами

и косяками закреплялись хозяева из числа родственников, они и составляли население нового аула. Из четырех аулов рода Науей самым богатым был аул его младшего сына Баяна (1847-1908). После кончины Баяна его единственный сын Нурмухамбет (Мукшай, 1880-1917 гг.), организовал наемное заочное паломничество отца в Мекку. Для этого он от имени отца нанял узбека по имени Ахмет, неоднократно совершавшего хадж в святые места. Ахмета он снабдил достаточными средствами для дорожных расходов и благотворительности. Такой кажи назывался символическим или заочным кажи. В те времена паломничество для казахов было важной миссией.

Ахмет в дни паломничества скончался в Мекке. Неизвестно, выполнил ли он все ритуалы, положенные паломнику, однако покойный Баян, на чьи средства был снаряжен уполномоченный паломник, посмертно получил звание кажи, поэтому в народе его аул считался аулом святого. Вот отчего не помочь святому шанираку считалось грехом и позором у сородичей. Родня переживала и потому, что перекочевка не прошла на должном уровне – торжественно и достойно, как в прежние годы.

После того как первая часть аула поставила на жайляу свои юрты, старшие из рода Науей – родственники до пятого поколения – собрались в нашем доме. Поскольку после конфискации старшим в роду стал мой отец Шаяхмет, он пригласил к нам старейшин. Согласно традиции, старшие, собираясь на совет, не прогоняли детей, которые внимали разговорам взрослых и вникали в них. Для подрастающего поколения это имело огромное воспитательное и познавательное значение. Во время таких сходов взрослые вели очень степенные, серьезные беседы и говорить что-либо лишнее при детях себе не позволяли. Они демонстрировали ораторское искусство, обогащая речь пословицами и поговорками, притчами, легендами и древними сказаниями.

Отец, угощая собравшихся кумысом, начал разговор:

– Дорогие родственники, то ли по воле Аллаха, то ли это дело рук человеческих, но настали времена, когда один человек может отнять у другого счастье, имущество. Новая власть, отобрав имущество у богатых, в одночасье сделала их нищими. Такая беда пришла и в дом Баяна кажи. Теперь его семья осталась на месте весенней стоянки, тогда как другие уже на жайляу. Хозяин этого шанырака Муксиын тяжело болен. В лучшие времена для нас было традицией перед дальней дорогой или важным делом заходить в дом Муксиына, читать заупокойную молитву по духу Баяна кажи. Дух покойного кажи всегда поддерживал каждого из нас. Теперь семье Баяна кажи приходится нелегко. Как же нам помочь соплеменнику в перекочевке? Я вас пригласил посоветоваться по этому поводу.

Собравшиеся, посовещавшись, единогласно решили: оставлять на месте весенней стоянки семью кажи грешно: подобрали вьючный и ездовой скот и назначили жигитов для перекочевки оставшейся юрты кажи на летние пастбища. По совету старейшин решили вместе с аксакалами взять с собой муллу, поскольку все может случиться в пути.

… Второе кочевье пришло на жайляу с опозданием на несколько дней и без своего хозяина. Он отошел в мир иной до прибытия родичей.

То ли потому, что я впервые стал свидетелем смерти ближнего, то ли аульчане особенно чтили память покойного и искренне горевали по поводу его кончины, но события, связанные с этой смертью, четко врезались в мою память. Когда траурное кочевье приблизилось к аулу на версту, вдова покойного Рабия женге затянула горестный плач-жоктау. Все мужчины и женщины аула стали плакать в голос, причитая «ой, бауырым», что означало – дорогой мой брат. Эти стенания по сей день звучат в моих ушах. Родня достойно почтила память Муксиына.

Хотя советская власть и отнесла покойного в разряд классовых врагов, отобрала у семьи скотину, имущество, от имени государства объявила по существу бойкот его семье, люди упорно шли толпами в дом Муксиына, чтобы выразить соболезнование. Каждого посетителя встречали несколько членов семьи, принимая слова сочувствия. Две женщины из семьи усопшего: вдова и сноха – в унисон исполняли траурную песню-жоктау три раза в день (на восходе солнца, в полдень и перед закатом) в течение сорока дней. Заслышав жоктау, все аульчане внимали им, оставив все дела. Жоктау традиционно состоит из описания благих дел покойного, совершенных при жизни, пережитых им страданий, а также стенаний по поводу раннего ухода из жизни (усопшему было всего 33 года). В жоктау повторялись рефреном слова о злодеях-активистах, забывших Бога, осуждались их лицемерие и подлость.

Активисты

Активистами в те времена называли небольшую группу людей – выходцев из аула, поддерживавших политику советской власти. Они вели классовую борьбу, используя метод: разделяй и властвуй. Это были люди, поверившие лозунгу, что советская власть – это власть бедняков, что она избавит бедных от эксплуатации богатых и принесет равноправие. Активистами были, как правило, безграмотные бедняки. Редко кто из них умел толком читать даже после посещения курсов по ликвидации безграмотности. Цель у аульных активистов была вполне конкретная – выбиться в председатели аульного совета или его секретари. Некоторым это удавалось, прочим оставалась пустая беготня. И руководители, и рядовые исполнители старались походить повадками на баев, волостных старшин времен царского

правительства. Они запугивали народ и чванились, но при случае не чурались заключать с баями сделки, преследуя свои корыстные цели, на каждом шагу попирали веру людей в справедливость, верша насилие не только над баями и середняками, но и над бедняками. По этой причине народ этих бельсенды не любил, однако нельзя утверждать, что все активисты были на плохом счету. Встречались и порядочные, искренне верившие в идеи советской власти, ответственные и чуткие.

Очень часто активисты всех уровней то ли по причине невежества, то ли из карьеристских побуждений проявляли неоправданное рвение при сборах налогов сверх положенного объема и раньше срока, не считаясь с реальными возможностями людей. Про таких народ говорил: «Попроси остричь – он тебе голову снимет».

Известно, что советская власть с первых лет своего существования особое внимание уделяла проблеме женского равноправия. Существовало обращение Советской власти к женщинам востока, в том числе и к казашкам. Запрещалось женщин продавать, выдавать аульных вдов вторично замуж за родственников покойного мужа даже в качестве второй, третьей жены, не разрешалось многоженство, нельзя было выплачивать за невест калым. Тот, кто имел намерение женить сына или выдать дочь замуж согласно национальной традиции, обвинялся в немыслимых грехах. Поэтому часто родители, не видя иного выхода, отправляли дочь тайно в дом жениха и объявляли, что она сбежала с будущим мужем. Родители жениха в свою очередь объявляли, что их сын украл девушку.

Прежде судьбы двух молодых людей соединялись с благословения родителей по обоюдному согласию с совершением веками освященных ритуалов. Родители, заботясь о будущем материальном положении молодой семьи, продумывали все до мелочей, родители невесты обеспечивали

дочь приданым: одеждой, постельными принадлежностями, посудой и другими бытовыми вещами. Имевшие возможность дарили молодым юрту, коня, верблюда и другую живность. Большое значение придавалось свадебному торжеству – тою и традиционным дарам с обеих сторон. Не зря народная мудрость гласила: «Если невеста и обойдется без калыма, то не может быть жениха без даров». Была популярна и такая пословица: «До сватовства важны обоюдные дары, после сватовства важны визиты друг к другу».

Приверженцы новой власти, разумеется, знали, что на калым, который она запретила, родители невесты приобретали приданое девушке. Теперь сваты, опасаясь новой власти, тем не менее, строго придерживались клятвы и выдавали дочерей той семье, с которой согласовали свои будущие родственные отношения. При этом процесс сватовства часто проходил тайно.

В 1930 году мою старшую 18-летнюю сестру Жамбы родители выдавали замуж за парня, чьи родители посватались больше года назад. Чем ближе подходил назначенный с обоюдного согласия срок свадьбы, тем больше всех волновала ее организация. Чтобы избежать преследований, родня решила пойти на хитрость: в день, когда должен был приехать тайно жених с дружком за невестой, в нашем ауле не было ни одного мужчины – одни были на сенокосе, кто-то в степи. Помню, как сестру – любимицу аула, женщины со слезами собирали и провожали поздно ночью в путь. Сестра тихо всхлипывала, не смея издать ни звука, женщины тоже тихо плакали, шепча: «Светик ты наш, любимая баловница». И в этом расставании чувствовалась не только жалость к девушке, а и бессилие перед системой, сжимающей людские души в тисках драконовских законов. Наутро наша семья по примеру других из страха перед представителями советской власти сделала в сельский совет официальное заявление о краже дочери.

Представители и ревнители советской власти в аулах, ратующие за равноправие женщин, в то же время положили начало расторжению брака в наших краях. Они разводились со своими законными супругами и женились на молодых девушках без их согласия, соблазняли молодух, младших жен баев, а то и просто отбирали их у законных мужей или же путем запугивания принуждали баев выдавать за них дочерей. То есть бельсенды по сути занимались дискредитацией новой власти и новых законов.

Последняя осень кочевого аула

Лето и осень 1930 года были последним кочевым сезоном казахского аула. С зимы 1931 они стали оседлыми. С тех пор прошли многие годы, но исконная тяга к кочевью, впитавшаяся в каждого номада с материнским молоком, нет-нет да прорвется зовом крови. Осталась в генетической памяти зеленая трава-мурава, колышущаяся под прохладным бризом с гор, зовущая, притягивающая к себе. Осенние пастбища тоже имеют свои прелести, даже быт в этих условиях приобретает особую эстетику. Многие ради жайляу, ради его ароматного воздуха готовы были сносить тяготы пастушеской жизни. Мужчины в конце лета спускались с жайляу на сенокос, заготавливая на зиму корм для скота, занимались уборкой урожая. В аулах оставались женщины средних лет, старики, непригодные для тяжелой работы, и малые дети. За скотиной под руководством стариков присматривали старшие из аульных детей. Они по очереди пасли овец, козлят, отгоняли на пастбище телят, пригоняли к дойке кобыл и жеребят, пасущихся привязанными к шеям матерей. В иные дни аульных стариков и ребят донимали лошади, у которых начиналась беспокойная пора: в туманное прохладное утро после ночного дождя они убегали от места стоянки в степь.

Возможно, чувствовали, что мужчины-наездники отсутствуют, и потому, подняв хвосты и вскинув головы, неслись в степь. Как говорил великий Абай:

Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль чтоб согреться, резвясь,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Самая хлопотная работа для аульной детворы в эту пору – пасти козлят. Овцематки, окотившиеся ранней весной, доятся все лето, а к осени перестают давать молоко, козы доятся даже осенью, поэтому на длинной веревочной привязи остаются только козлята. В отличие от ягнят они не пасутся долго на одном месте, и если не доглядеть, то можно за считанные мгновения потерять их из виду. Особенно трудно с ними в ветреные дни. Повернув головы против ветра, изредка пощипывая верхушки трав, они бегут, шевеля боками, и в мгновение ока исчезают с глаз. Пешком их тогда не догонишь. Часто козлята убегали табунком далеко в степь и при встрече с волком погибали. Чего и опасались ребятня и взрослые.

Обязанности аульных мальчишек выполнял и я. Мне приходилось пасти овец два дня подряд, потому что количество овец нашей семьи было вдвое больше, чем у других. Весной 1928 года вступил в силу закон советской власти о запрете наемного труда в частных хозяйствах, и во время окота, когда подошла очередь нашей семьи, отец отправил меня, восьмилетнего мальчика, пасти отару аульных овец. Обучать меня пастушьему делу отец начал еще раньше, отправляя присматривать за животными по несколько часов подряд, а то и полдня. Вначале я с большой радостью и детским энтузиазмом выполнял эти поручения. Мне казалось, это означает, что я уже взрослый – мне доверили серьезное дело. Целый день пасти отару, а потом вовремя пригнать ее

домой – с этим мог справиться только настоящий мужчина. Но если начистоту, мне просто нравилось ездить верхом. В чистом поле вблизи отары можно было скакать во все стороны, сколько душе угодно. А если встретится такой же пастушок, как я, то можно было скакать с ним наперегонки.

В те годы в каждом доме готовился для гостей кумыс – напиток, утоляющий жажду, о котором сказано: кумыс – райский напиток для народа. Казахи, разъезжая по аулам, спешившись с коней у юрты, недалеко от которой на привязи стояли жеребята, всегда могли угоститься кумысом. Хозяева юрты, где остановился путник, по традиции обязаны были утолить жажду страждущего.

Осенью по сравнению с летом немного гуляк – любителей кумыса, но в каждый дом заходили аульные аксакалы. Темой бесед желавших испить кумыс аксакалов в 1930-м году были новости, полученные через узын кулак: народная молва о распоряжениях аулсовета, о действиях активистов.

– Изменили название целой волости и назвали ее районом, – начинает разговор один из стариков о событии двухлетней давности.

– Из райцентра в аульный совет приехал один начальник. Его называют уполномоченный. Этот уполномоченный собрал всех активистов и объявил, что все: скотина, бабы и дети – будет общим, – пугает собравшихся другой аксакал, а третий продолжает:

– Говорят, что отныне все люди будут жить в одном доме, все вместе будут спать в одной постели, вставать тоже будут одновременно и питаться тоже вместе. На работу ходить будут строем.

– Неправда, я собственными ушами слышал: общим будет только тягловый скот, люди сообща будут пахать землю, сеять зерно и выращивать урожай. Коллективный труд, говорят, повышает урожайность. Может, это правильно? Вместе и работа спорится, не так ли? Если соединить силы

общего рабочего скота и людские силы, то и работа будет на загляденье! – выражал кто-то надежду.

– Ой, не знаю, разве толпа сможет хорошо работать? Ведь и тут будут свои лодыри. На асарах, когда помогали всем миром, не все работали одинаково. Разве можно надеяться, что все станут работать как один? – сомневается третий.

Четвертый торопится поделиться известными ему новостями:

– Оказывается, то общее хозяйство называется камун.

– А я слыхал, что оно называется калкоз, – заметил кто-то из сидевших на почетном месте – торе.

В разговор вмешался еще один:

– Вот эти самые камун и калкоз, оказывается, начались с того, что перед смертью Лелин завещал объединить народы в общий котел. Но его люди, как только Лелин умер, забыли о его завещании. Оказывается, жена Лелина еще жива, она приходит к нынешнему главному, его Стален зовут, и говорит: «Почему вы забыли о заветах Лелина, почему бедняков не объединяете в калкоз? Если не исполните заветы своего вождя, то его аруах разгневается». Только после этого новые руководители взяли это дело в свои руки. Истинно сказано, что всякая напасть начинается с баб.

– Все это сказки: и общий котел, и калкоз выдумали наши активисты. Все потому, что вся местная власть оказалась в их руках. Делать им нечего, в головах гуляют сквозняки. В свое время со своим хозяйством не управились, а теперь хотят управлять народом. Слова путного сказать не могут, даже никого слушать не способны. Где уж им ораторской речью овладеть и откуда они про настоящую жизнь-то знают? Нынче настали такие времена, про которые древние говорили: «Если не станет бия, то сойдет и раб, если собаки не будет, то во дворе будет лаять свинья».

Подобные разговоры затягивались надолго. По ним можно судить, как развивались в глубинке казахских аулов со-

циальные и политические взгляды, как формировалось мировоззрение народа на общественную и государственную жизнь и как народ воспринимал новые веяния времени.

В первое десятилетие своей жизни я слышал много подобных разговоров, потому что наш дом часто навещали уважаемые аксакалы из соседних аулов, предводители родов. Их собирало также изобилие кумыса в нашем ауле – всех дойных кобыл аула доили в нашем доме. Но главное, в нашем доме жила моя бабушка Акша, а у казахов всегда было особое отношение к женщине-матери. К нам круглый год съезжались, чтобы выразить ей свое почтение все родственники и знакомые. Ради бабушки летом на жайляу приезжали те, чьи зимовья были расположены далеко, а на осеннем кочевье появлялись те, кто не видел ее во время летней перекочевки. Дальние и близкие родственники, встречаясь, приветствовали друг друга, справлялись о здоровье, обменивались подарками, приглашали друг друга в гости, сами ездили погостить. Вся эта круговерть длилась месяцами и радовала сердца и души.

Зимовье нашего рода находилось не на земле Отейя, а на земле рода Алты Сары Акнайманов, в 40-50 верстах от наших исконных земель. Бабушка Акша была дочерью одного из знаменитых потомков рода Акнайман – Конакбая Уркы, поэтому едва мы перекочевывали на зимовье, как нас навещали самые знатные люди из рода Акнайман, чтобы поздороваться со старшей сестрой-матроной, пожелать счастливого кочевья и богатых выпасов. Наше зимовье находилось вблизи дороги, ведущей к известному базару Кумаш, и представители рода Акнайман по пути на базар и с базара останавливались у нас: трапезничали, ночевали. В период перекочевки на весенние пастбища родня и жители соседних аулов гостили у нас до самого лета, а когда начиналось кочевье на жайляу родни из нашего рода Отей, то гости шли к бабушке беспрерывно.

На жайляу наш аул окружали представители разных родов: на юге жили Бура, на западе – Жарке и Андакулы, на востоке селилось племя Сарыжомартов. В пору летнего раздолья происходило настоящее столпотворение родов и племен, спешащих приветствовать друг друга. Среди них были и почетные родственники, ожидавшие сыбага – долю от согыма – специального зимнего запаса мяса. Моя память сохранила имена двух: один, бывший в течение 12 лет, вплоть до установления советской власти, волостным правителем Мамыр Алтыбай, второй – Есдаулет Есберды. Оба – потомки двух сыновей Отейя – нашего общего предка в десятом колене. Мамыр был ровесником старшего сына бабушки Тойымбая и почитал ее как сын, Есдаулет был ровесником деда и бабушки, они росли вместе.

Бывший волостной правитель Мамыр был крепким мужчиной под шестьдесят, чернобородым, смуглым, немногословным. Следуя привычке бывшего волостного, он объезжал аулы только со свитой. Мамыр был надежен в исполнении дел и смекалист. Земляки уважали его по-прежнему. В бытность правителем мог собственноручно отстегать провинившегося камчой и спокойно принять дары. Как-то аул немногочисленного рода Бура затянул срок выплаты налогов, и тогда Мамыр сам приехал в аул и принялся трясти людей. Аульный акын Мейренбай, видя мучения своих земляков, сказал волостному прямо в глаза:

Эй, Мамыр, ты прославился в округе,
И власть твоя велика.
Обирать тебе достаточно Таз и Жарылгапа,
Не щипай же, как траву, малочисленных Бура.

Мамыра, как владельца крупного хозяйства, в 1926 году лишили собственности, а его самого выслали в город Рубцовку Алтайского края. Оттуда он сбежал и со своим кланом

ушел в Китай. В Китае он жил как бедный крестьянин. Однажды Мамыр со снохами ехал на телеге, в которую была запряжена единственная лошадь, и на повороте переехал край поля китайского дехканина. За это китаец избил Мамыра до кровавой раны. Снохи стали в голос причитать: «Дорогой наш свекор-дедушка! Этот паршивый китаец смертельно оскорбил вас!» На что Мамыр ответил: «Пусть бьет, пусть ранит. Это расплата мне за то, что когда-то моя плетка играла на спинах земляков. Не плачьте, девочки мои».

Прихода второго уважаемого родственника Есдаулета мы всей семьей ждали с особым нетерпением. Он всякий раз привозил бабушке гостинец – кусок сахара с лошадиную голову. В аулах сахар – дорогой подарок. Есдаулет был человеком высокого роста, светлолицым, в очках в серебряной оправе. Он всегда держался прямо, хотя ему было уже за восемьдесят, и голос у него был звонким. Про таких в народе говорят: «звонкоголосый, как лебедь». Переступая порог нашего дома, он всегда восклицал:

–Эй, кому за восемьдесят! Жива ли, здорова ли?

Бабушка всегда устремлялась гостю навстречу. Они мягко соединяли ладони, потом расставляли их в стороны, затем крест-накрест обнимались, ласково касаясь лица друг друга, пожимали руки, после чего следовали расспросы о здоровье. По древней традиции казахов давно не видевшиеся близкие друзья, родственники и сваты приветствуют друг друга именно так. Долгожданный гость и бабушка проводили в беседах целый день, гостя потчевали специально припасенными для него сыбага. До сих пор стоит перед глазами момент его прощания с бабушкой в последний приезд в 1930 году. «Прощай, Акша, будь здорова. Увидимся ли еще?» – произнес он, пожимая руку своей ровесницы. Бабушка, выдержав небольшую паузу, ответила: «Это ведомо лишь одному Богу». И он, согласно вздохнув, как мне показалось, слегка всхлипнул.

Немало повидавший в своей жизни аксакал чувствовал, что это прощание – последнее. Спустя полгода, пережив конфискацию, он бежал в Китай, но в пути, не выдержав тягот, на восемьдесят шестом году отошел в мир иной.

Первая школа в нашем ауле

Осенью 1930 года я должен был пойти в третий класс, но отец не отдал меня в школу вовремя, потому что брал с собой на сенокос: там я помогал сгребать сено. Выпас овец в дни нашей очереди также был моей обязанностью. Работы было много, отцу нравилось, что я хороший помощник, и он до середины октября игнорировал посыльных из аульного совета, напоминавших о том, что я должен учиться. Нет, он не возражал против моего обучения. Напротив, часто повторял: «Я хочу видеть тебя грамотным!» И часто сокрушался по поводу того, что сам был неграмотным. Он хотел дать мне как можно больше и жизненных знаний. Жаль, что отец рано ушел из этого мира, так и не реализовав свою мечту.

Когда дошло до того, что посыльные аульного совета стали грозить штрафом, отец устроил меня на квартиру поближе к школе, и я стал учиться, о чем давно мечтал.

В нашем административном ауле № 6 зимой 1921-1922 годов приезжий учитель всю зиму обучал детей по новой программе, собирая их у кого-нибудь в доме. Затем из-за отсутствия школьного здания до осени 1928 года дети аула школу не посещали. В 1925 году Бухтарминский уездный исполнительный комитет выделил Курчумской волости 1000 рублей для строительства начальной школы. Работавший в отделе народного образования уездного волостного управления житель нашего аула Маякупов Нурмухамбет (Нокен) сумел настоять, чтобы средства были выделены его родному аулу №6, и взял на себя обязанность куратора по строитель-

ству здания новой школы. Под руководством Нурмухамбета местные жители волокушами на волах и верблюдах подвозили бутовый камень для фундамента и другие стройматериалы, и за два года общими усилиями построили здание школы для четырех начальных классов. Осенью 1928 года школа приняла под своей крышей учеников первых двух классов. Нокен Маякупов был назначен заведующим. Внушительное белое здание – первая ласточка-новостройка нашего района, виднелось издалека. Местные жители назвали его Ак мектеп – белой школой. Заведующий школой всем своим обликом соответствовал ей: симпатичный, черноусый, смуглый молодой мужчина. Неизменно в белоснежной рубашке и в элегантном черном костюме он обходил школу, беседовал с учениками. Сам Нокен не преподавал. Два класса школы обучал один учитель. Заведующего школой в народе за его новый стиль одежды называли каратаяком, что означает вытянутый, как палка, его не относили к разряду активистов. При строительстве школы он вместе со всеми трудился с раннего утра до позднего вечера, неустанно рассказывая о пользе знаний и образования. В народе его уважали за бескорыстие, преданность делу и идее. Земляки потом с благодарностью вспоминали, как Маякупов в 1920-е годы защищал народ от произвола уполномоченных и активистов. Он был для своего аула сродни герою повести Чингиза Айтматова «Первый учитель» – Дуйшена. Умер он очень рано, в 1930-м году, 32 лет от роду. По вине невежественных аульчан его имя было скоро забыто, здание школы обветшало и развалилось, а тогда, в 1930-м году, оно высилось, как дворец.

Методы местных властей того времени по внедрению в жизнь нового и сегодня поражают воображение своей нелепостью и несуразицей. Не стала исключением и система народного образования. Например, в школе, открывшейся лишь два года назад, вдруг появился четвертый класс, и из-за отсутствия нужного контингента помимо третьеклассни-

ков в него были зачислены малограмотные жигиты, которые прежде в школе не обучались. Через две недели моей учебы в школе пятерых учеников из нашего третьего класса, в том числе и меня, перевели в четвертый класс – к 18-22-летним парням. Десятилетних детей посадили за парты с великовозрастными жигитами, некоторые из них были женаты. Мы не возражали и не задумывались, сможем ли, не закончив третьего, учиться в четвертом классе, но знания наших «шефов» оказались не больше, а то и меньше наших – мы все-таки обучались два года!

В тот год нас стали обучать русскому языку, для чего в наш аул приехал вместе с семьей русский учитель, его дети учились в разных классах нашей школы на казахском языке. Аульная детвора, ни разу не общавшаяся с русскими, не знала ни одного русского слова и опасалась пришельцев. Хотя нам было интересно учить этот казавшийся необыкновенным язык, давался он с большим трудом, особенно произношение. Например, на одном из первых занятий, мы учились правильно произносить имя и отчество учителя – Иван Иванович, но дальше Ибана Ибаныша не продвинулись. В конце концов он оставил эти безрезультативные упражнения, а мы стали называть его, как и других учителей, – мугалим. Иван Иванович был очень тактичным и вежливым педагогом, чутким к ученикам. Он терпеливо и без устали обучал нас своему родному языку, мы его очень уважали и учились с интересом и усердием.

Коллективизация

Конец 1930, первые месяцы 1931 года – начало тотальной коллективизации в Казахской автономии, насильственного объединения крестьян в колхозы. Власти обещали народу, что коллективизация не только уничтожит эксплуатацию

человека человеком, но и повысит эффективность труда, приведет ко всеобщему благоденствию. В начале 1927 года правительство страны постановило провести коллективизацию за пять лет и завершить ее к концу 1933 года. Руководство Казахской автономии, состоявшее из приезжих, было мало знакомо с обычаями, традициями, уровнем жизни кочевников. Имея российский опыт жизни, они не хотели считаться с реальностью, с особенностями уклада жизни казахов и ставили нашу автономию в один ряд с земледельческими областями страны. Кроме того, выслуживаясь перед Москвой, они обязались завершить коллективизацию до конца 1931 года. Поначалу объявив о праве каждого решать, вступать или не вступать в колхоз, на деле же осуществляли задуманное насильственными методами. Объединение частных крестьянских хозяйств в колхозы проводилось одновременно с политикой ликвидации баев и кулаков как представителей враждебного класса.

Простые крестьяне не спешили принять коллективизацию. Причину этой пассивности руководство страны искало «в проявлении вражеской воли». В аулах и селах стало обычным делом вести поиск и очень скоро находить классовых врагов, просто составляя список тех, кто препятствует, по мнению местных властей, строительству колхозов. Значившихся в этом списке облагали двойными, тройными налогами. Выплативших облагали еще большими. Например, налог на скот устанавливался на большее количество животных, чем их было у хозяина. Скотоводы просто физически не могли справиться с нескончаемыми поборами. Тех, кто не сумел выплатить, судили, подвергали конфискации и вместе с семьями отправляли в ссылку. Такова была на деле государственная политика, декларировавшая заботу о нуждах трудящихся.

Следующим этапом коллективизации стал поиск классовых врагов среди членов колхоза, так называемых байских

прихвостней из числа бедноты, и их преследование. Все силы были брошены на это дело. Разоблачение классовых врагов и их наказание стало главной заботой местных органов власти. Поскольку оценка качества работы сельских и аульных советов зависела от количества разоблаченных «классовых врагов», процесс их поиска и наказания принял соревновательный характер. В «черный список» стали попадать крестьяне среднего достатка, а то и вовсе бедняки. По статистике, накануне коллективизации число зажиточных крестьянских хозяйств составляло 5 процентов от общего их числа в стране, а количество разоблаченных и осужденных кулаков составило... 15 процентов крестьян страны.

Численность конфискованного скота непрерывно росла. От бескормицы среди животных начался падеж. Пришлось пускать его под нож. Мясо отправляли на подводах жителей района в областные центры: Семей и Оскемен. По весне на дорогах началась распутица и доставлять мясо в города стало невозможно. В такой ситуации было бы разумно остановить кампанию «охоты» на кулаков и сбора срочных натуральных налогов, но этого не произошло. Напротив, разоблачения не прекращались, налог на скот вырос до огромных размеров, контроль за его сбором и осуществление карательных мер взяли на себя партийные органы. Руководство Курчумского района, например, отдало распоряжение весь собранный скот за исключением маточного поголовья резать на берегу Иртыша и целыми тушами складывать на морозе. Животных, которые должны принести приплод, весной решили собрать в наспех организованный совхоз, но, истощенные, они не имели сил дойти до пункта назначения. Тогда и этих животных пустили под нож. В итоге огромное количество скота, отнятого у населения, в виде горы мяса лежало на берегу. Никого не заботило качество мяса вконец отощавших животных, было лишь приказано поплотнее накрыть его камышом. Пока стояли морозы,

мясо сохранялось. С началом навигации планировалось на пароходах доставить его в города, но в тот год выпало мало осадков, Иртыш обмелел, отчего пароходы, идущие из низовий, дошли позже обычного. К этому времени горы мяса на берегу сгнили... Таким чудовищным образом за одну зиму было уничтожено 48 процентов скота в районе. Это стало началом катастрофы для казахов, чьим главным продуктом питания было мясо.

Теперь, когда годы советской власти канули в Лету, историки расценивают великий голод в Казахстане 1932–1934 годов как организованный геноцид. Я думаю, что в этом есть доля истины. Правительство, проявляющее заботу о народе, в таких обстоятельствах приостановило бы «классовую борьбу», реквизицию скота, организацию колхозов и разумно дождалось наступления лета.

И еще один немаловажный момент. Сначала людей попросту ограбили, потом в виде трудовой повинности заставили всю зиму резать отощавших животных, отвозить в города мясо, заготавливать камыш и, наконец, рыть ямы для захоронения сгнившего несметного добра. Эта неблаговидная работа не оплачивалась властями.

Кулак и кулацкий сын

Список классовых врагов-кулаков составлялся в аульном комитете и утверждался в районном исполкоме. Он постоянно обновлялся: одних вычеркивали из него, других вписывали. Вокруг списка бушевали страсти, а степной узын кулак разносил слухи и сплетни. Чтобы представить страдания семей, попавших в него, достаточно рассказа о мытарствах нашей семьи.

В начале ноября 1930 года наша семья, как и множество других, непредсказуемо и немотивированно была внесена в

такой черный список. Мы пока не облагались налогами и не преследовались, но прозвище «кулак» было подобно дегтю, коим щедро вымазали наше доброе имя. Мне было больно слышать: «Хозяйство Шаяхмета объявили кулацким».

Известно, что дети всегда подражают взрослым и перенимают у них в первую очередь плохое. Добрые качества требуют терпения, старания, ума, а плохие подобно заразной болезни прилипают с первого раза. Даже среди ребят были маленькие «бельсенды», и они старательно изолировали подобных мне выходцев из семей, попавших в черный список. Раньше при командной игре дети делились по родам и племенам, а теперь – на колхозы и коммуны. В этих играх детей кулаков игнорировали. Так с клеймом «кулацкий сын» я и учился до нового года.

В дни каникул, приехав в наше зимовье у подножья гор Аркаул, я, как обычно заступил в свою очередь пасти овец, и отец без энтузиазма в голосе сообщил, что я делаю это в последний раз, потому что мы стали членами колхоза и скоро сдадим овец в общее хозяйство. Так же безрадостно он добавил, что теперь вычеркнут из черного списка и в качестве крестьянина-середняка стал членом колхоза «Каратал». Не представляя себе, что такое колхоз, я ликовал по поводу того, что теперь не буду называться кулацким сыном.

После зимних каникул я продолжил обучение в школе. В народе поговаривали, что у кулаков конфискуют скот, и моя радость продлилась недолго. В трех-четырех верстах от аула, где я квартировался, в селе Кумаш, каждое воскресенье был большой базар, куда стекался народ со всей округи, в том числе дети. В один из таких базарных дней я увидел привязанную у ворот дома с вывеской «Живсоюз» пегого коня отца и поспешил туда. В ответ на мое приветствие отец указал на двор за высокими воротами:

– Вот пригнал скотину, чтобы сдать в казну. – В просторном дворе были заперты три пегие кобылы с жеребятами-

однолетками и двухлетками, молодая, еще не ожеребившаяся кобылка, желтый верблюд-самец, – всего 10-15 голов. – Коров и овец активисты угнали с пастбища, сказали, что сами сдадут в казну. А лошадей и верблюда приказали сдать сюда, вот и пригнал. Дома, кроме моего коня и черной верблюдицы, скотины не осталось, – сообщил он мне как взрослому. И помолчав, добавил: – Обноски старшей сестры будет носить младшая. – Он, конечно, помнил печальную судьбу старшего брата. Немного помолчав, отец продолжил:

– Хотя я всю скотину сдал государству, налог выплатить не сумел. Наверное, конфискуют все имущество в доме. Да и меня, наверное, не оставят на воле, возьмут в казенный дом.

Можно было понять состояние кормильца большой семьи. Он, как и все степные казахи, сызмальства занимался только разведением скота и не мог представить свое будущее и будущее своей семьи без скотины, выращенной в поте лица. Весь облик отца выдавал отчаяние: сникшие плечи, унылое выражение лица. От природы он был человеком рисковым и не позволял себе падать духом: – Все, что переживаешь с народом – это великий праздник, – припомнил отец народную поговорку, но напраслина и преследование властей надломили его.

Хозяйство наше было середняцким, его никак нельзя было квалифицировать, как кулацкое, но тем не менее оно было включено в расширившийся черный список аульного совета. В официальных документах значилось: в хозяйстве нашей семьи 100 овец и коз вместе с молодняком, 12 голов лошадей с жеребятами, 8 голов крупного рогатого скота вместе с телятами и два верблюда. По закону крестьяне с таким количеством скота не причислялись к классовым врагам и кулакам. Если бы этот закон соблюдался неукоснительно, многих трагедий удалось бы избежать.

Прощание со школой

С клеймом «сын разоблаченного кулака» я продолжал свою учебу в школе. В один из дней, когда я по-детски беспечно забыл о трудном положении отца и об опасности, нависшей над нашей семьей, учитель Байторин Агзам остановил меня после уроков:

– Останься... – он стоял возле учительского стола и ждал, пока выйдут мои одноклассники, затем прикрыл дверь и сел за стол. Вперив взгляд в его поверхность, тихо произнес:

– Милок, твой отец оказался в числе баев и кулаков. У него конфисковали весь скот и имущество. Отец твой в тюрьме. Тебе, как сыну кулака, теперь нельзя учиться в школе. Завтра в школу не приходи.

Не знаю, как я выглядел, но при этих словах внутри меня будто что-то оборвалось. Казалось, мое нутро заполнили ядовитые гады. Я молчал, боясь дать волю слезам, сил не было, но, собрав всю волю в кулак, старался не заплакать при учителе. Не знаю, сколько времени продлилась пауза, наконец, он промолвил:

– Прощай и будь здоров! – в его голосе не было отчужденности.

Выйдя из школы, я не стал сдерживать слез. Горькая мысль: «Теперь я не смогу учиться!» заставляла плакать навзрыд. Думаю, что мой читатель – будь то ребенок или умудренный годами старец, поймет, что десятилетний малец рыдал от острого осознания несправедливости.

Пройдясь по двору, я немного успокоился, вытер слезы и зашел в дом. Бабушка Майбас аже, хозяйка квартиры, тут же спросила с участием: «Милый мой, почему ты плакал? Кто-то обидел тебя?» Я молчал, чувствуя, что если отвечу, снова расплачусь. Старушка продолжала расспрашивать меня, будто задалась целью отомстить за меня обидчику. Узнав обо всем, горестно выдохнула: «Ой, Алла! Бедный

мальчик!» Ее сын и сноха тоже мне сочувствовали.

Люди, у которых я жил на квартире, приходились нам дальней родней. Они состояли в родстве со второй женой дяди Тойымбая. Майбас аже приходилась матерью нашей Камаш, ее сын Изамеддин и сноха Катипа были мне сватом и сватьей. Все они уважали меня, следили, чтобы я был всегда опрятен и сыт. Майбас аже заботилась обо мне, как о родном внуке, по ночам поправляла мое одеяло.

Хотя я уважал эту семью, задерживаться у них не хотел. У меня было желание уйти куда глаза глядят. Я знал: подводу из дома за мной уже не пришлют. В те годы добираться из горных зимовий до равнинных аулов было сложно. В зимнюю пору по бездорожью редкие всадники преодолевали такие расстояния, потому сват Изамеддин никуда меня в тот день не отпустил, а на следующий день подсадил попутчиком к наезднику, ехавшему к нашим зимовьям.

Конфискация

После падения тоталитарной коммунистической империи стали, наконец, открыто признавать, что советская власть в период своего становления использовала незаконные, негуманные методы, не поддающиеся логике. Даже часто цитируемые слова В.И.Ленина: «Все меры, принятые для укрепления диктатуры пролетариата, законны и справедливы», по сути вредны. Их смысл сводится к принесению в жертву интересов других классов во имя диктатуры пролетариата.

Когда я, изгнанный из школы, переступил порог родного дома, в глаза сразу бросились перемены: полы не устилали кошмы и ковры. Жукаяк, на котором раньше высилась горка стеганых одеял, подушек, был пуст. На родительской кровати не было одеял и белья. После конфискации дом выглядел сиротливо...

Хлев и коровники за домом встретили меня молчанием. Исчезла даже собака, охранявшая скотину и дом. Люди говаривали: собака, заранее предчувствуя беду, нависшую над хозяевами, уходит со двора.

Отца сразу после суда посадили в тюрьму, он не видел процесса конфискации своего хозяйства.

Через две недели к нам явились два аульных активиста и заявили, что у нас остались невыплаченные налоги, чтобы ликвидировать задолженность, они пришли забрать оставшееся домашнее имущество и скот. Забрали две-три старые кошмы, мелкие вещи и посуду. Не удовлетворившись этим скудным уловом, польстились на кошму под больной 86-летней бабушкой и на бархатный чапан, висевший на стене. Очевидно, им самим приглянулись эти вещи.

Мать пыталась их вразумить:

– Эй, Болыскан, – обратилась она к одному из активистов, – вы не только не стесняетесь людей, но даже не боитесь духов предков и самого Аллаха! Как вы можете вытащить из-под женщины, лежащей на смертном одре, кошму?

Но эти двое, считавшие себя приверженцами нового строя, нисколько не смущаясь, подняли больную женщину с постели, положили ее на пол возле кровати, а кошму и бархатный чапан присоединили к уже отобранным вещам. Тут мать снова обратилась к ним со словами:

– Этот чапан хранится в нашем доме с тех пор, как бабушка впервые переступила порог этого дома молодой невесткой. 65 лет он пролежал в сундуке, он очень ветхий. Завтра же он рассыплется в прах. Оставьте его. Если завтра бабушка преставится, мы отдадим его тому, кто обмоет ее тело. Вам тоже зачтется этот поступок.

Но у этих людей не пробудились ни совесть, ни религиозное сознание. Наоборот, они стали поносить бранными словами религию, аруахов, даже Аллаха и требовать:

– У тебя еще вещи припрятаны, а ну выкладывай!

Убедившись, что в доме ничего не осталось, собрали отнятое и удалились прочь. Вся наша родня, ставшая свидетелями происшедшего, была поражена. Проклятия в их адрес были страшны. Мы не знали, кто послал их на вторичную конфискацию и каков размер неуплаченного налога. Никто не задал этих вопросов «конфискаторам».

У казахов есть пословица: «Страшен враг, напавший вторично». Наша больная бабушка онемела от изумления в момент, когда бельсенды вытащили из-под нее кошму, а после их ухода стала вымаливать у Аллаха смерть: «Аллах, если ты и вправду создал меня, скорей забери. Не оставляй меня на унижения и оскорбления. Не желаю видеть унижения моих детей». То ли Всевышний услышал молитву бабушки, то ли усталое сердце не выдержало горя, но два дня спустя бабушка распрощалась с этим бренным миром.

Конфискация нашего домашнего имущества на этом не закончилась. Через неделю двое активистов во главе с тем же Болысханом Божиковым явились к нам снова и стали выпытывать и грозить:

– У вас еще есть припрятанный скот и ценные вещи. Нука несите их сейчас же! Они должны быть сданы в казну в счет налога. Если и дальше будете скрывать припрятанные вещи и скотину, то сегодня же отправим вас в тюрьму.

Мама отвечала:

– Вы дважды отбирали у нас скотину и имущество. Что же еще могло остаться? Собаки и той нет. Наше имущество перед вами – забирайте все.

Тогда уполномоченные собрали наших соседей и стали допрашивать каждого: «Укажите, куда Шаяхмет спрятал свой скот и имущество. Если скажете, то получите вознаграждение, не скажете – вас самих причислим к баям и будем судить как их прихвостней». Не добившись желаемого, они вернулись к нам и опять стали выпытывать: «У вас был желтый самовар. Где он?»

Тот самовар был конфискован в первую очередь. И все же руки загребущие что-нибудь да прихватят, – они унесли черный котел, два ведра, одеяло с постели матери и еще кое-что из мелкой домашней утвари.

Никто из наших не подумал спросить у них документы, разрешающие проводить изъятие. И сейчас, спустя время, думаешь: проводилась ли конфискация с разрешения властей? Позже уполномоченные являлись в третий, четвертый, пятый и шестой раз. Об этом позже. Напрашивается вопрос: эти многочисленные изъятия имущества были следствием усердия представителей новой власти на благо общества или они, прикрываясь государственными интересами, отбирали чужое добро лично для себя?

Суд над женщинами

В начале тридцатых годов политика центральной власти и местных органов была малопонятна и большинству населения, и тем, кто старался служить новой власти. Простой народ часто сочувствовал «врагам», осуждал применяемые к ним меры наказания и недоумевал: в чем же их вина? Одним из карательных воздействий со стороны новой власти стало обвинение жен арестованных баев и кулаков. Причиной суда над женщинами стала невыплата нескончаемых и немыслимых налогов. Отец находился в тюрьме, мы на днях похоронили бабушку, и тут в адрес матери, оставшейся с четырьмя детьми без средств, пришла повестка из районного суда. Курьер, доставивший повестку, сказал, как отрезал:

– Ты обязана в течение суток прибыть в контору аульного совета. Я должен сопроводить тебя под конвоем. Немедленно собирайся!

Мать умоляла оставить ее на одну ночь с дочерью, приехавшей впервые после замужества (по традиции казахов

дочь, выйдя замуж, не должна в течение года посещать родителей). Курьер не согласился. Напуганная мать оставила других детей на попечение соседей и поехала со мной на санях, запряженных верблюдом. Сестра, в долгой разлуке соскучившаяся по матери, осталась со слезами на глазах в пустом доме.

На суд собрались и стар и млад. Все подсудимые были женами осужденных, подобно моему отцу. Среди них были и женщины с грудными детьми, некоторые пришли на суд с такими детьми, как я. Все, что там происходило, запечатлелось в моей детской памяти. По сей день непонятно, почему детям разрешили присутствовать на суде, где подсудимыми были наши матери. Посчитали, что мы, кулацкие отпрыски, должны получить урок или просто не обратили на нас внимания?

На суде женщинам предъявлялись одинаковые обвинения, ответы тоже не отличались разнообразием:

– По какой причине вы не платили налоги?

– Для выплаты налогов не осталось ни скота, ни имущества.

– В вашем хозяйстве имеются и скотина и имущество, вы их прячете. В этом документе зафиксировано: «Хотя помимо скота имеются иные средства, хозяева, выражая протест в адрес советской власти, отказываются платить налоги и сопротивляются указам правительства». Что вы на это скажете?

– Если у меня припрятаны скот или имущество, то не жить мне на этом свете. Если кто их найдет, пусть забирает. Что можем знать мы, женщины? Мужья наши в тюрьме. Мы не знаем, кто, когда и сколько начислил нам налогов и сколько осталось неуплаченных. Чем же нам оплатить долги? В загонах для скота не осталось даже тощего козленка.

Женщины, отвечая на вопросы обвинения, постепенно становились все более смелыми. Робевшие в начале засе-

дания к его концу они стали выражать свои мнения, разоблачать ложные показания обвиняющей стороны, приводя доказательства. У них хватило смелости предъявить требования и к судье:

– Хозяйством занимались мужчины. У них и спрашивайте. Нас не мучайте. Быстрее отпускайте домой. Дома у нас остались дети. Мы, женщины, знаем только, как домашнее хозяйство вести и оберегать семейный очаг.

На этом судебном заседании моей матери Написе было инкриминировано дополнительное обвинение в том, что она продала дочь за калым. По этому поводу судья долго разбирался с ней.

– Сколько лет вы были в сговоре со сватами, которым отдали вашу дочь? Калым получили деньгами? В какой сумме? Скажите, кто ваши сваты, из какого рода? Вы обманули местные органы советской власти, говоря, что ваша дочь сама сбежала с женихом. Этот ваш поступок является преступлением перед советской властью…

Судья явно хотел обвинить и очернить мать любой ценой. Ответы ее были таковы: «Никто не сватался к моей дочери, ни у кого калым не брали. Дочь тайно сбежала с любимым жигитом из рода Карауыл Жасык, живущим по ту сторону Иртыша. Мы сразу сообщили об этом в аульный совет. Мы не обманывали власть».

В этих ответах была доля лукавства, о причинах которого говорилось выше. Наконец, судебное заседание завершилось, и всем десяти «преступницам» был вынесен вердикт: лишение свободы на два года условно. Прослышав о суде над женщинами, люди дивились: «Ну и времена! Чего от женщин-то хотят? Чудеса! Век живи – век дивись людским проделкам!»

Пострадали за хозяйственность

Зажиточные люди в 1928-1929 годах испытали все напасти, сопровождавшие коллективизацию: конфискации, аресты и ссылки. Советская власть поставила целью «расчистить для бедняков пути вступления в колхозы». Хотя Сталин утверждал, что 1929 год стал для сельскохозяйственной отрасли переломным, и бедняки массово пошли в коллективные хозяйства, а середняки повернулись лицом к колхозу, большая часть крестьян не спешила становиться членами колхозов. Например, в нашем Курчумском районе к началу февраля 1930 года колхозниками стали только 38 процентов населения. Правительство стало нажимать на середняков, не относившихся ни к богатым, ни к бедным, но те упорно не желали вступать в коллективные хозяйства. И тогда вступила в дело политика устрашения: власти в спешном порядке стали причислять середняков к классовым врагам, отбирать у них скот и имущество, сажать в тюрьмы, отправлять с семьями в ссылки. Так запугивались те, кто раздумывали, вступать им в колхоз или нет.

Между тем существовали утвержденные на самом высоком уровне вполне четкие критерии, определявшие, при наличии каких факторов крестьян может быть отнесен к разряду кулаков:

если в его хозяйстве использовался наемный труд;

если количество производимой продукции превышало потребности членов семьи;

если в частном хозяйстве имелась техника для уборки или очистки зерна, мельница и др.

Местные органы власти, выслуживаясь, часто отходили от этих критериев и вместо запланированных 5 процентов от общего числа населения, увлекшись кампанейщиной, подвергли гонениям 7 процентов. Как ни парадоксально, в их число вошли и крестьяне, лояльные к советской власти, те,

кто благодаря льготам, полученным от нее, смогли наладить свои хозяйства и трудились в них, не покладая рук. Эти новоявленные кулаки и середняки были повинны лишь в том, что создали экономически крепкие и стабильные крестьянские подворья. Именно они в системе сельского хозяйства были способны сдавать государству большое количество товарного зерна и мяса. По большей части те, кто пострадали как классовые враги, были наказаны за то, что добросовестным трудом способствовали росту благосостояния государства. Только в нашем Курчумском районе в 1931 году за это осудили 447 человек, а в соседнем Зыряновском районе, где преобладало земледелие – более 1000. И так было везде.

Осужденных было так много, что в районе не хватало мест для их содержания. По причине зимнего бездорожья людей не могли переправить в другие города, поэтому около ста человек из Курчума повезли в тюрьму в Зайсан, но там не оказалось мест: очевидно, и зайсанцы очень постарались в борьбе со своими земляками,– и курчумцев вернули назад. В районном центре кулаки с семьями были изгнаны из собственных домов, их жилища превращены в тюрьмы, но все равно места всем не хватало, и часть «классовых врагов» временно отпустили «на поруки» в … свои семьи.

Простому народу трудно было понять политику советского государства, бесконечные разоблачения, заключение людей в тюрьмы. Никто не объяснил людям происходящих событий, и потому появлялись самые разные домыслы:

– Оказывается, те, кого отпустили на поруки, не кулаки, а крестьяне-середняки и были осуждены незаконно – активисты просто сводили с ними личные счеты. Теперь их освободят и вернут им конфискованный скот и имущество.

– Говори да не заговаривайся! Ищи ветра в поле! Где твой скот и домашнее имущество? Даже не надейся. Считай, что все это жертва Господу. Главное, целым остаться и свободным, только об этом и молись.

– Эй, оказывается, государство нарочно осудило их, чтобы хитростью отобрать у них имущество. Теперь, когда оно получило, что хотело, то и отпустило их восвояси на все четыре стороны.

– Эй, Шаке, почему же нас не отпустили просто так? Нас же отпустили под залог, на поруки? Почему предупредили, мол, каждые две недели надо являться в район и отмечаться? – засомневался кто-то разумный.

– Говорят, отпустили на поруки, чтобы не сбежали в Китай. В своей стране езжай хоть куда. Я об этом слышал от знающих людей собственными ушами.

Эти слова человека с седеющей бородой немного успокоили участников разговора.

Бойкот как метод классовой борьбы

Люди обычно с трудом принимают изменение привычного, устоявшегося образа жизни, тяжело адаптируются к новым условиям. Трудности усугубляются многократно, когда жизнь меняется в худшую сторону. В таком случае возникает тоска о лучших временах, печальные мысли сказываются на нервной системе и приводят к депрессии. Ежедневные мелкие неудачи, неприглядные картины реальности ранят душу, новые переживания накладываются на прежде пережитые страдания и порождают дополнительные горести.

Такие тяжелые эмоции переживала наша семья при переезде с зимовья на жайляу. Весной, после таяния снегов, пришла пора перегонять скот на весенние пастбища. Время переезда с зимовья всегда было условным: пока реку Курчум сковывал лед, надо было успеть перейти на противоположный берег и спуститься с гор в долину. В прежние годы, когда скота было предостаточно, перекочевка была радост-

ным праздником, особенно для детворы. Нынешнее кочевье далось нам с большим трудом. Для переезда не было ни вьючного, ни ездового транспорта, но и оставаться без скота на зимовье тоже было ни к чему. Оттого что не было возможности следовать вековым традициям, люди горевали, осознавая, что ушла в небытие прекрасная пора жизни.

На жайляу по требованию властей четыре семьи, причисленные к кулакам, были вынуждены поселиться отдельно, а в селах и аулах над дверьми домов кулаков вывешивали черные вывески и объявляли их хозяев классовыми врагами. Эти дома не должны были посещать соседи и родственники. Общение с врагами было запрещено. Эта была политика изоляции классовых врагов от трудящихся масс.

В 19 столетии житель Англии по фамилии Бойкот стал настолько омерзителен соседям и знакомым своими неблаговидными поступками и отвратительным характером, что они, потеряв терпение, решили прекратить с ним всякие отношения. Игнорирование кого либо получило со временем имя нарицательное – бойкот. Позже в странах запада этим словом нарекли один из методов государственной политики. Теперь Советская власть решила использовать метод бойкота у нас, но поскольку казахские аулы состояли из потомков одного рода, а родовые узы были крепки, метод этот не имел большого успеха.

Над дверьми четырех домов рода Науей, внуков Баяна и Байсака, черных вывесок не было, но тем не менее мы пребывали в изоляции от сельской общины. Может быть, полевые работы в колхозе отвлекали людей, но никто не заходил в наш аул. Главы семей пребывали фактически под домашним арестом. Предписание каждые две недели отмечаться в районном центре сковало пуще цепи. На четыре семьи после трех конфискаций осталась одна лошадь (ее уберег мой отец) и только что принесшая приплод верблюдица. Молоко верблюдицы мы делили поровну. Мужчины, времен-

но освобожденные из заточения, по очереди пользовались единственным конем, чтобы тайно съездить по делам. Больше дел у взрослых не было. Власти не разрешали ни уезжать, ни искать работу в других местах. Мы теперь остро осознали истинность поговорки: «Бедность неплоха, коль есть еда». Главы семей, лишенные работы, предавались воспоминаниям и тревожились о будущем. Их терзали мысли, что станет с детьми и как прокормить семью. Я видел, как на их глаза наворачивались слезы, стоило им заслышать горестный плач верблюдицы. Пасясь между двумя дойками, она неизменно удалялась от аула в сторону перевала, за которым находилось знакомое ей весеннее пастбище. Верблюдица рвалась к привычным пастбищам, но была не в силах уйти от верблюжонка, стоявшего на привязи. На время дойки она возвращалась в аул, кормила верблюжонка и снова устремлялась к перевалу. Ее горестный плач и душевные терзания нашей семьи составляли единую песнь горя.

В очередной раз, когда отец и брат Айкен, сын дяди Тойымбая, поехали в район на очередную регистрацию, их вновь посадили в тюрьму. Летом пришли пароходы, и началась отправка заключенных. Местом их заточения в это время служило конфискованное зимовье некоего кулака на окраине районного центра. В нем не было ни ограды, ни стражи. Охранники вместе с тюремными сидельцами днем посещали дома знакомых местных жителей, а ночью отводили их в тюрьму, и сами расходились по домам. Такие вольные тюремные порядки давали возможность родственникам осужденных ночевать с ними вместе. Мне тоже доводилось там ночевать. Однажды произошел курьезный случай. Неожиданно прибыла комиссия с проверкой тюремной дисциплины. Разбуженных заключенных построили и стали осматривать помещение. Я в это время крепко спал, и от проверявших меня укрыли одеялами, о чем я даже не подозревал. Наутро все шутя говорили о моей успешной маскировке.

Беды нередко объединяют. Наши семейные кланы постепенно сближались. В изоляции остались лишь наши две семьи, состоявшие из трех женщин: старшей жены Тойымбая аты, его токал (младшей жены), моей мамы и пятерых детей в возрасте от 2 до 16 лет. Мои три матери тогда впервые сказали мне: «Из мужчин остался только ты». Теперь моим долгом была забота о хозяйстве: к ночи отправить пастись нашего единственного коня, прежде стреножив его, возвращать удалившуюся от аула верблюдицу и раз в неделю отвозить в тюрьму, что была в 20 верстах, передачу для заключенных.

Со слов матери я понял: запасы еды иссякают в обеих семьях. Зерно, собранное в прошлую осень, было конфисковано вместе со скотиной и имуществом. Остатки зерна нужно было отвезти на мельницу за 25-30 верст от дома. Женщины традиционно этим не занимались, испокон веков это было обязанностью мужчины. Любая женщина даже в ближайший аул ездила с сопровождающим. После семейного совещания три женщины снарядили на мельницу меня. Понимаю, с каким трудом далось им это решение. Я же это поручение воспринял с гордостью: мне предстояла настоящая мужская работа!

Женщины всыпали в широкий полосатый мешок около полутора пудов пшеницы, зашили его и, погрузив на седло, закрепили. Я сел верхом. Они несколько раз повторили, что я должен был сделать:

– Где Караозекская степь, ты знаешь. Сам там каждый год пас овец. Чуть дальше помнишь дорогу, что ведет в ущелье Каинды? Поедешь по накатанной дороге по течению речки, доберешься до аула. Спросишь у местных, где находится мельница. Возле мельницы всегда куча народу. Попроси кого-нибудь помочь спустить мешок с лошади, донести на мельницу, а потом навьючить мешок муки на лошадь. Только скажи, чей ты сын. – Заметив, что я слушаю наставления

рассеянно, мать слегка повысила голос. – Теперь внимательно слушай: и туда и обратно поезжай медленно, шагом, иначе уронишь мешок. Тогда сам с ним не справишься, – эти слова она повторила несколько раз. И добавила:

– Светик мой, ты у меня умница. Сделай так, как тебе говорят. – Две другие женщины хором вторили ей.

Накануне я с нетерпением предвкушал это путешествие, но по мере движения меня стали одолевать сомнения. Более половины пути составляла просторная Караозекская долина длиной в 30 верст и шириной в 20. Ее пересекала широкая накатанная дорога, ведущая к мельнице. До прошлой осени эта степь была обширным пастбищем, где весной и осенью стояли юрты, но теперь в местах, где раньше пастухи спорили из-за участков для выпасов, царило запустение. Кругом – ни души. Казахи говорят в таких случаях: «Будто народ откочевал». Жители этих мест после коллективизации волей-неволей съехались в одно место. Небольшое поголовье скота каждый колхоз держал подле своей центральной усадьбы. Огромные пастбища Караозека остались невостребованными. Пустая, безмолвная степь пугала меня, я забеспокоился, стали одолевать тревожные фантазии, казалось, что из-за кустов густого караганника выскочит серый волк или из оврага появится черный медведь, или бешеный верблюд-самец, чей брачный сезон начался как раз теперь.

Степная трава, не тронутая с начала лета, густо цвела. Обе стороны дороги обрамляли таволга, караганник, ферула и верблюжья трава, жусан и изень – дикая полынь, устели-поле и типчак. Смесь их ароматов одуряла до головокружения.

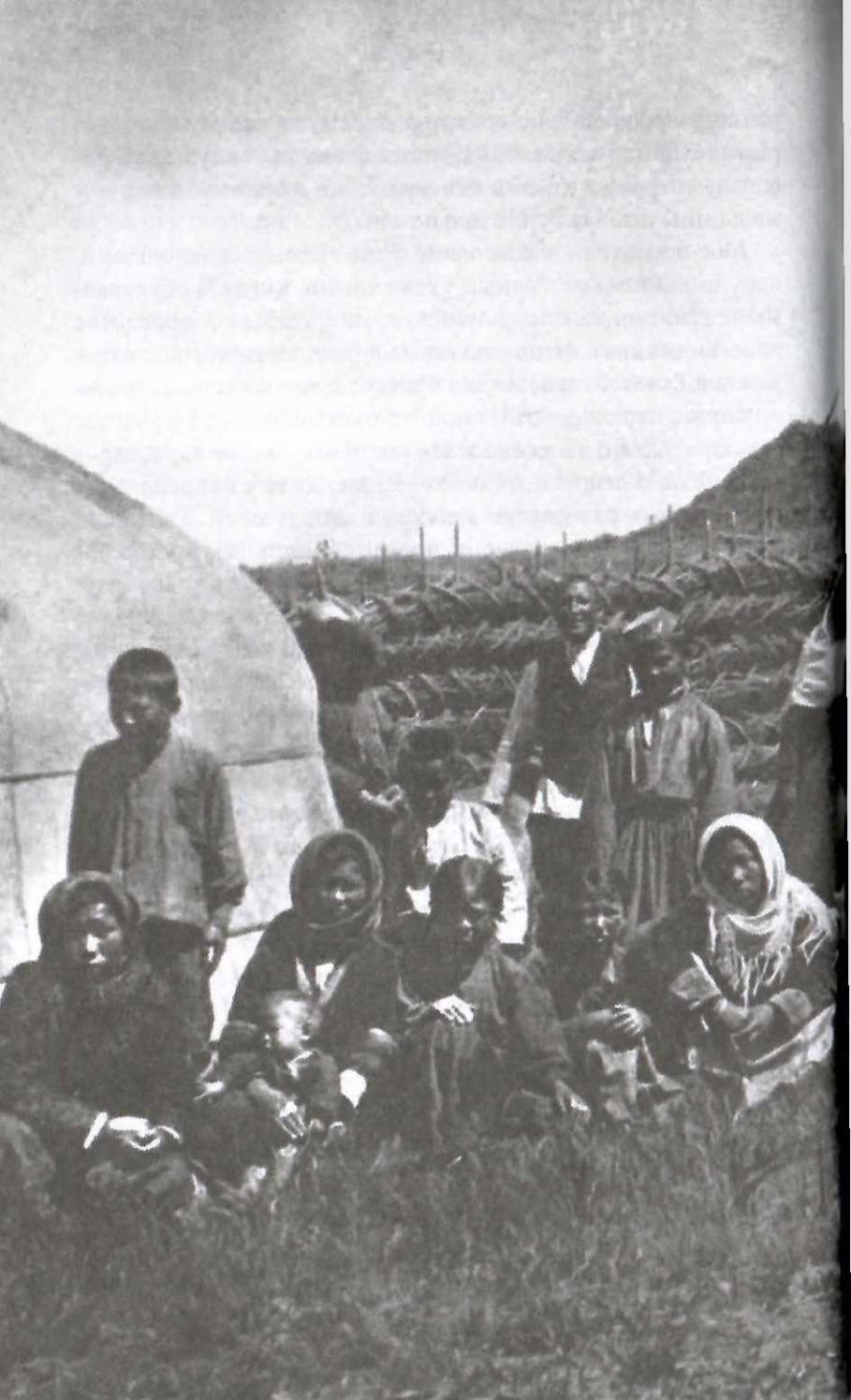
Мой страх отступил при виде знакомых мест, где я со сверстниками играл и пас овец, а взрослые устраивали лошадиные скачки, после которых лучшим наездникам и борцам вручались щедрые призы. Приблизившись к незнакомому мне ущелью Каинды, я забеспокоился снова. Вдоль

речки разрослись ивняк, береза, черемуха, смородина – хорошая еда для медведей. Детская фантазия услужливо рисовала встречу с ними и одновременно думалось: а вдруг у мельницы некому будет мне помочь?

Мое беспокойное состояние было вызвано и невзгодами, нарушившими привычный уклад жизни. Когда я, обуреваемый страхами, наконец, приблизился к ущелью, дорогу мне пересек всадник. Им оказался наш родственник Нуркасым. Прошлой зимой он переехал к родственникам жены, и ходили слухи, что он работает бригадиром в колхозе. Нуркасым ага справился о здоровье моих родных и близких, расспросил о беде с отцом и Айкеном. Узнав, куда я направляюсь, он проверил равновесие мешка на спине моей лошади и, молча повернув своего коня, поехал со мной. Мы вместе добрались до мельницы, перемололи зерно в муку и на обратном пути расстались там же, где встретились. Оказалось, что он в тот день ехал в районный центр, но, помогая мне, потерял время и теперь возвращался домой. Напутствовав меня добрыми советами по поводу обратной дороги и, передав привет моим домашним, Нуркасым уехал.

Когда в вечерних сумерках я добрался домой, мои три матери стали наперебой меня хвалить. Когда же я рассказал им подробности своей поездки, о помощи Нуркасыма ага, слова благодарности щедро посыпались в его адрес. Женщины стали вспоминать его детские и подростковые шалости и завершили свои похвалы поговоркой: у шалуна одна нога нормальная, а вторая – как восьмерка.

На мельнице я понял, что без помощи родственника ничего сделать бы не смог. Другая родня, более близкая, чем Нуркасым ага, боялась даже приблизиться к нам. С поступком моего дяди воцарился на миг рай на земле. Ведь в жизни дорого именно то, в чем ты сильно испытываешь нужду.



Прощай, земля отцов

Мои матери поняли, что жить на старом осеннем стойбище мы не сможем, и стали думать о том, как перебраться к людям. В колхозном ауле кулацким семьям селиться не позволяли, мы с трудом получили разрешение хотя бы на время обосноваться в ауле Молымбет-Жолымбет и вскоре переехали туда.

В старые добрые времена во время перекочевки имущество двух наших семейных кланов не умещалось во вьюках, перевозимых четырьмя-пятью верблюдами, и мы дополнительно использовали волов. На этот раз все наше имущество вместил вьюк одного верблюда. Байбише, старшая жена Тойымбая аты, дородная Онал апа, в свое время торжественно возглавлявшая перекочевки, теперь села на нашего единственного коня. Перед ней в седле разместился двухлетний малыш, сзади – шестилетний, моя мать, пешая, повела за узду черную верблюдицу, все остальные пошли следом. Так мы покинули землю предков.

Матери вспоминали пышные кочевки прошлых лет и горько переживали жалкий вид нынешней. Осознание того, что мы навеки оставляем наше исконное весенне-осеннее стойбище, заставляло их снова и снова оглядываться назад. Из их глаз струились слезы. Возможно, покидая землю отцов, они предчувствовали грядущие мытарства и лишения.

Аул, в который мы переехали, принадлежал нашей дальней родне по прадедовской линии. Нашим общим предком был Мырзабай – старший сын нашего седьмого предка Жандели, приходившегося двоюродным братом батыру Бараку. У Мырзабая было два сына: Науей и Култай. Мы принадлежали роду Науей. От Култая происходили: Бектен, Тогат, Жолымбет, Молымбет. Потомки Жолымбета и Молымбета разрослись до десяти семей и жили отдельным аулом. Аул называли Жолымбет-Молымбет или Анажан – именами родоначальников и их матери. Теперь в ауле жили

пять аксакалов – ровесники глав наших семей – Тойымбая и Шаяхмета. Видимо, мы переехали сюда с их согласия.

В старых казахских аулах обычно целая семья жила в одной комнате, поэтому одна наша семья смогла поселиться в кладовке одного из домов, другая – в загоне. Новоселье нам обошлось слишком дорого. Через неделю местные активисты провели у нас четвертую конфискацию, поживившись теперь нашей единственной лошадью и верблюдицей с верблюжонком и обвинив в сокрытии скота. Они просто угнали их с пастбища, будто собственную скотину, даже не оповестив нас. По законам конфискации тех лет крупная скотина в виде налога должна поступать непосредственно в государственную казну. Мы не знали, кто их уполномочил угонять скотину в колхоз. Нам не предъявили никаких документов, а мы и не пытались выяснить это.

У нашей семьи не осталось ни кола ни двора, ни средств к существованию. Кто сможет измерить страдания матери четырех детей, накормить которых нечем, чей муж заточен в тюрьму? Это поймет лишь тот, кто пережил подобное сам.

У потомков двух братьев

Аул Молымбета и Жолымбета, к которому мы приткнулись, подобно отбившимся от косяка еликам, состоял из десяти семей. Мужчины этого рода отличались крупной статью. Младшие почитали старших, старшие лелеяли младших, все были благовоспитанными и прилежными. Потомки двух братьев, хозяева десяти домов, беспрекословно слушались тезку моего деда Тойымбая Жолымбета – высокого, длиннобородого старца, разменявшего шестой десяток лет. Он был охотником и беркутчи. Хотя единственного его коня отобрали в колхоз, он держал беркута. Два младших брата Тойымбая, Томарбай и Кыдырбай, тоже были искусными

охотниками. Молодежь в ауле была талантливой, хоть и небогатой: жигиты тренировали своих единственных коней, делая из них скаковых тулпаров-призеров, были отменными айтыскерами-акынами, поэтами-импровизаторами. Один их них – Боранбай Молымбет – в состязании с акыном соседнего аула Нури из рода Каракожа Бура подверг его сородича критике за то, что он батрачил у русского богатея, пил водку, считавшуюся в ту пору дурным, греховным зельем. Критика воплотилась в песне о пьянице Койбаке:

Айналайын, мой Койбак,
Твоим гульбищем стал трактир.
Сколько ты не пьешь,
Не можешь отказаться от водки.
Хоть ты, опьянев, и разбил себе голову
Все никак не бросишь пить.

Акын Боранбай хорошо играл роль казаха-выпивохи, который на второй день после пьянки обращается к своему русскому хозяину:

Мало-мало знаш?
Со вчерашнего дня я голоден,
Бас-галава ызламал,
Карын-курсак пропал.

Речевая манера Койбака была передана акыном смешно и точно.

Мы нашли горячее сочувствие в ауле Жолымбетовых. Каждая семья делилась с нами тем, что имела – молочными продуктами от своей единственной коровы. Аульные аксакалы, особенно старец Тойеке, морально поддерживали наших женщин, утешали их:

– Трудные времена наступили для всех. Весь народ тер-

пит лишения. Благодарите Аллаха за все. Его щедрости нет предела. В народе говорят: «Бог знает, сколько и когда воздать человеку». Это испытание, нелегкие дни забудутся. Доброта восторжествует. Кто чист душой, тому и Бог – союзник. Сами поглядите: осужденных толпами отправляют в далекие края, а Шаке хоть и сидит в тюрьме, находится рядом. Да и тюрьмой это, говорят, не назовешь, караулят их лишь ночью. Это Божья поддержка. Цените все это!

Эти слова немного утешали несчастных женщин.

С обнародованием указа властей о запрете на общение с семьями кулаков и преследовании ослушников с нами перестали общаться даже ближайшие родственники. Жители же аула Жолымбета приняли нас, делились своими крохами, поддерживали морально. Об этом моя мать позже часто вспоминала с большой благодарностью. В те трудные годы милосердие для нас было как благодать.

История рода Жолымбета отражает в миниатюре историю становления казахского народа в период советской власти, в том числе его демографический кризис. В 1931 году мужчин этого рода насчитывалось 20 человек, а спустя несколько лет осталось 11. Четверо из этих одиннадцати эмигрировали в Китай. То есть на родине отцов жили потомки 7 представителей этого рода. После великого голода, репрессий, Великой Отечественной войны остались внуки и правнуки лишь трех мужчин из этого рода. Если ежегодный рост числа людей в среднем составляет 3 процента, как утверждают ученые, то число представителей мужского пола этого клана за шесть десятилетий должно было превысить 70 человек: 20 : 100 x 3 x 60 = 72. Но этого не произошло. Мужчин было меньше в семь раз. Эта была трагедия не только одного рода, но всего казахского народа, типичная для начала эпохи социализма. Лишь в 1970 году численность казахского населения достигла уровня 1920 года.

Переселение в Куйган

С началом лета осужденных толпами отправляли на пароходах в ссылку в центральные районы, но всех перевезти не смогли, поскольку процесс разоблачений продолжался, и число заключенных все росло. Властям пришлось держать некоторых осужденных под домашним арестом и использовать на общественных работах. По решению суда их направили на стройку в районный центр, разделив на две группы. Кулаки-казахи пошли работать на кирпичный завод, а кулаки-русские на строительство домов. Их семьи были перевезены в районный центр и оставлены без жилья на произвол судьбы.

Когда отца отправили на кирпичный завод, нас тоже переселили в районный центр – в городок Куйган, расположенный в 15 километрах от аула Жолымбет-Молымбет. Две семьи родных братьев, всю жизнь прожившие вместе, впервые были разъединены. Байбише Тойымбая ата Онал апа осталась с семилетней дочерью, а нас переселили. Для казахов, всю жизнь живших с родственниками, 15 километров казались огромным расстоянием. Мы прощались с душевной болью и слезами.

На кирпичный завод отправили около двадцати осужденных в возрасте до пятидесяти лет. Среди них был только один 30-летний – Алхан, сын Исхака. Он служил в торговом кооперативе и прославился как хозяин гнедого скакуна – чемпиона скачек. Этот красивый, высокий, плечистый, черноглазый жигит, светлое овальное лицо которого украшали черные усы, был образован и отличался спокойным, чудесным характером. За образцовое ведение частного хозяйства его в 1931 году причислили к классовым врагам. После двух лет заточения и гонений он обосновался в Зыряновске, работал в системе торговли и в 1937 году как враг народа погиб в застенках НКВД.

В числе кулаков был владелец единственной лошади

Абиш Баскарбайулы. Его преступление состояло в том, что он был муллой. Абиш, к несчастью, взял на себя ответственность руководить работами по строительству мечети рода Жандели и по решению общины должен был хранить средства для приобретения стройматериалов. Местные активисты объявили Абиша врагом советской власти, религиозным фанатиком, кулацким прихвостнем и, конфисковав все его хозяйство – лошадь, корову и ветхую юрту, осудили. Остальные работники кирпичного завода также не были богатеями, они до закона 1928 года, запретившего пользоваться наемным трудом, держали лишь по одному пастуху. По этой причине и пострадали.

Завода не было и в помине – стройка должна была начаться с нуля. Невольники-рабочие принялись расчищать площадку для приготовления глиняно-песочного раствора и сооружать навес-ангар для сушки кирпичей. Затем они вырыли в обрыве яра печи-пещеры для обжига. Основным орудием труда была лопата. Казахи-животноводы этим никогда не занимались. С двумя русскими мастерами осужденные, не зная их языка, изъяснялись жестами. Нам, детям, было в диковинку наблюдать за всем этим. Но мы тоже постигали процесс производства. Работа на заводе была тяжелой: глина и песок загружались на тележки лопатами, затем все это высыпали в одну кучу. В двухколесную повозку впрягали лошадей и привозили в деревянных бочках воду, которую затем выливали в смесь песка и глины. С помощью двух волов, приводящих в движение специальное устройство, замешивали раствор и отвозили его на тачках под навес, где заливали в формы. Мастера контролировали ход работы и внимательно следили за всем процессом. После того как заготовки высыхали, рабочие брали в руки скребки и очищали каждый кирпич от налипшей глины и песка, затем перевозили их на тачках к печи, представлявшей собой пещеру в обрыве, складывали в нее рядами и обжигали при

высокой температуре. Выплачивалась ли зарплата рабочим мы, дети, не знали. Помню только, что раз в месяц им выдавали немного муки. Сколько давали муки, тоже не знаю. Видимо, давали мало, потому что мой отец, как и другие, искал дополнительные источники пропитания. И все же я неоднократно слышал, как родители благодарили создателя: «Это нам Бог дает, Аллах никогда не оставит нас».

Думаю, нелегко было отцу, казаху-аристократу, степному номаду, в летнюю жару возиться с глиной, водой и песком. И все же родители благодарили судьбу, что их не угнали на чужбину. Они осознавали: прошлую жизнь не вернешь, а будущее – неведомый туман, и все же они рядом, дети с ними. Им было с чем сравнивать: многих земляков постигла более горькая участь. Узын кулак доносил, что сосланные в Пахтарал страдали там от несусветной жары. Наши односельчане, попавшие туда, болели брюшной хворью, говорили, есть умершие. Другую группу увезли в Караганду, где вокруг голая степь. Заключенных держали под открытым небом, они копали землю, спускались в шахты. От тамошней соленой воды почти все заболели.

Услышав такие страшные истории, оставшиеся в районе благодарили Бога. То ли таким образом проявлялась натура казахов, склонных довольствоваться малым и выказывать покорность судьбе, но заключенные жили с верой в будущее. Совсем недавно состоятельные люди, они, несмотря на тяжкий труд, находили силы для шуток, смеха. На отдыхе они вспоминали прошлую жизнь с сожалением или с улыбкой.

То лето для нас, детей кулаков, было на редкость радостным. Раньше в ауле мы не успевали наиграться, потому что дел у аульных мальчишек хватало. Мы должны были по очереди пасти овец, кроме того, нужно было пасти ягнят, два раза в день ставить их на привязь, помогать доить овец, присматривать за телятами. Едва детвора заиграется, как слышалось: «Эй! Заверните ягнят, они далеко отошли

от аула, и поставьте их на привязь, скоро отара придет!» «Ойбай! Бегите, телята побежали к коровам!», или: «Милок, садись-ка ты на того жеребенка-однолетку и пригони кобыл, скоро время дойки». А нынче местные ребятишки и дети переселенцев были свободны и спокойно предавались играм. Аул находился у слияния Иртыша и Курчума, и мы могли сколько угодно плескаться в прохладных, прозрачных водах быстрой горной реки Курчум или в теплых водах спокойного Иртыша. Вдоль берегов обеих рек стояли сплошной стеной заросли смородины, черемухи, ежевики – ешь вдоволь! Эти дары природы поспевали один за другим. Для нас, детей, далеких от мира взрослых, это лето было поистине райским.

Пятая конфискация

Казахам, привыкшим жить в окружении близкой и дальней родни, было нелегко адаптироваться в иной среде: воспоминания о тех, с кем общался с детства, терзали и не давали покоя. Нашей семье было полегче, потому что земли вблизи районного центра населяла родня матери из рода Бура. Хотя два ее брата после конфискации были сосланы, другая родня охотно общалась с нами, они дали нам пять дойных коз, хотя сами, сдав скотину на колхозную ферму, остались со считанным поголовьем. Такая помощь в то время была равносильна подвигу.

Родня матери оказала нам неоценимую помощь, а родственники отца ни разу не появились. То ли они боялись преследования властей, то ли держали на сердце какие-то затаенные обиды, но никто из братьев отца нас не навестил. Зато не предали нашу семью забвению активисты из административного аула №6. Абиштаев Жумакожа – председатель колхоза «Топтерек», членом которого отец был пока

его не причислили к кулакам, и счетовод того же колхоза Молымбеков Сыдыкбай, приходившийся нам троюродным родственником, разыскали нас. Спешившись с коней и даже не удосужившись поздороваться, они тут же выложили причину своего появления. По их словам, у отца остались задолженности государству по налогам. Теперь, мол, они прибыли произвести дополнительную конфискацию. Отец сказал им:

– Если найдете в этом доме что-либо пригодное, забирайте и больше не возвращайтесь. – С этими словами он вышел.

Они беззастенчиво перевернули все вверх дном. Кто уполномочил этих двоих производить у нас конфискацию? Смысл их действий прояснился по прошествии многих лет. Руководители колхозов не имели права вмешиваться в политические проблемы, их обязанностью было управлять колхозными делами. Эти двое рассуждали примерно так: «В доме бая остались припрятанные вещи. Переехав в другое место, их станут использовать открыто, а мы как раз и нагрянем». Они решили самовольно отобрать и присвоить последнее имущество у бедствующей семьи, воспользовавшись невежеством хозяев. Надо же так выродиться, чтобы из-за мелочи идти на безнравственные поступки!

Спустя многие годы я узнал, что по законам того времени после первой конфискации и решения суда о заключении главы хозяйства под стражу повторная конфискация не производится и непогашенный долг списывается. Значит, все повторные конфискации проводились по произволу местных властей. Они, пользуясь неграмотностью и бесправием своих жертв, предполагая, что у «раскулаченных» еще остались ценности, забирали последнее. И при этом сами бессовестно наживались. Подобные беззаконные действия ярко характеризуют представителей советской власти тех лет, показывают их моральный облик. Позже эти люди по-

добным образом проявили себя и в отношении социалистической собственности, но были разоблачены и наказаны.

Беглецы поневоле

Издревле казахи перекочевывали в исключительных случаях: когда надо было избежать нашествия врага, более мощного по численности, когда требовалось выразить протест против насилия или показать свое недовольство поступком родных-близких. Казахи называли это откочевкой. Первая волна откочевок прокатилась в 1881 году, когда устанавливались границы между Китаем и Россией. Тогда казахи, не пожелавшие быть в подданстве России, переселились в Китай, а не желавшие жить в Китае вернулись на Родину. Во второй раз откочевки происходили в 1916 году, – так казахи выразили протест против указа царской власти о мобилизации молодежи для рытья окопов. Тогда четверть населения перекочевала в Китай. Многие из них после революции возвратились в родные пределы. Предпоследняя волна исхода казахов стала подниматься в 1926-1929 годы, когда конфисковали имущество крупных баев, а их самих переселили на другие земли. Число переселенцев поначалу было небольшим: из каждого аула – одна-две семьи и их близкие родственники. Откочевки возобновились в 1931 году и приобрели уже массовый характер из-за бесконечных конфискаций и насильственной коллективизации.

Точное количество населения, покинувшего в 1931 году Родину, неизвестно. Архивы сохранили только часть документов. Например, в протоколе заседания Курчумского районного партийного комитета от 1 июня зафиксировано, что только из трех аулов (Калгутты, Кыстау-Курчум, Сары олен) ушли в Китай 108 семей. Через три месяца из административных аулов, расположенных вблизи границы,

количество семей, переехавших в Китай, достигло трехсот двадцати пяти. А ведь это данные только по трем-четырем административным аулам. Если предположить, что каждая семья состояла в среднем из 4-х членов, то за полгода только из названных трех аулов стали эмигрантами-беженцами около тысячи человек.

Эмигрантов провожали через границу местные жители, отлично знавшие маршрут, а также казахи, жившие теперь в Китае и пробиравшиеся на родину, чтобы помочь эмигрировать родственникам. Нередко они преследовали сразу две цели: оказать помощь родне и поживиться скотиной или имуществом в колхозах и у местных жителей.

В те годы застав и пограничников было немного. Для эмигрантов, переезжавших границу ночью, препятствий не было вообще. Местные власти боролись с откочевками, как могли: когда в район поступали сведения из аулов о готовящихся эмигрировать, районное ГПУ отправляло туда сотрудников и отряд из активистов для перехвата. Отрядам давался приказ: в случае сопротивления беженцев безжалостно уничтожать. В большинстве случаев, пока сотрудник ГПУ добирался до аула и формировал отряд, люди успевали уйти. Бывало, что преследователи настигали беглецов, и те либо оказывали вооруженное сопротивление, либо продолжали бегство. Как правило, все проводники с китайской стороны были вооружены винтовками, а преследователи, кроме сотрудников ГПУ, имели лишь пару охотничьих ружей. Не всем удавался побег. Случалось и так, что часть семей успевала уйти за кордон, а часть попадала в руки ГПУ. Иногда в пути или на месте кочевий оставались старики.

Порою между эмигрантами с одной стороны и ГПУшниками с активистами с другой происходили жестокие, кровавые стычки. В декабре 1929 года группа осужденных казахских баев и их близкие родственники укрылись в одном из ущелий гор Тарбагатая. Их задачей было выждать момент

и, прихватив семьи из аула, уйти в Китай. Чтобы осуществить задуманное, беглецы заготовили продовольствие, оружие, теплую одежду, юрты, кошмы, посуду и другую утварь. У них было две винтовки и несколько ружей. Местные активисты боялись даже приблизиться к ущелью, и в помощь им был вызван вооруженный отряд пограничных войск. Взвод пограничников сразу пошел в атаку. Беженцы, укрывшиеся в скалах, стали отстреливаться. Перестрелка затянулась надолго. В этом бою простые казахи показали пример военной смекалки. Из охотничьих ружей они стреляли снайперски, им помогали жигиты, готовившие патроны. Из свинца одни отливали пули, другие готовили порох, третьи закладывали все это в гильзы. Отряд пограничников нес потери. Их командир, не желавший и дальше рисковать жизнью красноармейцев, решил, что, когда закончатся продукты и боеприпасы, беженцы будут вынуждены сдаться, и установил осаду.

Прошла неделя. Действительно, скоро беглецы истратили все боеприпасы, однако не сдавались, а искали пути для отхода. Они были заперты в тупике, потому что противоположная, тыловая сторона ущелья заканчивалась обрывом. Единственным путем спасения был спуск по отвесной скале. Было решено лошадей сбросить вниз, а людей спустить на арканах. Беглецы знали: лошади, упав в глубокий снег, нисколько не пострадают и, завязав животным глаза, сталкивали их со скалы. Сами же, подобно альпинистам, спустились на арканах. Снег был настолько глубок, что лошади, погрузившись в него, не доставая ногами до опоры, продолжали беспомощно лежать на месте, и тогда, расстелив на снегу кошмы и одеяла, хозяева повели по ним лошадей. После всех передряг животные обессилели и не могли нести седоков даже по неглубокому снегу. Беглецы нашли выход и в этой ситуации: привязали вьюки к лошадиным хвостам. Один из мужчин с больной ногой не мог идти, смекалистые

жигиты завернули его в кошму и тоже привязали к лошадиному хвосту. Лошадь волокушей тащила немощного. Еще до рассвета все беженцы ушли от преследователей и вскоре переправились через границу.

Но далеко не всегда побеги завершались успешно. Летом 1932 года десять семей беглецов из рода Конакбай из аульного совета «Калгутты» уже дошли до границы, но, решив немного передохнуть, были настигнуты преследователями. Мужчины и подростки, вскочив на лошадей, успели скрыться в ущелье, а дети, женщины и старики со всем остальным транспортом и имуществом стали заложниками и были доставлены в районный центр. Их имущество было конфисковано, люди остались без средств к существованию. Из 30 задержанных человек выжила лишь одна женщина, остальные погибли от голода.

Власти обычно возвращали пойманных беглецов на место жительства, их предводителей для острастки сажали в тюрьмы, тем дело и ограничивалось. Позже, когда побеги участились, возвращенных беженцев стали увозить подальше от границы.

В результате вооруженных стычек между беженцами и преследователями случались и обоюдные потери. Примечательно то, что беженцы, следуя древним законам казахского народа – ценить человеческую жизнь, не стреляли в людей в упор, а чаще лишь пугали преследователей, в то время как ГПУ и милиция стреляли на поражение. Бывали случаи, когда беженцы связывали аульных активистов во избежание погони и даже забирали с собой, чтобы потом отпустить у границы.

Среди пришлых помощников для побега в Китай встречались ловкачи, угонявшие за границу целые косяки, даже табуны лошадей. Весть о таких преступлениях достигала районного центра лишь спустя время, и пока прибывали стражи порядка, барымтачи уже уходили за рубеж. Как

утверждают, никогда ни одной головы скота у них не было отбито.

В завершение темы об эмигрантах хочу рассказать историю, произошедшую в нашем районе. Летом 1931 года из Китая прибыл за близкими родственниками некто Жакитжан из рода Акнайман. Сотрудник районного ГПУ Исабеков Жамел получил задание организовать из приграничных аульных активистов команду и взять приехавшего живым или мертвым. Местные жители предупреждали Жамела, что Жакитжан – отменный стрелок, и советовали с целью поимки поджечь густой камыш у озера, где он скрывается. Или уговорить сдаться. А лучше всего – дать ему возможность уйти в ночной темноте. ГПУшник Жамел не придал значения этим словам. Он приблизился к камышам и велел Жакитжану немедленно сдаться. Жакитжан, выйдя из камышовых зарослей, предложил Исабекову убираться подобру-поздорову. В ответ сотрудник ГПУ прицелился, но Жакитжан опередил его. Исабеков был ранен в живот, но успел выстрелить в Жакитжана и убил его на месте. Сам Исабеков скончался через два дня в больнице райцентра. Несмотря на требование властей, аульные казахи отказались пойти на его похороны и не пустили ни детей, ни подростков: «Говорят, его прах похоронят без отходной молитвы-жаназа. А на могиле будут палить в Бога. Мы не сможем пойти туда и выступать против Бога». Позднее в районном центре, где был похоронен чекист, ему был поставлен памятный знак, как герою. В 1958-1959 годы перед заполнением Бухтарминского водохранилища прах Исабекова был перезахоронен в новом центре Курчумского района. Уроженцем Курчума Жунисом Ибраевым была написана книга о жизни, деятельности и подвиге Исабекова. Хотя общественная система, построенная такими, как Исабеков, ушла в небытие, памятник ему стоит.

В гостях у сестры

Стоял конец лета – пора созревания и уборки урожая. Работавшие на кирпичном заводе исправно выполняли свои обязанности. Многие из них тосковали по былым временам и родным местам. Родня так и не навещала нас, и отец решил отправить меня с попутчиками, прибывшими с того берега Иртыша, к Жамбы, чтобы разузнать, жива ли, здорова ли она.

У казахов в то время не было иных транспортных средств, кроме лошадей, потому расстояние измерялось временем езды всадника – однодневный или двухдневный путь. Многим казахам однодневный переход казался долгой дорогой. Мне тоже предстоял однодневный переход.

В то время люди уважительно и доверчиво относились друг к другу, были душевно щедрыми. Это сейчас рискованно отпускать в дальнюю дорогу одиннадцатилетнего мальчика с незнакомцами. Взявшиеся подвезти меня не знали семьи, куда я направлялся, знали только местонахождение нужного мне аула и согласились высадить меня на его окраине.

Итак, мы впятером отправились в путь на телеге, запряженной двумя лошадьми. Мне досталось место между двумя задними колесами, и весь день на меня оседала густая дорожная пыль. Мужчины всю дорогу рассказывали интересные, смешные байки, и ни разу из их уст не сорвалось плохое слово. Что свидетельствовало о культуре моих спутников.

К вечеру мои попутчики сказали: «Бокыш-Токыш, приехали» и высадили меня. Бокыш-Токыш – название аула в честь старцев, известных предков. Найти нужный дом в ауле из 4-5 домов нетрудно. В доме зятя я увидел тетю Батиш. Она встретила меня громкими причитаниями, оплакивая горькую долю своих родных братьев: богатство по-

кинуло их, они лишились скота, тетю волновала судьба их детей, оставшихся без отца.

О, бедный мой аул,
Подобный белой горе!
Мои овцы, подобные джейранам! Где вы?
Где то время, когда мы возносились?
Нынче горе и страдания нас обуревают!

То ли тетя Батиш столь остро воспринимала невзгоды, то ли так сильно переживала за судьбы своих братьев, но плакала она беспрестанно. Так даже мои матери не убивались о прошлом. Тетя Батиш – единственная сестра между моим отцом Шаяхметом и его старшим братом Тойымбаем. Ее муж Жантурсын прошлой зимой бежал от колхоза из родного аула и перебрался на другой берег Иртыша в аул своей дочери, где стал частным собственником. Зятя и сестры дома не было, потому что был самый разгар страды. Я задержался у тети Батиш до тех пор, пока не приехала за мною свекровь Жамбы. Она увезла меня, усадив позади себя на лошадь.

Согласно обычаю, дочь, вышедшая замуж и долгое время не видевшая своих родных, при встрече с ними пела плач-причитание, показывая таким образом тоску по родным и родине, по прошлой девичьей жизни. Общей темой плача-причитания была ностальгия, мелодия песни и слова зависели от степени близости родственника и его возраста. Качество песни зависело от таланта исполнителя-импровизатора. Когда я спешился, Жамбы, бросившись ко мне, обняла, стала плакать и причитать. Слова тоски лились из самого сердца – рифмованные и прекрасные. Окружившие нас женщины, старики и аульная детвора молча внимали. Краткое содержание песни-плача моей сестры заключалось в следующем: жестокое время смяло все устои, и ее

выдали замуж не в соответствии с древними традициями народа, а тайно, под покровом ночи отправили к жениху без свадьбы. Пела о том, что ее родной аул обнищал. Теперь ее братишка приехал к сестре один, без свиты, без торжества, на чужой подводе. Плач она закончила риторическим вопросом: «Есть ли на свете большее унижение, чем это?». Как правило, плакать долго не позволяли, прерывали, но, похоже, слушавшим понравились пламенные слова моей сестры. Возможно, они были созвучны их мыслям и чувствам.

Известно, что казахи очень почитают своих сватов. Прежде я думал, что уважение проявляют только к сватам, старшим по возрасту. Жители аула Калмакбая рода Касаболата Байсал Сатыбалды (один из племени Бес Болата Карауыл Жасыка) и стар и млад уважительно называли меня «куда» – сват и относились с почтением. Поначалу это смущало меня. Такая уважительность может проявляться среди сородичей, знающих цену единству и согласию. Дом, в котором я гостил, был почитаем среди родни. Возможно, выражение уважения ко мне было продиктовано той любовью, которую моя сестра снискала своей добротой и обходительностью. В этом ауле жили лучше, чем в нашем. Дома были высокими, некоторые хозяйства имели одноконные и двуконные, как у русских, телеги. И, конечно, в этом ауле тоже были свои кулаки. Отец Манапа и еще два человека попали в злосчастный список. Двое из них теперь были в тюрьме, третий – в бегах. Но здесь никто не подвергал гонениям и не переселял семьи осужденных. В ауле кулаков не чурались, и никто их не подвергал бойкоту. Все жили в согласии, и я играл со сверстниками, позабыв обо всем на свете. И вдруг узын кулак донес весть, что отца посадили в тюрьму. Я никак не мог выехать – не было попутчиков, а зятя и его родных колхоз не отпускал с работы. Тогда Манап предложил мне своего иноходца-однолетку, чтобы я мог поехать и узнать, что случилось. Радуясь красавцу-иноходцу, я тут же загорелся

ехать. Провожая, зять доходчиво объяснил: «Если поедешь по той дороге, по которой приехал, то доедешь домой». Мне до сих пор непонятно, как решились взрослые отпустить ребенка одного в дальний путь.

Легкой иноходью я в тот же день засветло добрался до того дома, где мы жили на квартире, и обнаружил, что никого из домашних нет. Хозяин квартиры, приехав с полевых работ, прогнал нашу семью. Мать переехала с тремя детьми в соседний аул. На следующий день я верхом на лошади отправился навестить отца в тюрьме районного центра. Среди хаотично разбросанных избушек и двух деревянных двухэтажных домов стояло приземистое здание тюрьмы. Вокруг высилась саманная ограда. Пешие и всадники толпились не перед воротами тюрьмы, а позади нее. Приблизившись к толпе, я спросил о правилах встречи с заключенными. Мне ответили: «Стой здесь. Смотри на тех, кто на крыше тюрьмы. Среди них найдешь нужного человека». Позже я понял: посетителям не разрешают встречаться и говорить с заключенными, и те сами по очереди поднимаются на плоскую крышу тюрьмы и узнают, чьи родственники пришли. Переговоры ведутся при помощи жестов или заключенные пишут записки и, привязав их к небольшому камню, бросают в толпу за зданием тюрьмы. Там находят того, кому записка адресована. Записка пришла и в мой адрес, в ней было: «Скорее возвращайся в дом зятя. Пусть мне привезут продукты. Скоро нас отправят из района».

Торопясь выполнить отцовский наказ, я неожиданно оказался в числе участников революционной демонстрации. Внезапно милиционеры разделили толпу на две группы – на всадников и пеших – и приказали следовать за ними, объявив: «Сегодня исполнилось 11 лет со дня образования Казахской автономии. Сейчас вы станете в строй, чтобы отпраздновать это событие, каждый возьмет в руки флаг, мы пройдем вокруг аула и с песней остановимся перед зданием

райкома. Ну, пошли!!!» – и мы двинулись. По пути движения всех встречных милиционеры загоняли в строй. Впереди шли пешие, позади ехали верховые. Пытавшихся тихо улизнуть милиционеры загоняли в строй гневными окриками. Собранную таким диким образом толпу милиционеры повели среди редких домов районного центра. Из строя доносилось ворчание:

– У меня срочные дела, как это я попал в эту переделку?

– Чего это мы кружимся вокруг аула?

Среди всех «добровольных» участников парада, пожалуй, один я не злился, а с интересом наблюдал за этим невиданным сборищем. Когда нас привели к зданию райкома (я тогда впервые услышал это слово), с балкона двухэтажного строения долго говорил один человек. Из его слов я понял: в нашей стране имеются такие места, как Жезказган, Карсакбай, Риддер. Почему они названы так необычно? Я заключил, что и в других краях, кроме нашего Алтая, существуют красивые места. Для меня, ребенка, все это было так привлекательно: собравшаяся толпа, красные знамена, новые географические названия, что я забыл обо всем на свете, даже трагедию семьи и поручение отца.

Глава дома в 11 лет

Когда парад закончился, я вспомнил об отце, поспешил домой и сообщил о его наказе матери. Сказал и о параде, но это ее не заинтересовало, она была удручена известием о скором отъезде отца и готовила меня в завтрашний путь. В тот день она сказала мне как взрослому жигиту:

– Ты теперь глава этого дома. Сегодня пусть твоя лошадка отдохнет, а завтра поезжай к сестре и зятю и передай им наказ отца. Пусть срочно везут передачу.

Назавтра я на своей лошадке, любуясь ее иноходью, в

приподнятом настроении приехал к переправе, где с одного берега на другой курсировал паром. Паром уже собрался отчаливать, и я сходу въехал на него. Паромщик сразу потребовал с меня денег. Я не понял и удивился: «Что за деньги? Какие деньги?» А паромщик, мешая казахские и русские слова, пояснил мне, что для того, чтобы переправиться на другой берег, необходимо заплатить. Я в первый раз слышал, что следует платить деньги за переправу. Откуда у меня могут быть деньги? «Акша жок – паром жок. Твоя шыгады», – с этими словами паромщик, взяв под уздцы мою лошадку, вывел ее на берег. За нею поплелся и я. Летом, переправляясь с попутчиками на телеге, любуясь рекой, я прозевал, что за переправу брали плату, а позавчера несколько всадников попросили меня придерживать их коней, из-за чего я опять ничего не заметил.

Делать нечего, придется возвращаться домой, за тридцать верст. Состояние мое было сродни тому, когда меня исключили из школы. Я ехал и плакал, горюя, что продукты до отца дойдут с опозданием, а может, и вовсе не дойдут. Плакал долго, пока не заприметил едущих навстречу всадников. Слезы лить я перестал, но зареванный вид скрыть не удалось. Поравнявшись со мной, один из путников спросил, почему я плачу. Услышав ответ, он тут же утешил, пообещав помочь переправиться и велел мне поворачивать коня. Радости моей не было предела. Когда мы переправились, тот человек сказал:

– Мы поедем очень быстро. Ты не сможешь ехать так же, твоя молодая лошадка быстро устанет, поезжай один спокойным шагом.

Дав этот совет, он поскакал вместе с товарищами. Как замечательно, что в мире есть добрые и отзывчивые люди! Думаю, те, кто испытали на себе доброту, сами становятся добрее.

На следующий день зять Манап специально зарезал барана для моего отца. Женщины принялись солить и сушить

мясо. Чтобы оно лучше сохранилось, нужна была, как минимум, неделя. Когда все было готово, зятя колхоз не отпустил с работы, чтобы отвезти тестю приготовленные продукты. Из близких родственников Манапа тоже не нашлось никого, кому можно было бы поручить это серьезное дело. Потому зять решил передать продукты через меня. Хоть я и побаивался ехать верхом на коне с поклажей, пришлось покориться обстоятельствам.

Зять оседлал для меня спокойную кобылу, положил в мешок два пуда пшеницы, высушенную баранину, навьючил его на спину кобылы, приторочил к седлу, проверил устойчивость и затянул, перехватив вокруг брюха веревкой. После всех этих тщательных приготовлений усадил меня верхом, и, проводив до большой дороги, дал на прощанье наставления:

– Поезжай, не спеша. Даже не ускоряй шага. Иначе равновесие мешка нарушится и ты вместе с ним свалишься на землю. В любом месте, где остановишься, держи кобылу на поводке и днем и ночью. Эта кобыла не любит, когда ее стреножат. Не ослабляй подбородник уздечки, кобыла может снять с себя узду.

Я благополучно добрался до берега Иртыша. Паром обычно долго стоял в ожидании, пока соберется достаточное количество пассажиров, но на сей раз он, казалось, дожидался только меня, одинокого всадника. Поскольку я всю дорогу боялся потерять ценный вьюк, то обрадовался, увидев на пароме знакомое лицо – Токтагана, сына Енсебая из рода Бура, он приходился нам дальним родственником по линии матери. Токтаган работал конюхом в районном НКВД и теперь вез из пункта заготовки овес для лошадей учреждения. Узнав, откуда еду, огорошил:

– Милок, ты опоздал на один день. Твоего отца и тех, кто работал с ним на кирпичном заводе, вчера этапировали пароходом. Бедный твой отец уехал без продуктов.

Эта весть сразила меня. Переправившись, мы поехали медленно, соответственно шагу моей лысухи. Через некоторое время Токтаган сказал:

– Племянничек, таким шагом мы сегодня даже до Куйгана не доберемся. Я заночую по пути в ауле, чтобы добраться домой завтра, а ты прибавь шагу, и, не переходя на быструю рысь, мелкой трусцой добирайся засветло домой.

Я решил внять этому совету, забыв наставления зятя. Подгоняя кобылу, трусцой удалился от телеги на 150–200 метров и внезапно свалился с нее вместе с седлом и мешком, выпустив поводья. Освободившаяся кобыла резво поскакала в сторону, в направлении Иртыша, текущего в двух-трех километрах. Пока вытаскивал ногу из-под мешка, подъехал мой родственник. Убедившись, что я цел, он распряг одну лошадь и без седла поскакал вдогонку за моей кобылой. На дороге я остался один. Кругом ни души. Исчезли из виду и беглая кобыла, и Токтаган. Их не было очень долго. Вечерело. В одиночестве и неизвестности я начал волноваться. Наконец, показался мой спутник с кобылой на поводу. Запрягая лошадь в телегу, он рассказал:

– Еле поймал, оттеснил к крутому берегу. Почуяла, что на другом берегу, напротив этого места, родное зимовье – хотела переплыть Иртыш и добраться до него. Лошадь – священное животное, она знает, любит и помнит родные места.

Вместо того чтобы гневаться на кобылу, Токтаган восхищался ее привязанностью к родной земле. Рассмотрев валявшиеся на земле седло и подпругу, он сказал, что теперь я не смогу ехать со своей поклажей, поскольку подпруга порвалась. Токтаган положил мой мешок к себе в телегу, седло без подпруги веревкой накрепко закрепил на спине кобылы, а ее хвост привязал к дышлу телеги:

– Ну, племянничек, садись на кобылу и езжай впереди телеги, натягивая ее хвост.

После этого тяжело нагруженная телега поехала значительно быстрее. Запряженные лошади перешли на легкую рысь. Я тоже ехал легкой рысью впереди телеги. Родственник тем временем поучал:

– Кобылу слегка погоняй камчой, но смотри, чтобы хвост натягивался ровно, не ослаблялся и не дергался. Сила лошадиного хвоста равна силе ее шеи. А в некоторых случаях может быть и сильнее. Чувствуешь, как полегчало запряженным в телегу лошадям? Нам следует засветло добраться до ночлега, ну-ка, погоняй! – И стал стегать бичом своих лошадей.

Токтаган ага взял меня под свое покровительство. В доме, где мы остановились на ночлег, он вырезал из сыромятины ремни и дратвой сшил порванную подпругу. Наутро мы снова запрягли «тройку» и продолжили путь. Приблизившись к районному центру, Токтаган ага остановил «кортеж»:

– Подожди, передохнем. Если мы в таком виде въедем в аул, кто-нибудь из местного начальства придерется, что мол я на казенных лошадях привез кулацкое имущество. Я навьючу твой мешок на кобылу, поезжай медленным шагом. А я, пока ты не отъедешь, задержусь немного.

Если бы мне не повстречался этот добрый человек, то я, наверняка, остался бы где-нибудь в пути. Милосердные и добрые люди – награда Господа. Но, к большому сожалению, рядом с такими живут на земле и существа, начисто лишенные доброты и милосердия!

Выслушав мой рассказ о путешествии, полном приключений, мать произнесла:

– О святые покровители, сам Бог помогал тебе! Это по воле Аллаха повстречался тебе Токтаган. Ты мог бы на ночь один остаться в степи. И что бы с тобой тогда случилось, страшно даже представить! Токтаган – настоящий человек, познавший трудности. Пусть он увидит счастье своих детей. Если он пожалел тебя, то пусть его Бог пожалеет. А зять

и сваты каковы! Малого ребенка отправили одного в дальнюю дорогу верхом с тяжелым вьюком!

Не зря говорится, что хорошего человека Бог милует. Токтаган, человек с большим и добрым сердцем, состарился в кругу своих детей и внуков – таких же милосердных и добрых, прекрасных специалистов, высокообразованных руководителей хозяйств и учреждений.

Мама очень переживала, что отца увезли без еды и вещей. В доме было лишь около полпуда зерна, закончился керосин, поэтому по вечерам приходилось ужинать при свете горящей печи. Существует назидание: «Перетерпи трудности, нужду». Его оставили нам предки, переживавшие, возможно, не меньшие, чем наши, тяготы судьбы.

Еще свежи были впечатления о приключениях недавнего пути, а я снова собирался в дорогу. На этот раз надо было ехать с двумя лошадьми. Зять Манап наказал привести обратно саврасую кобылу, ту, что подарил нам летом, когда отец работал на кирпичном заводе. Тогда отец возражал: «К чему мне лошадь? Куда я на ней поеду? Нам не разрешают уезжать далеко от дома. Если бы Бог хотел, чтобы я ездил на лошади, то разве позволил бы остаться без кола, без двора?» Но зять настаивал: «Пусть она у вас будет. Если далеко не поедете, хоть на близкое расстояние пешком не ходить».

В прошлом аульная детвора приводила с пастбища коней и отводила их в табун на выпасы, садясь верхом без седла на одну и держа на поводу другую. Такую работу умели выполнять восьми- девятилетние мальчики. Но никто из них не выезжал на оседланной лошади в дальнюю дорогу, ведя рядом вторую. Не делал этого в том возрасте и я. Теперь все приходилось узнавать на практике.

Если всадник выезжал в дальнюю дорогу со второй лошадью на поводу, его называли путником с двойной или запасной лошадью. Две лошади необходимы путнику в том случае, если он собирается преодолеть далекое расстоя-

ние как можно быстрее без передышки и отдыха. Вторая лошадь была нужна путникам для провизии или тяжелых вьюков. Нередко запасную лошадь посылали для особо почетных гостей или для лекаря, чтобы ускорить его приезд к больному человеку. В первом случае говорили: «специально выслали лошадь», а во втором: «доставили на нарочной лошади». Чтобы вторая лошадь не препятствовала ходу основной, она должна идти вровень с той, на которой едет всадник. Мне вторая лошадь была необходима, чтобы возвратиться на ней домой.

Под покровительством великодушного дяди

Доставив Манапу его кобылу, я вернулся на нашей саврасой в дом, где осталась мать, но вместо нее увидел незнакомую женщину, сообщившую, что наша семья переехала к дяде Кожахмету. До того как мы вселились, этот домик бесхозно пустовал. Мать договорилась с родственниками хозяев, что мы здесь перезимуем. То ли кто-то подговорил хозяев, то ли родня посоветовала не иметь дела с кулацкой семьей, но, нарушив уговор, нашу семью выселили. Это была наша третья неудачная попытка найти приличное жилье. Однако это было только началом. Мы тогда не представляли, какие страдания ожидают нас, бездомных, в дальнейшем.

Второй родной брат моей матери дядя Кожахмет был мирным, трудолюбивым и бесхитростным человеком с широкой душой, неизменно добродушным, готовым помочь другим. Может, поэтому в ауле все от мала до велика звали его Адем. Избежав клейма «кулак», которым пометили его брата Мукатая, он боялся аульных активистов и уполномоченных, опасаясь, что его назовут кулацким прихвостнем, и старался жить тише воды и ниже травы. Дом Адема был даже и не домом, а просторной комнатой с печкой. В ней те-

перь жили девять человек из двух семей. Самое поразительное заключалось в том, что в этом же помещении располагалась контора местного колхоза. Комнату подпирала свая, делившая ее надвое. Там, где располагалась контора, стоял единственный стол, возле него – единственная табуретка начальника и вихляющая, танцующая скамейка. У противоположной стены стояли кровать и жукаяк. Глиняный пол был голым, без подстилки. Да и стелить не стоило, потому что с утра до вечера пол затаптывали ноги посетителей конторы и стоял несмолкаемый гул голосов. Домочадцы все это время обычно сидели на кровати. Ежедневные домашние хлопоты – вынести золу, принести воду, дрова для топки, развести огонь, приготовить пищу – соседствовали с решением хозяйственных вопросов колхоза. Такая картина была обычным явлением во многих аулах. Люди смирялись и терпели такую жизнь!

Дядя Адем, жертвуя спокойствием своей семьи, сдавал половину комнаты в аренду под контору колхоза не от хорошей жизни. Иного выхода у него не было. Среди нас девятерых Адем был единственным добытчиком средств существования. И трудился он фактически даром, потому что у колхозников кроме трудодней, записанных на бумаге, ничего не было. Дядю очень заботило, как обеспечить всех нас хоть каким-то пропитанием. Он частенько затевал об этом разговор. Что еще ему оставалось делать? Имевшиеся в доме запасы были весьма скудными. До конца года, пока колхоз не сдаст должное государству, его членам не видать ни зернышка. Колхоз, если верить обещаниям, должен был стать для бедняков и матерью и отцом, и кормильцем, а на деле колхозники попросту голодали. Адем в целях заработка взялся обеспечивать контору колхоза дровами и для их перевозки выпросил в колхозе бычка. Но руководители хозяйства послушного дядю, не чуравшегося тяжелого труда, не отпускали с колхозной работы, потому заготавливал

дрова и перевозил их на бычке его 16-летний сын, к которому присоединился и я. В наши обязанности входило ежедневно заготавливать полный воз хвороста для печи. Мы с братом Базаром ехали на реку Курчум, текущую вблизи аула, и рубили ивняк, небольшие березки, молодой кустарник, грузили их на сани и по очереди везли то домой, точнее, в контору, то в районный городок, где меняли, не торгуясь, на картошку или зерно. Выменивать удавалось немного. Однажды дядя предложил нам наняться в сельпо перебирать картошку. Там за десять ведер отобранной картошки одно ведро давали в качестве платы за работу. Мы пошли, но работа не заладилась. В погребе сельпо почти вся картошка сгнила, целые картофелины попадались редко, и мы снова занялись дровами.

Ребенку в любое время года трудно делать работу взрослых. А зимой особенно. С наступлением декабря, работать стало совсем тяжело. И хотя цены на дрова поднялись, мы долго не выдерживали на холоде. Стали ездить за дровами через день. Это обстоятельство радовало нас, «дровосеков», хотя и сказывалось на благосостоянии семьи.

Кроме забот о еде всех нас тяготили думы о судьбах отца и дяди Мукатая, увезенных неведомо куда. От них давно не было никаких вестей. Лишь в начале зимы, по прошествии трех месяцев, пришло письмо родным от Кабыла – сына Килыбая, бывшего вместе с отцом. Там было написано: «Вместе с группой аульчан прибыли в Риддер. Живем в бараке. Работаем под землей». Автор письма перечислил всех, кто с ним находится, в числе прочих он назвал и имя отца. Вдобавок было приписано: «Шаяхмет жив-здоров, передает привет своей семье. Переживает, что нет вестей. Просит написать ему письмо». Мы радовались этим строчкам из чужого послания, будто они пришли от самого отца. В те времена не то что письмо написать, с трудом находили людей, умевших прочесть полученное. Этому грамотею

сразу несли письма для читки, и он же писал на них ответы. Письма приходили очень редко, потому что заключенные были почти все неграмотными. Я три зимы обучался в школе и хотя не мог читать написанное другими, свое написать мог. Под диктовку матери я написал отцу о нашей жизни. Моя грамотность произвела большое впечатление на мать и всех вокруг, словно я был волостным писарем.

Опасные поездки

Стояла пора, когда мороз особенно крепчает, а реки покрываются толстым панцирем льда. Устанавливался путь по замерзшему льду, и прибрежные жители, радуясь этому, делились новостями: «Иртыш замерз до такого-то места, переезжать можно».

Иртыш, текущий с юга на север, начинает замерзать снизу по течению. В начале зимы вода покрывается тонкой пленкой льда. По мере приближения к северу лед становится толще. На трескучем морозе льды нарастают в толщину и ширину, большие льдины, упираясь в берега, образуют ледяные мосты. Благодаря этому дару зимы население может свободно переходить с берега на берег. И однажды, перейдя ледяной мост, у нас появился зять Жантурсын – муж старшей сестры отца. Две его лошади были запряжены каждая в свои сани. Он приехал, чтобы забрать нас, сирот при живом отце, к себе. Об этом переезде предварительной договоренности не было. Видимо, тетя и ее муж посчитали себя обязанными поддержать нашу семью. Жантурсын настолько торопился, что мы не успели забрать припрятанные у родни вещи. Взрослые, посовещавшись между собой, решили, что остальные пожитки привезу я. Зять погрузил на сани наш нехитрый скарб, посадил мать с тремя детьми и отправился в дорогу. А мне вскоре предстояло в одиночку пускаться

в путь, полный трудностей и приключений. Хотя это очередное задание я воспринял без особого энтузиазма, все же согласился, потому что помнил материнские слова: «Мне кроме тебя надеяться не на кого».

В тот же день, как уехала мама, я отправился на коне в аул наших родственников. Там жила родня по дедовской линии: Ескендир и Жакып Макажановы, Рахымжан и Алжан Мукажановы. У них родители спрятали во время конфискации одну расшитую кошму и целый войлок.

В начале 1930-х неграмотные казахи, не зная законов, не зная своих прав, всего боялись, а больше всего местных активистов. Сейчас я хочу рассказать о невежественном, беспочвенном страхе людей, порожденном новыми порядками. Хозяин дома, в котором были наши вещи, не разрешил мне возвращаться засветло. Дядя Алжан посчитал, что в таком случае любой встречный активист аула сможет отобрать вещи, мотивируя тем, что, мол, это имущество баев и кулаков, скрытое от конфискации. Он боялся обвинения в содействии кулакам и из осторожности продержал меня до вечера, а мою кобылу прятал подальше от людских глаз, в дальнем сарае. Просидев до темноты, подобно ворам и грабителям, я стал свидетелем тайных разговоров моей родни. Они шепотом сообщали друг другу: «В том колхозе, в этом ауле забирают в общее пользование дойных коров, поэтому многие хозяева вчера их резали. Придется и нам сделать то же самое». Так поступали новоявленные колхозники, не желая отдавать в общее хозяйство последнюю скотину.

С наступлением сумерек Алжан ага, навьючив на моего коня кошму и войлок, отправил меня не прямым, а кружным путем, по которому очень редко ездят путники. Дядя позаботился о сохранении обыкновенного войлока, цена которому какие-то копейки, и обезопасил себя от подозрений, но почему-то не подумал о безопасности мальчика на зимней ночной дороге в 20 верст.

…Ночь. Облачное небо, кругом лежит белый снег. Безлюдная степь. Еду один-одинешенек. Потихоньку одолевает страх. В какой-то момент показалось, будто что-то чернеет впереди, похожее на медведя. А то вдруг почудилось: что-то шевелится, напоминая чудовищ. Еду медленным шагом, а страхи все растут и растут. И вдруг сверкнули две точки огня. Натянув поводья, резко останавливаюсь. В голове мелькнуло: «Шайтан! Это огни шайтана!» – и я, повернув коня, хочу ускакать прочь. К своему счастью, вовремя вспоминаю слова старших: «От шайтана не убежишь, надо остановиться, сказать «бисмилля!» и двинуться ему навстречу. Тогда шайтан уйдет с твоей дороги». Хлестнув лошадь камчой, я рванулся навстречу огням. Саврасая кобыла поскакала быстрым галопом. На пути встретился небольшой овражек, и я спустился туда. Огни исчезли. Когда выехал наверх, огни не появились. Пытаясь удалиться от этого места подальше и все еще скача галопом, я поднялся на небольшую возвышенность и увидел огни районного центра. Их-то, оказывается, я и принял за «огни шайтана». Сердце успокоилось, чувства поостыли, но это ночное путешествие еще дважды грозило мне серьезной опасностью. Пока я скакал, «нападая» на шайтана, не заметил поворота дороги в нужный мне аул и свернул в сторону соседнего. Идущая по бездорожью лошадь вдруг резко остановилась. Нагнувшись, я вгляделся вперед и ужаснулся: «О Боже, сохрани!». Мы стояли на самом краю пропасти на высоте 20-30 метров. Если бы кобыла не учуяла опасности, мы бы сорвались с высоты и погибли. Боясь повернуть, я осторожно натягивал поводья, заставляя лошадь пятиться и таким образом отойти от края пропасти.

Высокий каньон находился недалеко от аула дяди. Сориентировавшись, я подъехал к ледяной переправе. Она покрылась паводком. В темноте трудно было разобрать: то ли это паводок поверх льда, то ли лед так оттаял. На горных реках с быстрым течением подобное случается. Во время первых

морозов горные реки замерзают местами, а там, где быстрое течение, они не замерзает и в лютые морозы. Воды родниковых ручьев, впадающих в реку, заливают льдины и текут поверх, истончая лед. При переезде по коварному насту можно утонуть, поэтому, подъехав к переправе, я остановил у берега лошадь, и, не зная, что делать дальше, перебирал различные варианты. Переправа по свободной ото льда воде тоже небезопасна. Лошади трудно будет выбраться из воды на высокий прибрежный лед, нависший над берегом. Пока я так раздумывал, саврасая сама приняла решение, выбрав переход по льду с паводком. Медленно и осторожно она двинулась вперед. Меня одолевал страх, но вспомнились слова старших, что лошадь чует опасность и не пойдет ей навстречу, даже если заставлять силком. Второе, что меня успокоило, – народная мудрость: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать» и «Что написано на лбу, того не избежать». Если будет на то воля Аллаха, смерть отыщет и дома. Отпустив поводья, я предоставил лошади полную свободу. На самом деле опасность была велика: подо льдом была большая глубина – в несколько раз больше лошадиного роста. Если лед не выдержит… Я боялся, а саврасая кобыла, то ли принюхиваясь, то ли прислушиваясь ко льду и шуму воды, спокойно и осторожно ступая, шаг за шагом шла вперед. Она не была подкованной, копыта ее скользили. И это пугало меня еще больше. Дрожа всем телом, я, наконец, выбрался на берег и выдохнул всей грудью: «У-ух!»

Назавтра, когда рассказал дяде Адему о своей ночной переправе, он прочитал мне целую лекцию:

– То, что боялся льда, это ребячество. Толстый лед в такое время года не истончается от паводка. Опасность состоит в скользкости льда, поверх которого течет вода. По такому льду неподкованная лошадь скользит и передвигается с трудом. Порой бывает, поскользнется и падает. Ты смог переправиться без происшествий потому, что твоя кобыла

приноровилась к трудному переходу, у нее есть опыт подобной переправы и, слава Богу, она удержалась на ногах.

Впереди меня ждала дорога длиной в 40 километров в аул зятя Жантурсына, куда уехали мама с братом и сестрами. Предстояла еще одна переправа через покрытую ненадежным льдом реку. Ехать не хотелось. Эти трудные и опасные путешествия мне надоели, но ничего не поделаешь: надо. Дорога была мне отчасти знакома еще с осени, но дядя наказал добираться незнакомым, кружным путем:

– Та дорога, что знакома тебе – это кратчайший путь. Если поедешь по ней, должен будешь пересечь районный центр, где тебе может встретиться много людей. Если повстречается знакомый активист, он конфискует у тебя, как у сына кулака, все: и войлок, и лошадь, и седло, а самого тебя бросит в степи. К тому же придется переезжать через Иртыш по льду. Переправу ты знаешь плохо, можешь попасть в полынью. Поэтому переходи Иртыш выше по течению и езжай вдоль его безлюдного западного берега.

Дядя послал проводить меня сына Базара и скрупулезно объяснил ему, как переправить меня через реку:

– Со вчерашнего дня люди, говорят, переправляются по льду возле Камышенки. Переправь Мухаметкалыма именно там. Идите по следам саней на льду легкой рысью, держитесь друг от друга на расстоянии. Если поедете рядом или поскачете, тонкий лед может не выдержать. Когда переберетесь на другой берег, направь его вдоль песчаной дюны. Наверное, там не будет следов, но под тонким слоем снега должна просматриваться колея дороги.

Мне дядя дал особые указания:

– По дороге, что покажет тебе Базар, поедешь вдоль Иртыша по песчаной кромке. На пути тебе встретятся три озера, они соединяются с рекой малыми перешейками. Будь осторожен, переходя через перешейки, можешь завязнуть в грязи. Лед на них обычно в это время бывает тонким и под

ним болотная грязь. Лошадь, попав в такое место, никогда не выберется. Дорога, по которой ты поедешь, песчаная. Сейчас поверхность песка покрыта тонкой корочкой льда. Если лошадь пойдет быстрым шагом, эта корочка может треснуть, ее копыта начнут проваливаться через разбитый лед в песок, и, увязая, лошадь быстро устанет, может поранить ноги и захромать. Дорога твоя дальняя, безлюдная, не ровен час останешься в степи, замерзнешь, – пугал он меня. – Сейчас на дороге нет следов, снег тонкий, он не помеха для лошади. Следуя дорожной колее, ближе к краю песчаной дюны, достигнешь мазара с башней. Недалеко от могилы дорога делится надвое – одна ветвь идет влево, на песчаную дюну. Через нее попадешь в аул Кокжира, его ты знаешь. Там легко найдешь дом Жантурсына.

Сменив кратчайший путь обходным и дальним, я выехал на дорогу, указанную мне Адемом. Этот путь только назывался дорогой. Безлюдье, не видно ни зверя, ни человека. Я заметил следы лишь двух лошадей. Жители округи, отдавшие свой скот в колхозы, не приехали сюда зимовать. По пути мне часто встречались заброшенные дома, хлева. Вспомнились слова старших о том, что в бесхозных домах обитают шайтаны и джины. Еще я боялся волков. Я знал, что стая этих голодных хищников зимой способна окружить и растерзать одинокого всадника вместе с лошадью. Обуреваемый страхами, к закату солнца я все-таки добрался до аула. Наверное, выглядел я неважно, потому что встретивший меня первым сосед воскликнул:

– Этот мальчик, видимо, сильно замерз! – Подбежав, он помог мне слезть с коня.

На мои детские плечи легли непомерные трудности, но я, не избегая их, старался вносить посильную лепту в облегчение жизни родных. Это не было нормой и в то время, но не было и чем-то из ряда вон выходящим. Советы и наставления старших – степная наука, сослужившая мне добрую служ-

бу. Для каждого мальца того времени советы старых людей были фундаментом воспитания, опыта и новых знаний.

Сегодня много говорится об опыте национального воспитания, в школах проводятся уроки народной педагогики. К сожалению, все ограничивается азами. Это просто беседы с учениками. Детей едва-едва знакомят с традициями народа, с его обычаями. Я же считаю, что молодежь надо обучать народным традициям практически.

Жизнь традиционного казахского аула с младых ногтей готовила детей к трудностям реальной жизни. В пять лет меня впервые посадили на коня и я научился ездить самостоятельно. С этого времени с каждым годом расширялись и усложнялись мои обязанности: пасти ягнят, доить овец, пригонять скот с близких пастбищ и многое другое. Вначале взрослые отправляли меня пешим или на коне пригонять скот с пастбищ, что на околице аула, в шесть-семь лет стали посылать на дальние пастбища, учили искать отбившихся от табунов животных. Позже поручили пасти отары овец, гнать их во время перекочевки. Я исполнял и роль вестника, выезжая по поручению отца к его родным, друзьям. Все эти занятия дали свои результаты: я приобрел множество навыков, которые впоследствии очень пригодились.

Жантурсын

Жантурсын прежде был человеком с достатком. В 1916 году вместе с родственниками, избегавшими отправки в царскую армию, он уходил в Китай, где потерял весь скот и имущество. Спустя год Жантурсын вернулся в родные края со старой коровой, посадив на нее единственную дочь с единственной ценной вещью – медным чайником. Сами супруги шли пешком. Они с трудом добрались до родины и два или три года прожили в нашем ауле. Аул помог обни-

щавшей семье встать на ноги, обеспечив самым необходимым для жизни степняка. Казахи не зря говорят: «Судьба переменчива: если тебе повезет и ты поможешь другим, то в случае нужды помогут и тебе». Теперь зять помогал нам. Он не вступил в колхоз, а посеял весной просо на выделенной ему земле. Урожай получился хороший, дядя отдал государству налог и сам заготовил достаточный для пропитания запас зерна на зиму. Хотя он не был богат, но решил помочь осиротевшей семье брата жены.

Бывший однолошадным бедняком еще два-три года назад, дядя в нынешнем понимании нищих аульчан стал богачом. Пока соседи-колхозники ожидали своей доли из общего котла, он уже заложил в закрома годовой запас зерна. Они ходили пешком, а в сарае Жантурсына стояли две лошади. Когда колхоз гонял своих плохо одетых и обутых работников на различные работы, Жантурсын отдыхал дома.

Женские заботы

Женщины кочевого племени в начале 20 века начинали работу на рассвете и завершали поздней ночью. В их обязанности помимо ежедневных забот о детях и домашних дел входили уход за животными, хлопоты во время перекочевок. Раньше я за детскими шалостями этого не замечал, а зимой в доме зятя впервые осознал, что у женщин нет времени отдохнуть даже тогда, когда другие садятся за стол. У степняков женщины трудились больше мужчин. Одна из забот женщин – приготовление пищи. На традиционном казахском достархане после мяса второй продукт – тары. Из всех злаковых казахи предпочитали просо, выращивали его, хранили, готовили из него различные блюда. Наверное, поэтому самый высокий урожай проса в мире получил в свое время дехканин-казах Шыганак Берсиев из Актюбинской области.

Зять Жантурсын выращивал просо, и мы ели преимущественно крупу из него – тары. Я расскажу о трудоемкой технологии его приготовления. Эта работа требует физических сил и выносливости. Чтобы насытить две семьи, мать и 16-летняя сестра Алтынжан два дня в неделю с утра до вечера занимались только тем, что из проса-сырца делали тары. Правильно очищенное зерно – белое, сухое, хрустит на зубах и рассыпается, но начала просо варят, сушат, потом жарят в казане. В этом процессе существуют свои тонкости: если просо-сырец не доварить, то зерно не отделяется от шелухи, а если переварить, зерна чернеют.

Из отбеленного проса казахи готовят множество вкусных и калорийных блюд. Сухое тары смешивают со сливочным маслом, со сметаной. Его едят с горячим молоком или варят в молоке. Если тары размягчить в ступе, подливая туда понемногу горячее молоко, а потом смешать с маслом или сметаной, то получится питательный деликатес. В сухом виде тары размалывают в ступе или на ручной мельнице и в полученную мелкую крупу добавляют иримшик *(сухой творог. – Прим. переводчика. К.Н.),* мед или сахар. Если прокипятить такую смесь в масле, получится вкуснейшее блюдо – коспа. Его подают по праздникам и особо почетным гостям. Еще один рецепт: в ступе толкут тары с сырым курдючным салом. Крупа из тары впитывает в себя жир, и получается сытная мамалыга.

Страдания бесприютных

Мы зимовали в ауле, где жили три-четыре семьи. В нем не было ни радио, ни телефона, ни почты для связи с внешним миром. Поскольку у жителей не осталось средств для передвижения, они стали мало общаться между собой. В ауле циркулировали только слухи. Что творилось в стране,

мы не ведали, как не знали и об участи наших сосланных отцов. Сами мы до поры до времени жили в относительном благополучии.

Наступил 1932 год. Зима вошла в свои права, лежали огромные сугробы, реки сковало толстым слоем льда. Во дворе лютовал январский мороз. В один из таких дней наш сосед – родственник хозяина арендуемого дядей дома, сообщил, что тот намерен вернуться и велел освободить его жилище.. Дядя Жантурсын очень расстроился после получения этой вести. Я тоже заволновался, видя озабоченность взрослых. Лишиться среди зимы жилья – перспектива ужасающая. Взрослые еще надеялись: «Может, родственник хозяина дома не так его понял? Зимой человеку переезжать нелегко, и хозяин дома, возможно, подождет до лета». Но в один прекрасный день появился сам хозяин и велел в течение недели освободить жилье. В ближайших аулах квартиры не нашлось – кто захочет подселить семью из семи человек? Не зная неписаного закона аренды, гласящего, что зимой людей на улицу не гонят, мы не стали разбираться с хозяевами дома и переехали в аул Каргалы, что в 8 километрах от Кокжира, и поселились в пустующем доме зятя Манапа.

То, что вынужденный зимний переезд – не торжественный праздник кочевья казахов, убедились все мы от мала до велика. Особенно тяжко все эти мытарства дались зятю Жантурсыну. Зимняя перекочевка сказалась и на душевном состоянии взрослых, и на мне, поскольку я в меру своих сил помогал зятю. Это событие стало для меня важным жизненным уроком. Хотя дядя по дороге и осыпал проклятиями преграды на пути, обессиленных лошадей, государство, оставившее своих граждан на произвол судьбы, хозяина дома, выгнавшего нас в лютый мороз, и даже Бога, все же он не забывал давать мне дельные советы. Он научил, как приспособить зимой для жилья пустующий дом, как загружать в сани вьюки, что делать в пути, если лошадь устанет.

Учил обходиться с уставшими, отощавшими лошадьми. Его советы, касавшиеся лошадей, были созвучны русской пословице: «Лошадь погоняй не кнутом, а овсом»

Казахи без скота

Аул Калмакбай рода Сатыбалды – потомков Касаболата, в который мы переехали, принадлежал внукам третьего сына Белгибая, сына Наймана – одного из крупнейших племен казахов, рода Бес Болат Карауыл Жасык. Аул из семи-восьми домов в прежние времена славился достатком и единством. Жили здесь настолько зажиточно, что сразу три семьи были причислены к баям и кулакам, их скот и имущество конфисковали, хозяев репрессировали. Они вели хозяйство, подражая русским, общаясь с ними и многое перенимая у них. В их среде было даже несколько мужчин, знавших русский язык. Зять Манап, например, проучился два года в русской школе. Подобные новшества до нас, курчумских казахов, еще не дошли. В первый год зимовки в этом ауле я в полной мере уяснил смысл поговорки: «Долг соседа – долг перед Богом». Нашим двум семьям был оказан поистине царский почет. Моя мать его оценила: «Это достойный подражаний аул, предки у них – истинные аристократы».

В ауле, где нет скотины, а о школе еще не мечтали, детям остается только играть. От игр я отрывался только чтобы напоить двух кобыл, пару раз дать им сено и почистить загон. Друзья старались помочь мне, чтобы скорее вернуться к играм. Мы день-деньской катались со снежных холмов у восточного подножья Калбинских гор, грелись на солнце до самого его заката. За играми я забывал о трудном положении своей семьи, о судьбе отца. Блаженная детская пора!

А теперь расскажу о некоторых событиях из жизни первых колхозов зимой 1931-1932 годов, что, я надеюсь, небез-

интересно нынешней молодежи. С образованием колхозов произошло резкое сокращение поголовья скота. И этот процесс все усугублялся. Колхозники были научены горьким опытом, когда отнятый государством скот отощал от бескормицы и его сначала зарезали на мясо, а потом сгноили. Поэтому теперь почти всю скотину, оставшуюся в личных хозяйствах, тайно продали или пустили под нож. Лишь малая его толика была согнана в колхоз. Казахи страдали без привычной заботы о скоте: «Тоска берет по голосам животных». В ауле, где мы теперь поселились, остались всего две лошади и один верблюд, и те принадлежали нам, пришлым.

Люди с трудом привыкали к тому, что их скотина находится на далекой колхозной ферме и больше не является их собственностью. При выписке транспорта многие старались взять именно свою лошадь и при первом удобном случае увести свою бывшую скотину с фермы домой. Это не считалось воровством. Со временем количество колхозной скотины уменьшилось настолько, что специальная комиссия начала расследование. Она объезжала аулы, обыскивала каждый частный двор, стараясь обнаружить колхозный скот. Коснулось это и нас. Три человека во главе с доверенным лицом председателя аульного совета провели в нашем доме обыск, чтобы отыскать припрятанную скотину, осмотрели загоны и хлев. После обыска комиссия решила забрать одну из двух наших кобыл, саврасую. «Это кобыла Калмакбаева Манапа. Мы конфискуем ее на колхозную ферму», – и попытались увести животное. Зять Жантурсын стал объяснять руководителю комиссии:

– Действительно кобыла принадлежала Манапу, но он подарил ее еще до коллективизации тестю. Мы не прячем ее. Мать четверых детей держит ее открыто как свою законную частную собственность, считая опорой для существования семьи. Если отберете, это будет бесчеловечно. Колхоз ею не обогатится, да и тебе самому пользы никакой.

Комиссия не вняла его словам. Тогда Жантурсын предложил взять вместо кобылы мзду.

– А что ты дашь? Что у тебя есть? – ухмыльнулся руководитель комиссии.

– Есть литровая бутылка водки. Хранил, думал, обменяю на чай, бери ее.

– Ладно, кобылу оставлю, но чтобы до следующей ночи она тут не стояла, прирежь ее. Если не сделаешь этого, опять ее кто-нибудь заприметит, а там хлопот не оберешься. Тебя могут обвинить в краже колхозной лошади.

Дядя Жантурсын отдал «заботливому» уполномоченному, разоблачителю воров водку, и тот радостно ушел с добычей восвояси. А нам поневоле пришлось зарезать саврасую. Вот так аульные активисты помогали укреплять колхозы.

В первые годы коллективизации советская власть эксплуатировала крестьян безо всяких ограничений. Она обязывала их работать бесплатно в коллективных хозяйствах, доведенных до кризисного состояния неумением или халатностью руководителей. В трудовую повинность входили дорожное строительство, доставка почты, вырубка лесов для установки телеграфных столбов, рытье ям для них, работа на рудниках в горах Алтая и Калбы и даже помощь единственному в районе совхозу. Объемы работы не устанавливались, сроки ее выполнения тоже, не предусматривалась и оплата труда.

Естественно, дармовой труд не вдохновлял людей и не содействовал становлению хозяйств. Моральное состояние колхозников было удрученным. Зимой их отправляли трудиться на далекие участки, не создав там даже маломальски приемлемых бытовых условий. Например, лесорубы постоянно жили в наспех сооруженных хижинах. Те, кого отправляли для временной помощи в рудники, пытались переезжать туда с семьями, потому что их снабжали по карточкам небольшим пропитанием, но жили они на съем-

ных квартирах нередко по 10-15 человек в одной комнате. Весной все командированные должны были возвращаться в колхозы для весенне-полевых работ. Люди искали любую зацепку, чтобы остаться на рудниках. Это плохо сказывалось на и так не блестящих колхозных делах.

Почему колхозники покорялись и рабски выполняли требуемую от них работу безо всяких условий и оплаты? Потому что население было запугано и не верило, что кто-то может помочь в свалившихся на них бедах. Судьба каждого колхозника была в руках колхозного руководства. Все это вынуждало людей ради куска хлеба для семьи и детей, ради элементарного выживания идти в добровольное рабство.

Эпидемия оспы

К кризисному положению народа прибавилась эпидемия оспы, разразившаяся зимой 1932 года. В народе говорили: «Оспа – это детский джут». Сегодня люди не имеют о ней представления. Благодаря медицинской науке, разработавшей вакцину для прививок, постепенно стираются страшные следы, оставленные этой болезнью в истории. В 30 годы 20 столетия эта болезнь пришла в казахские степи. Неизвестно, сколько детей стали ее жертвами, но я помню, что из семи семей аула Калмакбай безжалостная болезнь унесла 8 детских жизней. Три моих ровесника, товарищи детских игр, заболев оспой, отправились в мир иной. В семье зятя Манапа погибли трое детей из четырех в возрасте от двух с половиной до десяти лет.

В нашей семье оспой заболела самая младшая сестренка. Вероятно, оттого, что я был свидетелем мук девочки, течение болезни ясно запечатлелось в памяти. Первый ее признак – частое чихание, через сутки повышается температура, появляются папулы – закрытые язвы. Их количество

увеличивается ежечасно, пока они не покроют все тело. Затем появляется сильная отечность. Отеки меняют облик ребенка настолько, что различимы только дырочки ноздрей, вместо рта – полоска, а глаза совсем заплывают. Болезнь прогрессирует первые 5-7 дней, тогда-то и решается судьба ребенка – организм либо выстоит, либо погибнет. Родители молились со слезами, уповая на Божье милосердие. Самое коварное в болезни то, что язвы в последний момент исчезают. Позже они покрываются коростой, появляется сильнейший зуд, больной буквально рвет на себе кожу. Окружающие силой пытаются удерживать его от этого, потому что расчесанные язвы оспы могут превратиться в долго незаживающие раны, а затем в уродливую рябь. Существует поговорка: «Оспа всегда торгуется с человеком: что отдашь – свою душу или красу?» Болезнь нередко влечет осложнения: лишает человека слуха, зрения. Казахи, опасаясь этой напасти, стараются не произносить ее имя и говорят «святая». Слава Богу, после эпидемии 1932 года благодаря прививкам оспа больше не посещала столь масштабно нашу страну.

После оспы пришла еще одна напасть – эпидемия кори. Младенцы, не оправившиеся от оспы, часто умирали, заразившись корью. Горемычные родители тяжело переживали эти беды, не получая абсолютно никакой помощи от государства. Они уповали только на Бога.

Беглец

В те годы еще были люди, которые пытались уклониться от крепких «объятий» государства. Один из них жил в приютившем нас ауле. Беглецом был аульный середняк Ентибайулы Корамсак, человек среднего возраста. Он не согласился стать членом колхоза, и активисты пришли ночью

конфисковать его имущество и скот. Корамсак сел на любимого гнедого иноходца и бежал, весь 1931 год скрывался у родни, но в 1932 году вернулся домой. В ауле он не прятался и, хотя не выходил на люди, но и не скрывался от чужаков. Свою беспечность объяснял так: «Откуда чужим знать, кто я, на мне клейма нет!» или: «Чужак тоже разумный человек, авось не выдаст!». Все знали, где он находится, но никто не доносил властям. Во второй половине зимы на колхозной ферме участились случаи пропажи животных, и аульный совет для их поиска создал комиссию, которая стала обыскивать все дома подряд, явилась она и в дом беглеца. Активисты разворошили стог сена в поисках мяса краденых животных, а нашли известного в округе гнедого иноходца. Под стогом, у стены сарая, была сооружена ниша для коня и хорошо замаскированное отверстие для подачи воды. Конь, долго находившийся в сумраке, выйдя на свет, стал рваться из рук. Он легко тащил волоком на узде двух жигитов. Глаза его сверкали, как у беркута. От долгого стояния на месте без движения его копыта разрослись до размера блюдец, спина лоснилась на солнце шелковистой шерстью.

Народный акын древних времен Балаби так описал чувства казаха при виде иноходца:

Иноходец – святое животное,
Очаровывает человека.
Даже если сядешь на него против врага,
Он безропотен.
Хоть проедешь на нем по гладкому льду,
Каменные копыта его не поскользнутся.
Если на повадки его посмотришь,
Он гарцует, играючи.
Не насытишься его норовом.
Он как ястреб, взлетевший с опоры,
Настолько быстр его ритм.

Если ты беглец, то спасешься на нем,
Если преследователь, то настигнешь цель.
Никогда не собьется с ритма,
Любой год на иноходце удачен!

Вот почему Корамсак, как истинный степняк, рисковал своей свободой ради любимого иноходца.

Активисты, не найдя в ауле хозяина коня, собрались уводить его со двора. Родня беглеца шепотом вступила с ними в переговоры, а мы, ребятня, не могли налюбоваться конем, грациозно гарцевавшим, свободолюбиво вскидывая голову. Было очень жаль, что чужаки уведут его. Но вот взрослые перестали шептаться, один из них вынес из дома кусок отреза сукна и подал руководителю комиссии. Тот быстро развязал тесемки просторных кожаных брюк и запихнул ткань в широкую штанину. Нам неведомо, сколько аршин ткани было в отрезе, но комиссия оставила коня.

По весне Корамсак стал прятаться с конем в ущельях и оврагах. Новый председатель, желая проявить себя в глазах вышестоящего начальства, собрав десяток аульных активистов, вооружил их тремя охотничьими ружьями и сам возглавил поиски. Вскоре они вышли на след беглеца, но он, заслышав голоса преследователей, скрылся. По пути заскочил в аул, сказал о погоне и умчался в другое горное ущелье. Приехав в аул и вызвав старшего брата непокорного аульчанина, председатель стал кричать в ярости:

– Где Корамсак? Найди его! Иначе вместо него угодишь в тюрьму! – Он громко матерился и угрожал оружием. Аксакал Мамбет, выслушав угрозы, ответил:

– Если он тебе нужен, вон его следы. Идите по ним и ловите. Но не гарцуйте в ауле, не пугайте детвору и баб.

В ответ новый председатель так огрел старика прикладом ружья по голове, что тот упал. Это не образумило распоясавшегося начальника, он продолжал избиение лежавшего

уже без сознания человека, и никто из активистов не останавливал его. И тут с криком подбежала жена аксакала:

– Ты что, убить его хочешь?! Коли так, то убей сначала меня! – и выхватила ружье у него из рук. Озверевший председатель не сумел вырвать ружье из рук женщины, ярость его стихала.

Тем временем сгустились сумерки. Один из активистов рассудил:

– Пока мы тут толпимся, он с той горки нас всех перестреляет, как уток! Да и стемнело уже… завтра выследим и поймаем.

Активисты быстро удалились из опасного места прочь. Неизвестно почему, но и на второй день группа на поиски беглеца не вышла. Возможно, они решили, что тот уже далеко. Родственники беглеца, посовещавшись, сказали ему:

– Это не может долго продолжаться. Рано или поздно ты попадешься в открытой степи и получишь пулю в лоб. Поговаривают, что в этом году колхоз объединит аулы в одно хозяйство. Где в таком случае найдешь убежище?

Корамсак согласился:

– Действительно, что это за жизнь: я в бегах, а мою родню избивают… Делать нечего, я сдаюсь. В Китай, на чужбину, ехать не хочу.

Следующей ночью Корамсак спокойно подъехал к конторе НКВД в райцентре и добровольно сдался. В ходе следствия выяснилось, что он не совершал никаких преступлений, за ним не числилось большого хозяйства и раскулачиванию он не подлежал, дело на него не возбуждалось. Виноват он был лишь в отказе вступить в колхоз и в том, что был владельцем красавца коня. Позже комиссия более высокой инстанции, расследовав дело, сделала заключение, что скот и имущество Корамсака были конфискованы незаконно. Пострадавшего должны были освободить, а незаконно конфискованное вернуть, но советскую власть не заботило соблюдение прав

человека. Власть предержащих по-прежнему интересовала не судьба пострадавшего, а его иноходец. Пожелавший заполучить коня начальник ГПУ тянул с расследованием дела, пытаясь придать ему политическую подоплеку, но тут вмешалась прокуратура – она затребовала дело себе. Возник конфликт между двумя ведомствами. Наконец, дело было переведено в разряд гражданских и перешло к районному прокурору. Он сказал бедолаге приблизительно следующее: «Вы были в бегах в течение года. Это один из видов протеста против советской власти, по сути – преступление. Значит, вы должны быть осуждены. Но, учитывая, что за вами не числится иных проступков, мы можем отпустить вас, если подарите своего коня району. Председателю райисполкома очень понравился ваш иноходец. В ответ он проявит о вас заботу. Вам разрешат взамен взять из колхоза любого вашего коня или другого по вашему выбору».

У казахов существуют для таких случаев пословицы: «Лучше пожертвовать ухом, чем отдать голову» или: «Пусть лучше скотина станет жертвой, нежели моя жизнь». Корамсак понял, что получит свободу, лишь пожертвовав конем, и согласился. Незаконные с самого начала действия властей завершились двойным беззаконием. И творили его те, кто были призваны стоять на страже соблюдения законности.

А между тем приближалась горестная эпоха репрессий и геноцида, зловещим стервятником парила она над бескрайней казахской степью.

Посевная

Пришла весна 1932 года. Наступала пора пахоты, сева, окота – начало очередного цикла обновления жизни. Колхозы, готовясь к весенним работам, стали собирать колхозников, разосланных для выполнения различных повинностей,

и транспорт. Манап, всю зиму проработавший на Кулундинском руднике, где жил с семьей, оставив свой дом на зиму нам, весной вернулся в аул. На попечении зятя были семья его отца, заключенного в тюрьму, его собственная семья и мы. Всего 13 человек. Все мы ютились в одном доме.

В это время года, согласно поговорке, длинное укорачивается, а тонкое рвется. Мы были в бедственном положении, взрослые говорили об иссякающих запасах зерна. Как и другие семьи аула, мы не имели ни денег для закупки семян, ни ценных вещей на продажу. Вещи двух семей были в прошлом году конфискованы, другие ценностей просто не имели. А если что-то и было, то отвезти их на продажу из-за отсутствия транспорта мы не могли. Мама сберегла от конфискации седла, обитые серебром. Раньше за них могли дать слиток серебра в лошадиную голову или верблюда, а теперь, когда мы понесли эти серебряные седла на продажу в соседнее русское село, мужики смеялись: «На кой они мне? Бабу свою седлать буду? У меня в хлеву и свиньи-то нет. Даже кур не осталось». Торговли не вышло.

С наступлением тепла появились в наших краях нищие, просящие в виде милостыни что-нибудь съестное. Насколько я помню, прежде среди казахов нищие встречались крайне редко: увидишь двух-трех человек в год. Теперь люди торопливо, со страхом подавали им милостыню и справлялись, кто они, откуда, есть ли родственники и как дошли до жизни такой? Их пугала нищета. К тому времени голод еще не распространился на нашем верхнем Алтае, но его холодное дыхание уже чувствовалось.

После таяния снегов дядя Жантурсын как частный собственник получил от государства участок земли и уехал с тетей Батиш в поле. Наша семья осталась жить с семьей зятя Манапа, только что вернувшегося со своими домочадцами с рудника на работу в колхоз. Он взял меня с собою на пахоту в расчете на то, что там меня будут кормить. Посевная

кампания 1932 года началась с того, что всюду укрупняли колхозы и в их составе создавали бригады. Колхозники по большей части вместе с семьями выехали на полевой стан. Те, кто имели юрты, ставили их, кто не имел, сооружали шалаши из подручного материала. Члены бригады поначалу питались из общего котла. Все это было для казахов в диковинку, они приспосабливались с большим трудом. Каждая семья получала из общего котла с учетом работающих и нетрудоспособных свой паек, затем все шли в свое жилье. Коммунальное питание с самого начала стало вызывать недовольство: пошли пересуды, люди высмеивали качество пищи, ее количество. Это порой длилось целый день и оборачивалось скандалом. В итоге каждый работник стал получать свой пай и семьи готовили еду сами.

Пахать начинали с рассвета и завтракали часа через 2-3. Тем временем давали корм и отдых скоту. Затем работали до обеда, пополудни скотина отдыхала, люди тоже устраивали перерыв на пару часов, а потом трудились до самых сумерек. Два плуга в звене Манапа в те годы считались новшеством сельскохозяйственной техники, это были очень устойчивые плуги-буккеры, имевшие по два лемеха. Они не нуждались в поддержке человека, за ними не надо было идти следом. Два колхозника из нашего звена в двух концах поля только помогали поворачивать плуг в противоположную сторону. Дневная норма пахоты на два лемеха – 1,5 гектара. Норма для одного звена – 3 гектара. Мы, два мальчика, сидя верхом, целый день погоняли лошадей. Пока норма не была выполнена, кони не распрягались.

Во время пахоты каждый стремился поработать именно на недавно принадлежавшей ему лошади. Например, хозяином трех лошадей из пяти в нашем плуге был Манап. Когда он становился свидетелем небрежного отношения с его бывшей скотиной, то скандалил и даже лез в драку с виновником.

Казахи, до недавнего времени не считавшие волов за скот, полагали ниже своего достоинства использовать их физическую силу в работе, но впоследствии, в 1935-1936 годах, вол стал основной тягловой силой, а в преддверии Великой Отечественной войны еще и главным транспортным средством.

Работали люди добросовестно, не было случая, чтобы кто-то отлынивал. На бороздах не оставалось ни вершка нераспаханной земли, при бороновании все поле обрабатывалось качественно. Этому уделяли большое внимание и сами рядовые пахари, и бригадир. За недолгий период посевной я узнал от взрослых много интересного. Здесь я впервые увидел, что такое воровство. Редкий колхозник не брал себе то, что плохо лежало. Например, полеводы воровали семена, отчего до трети их не попадало в землю. И никто, кроме бригадира, не считал это воровством. Взрослые объясняли, что красть ничейное, колхозное не зазорно, это даже не грех перед Богом, но мне все-таки это было не по душе. К сожалению, во времена Советского Союза такой взгляд на государственную и коллективную собственность был весьма распространен. Этой своеобразной эпидемии не могли противостоять даже суровые законы советского государства.

Едем в Риддер

Прошло больше года с тех пор, как мы покинули родные места, и за это время никто из близких родственников не навестил нас. Они то ли забыли о нашем существовании, то ли вычеркнули нас из своей жизни. С тех пор как прошлой осенью мы из чужого письма узнали об отце, от него не было весточки. Зато государство не забыло о нас. По окончании посевной Манап, придя с работы, с виноватым видом опустив глаза, сообщил: «Из района в аульный совет

поступила бумага. В ней говорится о переселении вашей семьи». В бумаге было написано: «Семья Айтпамбетулы Шаяхмета должна быть сослана в Риддер, где он в настоящее время проживает. Семья должна быть доставлена на пристань Баты (Кос тобе) в течение 48 часов. При себе необходимо иметь справку с указанием количества членов семьи. Доставка семьи переселенца Айтпамбетулы до пристани села Баты поручается аульному совету Кокжира». Местный аульный совет и руководители колхоза исполнение приказа перепоручили зятю. Мы поспешили выйти в путь.

Наша семья теперь состояла теперь из трех человек: мамы, меня и шестилетнего братишки Мухаметракыма. Младшая сестренка Шарипжамал – светленькая, копия нашей мамы, уже бегавшая, лопотавшая, общая отрада, умерла в возрасте двух с половиной лет в конце прошлой зимы от кори вскоре после выздоровления от оспы. Четвертого ребенка – семнадцатилетнюю дочь Алтынжан мать после долгих слез согласилась выдать замуж еще зимой.

Казахи обычно не удалялись далеко от родных мест, выезжая летом на жайляу, а зимой – на зимовье. Мы прощались, горюя: отправляемся в неизвестную даль, на край света, покидая родных, ставших нам опорой в прошедшую зиму. Мать в дороге сильно волновалась, но молчала, лишь изредка глубоко вздыхая. Ее настроение передавалось и нам, детям. И все же я с любопытством отмечал все новое в пути.

До села Баты мы добрались с наступлением темноты. Как нам сказали, местом для сбора переселенцев был определен сельский клуб. Пока отыскали клуб, наступила ночь. Манап для выпаса лошадей увел их в степь, а мы остались в сильнейшей тревоге. Причин для страхов было достаточно: мы находились в русском селе. Наши знания о русских сводились к тому, что они, якобы, были головорезами, и ночь в русском доме-клубе, полном джинов и шайтанов, устраша-

ла. Русские представлялись нам исчадиями ада, не знавшими мусульманских молитв. В темноте не могли приготовить ужин, пришлось лечь спать в углу не солоно хлебавши.

Наутро Манап привел русскую женщину, они поговорили и перенесли наши вещи на сцену, где нас и устроили. Вот так «поселив» нас, Манап попрощался и уехал.

Мы жили в клубе целую неделю одни, пока не прибыли семьи других переселенцев – около десятка русских семей, в основном женщины и маленькие дети. Только в двух семьях были дедушки и бабушки. В одной был парень лет 17–18-и. Семьи все прибывали, стало веселей. Хотя мы с братишкой и не знали русского языка, но все равно весело играли с русскими детьми. Им тоже было хорошо с нами. Русские женщины каждый вечер танцевали, пели под гармонь песни, частушки, всячески стараясь поднять себе настроение. Иной раз они веселились так бурно, будто собрались на праздник и забыли, что едут, обиженные властью, в ссылку. Мать дивилась, с непониманием взирая на них, немного отвлекалась под их песни и снова погружалась в грустные думы.

Однажды появились две казахские семьи, состоящие из женщин и детей. Они, как и мы, не знали русского языка. Женщины из этих семей разговорились с моей матерью и долго изливали друг другу свое горе. В беседах с ними мать немного отошла. Так мы прожили около месяца в ожидании. Хотя пароходы курсировали бесперебойно, они не брали нас на борт, и матери ежедневно справлялись в сельсовете о сроках отбытия. Им неизменно отвечали: «Мы сообщим вам, когда прибудет пароход. Пока ждите! Ждите!» Легко сказать: «Ждите!» В клубе не было условий для того, чтобы умыться, постирать, приготовить еду. Люди жаловались, что заканчиваются припасы, взятые в дорогу. Власти это не беспокоило. Некоторые русские семьи, имевшие деньги, пытались купить что-нибудь из еды, но им это не удавалось. Похоже, у

местных жителей не было продуктов на продажу.

Когда совсем стало невтерпеж, наконец, объявили, что отправят нас на пароходе, идущем по течению. Погрузив на телегу, выделенную местным сельсоветом, вещи, мы собрались на берегу Иртыша. Казашки обратили внимание на то, что у русских было больше вещей: сундуки, огромные баулы, а у трех казахских семей всего несколько скромных тюков, которые легко поднимали малые дети, да небольшие ларцы. Казашки шептались:

– Как много у них вещей! Своим богатеям русские бельсенды оставили пожитки, не то что наши казахи-активисты, – скалки и те отбирали! Наши вместе с волосами голову снимут! Не слышали нашей мольбы, не видели наших слез, – будь они прокляты! Русские и то милосердны к своим.

Прождав пароход до заката, мы лишь к вечеру взошли на его борт. Многие впервые ступили на палубу, и все их пугало: узкий трап, гул двигателей, пассажиры… Страхи продлились недолго. Мы встретили семьи тех, кто работал с отцом на кирпичном заводе, они тоже направлялись в Риддер. Здесь же оказалась семья родного старшего брата матери – дети и их мать Атиш апай. При виде родных исчезли страхи перед неведомым будущим и радость встречи переполнила всех нас.

Атиш была дочерью родного брата отца. Мою маму и Атиш апай их родители по согласию сосватали одновременно и взяли без калыма. Говоря бытовым языком, обменяли их. Такой вид сватовства и родства у казахов существовал с древних времен. Он встречался в семьях, где не было возможности выплатить калым. Например, мой дед Айтпамбет был человеком среднего достатка. Два младших его брата, не успев крепко встать на ноги, скончались: один в возрасте 39, другой – 37 лет. У обоих остались сиротами малые дети – по два сына и две дочери. Когда дети братьев подросли, дедушка женил племянников на дочерях в обмен на их се-

стер. Эти люди были одного достатка. Позже он «поменял» внучку от первого своего сына на мою мать, женив младшего сына Шаяхмета. Поэтому мы, дети двух семей, приходились друг другу братьями и сестрами и по матери, и по отцу. А наши отцы были одновременно деверями и свояками.

Вечером следующего дня нас высадили в Оскемене. До этого не выезжавшие из своих аулов и сел русские и казахские женщины дивились каждому новшеству, каждой невиданной прежде вещи, жались друг к другу, сбивались группами, как испуганные дикие животные. Удивление и страх усилились при виде железной дороги и поезда. Он стоял неподалеку от пристани, и нам было велено грузиться в товарные вагоны. Вместе с другими мы забрались в темные вагоны, и товарный поезд тронулся.

– Бисмилля! Бисмилля!

– О, Боже, спаси и сохрани! Господи! Пресвятая Богородица, спаси!

Сквозь грохот состава слышались молитвы на двух языках. Через некоторое время русские женщины, привыкнув к обстановке, стали разговаривать. Я понимал некоторые русские слова и в итоге уразумел: «Этот поезд что-то очень быстро едет, как бы не опрокинулся! Я в прошлом году слышала от своего свата, что у такого же поезда колеса вышли из колеи. Он перевернулся, и все люди в нем погибли». Слушавшие женщины ужасались. Испугался и я. Хотел было рассказать услышанное матери и тете Атиш, но, подумав, решил их не тревожить и вскоре уснул. Когда проснулся, солнце уже взошло, в вагоне было светло, двери открыты. Вагон стоял на уступе высокой горы. Внизу текла, громыхая, горная речка. Из окон других вагонов тоже торчали человеческие головы. Там, где остановился поезд, стоял единственный домик с вывеской «Ульбастрой».

Во время путешествия в мои обязанности входило носить два небольших тюка, приглядывать за братишкой и

выполнять мамины поручения. Когда я уходил играть или просто отлучался по своим делам, мать меня не искала и не выказывала беспокойства, все свои эмоции храня при себе. Эту сдержанность она сохраняла и в поезде.

Месяцем раньше я переболел малярией, и болезнь периодически напоминала о себе. На стоянке «Ульбастрой» случился очередной приступ. Меня стала пробирать мелкая неуемная дрожь, и я решил полежать и согреться на солнце, завернувшись в тулуп, на платформе-прицепе за нашим вагоном. Не знаю, сколько я пролежал, пока стал согреваться, затем началась вторая стадия – повысилась температура, и я уснул. Проснувшись, обнаружил, что поезд движется. На открытой платформе гулял ветер, ее сильно раскачивало. Я был совершенно один и долго сидел между сном и явью. Приступ отнял все силы и способность соображать.

Позже я узнал, что, когда поезд тронулся, мать, не обнаружив меня в вагоне, впала в истерику и немного успокоилась лишь при известии, что я еду на прицепе. Волнение матери утихло только тогда, когда она увидела меня лежащим на платформе

Наконец, мы доехали до места назначения. Вагоны остановились в глубоком тоннеле-пещере. Переселенцы озирались со страхом и любопытством, не зная, каким образом выбраться, от волнения не замечая деревянную узкую лестницу, по которой можно подняться наверх. Вначале мы стали карабкаться с вещами и узелками на стены крутого откоса и скатывались вниз. А те, кто догадались подниматься по лестнице, мешали друг другу и не помещались на ней. Все спешили, суетились, стремясь выйти из узкого тупика.

Не знаю, на основании чего происходило переселение семей кулаков. Ясно одно: власти нисколько не заботились о положении семей-переселенцев, о малых детях, женщинах и стариках. Доказательством чему – ужасные условия, в которых оно осуществлялось. Представители власти, от-

правлявшие переселенцев, не предупредили отцов семейств о приезде домочадцев. Они узнали об этом лишь когда все мы были на станции.

Когда, наконец, мы выбрались из тоннеля, мама, поддерживая меня, обессиленного после приступа малярии, несла большой тюк, а младший братишка держался за ее подол. Усадив нас на тюк, она побежала к вагону за оставшимися вещами. Тут к нам с братом подошел незнакомый мужчина и принялся нас целовать. Это был отец. Встреча с ним нас потрясла. За год он очень изменился. Прежде это был человек крупного телосложения с румяным и светлым лицом, а теперь на сухом лице его, напоминавшем выгоревший чернозем, торчали острые скулы. Некогда большие синие глаза запали, черные, как смоль, усы и бороду покрыла седина. В первые секунды я принял ссутулившегося отца за незнакомого старика, хотя ему в ту пору было всего 49 лет. Отец всегда был сдержанным, но теперь мы узнали, какие горячие и крепкие у него объятия! Все прибывшие галдели, плакали, смеялись, дети вешались на шею отцам – это были прекрасные мгновения нашей жизни.

В Кирпичной

Всех приехавших заперли в одном доме под названием клуб. Воздух в нем от переполненности людьми был спертый, тяжелый. Теснота была такая, что ночью все спали только на одном боку. Маленькие дети плакали всю ночь, и никому не было покоя. Называя все это карантином, нас промучили таким образом взаперти три дня и три ночи. Позже выяснилось: просто не знали, куда нас разместить. Местная власть не была заранее извещена о прибытии такого количества людей. В конце концов, нас поселили в барак, представлявший собой полуподземное помещение, лишь на полметра

возвышавшееся над землей, площадью 30 на 12 м. У стен и посередине были установлены двухэтажные деревянные нары. На втором этаже нар расположились холостые мужчины. На нижних уровнях нар места русским и казахам выделили отдельно. У стен барака дали места казахским семьям, а на тех, что стояли посередине, поместили русские семьи.

Слово «поместили» – из лексикона доклада начальства. Разве оно применимо к тому чудовищному положению, в котором оказались дети, старики, женщины, молодые семьи? Из-за скученности люди обедали и ужинали по очереди. Ночью, когда все ложились спать, между разными семьями не было пространства, все лежали плотными рядами. Напротив нас на нарах спала русская семья из семи человек, а направо смешанно спали две другие семьи, где были две взрослые дочери и два взрослых сына. Из-за тесноты все прижимались друг к другу. Стены барака-землянки были сырыми. Сырость, теснота, вонючий воздух плохо влияли на здоровье людей и особенно пагубно отражались на детях, привыкших жить в аулах и деревнях на свежем воздухе. Не случайно в течение двух-трех недель в бараке умерли несколько младенцев, которым еще не исполнилось года.

Поразительно, но в таких тяжких, почти нечеловеческих условиях люди жили мирно и дружно.

Мы находились не в самом Риддере, а на станции Кирпичной, в восьми километрах от города, вдоль узкоколейки Усть-Каменогорск – Риддер. Наш барак был построен руками кулаков, пригнанных сюда прошлой зимой (возможно, оттого стены барака и «потели»). Кроме барака, было на станции два деревянных дома. В одном – вечно пустующая контора, в другом размещался магазин, где по карточкам продавали хлеб, других товаров в нем не было. Были здесь медпункт и клуб. В нескольких сотнях метров от станции чернел вход в шахту. Вот и вся картина. На станции, кроме пассажирских, другие поезда не останавливались. Это по-

селение было вроде отдельного аула или заимки.

Все, о чем я рассказываю, свидетельствует, что советская власть строила социалистическое хозяйство насильно, без учета интересов людей. Например, при строительстве нового населенного пункта не учитывались бытовые нужды людей, однако клуб и медпункт строились неизменно! Полагаю, в этом был свой циничный расчет: забота о здоровье дешевой рабочей силы и о том, чтобы иметь возможность обрабатывать людей идеологически.

В нашей ситуации хорошо было то, что Риддерский комбинат трудоустраивал и членов семей спецпереселенцев, что означало в первую очередь обеспечение их продуктами. Все вновь прибывшие стали получать небольшой паек. Тем, кто не работал, выдавалось в день по 200 граммов хлеба, а работавшим – по 600 граммов. Кроме хлеба, по карточкам не отпускались никакие другие дополнительные продукты. Проблема питания стала к этому времени для людей основной, поскольку возникла угроза голода. Чтобы разрешить эту кризисную ситуацию, местные власти решили использовать труд женщин и детей в подсобных хозяйствах предприятия на выращивании овощей. Как и рабочим, им повысили пайки, но сытой жизнь не стала. 600 граммов хлеба безо всякой другой добавки к столу не давали умереть с голоду, но и насытиться этим пайком было невозможно. Для пришлых рабочих не было и этого, а число их росло день ото дня.

К проблеме безработицы и еды еще вернемся, а сейчас я хочу рассказать о работе детской бригады. В ней было 14 детей в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Самым маленьким, низкорослым и к тому же единственным казахом среди них был я. Самый старший из нас, Трофимов, был бригадиром. Утром на место работы являлся прораб, высокий русский мужчина, и намечал саженями площадь, которую наша бригада была обязана прополоть за день. Вечером он проверял качество и объем работы. Целый день мы до-

бросовестно выполняли норму, не баловались и не отлынивали от работы. Если затевали игры, бригадир не позволял нам разойтись и возвращал к прополке. К тем, кто вовремя не выполнил задание, он посылал помощников. Закончив работу, до прихода прораба мы играли возле огорода. Воспитанность тех ребят, их ответственность, трудолюбие были поистине поразительными. За месяц работы в бригаде я заметно пополнил запас русских слов и впервые увидел, насколько дружелюбно могут русские дети относиться к детям нерусским. Думаю, что не богатство и достаток, а нужда и трудности скорее сближают людей.

Помощь голодающим

В 1932 году в Казахской автономии свирепствовал голод, но пока он мало ощущался в Верхнем Алтае. В народе говорят: «Если голодает одна семья – голодает весь аул, а если один аул голодает – голодает вся страна». С наступлением лета толпы голодных со всех концов степи стали стекаться в Восточный Казахстан. Далеко за его пределами распространилась молва о том, что здесь народ благоденствует, и множество поверивших этому людей погибли в пути. В Усть-Каменогорске, Зыряновске, где рабочие получали небольшие пайки, голодающих собралось особенно много, но они не нашли в этих городах ни работы, ни еды. Число пришельцев было столь велико, что жизненный уровень местных жителей заметно снизился.

Документы краевого архива свидетельствуют, что руководители местных органов власти и горнорудной промышленности, в большинстве своем казахи, вместо помощи голодающим в официальных письмах, в своих докладах ставили вопрос о способах наиболее эффективного избавления от них. Их беспокоило, что «пришельцы могли за-

ставить голодать местных жителей» и предлагали силами административного воздействия выселять пришлых из городов и вообще с территории области. Такая «братская помощь» продолжалась вплоть до принятия в июле 1932 года Постановления правительства СССР «Помощь голодающему населению в Казахстане». К сожалению, к тому времени многие казахи уже умерли от голода. Да и само постановление не могло в одночасье остановить голодную смерть, потому что помощь была запоздалая и недостаточная. Были и другие причины. Расскажу о том, свидетелем чего я был.

Летом 1932 года в самом Риддере местные просили милостыню из-за нехватки продуктов, но настоящий голод пока не наступил, голодающие из других регионов из-за удаленности города до него не доходили. В один из дней местная администрация безо всяких объяснений приказала спецпереселенцам в течение двух суток выселиться из барака. Каждой семье были выделены в мизерном количестве стройматериалы. Спустя двое суток неподалеку на поляне появился городок из шалашей, построенных из горбыльных досок, покрытых сверху травой, войти в них можно было только на четвереньках. Внутри можно было только сидеть, но жильцы, переселившиеся из тесного барака в балаганы на чистом воздухе, были этому рады.

Люди были едины во мнении, что в барак теперь поселят голодающих и истощенных. Когда я спросил родителей о смысле этих новых для меня слов, они отреагировали неожиданно горячо: «Молчи! Не произноси эти слова! О Боже, не приведи увидеть такое».

После освобождения барака пришли рабочие и поставили ограду возле железной дороги, наподобие загона для животных. Внутри ограждения установили треножники для огромных котлов. Возле казанов сложили мешки с дефицитной в то время мукой. После этих приготовлений мы, дети, заслышав: «Привезли голодающих!», побежали поглядеть.

О, Боже! Из вагонов поезда выходили живые скелеты. У них не осталось человеческого облика. Тела и лица – кости, обтянутые кожей. Многие уже не могли идти, их поддерживали, а то и попросту несли более крепкие. Иные падали и не могли подняться. Никто из местных им помочь не мог, потому что охрана никого к ним не подпускала. Пытающихся помочь и любопытную детвору стража гнала прочь. А кое-кто, подобно мне, при виде голодных и истощенных перепугались и убежали. Среди вышедших из вагона не было пожилых людей и маленьких детей. Они сюда не добрались, погибли на земле отцов или в пути. В вагонах оказалось много умерших. Их похоронило местное население.

Все привезенные были казахами. Их продержали в загоне двое суток под открытым небом, изолированно от других жителей, варили им в котлах из муки мамалыгу и давали есть небольшими порциями несколько раз за день, затем поселили в пустой барак, поставили стражу, не давая общаться с местными и держа взаперти. Спустя время некоторые прибывшие более-менее окрепли, смогли пойти работать, и им стали выдавать такие же пайки, какие выдавались местным рабочим.

Голодающие, добравшиеся до Риддера, должны быть благодарны тогдашнему коллективу комбината. Но это только единичный пример. Он не говорит о том, что всем умиравшим от голода была оказана своевременная помощь. Голод в Казахстане продолжался до урожая 1934 года.

Отрада для души

Хотя пища – основа жизни человека, тем не менее, как говорится, не хлебом единым жив человек, есть и другие ценности, питающие наше существование. Если отсутствует даже одна из них, жизнь человека нельзя считать полно-

кровной. Душа не может существовать без духовного подъема, без радостей. И жители нашего «городка шалашей» в вечерние часы после трудового дня выходили из своих хижин и собирались на открытом пространстве, чтобы хоть на время забыться от тягот жизни. Люди разных национальностей по-своему показывали искусство танца и песни. У русских была гармонь. Под нее они пели песни, частушки, устраивали хоровое пение. Много смеялись, играли в игры. Все это удивляло казахов: «Зачем же топать по земле, как сумасшедшие? Чего это они расшумелись, как бараны?».

Казахи собирались для бесед, для прослушивания эпосов о ханах, батырах, слушали бытовые притчи о сиротах, вдовах. Тоскуя по прошлой жизни, тяжко вздыхали: «О, времена!». Поминали недобрым словом приспешников советской власти, заново переживали свои обиды. Если сказки, богатырские предания рассказывали мужчины, то женщины талантливо описывали беды и унижения, выпавшие на их долю. Почему-то я не помню веселых песен, шуток прибауток на казахских вечеринках в отличие от русских. Думаю, это закономерно: казахскому народу годы коллективизации были особо тяжелы.

Строители электростанции

Мы прожили в городке шалашей около месяца. Жители травяных хижин, казалось, не хотели думать о предстоящей зиме. Они рассуждали так: «Мы – люди казенные, пусть о нас думает казна». Мне, ребенку, были, конечно, неведомы отношения между представителями «казенной» власти и рабочими, но я заметил, что со спецпереселенцами никто не церемонился. Им не дозволялось выражать ни малейшего недовольства ни по какому поводу. И на сей раз нам безо всяких пояснений объявили, что поступил приказ о переез-

де половины населения городка шалашей в небольшое село Позднопавловка (сейчас его нет), в семи-восьми километрах от станции Кирпичная, где ныне действует рудник Тишинский, а тогда, в 1932 году, начиналось строительство Ульбинской электростанции.

В Позднопавловке для приехавших было построено несколько двухкомнатных домов, входные двери которых выходили прямо на улицу. Площадь комнат – 18 квадратных метров, в каждой поселили по две семьи, независимо от количества людей в каждой. Треть помещения занимала русская печь. На 13-14 квадратных метрах, свободных от печи, жили порой по 10 человек. Наша семья и семья дяди Мукатая помещались в одной комнате впятером, а в другой, за стеной, две семьи из 9 человек.

Строительство домов не было завершено, стены были тонкими, дощатыми и утеплять их должны были сами жильцы. Заготовка дров на зиму тоже была заботой самих новоселов, не имевших никакого транспорта. По-человечески начальство должно было дать возможность главам семей заготовить на зиму дрова и утеплить жилье, но вместо этого мужчин отправили на далекий участок для заготовки сена лошадям комбината. В недостроенных домах остались только женщины и дети. Поскольку на новом месте не было работы, все мы получали всего лишь по 200 граммов хлеба в день.

От заготовителей сена не было вестей. Комендатура не пускала ни нас к ним, ни их к нам. Детвора принялась искать съестное на природе, находила дикие ягоды, коренья. У подножья гор вдоль ручьев мы собирали ежевику, в ущельях – черную и красную смородину. Собранные ягоды продавали на станции или обменивали на другие продукты.

Наконец, урожай был убран, люди стали собирать на полях колоски. Прошла пора колосков и женщины подрядились копать картошку на огородах подсобного хозяйства. За десять собранных мешков картошки один давали за работу.

В начале сентября дети местных жителей и переселенцев пошли в школу, где обучение велось на русском языке. Из казахских ребят в школу не пошел никто. Учеба оставалась и для меня недостижимой мечтой. Это было невозможно по причине незнания русского языка и потому, что каждый день с утра до вечера мы с мамой были заняты поисками пищи. Я столь страстно желал учиться, что с тоской провожал школьников глазами. Видя играющих на школьном дворе детей, я чуть не плакал при мысли, что меня нет среди них. Но что поделаешь!?

Осень была на излете, а от глав семейств вестей по-прежнему не было. Редкие семьи сумели подготовить жилье к зиме, это были по большей части русские. Казахи все надеялись на волю Аллаха и не желали приспосабливаться к условиям жизни русского села. Каждый из них мечтал возвратиться в аул. Они ощущали окраину Риддера как чужбину, заселенную русскими. Отношения между местными и переселенцами казахами не налаживались. Во всем селе не было ни одного казаха, знавшего русский язык, как, впрочем, не было и ни одного русского, который говорил бы на казахском языке. Казахские женщины часто в качестве переводчика использовали меня, знавшего два десятка русских слов. Они звали меня и спрашивали: «Айналайын, скажи, пожалуйста, что говорит этот русский? Объясни, пожалуйста», или: «Сообщи ему имя нашего свекра» *(у казахов снохи не имели права называть старших в роду мужа по имени. – Прим. переводчика. К.Н.)* Заслышав мою речь, русские порой потешались. При общении представителей двух национальностей в те времена случались курьёзы, что порождало байки и анекдоты. Бедолаги-казахи, не зная языка, лишь усугубляли свое нелегкое положение.

Как-то несколько казахских женщин, в том числе моя мама, собрались получить из кассы положенные им деньги. Касса находилась на территории «Ульбастроя». Мы пришли

в штаб строительства будущей ГЭС. Там стояли два дома. Дом поменьше оказался конторой. Входная дверь была открыта, но людей внутри не было. В прихожей мы стали дожидаться прихода кассира. Спустя время я заметил бумагу над небольшим окошечком, на которой было что-то написано красным карандашом. Прочитал написанное: «Касе денег нет», – и не понял, о чем идет речь. Мы долго просидели в ожидании, пока не пришла русская женщина. Узнав от меня о цели нашего посещения, она почему-то, как многие русские в разговоре с казахами, сказала на ломаном русском языке: «Твая деньги надо? Деньги нету, кассир нету. Кассир Риддер ехал. Твая домой иди надо. Завтра приди надо». Тогда я понял, что было написано на листке бумаги, но скрыл свое невежество от мамы и ее спутниц.

Для Ульбинской ГЭС было необходимо в первую очередь вырыть канал, чтобы поднять воду Ульбы вверх так, чтобы она падала с высоты прямо на турбину и приводила ее в движение. За версту выше села, где мы находились, уже начали рыть канал. Мы, ребята, любовались работой ранее невиданной землеройной машины – экскаватора. Он был огромен, как дом, и двигался с помощью пара. Кроме мощных гусениц у него были печь, котел с кипящей водой и кочегар, лопатой бросавший в огонь каменный уголь. Мы были в восхищении от того, как экскаватор пышет дымом и подает гудок, как его ковш вгрызается в землю и затем аккуратно высыпает ее в кучу. Мощь экскаватора потрясала наше воображение.

Ульбинская ГЭС, начало строительства которой мы наблюдали в 1932 году, вошла в строй в 1937- м и до сих пор вносит свою лепту в энергетическую систему «Алтайэнерго».

Возвращение в родные края

Начало октября. Острые вершины гор Алтая уже побелели. Казахские переселенцы ожидали холода в неподготовленных домах. Наконец, появились заготовители сена, но отца среди них не было. По рассказам товарищей, его и еще нескольких рабочих комендатура оставила для завершения мелких работ и присмотра за лошадьми. Поговаривали, что недели не пройдет, как они вернутся. Шепотом распространилась весть: казахи тайно договорились между собой небольшими группами в течение недели совершить побег на родину. В числе вернувшихся заготовителей сена был родной брат матери – дядя Мукатай Жамбазарулы. Он сразу стал готовиться к побегу и посвятил в его детали нашу семью:

– Шаяхмет вернется в ближайшие дни. Тогда мы сразу, без задержки, двинемся в путь. А пока будем сидеть наготове, – воодушевлял он нас.

Приготовления сводились к выпечке хлеба из имевшегося скудного запаса зерна и укладке вещей в узлы. Прошла неделя. Отца все не было. Дядя Мукатай стал волноваться:

– Если задержимся еще на неделю, пароходы перестанут ходить, дальше Оскемена не уедем, останемся на полпути.

Мама не хотела без мужа трогаться в рискованный путь и говорила брату: «Куда я пойду без отца моих детей? Мы с сыном останемся тут, а вы отправляйтесь. Когда муж придет, решим, что делать».

На что дядя отвечал:

– Шаяхмет сказал: «Если задержусь, забери с собой и доставь моих детей на родину, а я сам как-нибудь доберусь». Если вы останетесь ждать его, то станете ему обузой. Он в одиночку быстрее доберется до аула. – Дядя сумел убедить мать.

В этом месте рассказа следует сказать, что в двух семьях кроме меня детей к этому времени не было. Годовалый ре-

бенок дяди Мукатая и тети Батиш умер в бараке на Кирпичной. Двух других детей этой семьи – пятилетнего сына и тринадцатилетнюю дочь вместе с моим шестилетним братом отправили на родину вместе с племянником мамы, летом посетившим семью Мукатая. Взрослые свое решение объяснили тогда скудостью еды. На самом деле, как оказалось, это было частью плана побега.

Пока мы ждали отца и готовились в дорогу, дома соседних казахов пустели день ото дня: хозяева по одному, по два человека сбегали в родные места. Пришел и наш черед. Беглецы обычно уходили по ночам, чтобы расстояние до железнодорожной станции пройти ночью, незаметно для постороннего глаза. Вот и мы, неся связанные между собой вьюки, вышли в путь после полуночи, когда жители поселка спали. Шли по бездорожной степи и с самого начала не могли набрать темп. Порученные мне тюки оказались слишком тяжелыми, и я был вынужден часто отдыхать. Остальные задерживались, поджидая меня. Так мы потеряли уйму времени, и в конце концов пришлось часть вещей моего груза оставить в степи. Наши проводники торопились потому, что надо было до рассвета перейти мост через Ульбу и успеть добраться до густого соснового леса у железнодорожной станции. На деревянных мостах вблизи Риддера всегда была выставлена охрана, но в ту ночь мост не охранялся. Мы благополучно прошли по нему, вошли в лес и спрятались неподалеку. Станция называлась Громотухой и представляла собой одинокий дом, служивший одновременно и вокзалом и квартирой. Хозяин дома был в одном лице и начальником станции, и кассиром, и рабочим. Здесь останавливались на минуту только пассажирские поезда, с которых сходили всего по несколько пассажиров. Я удивился тому, что мы не идем к станции, где так мало людей, а прячемся в лесу. Спросил: «Дядя, почему мы не ждем поезд на станции, ведь там нас никто не увидит кроме железнодорожника?»

– О, святая простота! Если мы туда пойдем, попадем в руки милиции. Потому только перед приходом поезда пойдем на станцию, быстро купим билеты и постараемся незаметно сесть в поезд.

И мы стали ждать вечернего поезда, следующего в Усть-Каменогорск. Сейчас, описывая события тех лет, я думаю, насколько казахи цеплялись за старое! В год, когда голод гулял по всему Казахстану, множество людей стремились уйти из сел и аулов и добраться до таких промышленных центров, как Риддер, где была возможность устроиться на работу и получать пайки. А мы, напротив, бежали в аул. Что мы искали там, где нас обобрали и откуда прогнали? Почему бы не остаться и не работать на комбинате? Думаю, причина заложена в неумении и нежелании адаптироваться к новым условиям, в убежденности, что не может быть другой жизни, кроме жизни в родном ауле. Например, брат Айкен, осужденный на два года, спустя год попал под амнистию и вышел из колонии-тюрьмы под Риддером, где заключенные валили лес. Мы встретили его во время карантина в один из первых дней по приезду и плакали от радости. Он стал свободным гражданином и мог идти, куда захочет. Побыв с нами одну ночь, он поспешил в аул, чтобы помочь матери и сестренке. Это стремление 22-летнего юноши выполнить сыновний и братский долг, конечно, похвально, но были и другие, более эффективные пути. Он мог бы остаться в Риддере и работать там, а спустя два-три месяца забрать к себе мать и сестренку. Его заработной платы молодого рабочего хватило бы на троих, но он уехал в аул, чтобы пополнить число голодавших. Многие беглецы позже горько сожалели о бегстве из Риддера: активисты аула, в который они так стремились, отобрали у них последние вещи и выжили с родной земли.

Мой бедный казахский народ, ты по сей день взираешь на новшества с опаской, с трудом воспринимаешь все про-

грессивное, не в силах отказаться от ветхого прошлого!

…До вечера мы прятались у станции в лесу, боясь разжечь огонь и приготовить горячую еду. Дым от огня, да еще в лесу, мог привлечь людей, в том числе и милиционеров. Нас было семеро. Когда приблизилось время прибытия поезда, мы с вещами подошли поближе к станции. Пойти за билетами в кассу взрослые сами не решались и послали меня. Я увидел, как русский парень покупал билеты, и протянул кассиру деньги. Кассир взял деньги и молча дал мне кучу бумаг.

Наконец, со свистом и грохотом подошел поезд, и мы торопливо сели в него. Не знаю, кого мы опасались, ведь кроме русского парня, купившего передо мной билет, на станции никого не было. Мы боялись собственной тени. Ехали, молясь Всевышнему: «О Боже, поддержи и помилуй!»

Страх не покидал нас ни на минуту. Взрослые судачили: «В поезде, оказывается, проверяют билеты и документы. Недавно поймали таких людей, как мы, и сдали в комендатуру. Впереди станция Черемшанка, там милиция проверяет ночные поезда…» Хотя мы ехали ночью, сна не было ни в одном глазу. Действительно, в Черемшанке, как бы в подтверждение слухов, в вагон вошел милиционер. Не знаю, что испытали взрослые, но у меня душа ушла в пятки. К нашему счастью, этот милиционер провожал родственников, ему до нас не было дела. Когда он вышел из вагона, наши страхи улеглись, и вскоре я уснул. Проснулся оттого, что мама тормошила: «Вставай, проснись. Мы приехали». Мы прибыли в Усть-Каменогорск. Вышли из поезда, – и о, чудо! В самую полночь на перроне стоял свободный транспорт – телеги! Взрослые произносили слово: «Пристень, пристень», и вскоре все мы двинулись следом за телегой, на которую погрузили свои пожитки.

На пристани прождали почти сутки. На тюках, сложенных в одну кучу, сидели две женщины и я. Мы опасались

городских жуликов и голодных людей. Наши мужчины боялись к нам приближаться, чтобы не вызвать подозрения у милиции и избежать проверки. Время от времени кто-то из них подходил, справлялся о нашем состоянии, сообщал новости. Меня поразило количество ожидавших. Я дивился: куда едет такое великое множество людей? К вечеру пришел со стороны Семея пароход, плывший вверх по течению, он был последним в этом году, затем движение по реке приостанавливалось до следующего судоходного периода.

Когда показался дым парохода, люди заволновались, как волны на море. Через некоторое время открылась билетная касса, толпа в очереди загалдела. После объявления о количестве билетов в продаже у всех как ветром сдуло спокойствие, совесть, человечность, порядочность. Каждый рвался к билетной кассе. Все толкались и теснили других, никто не обращал внимания даже на вопли: «Умираю!»

Мужчины и на сей раз, соблюдая секретность, в очередь за билетами поставили меня, заранее объяснив, как надо покупать билеты, и я, зажав в кулаке деньги, стоял стойко и даже уверенно. Очередь у кассы сначала колыхалась то вправо, то влево, а потом вдруг началась неразбериха. В одно мгновение, я сам не понял как, меня в давке подвинули прямо к окошечку. Я сунул в него кулак с зажатыми деньгами. Видимо, моя детская ручонка была замечена кассиром среди других рук. Он разжал мой кулак, взял деньги и спросил: «Сколько?». Я ответил: «Семь». Кассир быстро вложил билеты в мою ладонь, согнул мои пальцы в кулак и оттолкнул от себя. Теперь мне предстояло пробиться назад. Два русских парня богатырского телосложения, тоже отходившие от кассы с билетами, вольно или невольно оградив меня, вытолкали из сумасшедшей толпы. Не будь их, она растоптала бы меня.

Время подошло, и пассажиров с билетами стали запускать на пароход. Те, кому не удалось их купить, предпри-

няли отчаянные попытки пройти без билета, да и с билетами люди рвались к пароходу. Возникла потасовка. Когда мы со своими тюками подобрались к пароходу поближе, буйная толпа оттеснила меня от матери и от трапа. И тут прозвучала команда об отплытии. Один матрос на берегу, а другой на пароходе стали убирать трап. Я страшно перепугался, что могу остаться на берегу. Когда очередной напор толпы придвинул меня к трапу, я взмолился, обращаясь к матросу, уже собравшемуся взойти на борт парохода: «Дяденька, у меня есть билет, он у мамы, а мама уже на пароходе. Помогите мне, не то останусь на берегу!» В ответ матрос-казах, не говоря ни слова, вскочил на трап, наклонился вниз и, схватив меня за спину, вместе с тюком с размаху забросил на пароход. Пролетев как перекати-поле, я шлепнулся на палубу. Пока поднимался, пароход отошел от берега. Оставшиеся на берегу женщины с детьми и старики отчаянно плакали.

За время засухи 1932 года Иртыш сильно обмелел, пароход шел против течения со скоростью 7-8 километров в час и часто садился на мель. Если он утыкался в песок носом, пассажиров сгоняли в заднюю часть корабля, и тогда под их весом нос корабля высвобождался. В других случаях при приближении очередного мелководья капитан высаживал пассажиров на берег, а преодолев его, снова брал нас на борт. Скорость движения была предельно низкой, вместо полутора суток мы плыли четверо. У многих путников, в том числе у нас, закончились запасы еды.

Мы с мамой еще в Риддере договорились, что остановимся в доме дяди Манапа, поэтому сошли с парохода на пристани Баты (Кос тобе). Дядя Мукатай и его спутники поплыли дальше в свой родной аул. Они намеревались пожить у родных. Надежных родственников в нашем ауле не было, и мама говорила: «Едем к дочери, живущей в чужом роду». Она по меркам того времени могла считаться человеком повидавшим жизнь, поскольку поработала рядом с русскими

в Риддере. На деле же мама оставалась скромной аульной женщиной, истинной казашкой, очень вежливой и робкой.

Когда пароход ушел и пассажиры разошлись, мы остались одни, и мама стала волноваться, не зная, как добраться до нужного нам аула. Вечерело. Положение осложнялось тем, что мы оказались в чужом русском селе. Встреченные русские об ауле Каргалы не знали. Что делать, куда и к кому пойти? Увидев нас, уныло сидящих на тюках, сторож пристани посоветовал пойти на восточную окраину села, к пункту приемки зерна, где бывает много казахов, приезжающих из разных мест, и расспросить о нужном нам ауле у них. Действительно, там я встретился с парнем, с которым весной работал во время посевной. Пока приехали на его бричке, запряженной двумя лошадьми на берег, где сидела мама, наступила ночь. Я понимал, как боязно быть одной на берегу женщине традиционного казахского воспитания. Оказалось, что сердобольный сторож разрешил ей посидеть в ограде охраняемой им территории. Благодарная мама сделала своеобразное заключение: «Оказывается, и среди русских бывают мусульмане». Как отрадно, что в сложные моменты жизни встречаются милосердные, добрые люди. Ведь нередко для того, чтобы помочь человеку, не нужны большие усилия или особенные затраты. Это тончайшее соприкосновение двух душ, когда тепло одного сердца передается другому и согревает его в трудных ситуациях. Побольше бы таких отношений, приносящих безмерное счастье!

Благополучная зима

Нас с радостью встретили зять Манап, сестра Жамбы, две матери и бабушка зятя. То, что с нами не было отца, очень огорчило их. В ауле за время нашего отсутствия произошли перемены. Умерла тетя Батиш – супруга дяди Жан-

турсына, прошлой зимой перевезшего нас сюда. Вскоре по приезде мы с мамой пошли на ее могилу. Помолившись, мама произнесла:

– Незабвенная сестра! Тетя! Не дождалась ты приезда родных. Пусть божественная благодать осенит тебя в том мире. Пусть земля, в которой ты лежишь, будет такой же мягкой, как твой характер. Вашим милосердием и доброжелательностью в мире ином довольны все аруахи, а в этом мире – мы, еще живущие. В трудности ты подала нам руку помощи, взяв под крыло детей брата. Не смогли мы сказать тебе «прощай» и посидеть возле тебя в последние мгновения твоей жизни, не смогли присутствовать на твоих похоронах…

Слова матери произвели на меня сильное впечатление. После тягот, испытанных в промышленном городе, я в полной мере осознал благородный жест зятя Жантурсына и Батиш апай, их заботу о нас. Возможно, оттого, что слова благодарности были произнесены на могиле, смысл их был особенно ярок, и я взволновался. Они показали мне, насколько в нашем народе ценятся родственные связи, как искренне родственники любят друг друга и подают руку помощи в трудных условиях. В дальнейшей своей жизни я старался не забывать о своем долге сына, брата, дяди, племянника.

Прошли годы. В непростое сегодняшнее время жители сел и аулов, оставив свое подворье и земли, стекаются в города и приумножают количество безработных. И наши близкие собрались в городе, они говорят о родственном долге и просят помощи. Что теперь могу сделать я – пенсионер?.. Я могу лишь напоминать о том, что всем нам необходимо поддерживать веками складывавшиеся обычаи помогать тем, кто нуждается в помощи.

Спустя несколько дней после возвращения мама сказала, что в ожидании отца, чей приезд из-за прекратившегося судоходства невозможен до весны, нам следует позаботиться о будущем. Будем собирать колоски на поле вокруг аула. Ра-

бота мне не нравилась и я недоумевал: если прошлой зимой нас прокормили старый зять и тетя, то почему в этом году этого не сделают Манап и сестра? Или семья зятя выразила в адрес моей мамы недовольство? Мне было тогда неведомо, что из-за двухлетней засухи прокормить многочисленную семью зятю стало очень сложно.

Колоски собирали недолго. Похолодало, и в один из дней младший зять Кайранкажи, прошлой зимой женившийся на сестре Алтынжан, на телеге увез нас к себе. Зять позаботился о нас, несмотря на то, что их самих было пять человек, а с нами стало восемь.

Работая сторожем и уборщиком, Кайранкажи арендовал угол колхозной конторы. Это было маленькое пространство перед русской печью в 4-5 квадратных метров. Когда мы все садились за достархан, то едва помещались на этом крошечном пятачке. Спальных мест хватало только двум мамам и малым детям. Остальные укладывались в той части комнаты, которая днем была конторой.

Контору с утра до вечера осаждали посетители. В ней сидели председатель колхоза, председатель сельского совета, секретари, счетные работники и уполномоченные, приезжавшие сюда со всех концов. Помещение было заполнено дымом папирос, бывших в то время большой редкостью. К дыму примешивались ароматы нашей кухни, запах горелой пищи, поэтому в воздухе постоянно витал сизый дым. Так мы провели половину зимы и были весьма благодарны создателю. В нашем положении такое жилье – пусть неудобное, но теплое, нас устраивало. Мы были всегда сыты, одеты хотя и в старую, но целую еще одежду.

В каких бы трудных условиях ни жил человек, он всегда ищет повода для радости. В постоянной печали жить невозможно. В трудностях небольшая радость – уже счастье. В семью Кайранкажи вскоре пришла радость: им была возвращена корова. 17 сентября 1932 года ЦК компартии принял

постановление, по которому населению возвращалась часть общественного скота. Целый год не видевшие скотину люди ликовали. Соседи поздравляли нас. Когда корову привели домой, мать в голос заплакала и обняла ее за шею, словно вернувшуюся издалека родную дочь или сестру. Вдобавок к этой радости некоторое время спустя корова отелилась.

Говорят: Бог дает с лихвой, – вскоре ко всем прочим присоединилась еще одна радость: пришел Тойымбай ата. Мы не видели его больше двух лет. После освобождения из зайсанской тюрьмы он жил спецпереселенцем в одном из аулов на дальнем берегу озера, затем с согласия правовых органов забрал к себе свою семью – жену, 22-летнего сына и 8-летнюю дочь. Решив навестить семью младшего брата, 65-летний старец пришел к нам за 150 верст, а раньше и шагу пешком не ступал. Я радовался приходу Тойымбая аты, будто пришел мой родной отец. Сидя в нашем уголке, он говорил зятю: «Сынок, казахи издревле говорили: «Зиму – в тесноте, а лето – на просторе». То, что вы живете в таких условиях, Бог одобрит. Помогать страждущим родственникам – долг каждого. Казахи еще говорили: «Будешь уважать деда – это возвратится к тебе самому, доброта не останется неоплаченной. Если на душе у тебя просторно, то в мире нет тесноты».

Мне тогда показалось, что после этих его слов наш уголок стал больше.

Родственники зятя по обыкновению приглашали дядю на угощение, и я всегда сопровождал его. Обычно после угощения, когда гость собирался уйти, хозяин спрашивал:

– Сват, наше угощение было скромным. Может, у вас есть какие-то просьбы, не стесняйтесь, говорите, мы исполним любое ваше пожелание.

– Что я могу просить у вас? В надежде увидеть своих детей, пообщаться с ними я пришел пешком с другой стороны озера Зайсан, на то была воля Божья. Вот познакомился с вами, сватами, сам Бог нам повелел стать родственника-

ми. Спасибо за хлеб, за соль, пусть вас Бог отблагодарит. Буду всегда молиться за ваше здоровье. Наверное, слышали про мое положение. Только недавно вышел из тюрьмы. Советская власть перевела меня туда, куда добрый человек не ступит, только заблудшая душа угодит, и то нечаянно. Там трудновато выживать. Если у вас есть возможность, то дайте мне немного зерна.

Мне стало больно, что он попрошайничает. В некоторых домах ему дали 5-10 килограммов зерна, другие – больше, но были и такие, кто стыдливо признались: «Не можем дать ничего. В этом году колхоз не дал зерна на трудодни. Сами еле-еле выживаем. Те, что давали совсем мало, оправдывались: «Возьмите эту малость, не обессудьте. Как говорится, сват, короткую веревку узлом не завяжешь».

В итоге дядя собрал полмешка. Это была хорошая добыча, и он увез ее за 150 верст пешком, на детских санках. Нужда научит человека всему.

Я проводил старого дядю до санной дороги. Разлучаться не хотелось. Прощаясь, он крепко обнял меня, расцеловал в обе щеки и всхлипнул. Детское сердце не подало знака, что разлучаемся навеки, а его, видимо, почувствовало. Я долго смотрел вослед сутулому старцу, тащившему детские санки.

Не прошло и полугода, как Тойымбай ата распрощался с этим миром. Напоследок покойный благодарил Бога за то, что умирает перед очами единственного сына. На похоронах уважаемого и почитаемого когда-то всей округой человека были соседи из трех-четырех домов.

В то время, когда Тойымбай ата навестил нас, в колхозных аулах царила еще сравнительно безоблачная жизнь. Власти не только вернули каждой семье по корове, но в начале зимы и всех других коров с колхозной фермы отдали колхозникам в частную собственность. Эти умники, вероятно, поняли, что перегнули палку, начисто обобрав людей. А с другой стороны, предвидя после сухого лета голодную

зиму, они побоялись ответственности за неизбежный в такой ситуации падеж. С центральной фермы колхоза «Талапкер» был пригнан скот и роздан людям. Семьи, где было больше пяти человек, получили по взрослой корове, семьи из трех-четырех человек – отелившуюся корову-двухлетку. Семьи поменьше получили корову двухлетку. Народ, несказанно радуясь, ласково похлопывал коров по крупу и расходился по домам. Из-за плохого кормления и ухода на ферме коровы молока не давали, но люди все равно ликовали. Возврат животных завершился великим тоем.

Однако напрасно власти надеялись, что частники спасут скотину. Запоздалые меры не смогли сохранить поголовье скота. У частников не было припасено кормов, и они вскоре лишились неожиданно обретенных коров из-за бескормицы. К концу зимы большинство животных или пали, или были пущены под нож, что заметно отразилось на положении и без того полуголодных людей. К концу зимы 1933 года в регионы Верхнего Алтая подобрался голод.

Катастрофа

Зима набирала силу, а от отца не было никаких вестей. Возможно, он не имел возможности написать письма, а может, его письма просто не доходили до нас. В те годы почтовой службы не было, и отсутствие вестей от близких было привычным явлением. Мать не выказывала тревоги или волнения, а может, просто искусно скрывала свои чувства. Мы так и жили в углу колхозной конторы. После шума и гама трудового дня посетители конторы расходились, оставались в ней лишь секретарь и счетовод, и я с интересом общался с ними. Иногда они поручали мне переписать какой-нибудь документ, а сами вели беседы. Я старательно выполнял поручения, и постепенно они стали доверять мне

более сложные дела: заполнять кой-какие документы, и называли помощником.

Равномерное течение нашей жизни неожиданно было нарушено. Зять вдруг решил нас отселить. До сих пор не знаю причины его поступка. Помню, что в разговорах посторонних людей заходила речь о том, что семье бая и кулака не следует проживать в колхозной конторе. Вероятно, Кайранкажи поставили условие – или полностью освободить контору, или очистить ее от классовых врагов.

Среди зимы было трудно отыскать жилье для восьми человек, и мать решила уйти со мной и братишкой. Поблизости ничего не нашлось, и Кайранкажи увез нас в дом зятя Манапа, где жили его родители, бабушка и ребенок. Сам Манап отсутствовал – его отправили на работу на рудник. Питались мы отдельно. Настали времена, когда каждая семья стала экономить свои запасы. Кайранкажи обеспечил нас пропитанием до конца зимы.

К концу зимы и до жителей нашего Самарского района стали доходить тревожные слухи о том, что в таком-то ауле есть семьи, которым уже нечего есть, а родственники такого-то, не имея ни зернышка, выпрашивали у своего племянника пиалу зерна. Резко возросло число попрошаек, а люди почти перестали им подавать. С наступлением лета семьи, в которых иссякли запасы, ринулись на поля собирать колоски. К середине лета иссяк и этот вид пищи. Добывание еды превратилась в неразрешимую задачу. Если раньше родня по возможности помогала друг другу, то теперь каждый стал думать лишь о собственном выживании.

Манап не вернулся в колхоз с рудника. Он устроился там на постоянную работу и забрал с собой родителей. Кайранкажи колхоз отослал с семьей на далекий полевой стан. Ждать помощи стало не от кого, и с наступлением тепла мы с мамой, как и другие окрестные жители, ходили в поле за колосками, сушили их на печи, очищали зерна от шелухи,

потом мама промывала их в воде, снова сушила, жарила зерна и лишь после этого давала нам. Думаю, мы остались живы потому, что мама проделывала все с большой тщательностью. Те, кто ели зерно из колосков, зимовавших под снегом, не промывая и питаясь только ими, умирали от этих полусгнивших от влаги и ставших к весне ядовитыми злаков. Мама старалась чередовать употребление этих сомнительных зерен из весенних колосков с едой из старых запасов. Варила коже – суп из тары или из горсти чистой пшеницы, готовила мучной суп-мамалыгу. Наш рацион урезался день ото дня, но мы ждали отца и были уверены, что скоро он вернется, и голод нам грозить не будет.

Путешествия к родне

Главными ценностями для людей были, есть и останутся семья и родина. Любой человек, если сердце его не из камня, при словах «мой народ», «моя земля» оживает. Нет такого поэта, который не воспел бы свою любовь к родной земле, народу, близким. Только тот поймет тоску по родной земле, кто пережил ее. Муж, оставшийся в плену, девушка, выданная замуж в далекие края, переселенный с родной земли народ – все тосковали по далекой, оставленной родине. В доказательство этого можно привести примеры из устного народного творчества: прощание красавицы Баян с землей Баганалы, народные песни «Ай, ай, бопем», «Алтай – чудесная земля». Две тысячи лет назад до нашей эры любимая жена Вавилонского царя Навуходоносора, тоскуя по родине, расположенной в гористой местности, тяжко заболела. Царь приказал насыпать искусственные холмы, насадить на них сады, и царица, прогуливаясь по ним, выздоровела.

Прошло уже более двух лет, как мы ушли из родного аула, но тоска по родным и близким, товарищам детских

игр, родной земле одолевала меня. Очень часто я вспоминал о них, мечтая увидеть хотя бы краешком глаза. И когда пришел в поисках родни дальний родственник Абдолла, живший неподалеку от нашего аула, я упросил мать разрешить мне пойти с ним и навестить родные места. Мама согласилась не сразу, напуганная разговорами о людоедстве.

По ее просьбе аксакал обещал приютить меня у себя дома на ночлег, предварительно накормив, и показать дорогу. Абдолла не пошел по обходной дороге, как многие, а двинулся напрямик, вдоль восточного подножья Калбинских гор, по кочевой тропинке, ведущей к ныне заброшенным зимовьям. Чем ближе мы подходили к Иртышу, тем чаще стали нам встречаться заброшенные ветхие домишки с зияющими окнами и дверьми, с покосившимися стенами, с провалившимися внутрь крышами. Из-за начала оседлости и укрупнения колхозов покинутые дома малых аулов мрачно смотрели проемами окон. Картины безмолвной степи, заброшенных домов и сараев были устрашающими, от них веяло потусторонним холодом.

Когда мы добрались до безлюдного берега, Абдолла вдруг завопил: «Лодка! Лодка!» Тут же бакенщик, шлепая веслами, направился к нам с противоположного берега. В те годы на столбах, установленных на берегу на крутых изгибах и поворотах реки, а также в местах, где были мели, стояли семафоры. Каждый вечер с наступлением темноты бакенщик зажигал в них керосиновые лампы, они горели всю ночь, а под утро он гасил их.

Переправившись через реку, мы пришли в дом Абдоллы в нескольких километрах от берега. Было время обеда. Я вышел из дома налегке, без запасов пищи, потому все мои мысли были, естественно, только о еде. В доме Абдоллы никого не оказалось. Хозяин молча лег и уснул. Немного отдохнув и выйдя во двор, я увидел, что солнце перевалило за полдень. Про себя прикинул: жены хозяина нет дома, воз-

можно, она не придет до вечера. А если и придет, то вряд ли меня накормит. Внутри дом нисколько не был похож на человеческое жилье, не было видно ни привычных вещей обихода, ни признаков наличия еды. Зато полным-полно было ученических парт. То, что аксакал Абдолла спит, отвернувшись, расстраивало, и я решил продолжить путь и засветло дойти до аула Куйган, чтобы заночевать у знакомых. Разбудил хозяина дома и сказал ему о своем решении, на что он с радостью согласился и стал суетливо объяснять, какой дорогой мне идти. Я пошел по знакомой дороге. Сапоги показались мне тяжелыми от долгой ходьбы, я снял их и зашагал босиком. Надеялся, что меня догонит кто-нибудь верхом или на телеге, но кругом не было ни души. Солнечный диск, словно ускорив свой бег, клонился к закату. Вспомнив наставления Абдоллы, я повернул от основной дороги на узенькую тропинку, проходившую по широкому ущелью. Когда выбрался из него наверх, солнце уже зашло. Смеркалось. Меня обуял страх, мерещилось, что из придорожных кустов степной акации, таволги или чия выскочит волк. К счастью, впереди показались силуэты мужчины и женщины, я ускорил шаг, догнал их и пошел рядом. Когда мы подошли к к окраине аула Куйган, мужчина спросил:

– Мальчик, в этом ауле у тебя есть знакомые?

– Нет, агай.

– Тогда не отделяйся от нас. У нас есть знакомые люди, у них и заночуем. Теперь никто не пускает ночевать незнакомцев.

Мы с трудом нашли в темноте нужный дом. Хозяева оставили нас на ночлег, но ничем не угостили. Они даже не предложили нам постель, и мы втроем легли спать прямо на пол, не раздеваясь. Такое «гостеприимство» было свидетельством того, что под гнетом нужды и голода традиции и обычаи казахов, складывавшиеся тысячелетиями, отступили.

Я проснулся на рассвете. Все в доме спали, – скотины, которую следовало гнать на пастбище, не было, да и завтрак готовить, видимо, было не из чего. Желудок, в котором не было ни крошки после съеденной вчера утром горсточки толченой пшеницы, требовал свое. И я поспешил в путь, надеясь, что буду накормлен у дяди.

Когда, наконец, я добрался до желанного аула, никого из родственников матери в нем не оказалось. Одни бежали от голода, других колхоз отправил на далекие животноводческие отгоны. Я был расстроен и растерян. Голод и долгий переход лишили меня сил. Просить милостыню было для меня неприемлемо, хотя невольно все-таки подумалось об этом, и от этой мысли дрогнуло сердце. Позже я узнал, что в те годы дети, вышедшие в путь в поисках родни, нередко исчезали бесследно. Я стоял, не зная, что предпринять. И тогда один из аксакалов участливо подсказал:

– Сынок, не теряйся. Вон в том доме, где стог сена, живет дочь твоего дяди Мукатая, ее муж – секретарь сельского совета. Живут, не голодая. – И в заключение своих обнадеживающих слов спросил:

– Ты их знаешь? А они тебя признают?

Больтекеш, свою двоюродную сестру, я не видел уже года 3-4, да и раньше мы встречались редко. Чем ближе я подходил к ее дому, тем больше одолевали сомнения, да иначе и быть не могло. Если в старые добрые времена в каждом доме из рода Бура меня встречали с распростертыми объятиями: «племянничек!», то теперь каждая семья стремилась выжить сама, собирая по сусекам остатки былых припасов. Кроме близкой родни никто никого домой не пускал. Но на сей раз все обернулось наилучшим образом. Больтекеш узнала меня и с порога воскликнула:

– О Боже! Откуда ты и как попал сюда? Родители живы, здоровы? Где живете? – она засыпала меня вопросами.

Увидев расположение Больтекеш, я успокоился. В этом

доме я вкусил такие блюда, о которых даже и не мечтал, и чувствовал себя счастливым. Обилие еды в доме поражало. Невольно на ум приходили слова: «Господь миловал: удачливая и счастливая семья!» Но муж сестры Адильхан Сикымбаев при виде меня насупился. В прежние времена он часто гостил в нашем ауле, шутил и смеялся с моими старшими сестрами на правах зятя, всегда баловал меня гостинцами, а теперь даже не справился о здоровье. Я чувствовал, что ему не хочется даже смотреть в мою сторону. Это закон жизни: «везунчики», которым улыбнулась удача, нередко избегают тех, кому трудно живется.

Побыв в доме Сикымбаевых, я отправился к дому дяди Кожахмета. Этот бесхитростный и трудолюбивый человек, не способный солгать или взять чужое, и позже исправно, не жалея живота, трудился в колхозе в течение тридцати лет, а в 30-е годы вручную засевал поля колхоза «Куйган». И в военные, и в послевоенные годы имя моего дяди как передовика труда не сходило с газетных страниц. Долгие годы дядя работал на колхозном току, потом стерег зимние хлева для колхозного скота, чистил арыки для полива колхозных полей. Ко времени моего прихода он сторожил скотный двор колхоза на дальнем отгоне. Соседей у него не было, жили вдвоем с женой. Случись что-либо непредвиденное – и сообщить некому!

Жизнь дяди – живая иллюстрация к образу рядового колхозного трудяги. Он всегда выполнял и перевыполнял нормы труда и все поручения колхозного начальства. Колхозного пайка им с женой не хватало, и они вынуждены были есть тасконак – полевой сорняк, напоминающий просо. Ее в засуху много, она глушит зерновые культуры. Технология превращения этого сорняка в пищу напоминает обработку проса для тары. За два дня можно приготовить столько, что хватит поесть всего один раз. В доме дяди из тасконака варили на воде кашу. У казахов употребление этого блюда

свидетельствовало о крайней нищете. Дядя просить милостыню не хотел, предпочитая есть тасконак. Таких людей среди трудового народа было много.

Дядю очень огорчало, что даже самые близкие люди стали чуждаться друг друга. Народ стал пренебрегать милосердием, добропорядочностью, взаимопомощью и искренними отношениями. Больше всего он переживал за брата, причисленного к кулакам и сосланного. К тому же сам он недавно пережил предательство родного племянника. У дяди Кожахмета не было своих детей. По казахской традиции он усыновил сына старшей сестры и удочерил дочь старшего брата. И вот теперь, весной 1933 года, они с женой остались одни – дети покинули их. Они горевали, что 16-летнего приемного сына увел его родной брат – старший племянник. Такой поступок у казахов называется клятвоотступлением. Согласно традиции, при усыновлении детей обе стороны давали клятву: «Перед Богом ребенок навеки твой, отдаю тебе без всяких условий». Люди боялись и стыдились нарушить эту клятву, а старший дядин племянник, активист, апологет нового строя, не только увел своего брата от приемных родителей, но и возвел на дядю напраслину, заявив, что его маленького брата держали в батраках. И в качестве оплаты за труд братишки забрал двух коз из дядиного хозяйства.

Не успели пережить это горе, как 18-летняя приемная дочь, не посоветовавшись, сбежала замуж. Прошло два месяца после этого события, но никто со стороны зятя не пришел просить прощения с целью примирения. Все это ввергло дядю в сильнейшее горе. При разговоре со мной он то и дело повторял: «Разве свою руку отрежешь? Пусть оба ребенка будут счастливы, где бы они ни были. Кауария пусть будет счастлива в браке. Если подумать, что я мог дать ей в моем доме кроме горсти тасконака в день? Ничего. А ее муж – председатель аульного совета, и она будет жить в сытости, – пытался он оправдать приемную дочь. – Кауарию я не

проклинаю, только обидно, что новые сваты не считаются с обычаями, оскорбили меня». Случившееся с дядей доказывало правоту народной пословицы: «Шейка барана – не еда, а племянник – не опора».

С тех пор минуло много лет, и я думаю, что дядя мог не принять меня в своем доме но, напротив, он от всего сердца обрадовался моему приходу. И хотя они с женой сами жестоко голодали, я гостил у них целую неделю, угощаясь тасконаком. При прощании Адем напутствовал:

– Конечно, ступай к своим родственникам. Я слышал, что среди твоей родни благополучно живут Рахимжан и Альжан. Альжан хранит ключи от колхозного зерносклада. Хоть немного придешь в себя, поешь… – затем он, будто что-то вспомнив, промолвил:

– Тебе это будет и в обход, но зайди в дом Кауарии. Там переночуй. Узнай, здорова ли. Посмотри, как живет. На обратном пути зайдешь к нам и расскажешь.

Хотя дочь и сбежала из родительского дома, а сын опозорил, отцовское сердце болело за них. Выполняя дядину просьбу, я в тот же день пришел в дом Кауарии. Двоюродная сестра встретила меня с распростертыми объятиями и поцелуями. Расспросив о наших, расплакалась, а осушив слезы, поинтересовалась:

– Как дела у Адем ага? Здоров ли? Наверное, обижается на меня? Есть ли у них дома еда?

Я рассказал, что ели тасконак, но про обиду отца не стал говорить. Кауария поняла, что я голоден, и поставила на низкий круглый столик целую тарелку крупных баурсаков, тарелку вареной рыбы и велела мне есть, пока не наемся досыта, а сама стала готовить чай. Угощение сестры показалось мне ханским яством. Я наелся вдоволь. Контраст достархана дочери с угощением ее отца был разительным. О Боже, оказывается, бывает такое богатство! Откуда оно – тогда я об этом не задумывался. Просто сделал вывод:

«Кауария замужем живет хорошо».

Никого из тех людей, о которых я повествую, нынче нет в живых. Но я запомнил навсегда благородный жест нового зятя Адема Нугмана Мукышова. Он перевез меня через бушующую во время весеннего половодья реку на лодке и показал дорогу в аул, куда я направлялся. Такая родственная забота тронула меня, и я от всего сердца поблагодарил его. Про себя заключил: «Хороший жигит». Прошли годы, я ни разу не слыхал от людей в адрес Нугмана подобных оценок, но сам остался ему благодарен.

В ауле родственников

В одиночестве прошел я путь в 15 верст, не встретив никого по дороге, пока добрался до желанного аула и оказался перед дверью дома братьев Рахимжана и Альжана Мукажановых. Каждая казахская семья по-своему принимает гостей различного ранга – путника с дальней дороги или аульного гостя. Уровень приема зависит от разных обстоятельств: материального положения, доброты, гостеприимства, степени щедрости хозяев. В народе бытует множество притч и поговорок о гостеприимстве: «Каково отношение – таковы и подарки», «Хозяина дома оценивай по ответу на твое приветствие, а хозяйку по угощению», «Хоть ты и гость от Бога, но считайся с настроением хозяина». В описываемое время я не знал всех этих назиданий, но за два последних года много чего повидал, поэтому очень осторожно открыл дверь и мягко ступил через порог, как охотник к берлоге медведя. Кто знает, как меня встретят двоюродные братья моего отца, которых я не видел два года! Тогда они довольно холодно попрощались с нами. При виде меня все три женщины в доме застыли, а затем одновременно заохали:

– Ойбай, да это же Мухаметкалым! Это и вправду ты? Бабушка Мария, обернутая одеялом, как хворая, позвала:

– Иди сюда, светик мой, ты откуда?

Она крепко прижала меня к себе и принялась целовать в лицо, в шею, так же поступили ее снохи Аймиш и Нукан. Посыпались вопросы: «Откуда ты? Когда пришел в эти края? Где живете? Есть ли вести от отца? Жива ли, здорова ли Написа? Не голодаете ли?»

Рахимжану было сорок лет, а Альжану за тридцать, их отец Мукажан и мой дед Айтпамбет были родными братьями. Мукажан умер в возрасте 37 лет в 1893 году, и Айтпамбет женился на его вдове. Хотя хозяйства двух семей велись раздельно, отношения были близкими. Дети подрастали, находясь на попечении одного отца, поэтому бабушку этой семьи мы называли «младшей бабушкой». Для всех трех женщин, радостно защебетавших при виде меня, разлука с близкой родней была тяжела, но дяди при встрече восторга не выразили. Они степенно расспросили о делах и здоровье родных и вскоре перестали обращать на меня внимание. Я терялся в догадках: может, это потому, что мужчинам свойственно хладнокровие? А может, они избегали общения с сыном кулака? Зато свою детскую искреннюю радость выказали дети этого дома – Мубарак, старше меня на пять лет, и Алтынсары – младше меня на год. Мубарак, как старший брат, сразу взял меня под свое покровительство, всюду водил с собой и следил, чтобы я был сыт.

Материальное положение этого дома для 1933 года было прекрасным, о чем свидетельствовали дойная корова и мешки тары. Источником достатка был склад колхозного зернового фонда, ключи от которого находились у дяди Альжана.

Я посетил еще 3-4 дома родственников в ауле Топтерек, центральной усадьбе колхоза. В каждом меня принимали соответственно уровню своего житья-бытья. Все расспра-

шивали об отце. Узнав, что от него больше года нет писем, родня сокрушалась: «Аллах, спаси...».

Так минуло десять дней. Говорят: в гостях хорошо, а дома лучше, и я вскоре засобирался домой, но семья Мукажановых стала отговаривать меня:

– Чего это ты торопишься? Поживи пока у нас. Сам знаешь: дома голодно. Не будешь объедать мать и брата.

Я был не против, к тому же мне не хотелось уходить от знакомых ребят – товарищей моих детских игр. Рахимжан и Альжан рано осиротели и были очень дружны, даже теперь, имея семьи, жили все вместе, делились друг с другом всем, что имели. В доме было 7 человек, за всеми ухаживала младшая сноха, жена Альжана – Нукан. Целыми днями она работала по дому: приносила воду, готовила три раза еду. Другие домашние дела тоже были ее обязанностью. Я охотно помогал ей: приносил в ведрах воду из реки, что находилась в полуверсте. Такую работу в своем доме выполнял каждый аульный мальчик.

Я не различал нюансов во взаимоотношениях между родней, только знал, что «родственник в беде не бросит, а близкий грудью тебя защитит». Кроме того, народная мудрость гласит: «Жизнь сама научит».

По возвращении домой, мать посетовала:

– Когда соседи спросили меня, какие гостинцы ты принес, мне стало так стыдно! Такие невежи! Не могли даже горсть зерна передать. Ладно, Бог с ней, с этой горстью, ею мы не наедимся, просто опозорились перед нашими соседями!

После слов матери я вспомнил слова свата Нургали, сына Кыстаубая, сказавшего за день до моего ухода:

– Если бы каждый из твоих родственников дал тебе полпуда проса, пропитания твоей семье хватило бы с лихвой. Помочь семье Шаке никому из родственников и в голову не пришло. То ли жадные все, то ли невежи?.. В свое время каждому из них твой отец оказывал постоянную поддержку.

Смысл его слов я понял после сетований мамы по поводу неловкости перед соседями. Из родни никто даже не подумал, как я буду возвращаться домой. Только сват Нургали дал мне совет: «Большую часть пути ты пойдешь по безлюдной местности. Не вздумай отдыхать в пути, можешь уснуть и остаться в степи, не дай Бог, на ночь. Постарайся засветло добраться до жилья».

И в наши дни много примеров разного отношения к людям, нуждающимся в помощи. Одни равнодушно проходят мимо лежащего на улице больного человека, другие глянут с участием, третьи испуганно шарахаются… А есть такие, кто молча помогут. В годы голода и сиротства я тоже испытал на себе все это. Добро никогда не пропадает втуне.

Страшная весть

К середине лета 1933 года голод распространился по нашему региону, в аулах увеличилось число голодающих. Мама сократила наше питание до предела и строго предупредила, чтобы между тремя приемами пищи ничего у нее не просили. Но разве поймет это семилетний малыш? Время от времени он просил есть, плакал, и мама нарушала собственный запрет. В один из таких тяжелых дней к нам пришел сын дяди Тайымбая, мой двоюродный брат Айкен (Айтмуханбет). Он преодолел огромное расстояние пешком ради визита к нам. С того момента, как мы не видели Айкена, прошло больше года. (Я рассказывал, как в прошлом году мы встретились с ним в Риддере). Приход брата меня чрезвычайно обрадовал, впрочем, как и маму – мы даже немного воспрянули духом. В былые годы Айкен, будучи сыном богача, не работал и не учился, развлекался, как мог, был щеголем, одним из первых в наших краях стал носить хромовые сапоги на каблуках и пошитые на заказ европей-

ские костюмы. Теперь он был обут в старые войлочные чулки, сыромятные башмаки и одет в чапан с заплатками. И без того плачевный вид моего исхудавшего брата дополняло унылое выражение лица.

На следующий день после прихода Айкена к нашему дому стали собираться соседи: женщины, мужчины, старики. Их появление я связал с приходом нашего гостя, а мама была растеряна. Вскоре все выяснилось: по казахским традициям скорбную весть о смерти близкого сообщали, соблюдая определенный ритуал. Самые почитаемые люди аула приходили в дом, и авторитетный аксакал издалека начинал витиеватую речь, полную аллегорий. Оратор пересыпал свою речь пословицами и поговорками, и, наконец, сообщал страшную весть. Психологическая подготовка была проявлением уважения к чувствам родственников умершего и к таинству смерти. Оказалось, что страшную весть о смерти моего отца, своего дяди, Айкен узнал от наших родственников и, не решившись сам сказать об этом, сначала сообщил соседям.

О том, что отец скончался в декабре 1932 года, стало известно из письма человека, работавшего вместе с ним на «Ульбастрое». По народной традиции, после того, как объявлена горькая весть, соседи сообща, исходя из своих возможностей, организовали поминальный обед в нашем доме. За упокой души моего отца были прочитаны молитвы.

Мама переживала и страдала еще и оттого, что по отцу, пользовавшемуся всеобщим уважением, были справлены очень скудные поминки, причем на средства не родственников, а аульных соседей. Лишившись мужа, с двумя детьми-сиротами на руках, она вспоминала о тех днях, когда смерть такого уважаемого в округе человека сопровождалась бы пышными поминками. Со всей округи в таких случаях собирались близкие и дальние родственники, приводили с собой верблюдов, жирных коней, а то и целые

косяки лошадей, отары овец, привозили огромные бурдюки кумыса. Справлялась достойная тризна по покойному с приглашением на поминки представителей всех родов великой степи. Теперь те картины в глазах матери казались нереальными. Она горевала и потому, что отмечать семь дней, сороковины, годовщину и другие даты у нее не было ни малейшей возможности. К тому же покойный ушел в вечность уже пять-шесть месяцев назад.

В годы голода смерть человека стала подобна смерти козленка, люди уже привыкли к горестям и к трагическим событиям. Родственники отца, судя по всему, не только не горевали по поводу его смерти, но и не имели намерений сообщать эту весть нам. Возможно, решили, что не стоит поддерживать с нами отношения. Как бы то ни было, они хранили молчание полгода. Лишь Айкен, пройдя из-за озера Зайсан 150 километров пешком, чтобы узнать о положении нашей семьи, услышал эту трагическую весть и сообщил о ней.

Прежде опорой матери были семьи двух ее дочерей, теперь одну из них колхоз отправил для заготовки леса в далекие края, а другая работала в горах на животноводческом отгоне. Помочь нам было некому, а на пороге стоял страшный голод с разинутой пастью. Горевавшую по отцу мать, боявшуюся голода, растерянную из-за отсутствия жилья, утешали только соседи.

– Человек никогда не сможет убежать от смерти. По воле Аллаха каждый уйдет в мир иной в свой срок и будет похоронен там, где предначертано ему лежать. Значит, не суждено было покойному лежать в родной земле. Нужно покориться Божьей воле и успокоиться. Идти против или быть недовольной его предначертаниями – большой грех. Приди в себя, соберись и проси у Аллаха: если ты взял отца, оставь мне детей. И молись за них. Когда Бог создавал человека, то создал для него и блага. Молись о том, чтобы эти блага достались и твоим детям. Создатель щедр, если он даст, то

сполна. Только надо молиться от чистого сердца.

Так соседи утешали и старалась отвлечь вдову, погруженную в глубокое горе.

В окружающем мире происходят непрерывные изменения, в нем нет ничего постоянного. И вещи, и люди меняют свой первоначальный вид, старятся, ветшают. Когда мы говорим «умер», следует понимать, что происходит переход в другое качество. Каждое изменение порождается определенными закономерностями, обновляющими реально существующий мир. У человека, в отличие от природы, могут быть случайные поступки. Его неправильные, не соответствующие законам природы решения и действия отрицательно влияют и на судьбы человеческие, и на развитие общества в целом. Рассмотрим это на примере судьбы моего отца. Случайным решением случайных лиц крестьянина-середняка причислили к кулакам. Потом его подвергли переселению, и когда он хотел вместе с другими вернуться домой, из всей толпы людей задержали почему-то именно его. Могли оставить не моего отца, а кого-нибудь другого, и тогда мой отец вместе с женой и детьми возвратился бы в родные края и, может быть, остался бы в живых. Какая сила, чье могущество управляли людьми, решившими судьбу отца, а значит, и его семьи? Кто отдал им «приказ» в том далеком лесу?

Дядя Мукатай по поручению отца увез нас на родину, однако по неизвестным нам причинам отец не приехал вслед за нами. Может быть, усилилась охрана? Или, заболев, он не смог выйти в дорогу? А может, были другие препятствия? Вопросов много, а ответа нет и не будет. В архивах о моем отце нет никаких сведений.

Возвращение сирот в родной аул

Явным признаком настоящего голода стало то, что нищие, просящие милостыню, удовлетворялись маленькой горсточкой зерна или кусочком съестного. Появились страшные вести о том, что в таком-то ауле уже появились люди с опухшими лицами. День ото дня и в доме все труднее становилось с продуктами. Запасы наши сильно истощились, прибавки не ожидалось, и помощи ждать было не от кого. Мама как заклинание повторяла одно и то же: «Надо сохранить детей в живых до созревания нового урожая». Соседи нам помогали, по очереди давая молоко для чая. «Для чая» я говорю по старой привычке. На самом деле для простого кипятка. Чая не было и в помине. Мы кипятили воду, добавляли в нее 3-4 капли молока и пили этот белесый напиток.

Не знаю почему, но после известия о смерти отца и после отъезда Айкена меня потянуло в родной аул отца. Всегда думал о том ауле, о тех родственниках. Эти чувства были настолько сильны, что однажды я сказал об этом матери и предложил ей переехать туда. Мама ответила, что не стоит этого делать, потому что помощи там ни от кого не будет, ведь даже меня одного тогда отправили домой с пустыми руками. По прошествии нескольких дней я снова повторил матери свое предложение, она задумалась и спустя время, будто советуясь с нами, как со взрослыми людьми, спросила: «Хотите поехать на родину?» Мы с братишкой в один голос ответили: «Да! Хотим!»

Мать, видно, долго думала об этой проблеме и теперь обосновала свое решение горькими и тяжелыми словами: «Если Богу угодно, чтобы вы умерли от голода, то умрете на родной земле, среди своих родных».

Итак, решено: мы едем в родной аул. Детской радости не было предела. Священное чувство любви к родным местам, к родной земле… из него складывается понятие Родины,

оно впитывается вместе с материнским молоком. И нами, детьми, владело это слепое, но могучее чувство.

Осуществить нашу идею было непросто из-за отсутствия транспорта. По этой причине люди практически не покидали пределы своих населенных пунктов, и добраться с территории нынешнего Самарского района до райцентра Курчумского района было сродни путешествию за границу. Немногочисленные колхозные лошади использовались на работах, можно было рассчитывать лишь на крестьян-единоличников. И если кто ездил куда-то в аул или в районный центр, это становилось темой для долгих разговоров и пересудов, даже превращалось в своеобразную легенду. В один из дней степной узын кулак принес весть, что крестьянин Шакен из соседнего аула поедет в районный центр. Мама пошла к нему и договорилась, что он захватит нас с собой. У Шакена времени было в обрез, и мы из-за спешки не смогли известить об отъезде сестер и их мужей. Разве малознакомый хозяин телеги, согласившийся довезти нас бесплатно, «ради Бога», будет считаться с проблемами беззащитных сирот?

… В жаркий летний день ритмичное покачивание телеги усыпляло, и нас тянуло ко сну. Только начнешь подремывать, как Шакен прикрикнет: «Эй, мальчик, не спи, лошадям будет тяжело везти!» Когда стало вечереть, хозяин лошадей повернул к берегу Иртыша, чтобы накормить их и дать отдых. Останавливаюсь на этом подробно потому, что хочу рассказать о событии, очень удивившем меня.

К тому же месту вскоре подъехали еще два казаха на сверкающей коляске, запряженной парой лошадей. Они тоже отпустили пастись лошадей и принялись готовить обед. Вытащили из коляски тушу жирного барана, отрезали от нее, сколько смогло поместиться в железное ведро, и повесили его над огнем. Путники оказались знакомыми нашему Шакену и они, развлекаясь беседой, ждали, пока сварится мясо. Мы отошли от них подальше, вглубь камыша. Через некото-

рое время мужчины явно повеселели, голоса стали громче. Мы поражались, где они в голодное время раздобыли тушу барана, много других продуктов и водку. Какие это счастливые люди! Оказалось, они были государственными агентами, скупавшими у голодного населения изделия из золота. В то время, когда миллионы людей страдали, находились такие, что извлекали из этого выгоду.

Тысячи людей, спасаясь от голода, брели по дорогам в поисках родственников, которые смогли бы подать им руку помощи. И наша поездка была сродни таким странствиям, с той лишь разницей, что нас никто не ждал, мы хотели просто добраться до родных мест. Наши арбаши доставили нас к пункту назначения к полуночи. Поскольку идти было некуда, мы остановились во дворе Ахата Сабитова, где в позапрошлом году жили на квартире. Бесправные обычно стеснительны. Не смея разбудить хозяина дома (как еще он нас встретит?), мы до утра просидели у него во дворе. Наутро хозяин дома позволил нам временно пожить у него в коровнике.

На земле отцов

Хотя мы и доехали до районного центра, до земли отцов и его родни не добрались. Мать и не торопилась сообщать им о нашем переезде. По ее словам, нам, пережившим горе, ездить по родственникам – предосудительно. Если кто считает нас своей родней, то они сами должны приехать к нам, прочитать молитву и выразить соболезнование. Другая причина: смогут ли они во время такого голода помочь нам, поддержать нас? Возможно, кто-то и хотел это сделать, но побоялся общаться с семьей бая и кулака.

Всюду бродили люди в лохмотьях, уже потерявшие человеческий облик. В аулах на дорогах лежали трупы, пугая прохожих. Голодный человек всю силу ума тратит на то,

чтобы любыми путями добыть пищу. Им овладевает единственная страсть – наесться. Голодный человек напоминает сумасшедшего. Он забывает, что такое стыд и совесть. Он может пойти на воровство, грабеж, даже на убийство человека ради нескольких зернышек. И когда съестное попадает ему в руки, он поглощает добычу, независимо от ее свежести. Будет есть и гнилую. Пока не набьет желудок. Рядом с умершими от голода лежали и те, кто наедались и умирали от чрезмерной или недоброкачественной пищи. Голод беспощаден. Вчерашних матрон, полных и добродушных, он превращал в крошечных старушек. Красавиц, щеголявших в парче и бархате, с золотыми ожерельями на шеях и с пышными перьями филина на собольих шапках, голод делал живыми скелетами и заставлял просить милостыню. Голод вынуждал матерей-вдов выдавать 13-14-летних дочерей замуж за активистов, чтобы спасти других детей от голода. Безмужних молодух, у которых были малые дети, голод вынуждал идти замуж вторыми или третьими женами.

Но и в это лихолетье встречались люди, не терявшие разум. Они стоически выносили это тяжкое испытание, старались экономить имевшиеся запасы продуктов и неутомимо искали пути для того, чтобы прокормить детей. Одной из таких была моя мама. Однажды она, усадив нас напротив, стала совещаться с нами как со взрослыми:

– У нас нынче вот сколько осталось еды. – И показала около половины пуда тары и 3-4 килограмма вышелушенной из колосков полусгнившей пшеницы. – Как бы вам ни хотелось есть, тары не смейте трогать. Хотя она и полугнилая, будем питаться этой пшеницей. Тары я буду давать вам, когда это будет нужно. Если не послушаетесь и вздумаете есть его в мое отсутствие, то без моего наказания через несколько дней умрете от голода. Но вы же у меня умные.

Три раза в день мама кормила нас горстью жареной пшеницы и лишь иногда давала тары, размоченное в воде.

Вскоре мы убедились в том, что помощи от родственников отца ждать бесполезно. Никто из них не приехал даже выразить соболезнование по поводу его смерти. Кто бы мог помочь нам, так это брат мамы дядя Кожахмет, но нищета и голод связали его самого по рукам и ногам.

Мать металась в поисках еды, как птица в поисках корма для птенцов. Она искала работу. Неграмотная мама повсюду водила меня в качестве переводчика. В некоторых местах находилась временная работа, но, разузнав, что мы из рода баев, нам тут же отказывали. Пошли с заявлением в колхоз родного аула, но председатель выпроводил нас со словами: «Мы боимся принимать вас в колхоз, но если из района будет разрешение, тогда примем». Надеясь на великодушие районного руководства, мы пошли к председателю районного исполнительного комитета с заявлением, в котором просили, чтобы нас приняли в члены колхоза, так как глава семьи, причисленный к кулакам, умер. На углу заявления матери председатель исполнительного комитета поставил резолюцию: «Согласно общему закону на усмотрение правления колхоза». Прочитавший эту резолюцию, вернее, ее ему прочитали, безграмотный председатель колхоза «Топтерек» Калыбаев Бердикожа заявил:

– Тут написано, чтобы вас не принимали в колхоз. У нас имеется документ, в котором запрещено принимать в колхоз семьи баев и кулаков. Если я вас приму, то меня осудят за это. Я жить хочу. И у меня есть дети. Не обижайтесь. Когда в округе свирепствует такой голод, неплохо было бы вам пойти в колхоз, который хоть граммами, но помог бы вам. А я ничего не могу поделать.

Когда наши запасы совсем подошли к концу, мать, наконец, нашла выход. Узнав, что сотрудники в районных учреждениях покупают хмель и веники, связанные из мелких веток березы, а также ягоды и фрукты, растущие по берегам рек, решила собирать их, продавать или менять на

продукты. Возможно, кто-то подсказал ей этот выход. Мы втроем пошли на берег реки Курчум и в первый же день набрали целый мешок хмеля. Принесли его в село и стали обходить дворы в поисках покупателей. Одна русская женщина дала нам за хмель полбуханки хлеба. Его хватило, чтобы один раз втроем поесть. Мы очень обрадовались этому и после первой успешной торговой сделки с энтузиазмом принялись за сбор хмеля. Для этого приходилось вброд переходить быструю реку. Мы с мамой держали за обе ручки маленького брата, которому вода доходила до шеи, и переводили его. На третий день ребенок, выскользнув из наших рук, чуть не утонул. И мы стали оставлять братишку дома, хотя и тут были свои опасности: оставшись без материнского присмотра, за день он мог натворить что угодно. Мама переживала за него, но поделать ничего не могла.

Мы каждый день собирали по мешку хмеля и обходили аул, пока не находился покупатель. В иные дни ходили очень долго. Хмель покупали только русские. Многие казахи просто не знали, что такое хмель и для чего его используют. Хотя условия жизни служащих в райцентре были одинаковыми, казахи постоянно находились в нужде.

Районный центр был организован более двух лет назад, в его учреждениях работали преимущественно русские, но поскольку их было немного, покупателей нашего товара тоже было мало. Случалось, в ответ на наше предложение русские смеялись: «Зачем он нам, у нас нет муки, чтобы испечь хлеб». Но все же кто-нибудь да покупал, не было дня, чтобы хмель не был продан. Мы не называли цены – что покупатель дает, то и берем. Лишь бы это было что-то из продуктов. Деньги нам были не нужны, потому что не находилось людей, которые продавали бы продукты. Наш ежедневный доход зависел от доброты покупателя: кто-то, пожадничав, давал кусочек хлеба или горсточку зерен, а другие, возможно, от жалости к нам давали побольше. Слу-

чалось, на просьбу прибавить слышали в ответ: «Идите к черту!» Обычно препятствовали нашей торговле мужчины. Они урезонивали жен, согласившихся купить душистые шишечки этого растения:

– Зачем тебе? Где у тебя мука? Кто тебе ее даст?

Очень редко бывало наоборот. Расскажу один такой случай. Как-то, набрав со мною хмель, мать поспешила домой, а меня отправила его сбыть. Закинув мешок за спину, я подошел к одному из домов и стал бубнить привычное:

– Ыхмель нады? – с таким кошмарным произношением я предлагал свой товар. Тут вышел хозяин дома и предложил мне зайти в дом, сказав, что прежде чем купить, понюхает товар. Жена стала противиться желанию мужа:

– Зачем нам хмель без муки? Чем будем платить? В твоем кармане нет ни копейки!

Муж, не слушая ее, протянул мне плитку чая, от которой была отрезана полоска шириной в один сантиметр. Я по привычке брать все, что предлагают, схватил чай и побежал из этого дома во все лопатки, но вскоре задумался: почему я отдал хмель не за целую плитку? Почему не стал искать другого покупателя, который дал бы что-то съестное? Моя непрактичность, наверняка, расстроит маму. Эти мысли терзали меня всю дорогу, но когда дома я отдал чай, мать радостно воскликнула:

– Ойбай, какая удача! Чтобы купить столько чая, надо много денег. Это полумесячный заработок мужчины. О боже, благодарю тебя, – радовалась она.

В те годы купить чай было невозможно. Лишь в магазине, предназначенном для 20 номенклатурных начальников и специалистов района, продавали продукты, одежду и другие вещи, там продавали и чай. Такие магазины назывались «двадцатками».

Через некоторое время наш хмельный рынок закрылся, потому что хмель, росший по берегам реки, был собран, и

мы стали продавать связанные из березовых веток веники для бань. Вязать веники совсем нетрудно, да и времени много не требуется, но тяжело все это тащить на спине с места заготовки, где растут березы, до городка, за 5-6 километров. Веники тоже меняли на продукты. Их тоже брали только одни русские. Казахи, работавшие в районных учреждениях вместе с русскими, даже не смотрели на них. Будто никогда не мылись в бане.

Еще нас изумляли наши соплеменники, просящие милостыню у нас, зарабатывавших на пропитание вениками. Таких мать пыталась наставлять, говоря, что лучше трудиться и самим добывать пропитание, не теряя достоинство, чем побираться. Нищие делали вид, будто соглашаются, и продолжали просить. Некоторые из них были совсем изможденны голодом и выглядели полуживыми. Голод уже отнял у них разум. Вчера еще уважаемый мужчина, представительная байбише, почтительная молодая женщина под воздействием непрерывного голода настолько теряли человеческий облик, что могли ради куска хлеба отдать самое дорогое. Голод поедает разум человека, делает из него дикого зверя.

Голодный человек постоянно хочет не только есть, но и пить. Безмерно выпитая вода делает сначала отечным его лицо, затем отеки распространяются по всему телу. Вскоре они проходят, кожа обтягивает кости, и человек уподобляется живому скелету. Он может вскоре умереть, хотя иногда такое состояние длится больше месяца.

Первыми от голода умирали старики и младенцы. В облике опухших от голода детей не оставалось ничего детского. Животы их вспухали, лица покрывались морщинами, они походили на немолодых карликов. Обессиленные, дети лежали и были не в состоянии встать с места и вместо плача издавали только стоны. Видеть такое мучение ребенка не только родной матери, но и чужому человеку было невыносимо. Голодающий человек ослаблен и подвержен различным

болезням, приближающим его конец. Отправляться в мир иной нелегко, а смерть от голода – одна из самых тяжелых. Мучения усугубляет страх остаться непогребенным, потому что у оставшиеся в живых нет сил хоронить умерших.

Увиденные мною в детстве страшные картины голода мучительны, незабываемы, необъяснимы и непростительны! И все-таки по сравнению с другими регионами в верховьях Алтая люди гибли от голода не столь массово, и в наши края в 1932-1933 годы привозили голодающих из других областей. «Хотя ты сам голоден, но помоги другим» – был такой призыв. Помощь запоздала, не всех удалось спасти от смерти, сотни тысяч людей к тому времени умерли.

Тем временем в Советском Союзе тратились миллионы рублей на индустриализацию, на строительство крупных промышленных предприятий. Вместо того чтобы закупать в капиталистических странах оснащение для предприятий, лучше бы накормили голодающих граждан. Но в стране трудящихся человеческие жизни ничего не стоили.

Прошло более 70 лет с того страшного времени, но и теперь, перелистывая страницы исторических документов, архивных материалов, поражаешься, что, кроме средств, потраченных на строительство и закупку техники, огромное количество денег уходило на организацию съездов и конференций, бесконечных собраний, всевозможных юбилеев. Для вождей компартии, руководивших страной, важнее миллионов человеческих жизней было славословие в их адрес на этих сборищах. Теперь с высоты прожитых лет понимаешь, какие мы были зашоренные, когда горячо поддерживали политику партии, не осознавая ее негуманности. Как можно было праздновать, путешествовать и развлекаться, когда люди пухли от голода и умирали?! Эти вопросы мы задаем сейчас, а в те годы большинство людей считали, что голод ниспослан Богом в наказание за то, что стали его забывать.

Колоски нового урожая

Все недоедавшее население с нетерпением ждало уборки нового урожая, как чуда, которое сможет спасти их от голодной смерти и продлить жизнь. Мы с мамой тоже, как дикие птицы и звери, берущие пищу прямо из природных кладовых, пробавлялись крохами съестного в надежде на новый урожай. На веники спрос закончился, надо было искать другой источник средств существования. Ко времени созревания зерновых, по мнению матери, следовало переехать поближе к колхозному аулу. Осуществить эту идею помог случай.

Пословицы: «Джут имеет семь братьев», «Беда приходит не одна и возьмет все намеченное сполна» возникли не на пустом месте. Горе, кружившее вокруг нашей семьи, снова закинуло свою удочку. Из-за озера Зайсан в наш аул Топтерек переехали Айкен вместе с матерью Онал апа и с десятилетней сестренкой, но без отца, потому что Тойымбай ата умер. Как только Айкен принес домой трагическую весть о смерти его родного младшего брата, Тойымбай ата каждый день стал просить у Аллаха смерти. В течение недели он, обращаясь на запад, умолял Всевышнего: «Возьми меня к себе». На седьмой день его просьба была удовлетворена, он скончался. Как это можно объяснить? Выходит, если человек от всей души пожелает себе чего-то, даже смерти, то его желание может осуществиться? Или человек сам чувствует, что скоро отправится в вечность и потому желает сократить свои дни на земле? Взаимоотношения и взаимовлияния миров живых и мертвых являются загадкой. И наука пока не может ее разгадать. Когда этот «враг советского строя» переселился в мир иной, его семья направила свои стопы на родину, где были посевные земли.

В те годы зерновые жали серпами вручную или простейшими механизмами, запряженными лошадьми, и тут же на поле вязали снопы. Снопы везли на ток и там обмолачива-

ли, отделяя зерна от плевел. До следующего посева поля пустовали, и нуждавшиеся могли подбирать оставшиеся колоски. Хотя новый урожай был собран, и на току горой лежало зерно, народ не насыщался. Под лозунгом «Первые зерна нового урожая – государству!» обмолоченное зерно отправлялось с токов в места государственного хранения. Сборщикам колосков не разрешали подходить к полю, пока колхозники не завершат уборку и не уйдут. Охранники гнали всех взашей, но истощенные люди прорывались сквозь препоны и утоляли голод. Нашей целью был сбор зерна не для ежедневного питания, а чтобы создать запасы на предстоящую зиму, поскольку другого источника пропитания не предвиделось.

Я хочу подробно описать сбор колосков осенью 1933 года, поскольку это имело огромное значение для нашей семьи. Мать отдалась этому делу с чрезвычайным рвением и, возможно, благодаря ее особым стараниям наша семья выжила в 1933-1934 годы. Первым было поле в 30 верстах от аула. Вдвоем с матерью мы вышли в дорогу, поверив слухам, что там урожай уже собран, поля пустуют, и нет никого, кто будет препятствовать сбору. С собой мы несли рабочую одежду, постель для ночлега в поле, посуду для приготовления пищи и мешки для зерна.

Мы шли по кочевой дороге на Алтайские жайляу. Кто знает, о чем думала мама, шагая по этой дороге с убогим мешком за плечами. Три года назад она ехала по ней на лошади, отличавшейся тихим нравом, сидя на серебряном седле, поверх которого лежала шелковая подушка. Перед собой она держала колыбель с ребенком, а запястье ее левой руки было обмотано тонким поводом – она вела за собой кочевье, цепь нескольких навьюченных верблюдов, что являлось почетной миссией.

На одном из полей колхоза «Кайнар» мы нашли нечто вроде шалаша – бывшего укрытием то ли охранников, то

ли птицеловов, и сделали его своей временной обителью. В нескольких сотнях метров от нашего балагана горой лежало на току зерно, его охранял единственный сторож. Первое время мы боялись спать в поле и однажды попросились переночевать на территории тока. В ответ сторож закричал:

– Не подходите к току! Даже не приближайтесь! Если кто-нибудь увидит, что вы здесь ходите, то меня могут заподозрить в том, что я раздаю баям и кулакам колхозную пшеницу. Уходите подальше от греха!

В течение нескольких дней, встав спозаранок, вскипятив воду и позавтракав, мы шли собирать колоски. В обед жарили немного собранной пшеницы, запивали ее водой и без перерыва на отдых снова шли в поле. Вечером мама занималась приготовлением ужина, а я отделял собранные за день зерна от шелухи: топтал колоски ногами, провеивал на ветру, подкидывая на плоской посуде.

За неделю мы собрали больше 16 килограммов, и в это время на ток приехал на бричке колхозный возница Муки, родственник, сват. Он сообщил, что на поливных землях в низине уже собрали урожай, поля опустели, колоски там развесистые, да и зерна в них покрупнее, чем здесь, и посоветовал перейти в низину. Мать, довольная тем, что получила дельный совет от искренне желавшего нам помочь жигита, горячо его благодарила:

– Дорогой Муки, пусть Тенгри поддержит тебя за этот совет. Мы ему последуем, а ты доделай доброе дело, доставь наш небольшой груз и нас на своей подводе до аула.

– Ойбай, сватья, не приведи Господь! Я не смогу подвезти вас с вашим грузом. Если я так сделаю, то пойдут пересуды, что вместо того, чтобы везти колхозное зерно, я привез семью бая и кулака. Но если груз у вас небольшой, то ладно, доставлю его в аул вместе с вашим сыном. А вас, сватья, я не могу посадить на телегу.

– Хорошо, тогда я пойду за телегой пешком.

– Ой, не надо, сватья! Если активисты увидят вас возле телеги, то сделают меня преступником, как будто все зерно я везу к вам домой, – перепугался он.

Чтобы не подводить возницу, мать решила идти завтра, а мы тотчас отправились в путь. Когда приблизились к аулу, Муки попросил меня сойти с телеги, подождать, пока он уедет и, прячась в кустах чия, донести мешок до дома самому, стараясь не попадаться никому на глаза, чтобы не заподозрили, что я несу краденое.

Сидя в зарослях чия, я думал, как бы мне без потерь доставить домой плоды нашего недельного труда. Я взвалил мешочек на себя, но тут же почувствовал, что далеко его не унесу. У меня хватило сил пронести мешок весом чуть больше пуда лишь 40-50 метров. Вторая попытка закончилась тем же. Немного отдохнув, постарался снова поднять груз с земли, но сил не хватило. Поблизости не было никого, чтобы попросить о помощи. Сходить в аул боялся, помня предостережение никому на глаза не попадаться. Я то катил мешок, то пытался тащить волоком, и, наконец, меня озарило, что надо взвалить мешок на спину, для чего следует поставить его повыше, на корень чия, что я в конце концов все-таки сделал и с большим трудом, но добрался домой. Онал апа, остававшаяся дома с двумя младшими, помогая спрятать наше сокровище, со слезами приговаривала:

– Миленький ты мой, как же ты донес этот мешок? Не натрудил ли поясницу? Жеребеночек ты мой, как замучился... О Создатель! Чем мы тебя так разгневали? Всплакнув, она пошла жарить на ужин несколько горсточек из принесенного мною зерна, благодаря Бога за то, что он послал нам.

16–18 килограммов пшеницы, из-за тяжести показавшиеся мне огромным запасом, и для 65-летней бабушки, давно не евшей досыта, были богатством. Голодному человеку наесться досыта сродни внезапному обогащению.

Пришедшая пешком из Кайнара мать, передохнув один

день и постирав, собралась пойти на поля, где лежали «ветвистые колоски». Поскольку мы отправлялись на длительный срок, она решила взять с собой и младшего сына. Мама боялась, что он утонет, потому что в ее отсутствие тайком от бабушки он вместе с другими детьми уходил на реку.

Придя на новое место, мы обнаружили там целую толпу собирателей, состоявшую из одних казахов. Вместе со всеми и мы принялись собирать пшеничные колоски, но третий наш работник не столько помогал, сколько мешал. Малышу работа быстро надоела, он уходил в кусты чия или в высокую траву и исчезал из поля нашего зрения. Маме приходилось бросать работу и идти искать младшего сына или посылать на его поиски меня. В конце концов она была вынуждена отправить ребенка обратно в аул.

Поля, где мы собирали колоски, были местом пересечения посевных земель четырех колхозов. Качество уборки урожая у колхозов было разное. Больше всего колосков осталось на полях у села Камышенки. Возможно, оттого, что косили пшеницу косой. Однако сторож этого поля, сидя на коне, прогнал нас с поля. Люди причитали: «Почему он жалеет для нас колоски, которые съедят животные или склюют птицы, или они останутся гнить под снегом! Какая жадность! Это же настоящий вражеский поступок! Разве дело сторожить пустое поле! Как будто мало погибло казахов от голода, теперь и остальных хочет уморить! Ведь его и Бог не заберет к себе. О Боже, нашли на этого гяура нежданную напасть!» Позже, когда ближе познакомились с тем сторожем, оказалось, что он не виноват. Начальники наказали ему: «Казахов, собирающих колоски, не подпускай к полю, гони прочь. Если их увидят на нашем поле уполномоченные из района, то скажут, что пшеница убрана плохо и заставят нас самих собирать колоски». Оказывается, мы зря его ругали.

Мы с мамой трудились очень долго, вместе со всеми но-

чуя на поле в травяных лачугах, поставленных у тока. Колосков оставалось все меньше, осенние ночи становились все холоднее. Количество сборщиков уменьшалось день ото дня и, наконец, мы остались в безлюдной степи вдвоем. Мои предложения вернуться в аул она отвергала:

– Нет, мы уйти не можем. У тех, кто ушли, наверное, в доме есть и другие запасы кроме зерна с колосков. Или есть люди, которые о них позаботятся. Сам подумай, на кого мы можем надеяться? Твой брат Айкен будет рад, если прокормит мать и сестренку. Пойми и осознай, что мы с тобой можем надеяться только на себя. Ты уже не маленький, ты у меня умненький, – подхваливала она. – Будем работать до первого снега.

И мы остались. День ото дня работа становилась тяжелее, производительность падала, колосков встречалось все меньше. По ночам землю покрывал иней, и вода, остававшаяся в посуде, превращалась в лед. Ночи стали совсем холодными, в соломенном шалаше было зябко и сыро. Ночной холод заставил меня искать тепло в скирдах соломы, стоявших рядом. С разрешения матери я проделал в скирде гнездо и переночевал там в легкой одежде. Было мягко и тепло. За исключением того, что солома щекотала лицо и шуршали мыши, других неудобств там не было. Как я ни уговаривал маму последовать моему примеру, у нее не хватило на это смелости, но то, что я ночую в соломе, в тепле, а не мерзну в лачуге, радовало ее и, казалось, согревало.

Сегодня мне самому удивительно, как слабая от природы женщина и неокрепший малец, полуголые, полуголодные, не имеющие никакого пропитания кроме горсти жареной пшеницы, выдержали холод и лишения. Всю ночь мерзнешь и дрожишь, а с утра холодный осенний ветер пронизывает до костей, с трудом согреваешься, разведя огонь. Пока солнце не поднимется, пока не растает иней, работать невозможно. Руки мерзнут и не сгибаются. Ветер с засне-

женных горных вершин задувает под наши ветхие одежды. Не выдерживая холода, время от времени я выбегал на край жнивья и «грелся», прячась с подветренной стороны куста чия. Тем временем мама, не прерываясь, продолжала работу. Возвращаться мы не спешили еще и потому, что не знали, где будем жить. У нас не было никаких планов насчет того, где мы будем зимовать. Но, как говорится, «и в рваной лачуге есть Бог», – нашелся человек, который помог нам, сиротам – мой двоюродный брат Айкен. В начале ноября он пришел к нам с тачкой, узнав от людей о нашем местонахождении. Брат был категоричен:

– Больше нельзя оставаться в поле. Не сегодня-завтра пойдет снег. Простудитесь, и тогда вам может не пригодиться даже то, что собрали. Я пришел за вами.

– Куда ты собираешься повести нас, ведь у тебя самого нет крыши над головой?

– Я нашел квартиру в Камышенке. Вместе перезимуем и переживем все трудности, – с этими словами он стал складывать в тачку наши лохмотья и зерно в мешках.

Пока мы собирали колоски, Айкен занимался поисками работы, снова и снова пытая удачу, хотя ему повсюду отказывали как сыну кулака. К счастью, колхоз в том русском селе, куда мы теперь направлялись, для срочной уборки созревшего урожая нанял людей со стороны, и брат смог неплохо заработать. Оплата была произведена продуктами. Такая удача в голодные годы была сродни манне небесной, ниспосланной самим Богом. Знающие люди подсказали брату, что лучше жить в русском селе, и он решил поселиться там вместе с нами. Это решение спасло нам жизнь в холодную и голодную зиму 1933-1934 годов.

Голодные странствия

Во время коллективизации формирование колхозов происходило в местах прежних поселений. Там, где уже давно жили русские, земли были плодородней и более пригодны для посевов зерновых. А в казахских колхозах после потери скота люди упали духом. Скотоводы, которым было навязано хлебопашество, не приспособленные к земледельческому труду, не имевшие ни орудий сельскохозяйственного производства, ни опытных руководителей, оказались в очень тяжелом положении. Ситуацию усугубила засуха. В 1933 году в закромах казахских колхозов не было ни зернышка. Разочаровавшиеся в коллективном труде и в коллективных хозяйствах казахи южного Алтая, верхнего Иртыша и предгорий Кальбы, спасая жизни, поздней осенью стали уходить в районы, где уродился хороший урожай, – в дождливые предгорья Алтая – в Зыряновский район. Это последнее «кочевье» можно сравнить с великим народным бедствием – Актабан шубырынды. Толпы голодных людей – одна из картин неимоверного народного страданья. Способные двигаться – и стар и мал, шли пешком, а имущие, навьючив на единственную корову свои лохмотья и усадив сверху малых детей, – брели по осенним дорогам в поисках лучшего места, хлебного района.

В 1931-1932 годы некоторые скитальцы погибли при переходе границы с Китаем от пуль, другие попали в руки чекистов и были посажены в тюрьмы, а третьи пересекли границу и оказались на территории Китая. Тогда нередко брат лишался брата, дети родителей, а родители детей. В 1933 году картина была другая. Старые люди, неспособные к дальним путешествиям, добровольно оставались дома, чтобы не быть обузой детям и внукам. Они жертвовали своими жизнями, чтобы спасти потомство.

Тысячи голодных, бездомных скитальцев, скопившихся в одном районе, создали опасность возникновения эпиде-

мии. Сохранилось чрезвычайное постановление Восточно-Казахстанского облисполкома, в котором идет речь о широком распространении в районе болезней и высокой смертности среди населения. Даже в этом хлебном районе с осени 1933 года до осени 1934 года, пока не созрел новый урожай, жертвами голода стало множество людей.

Последняя голодная зима

Народ метался, не зная куда податься и где найти лучшую долю. Казахи потянулись в русские села, потому что там хотя и не было большого достатка, но не наблюдалось и полного голода. Получив засушливым летом 1933 года небольшой урожай зерновых, руководители хозяйств смогли небольшую часть его разделить между колхозниками. Вдобавок к этому у каждой русской семьи были свои приусадебные участки, огороды, где они выращивали овощи – дополнительный источник питания. Свидетельством того, что русские колхозники жили лучше и не так сильно страдали от голода, является то, что кое-кто из живших в достатке нанимал для выполнения мелких хозяйственных дел рабочих. Как правило, казахов. Можно сказать, что таким образом русские сельчане хотя и в единичных случаях, но спасали казахов от голода. И все же русские села, где отсутствовали промышленные предприятия и где жители зависели от колхозного урожая, не могли прокормить массу людей, пришедших со стороны. В те годы русские, жившие национально обособленно, брезговали казахами и боялись голодных пришельцев. Казахам было очень трудно снять квартиру или угол. И то, что брат отыскал квартиру в русском селе, было даже не удачей, а настоящим счастьем.

До коллективизации казахи в наших краях очень редко жили среди русского населения. В Камышенке прежде

было несколько батраков из казахов, да проживали две-три зажиточные казахские семьи. Казахи, пришедшие в русские села, прилагали все усилия, чтобы стать членами их колхозов. Людей пришло в это село столько, что невозможно было найти места для ночлега.

Наш старый знакомый аксакал Кабыл жил в доме бывшего батрака, который сдал ему комнату и уехал на зиму в свой аул. Мы подселились к нему, и в однокомнатном доме оказалось десять человек из трех семей. Кабыл в 1931-1932 годы вместе с моим отцом был сослан в Риддер, вскоре его по состоянию здоровья освободили, и он вернулся в родные края. Кабеке был доволен, что облегчил себе наполовину арендную плату за квартиру, а мы счастливы тем, что обрели жилье.

Мама волновалась из-за недостаточного количества запасенных продуктов и тревожилась о младшем сыне. Когда Айкен увозил свою мать, на попечении которой находился наш малыш, из аула в село, то мальчика оставили в доме дяди Альжана – двоюродного брата отца. Дядя тогда сказал: «Пока вы устроитесь на новом месте, пусть он останется в ауле, даже перезимует у нас. Если он к нам привыкнет, может, станет моим приемным сыном». Мама дала свое согласие. Теперь она беспокоилась, как он там, не обижают ли его, и сожалела о своем решении, но взять ребенка к себе было совершенно невозможно.

Во время голода люди нередко впадают в глубокую депрессию, становятся безынициативными, покорными обстоятельствам. Сидеть и ждать у моря погоды в такой ситуации – смерти подобно. Мы сознавали, что надо бороться, чтобы остаться в живых.

Как и все жители прибрежного верхнего Иртыша, в Камышенке зимой топили печи камышом. Его брали у заготовителей-казахов. Оттого что продавцов камыша было много, он дешево стоил. Камыш, заготовленный за день работы, казахи отдавали в обмен на продукты, которых хва-

тало тоже лишь на день. Этим промыслом занялся и Айкен. Его заработка не хватало для пяти человек, и, как говорится, кто не имеет ничего, тот пускает на скачках собаку на сносях, – брат нашел и для меня работу. Рядом с Иртышем были небольшие озерца, а вокруг – сплошное болото. Грязевые берега озер замерзают вперемешку со снегом, и вырубать выросшие на тех болотах мелкий камыш, тальник и березняк нетрудно даже детям. Этим и занимались подростки и старики. Специально приобретя легкую и острую тяпку, брат приобщил меня к этому делу. Если за два-три дня я вырубал топлива на полный воз, значит, добывал питание для семьи на один день. Другие слабаки, подобные мне, такой работой занимались лишь в случаях, когда в доме заканчивался запас топлива, а я ходил каждый день. Втянувшись, стал нарубать на один воз за два дня. Брат находил покупателей, цена зависела от их щедрости: одни давали мало, другие больше, никаких торгов не было.

Ежедневно мы шли пешком за пять-шесть километров, туда, где рос камыш, а вечером возвращались домой с вязанками камыша за плечами. Мы предпочитали тяжелую, почти дармовую работу, нежели голодное существование нищих, просящих милостыню. Благодаря беспрестанным активным действиям брата и русским покупателям мы хотя и полуголодными, но прожили тяжелую зиму.

На противоположном берегу было селение, названное аулом батраков. Его жители прежде батрачили в русском селе, потом стали рабочими на единственном в округе государственном предприятии – Заготзерно, где получали заработную плату деньгами и пайком. Идя домой на обед и после рабочего дня, работники проносили через охрану зерно в карманах, в поясах, даже наполняли штанины брюк. Их воровство происходило, как они считали, чисто «помусульмански». То есть количество ворованного зерна было не больше, чем необходимо для пропитания семьи. Прода-

вать, делиться с родственниками, помогать нуждающимся соседям было нельзя. Знавшие об этих проделках относились к происходившему философски: «Если принес горсть зерен с места работы, то это дал сам Бог». Это было воровство, которого не стыдились.

Государство, призванное заботиться о своих гражданах, осенью отбирало у колхозников за бесценок весь урожай, а зимой возвращало… в долг в виде ссуды семян или просто в виде займа, но не для пропитания тружеников. И полуголодные колхозники, осенью доставлявшие зерно на заготовительные пункты, зимой перевозили его в колхозные закрома на отощавших животных.

Горе за горем

В народном календаре казахов существует множество примет, по которым составляется прогноз погоды. Скотоводы заранее определяли, когда случится сильный буран или предстоят большие морозы, будут ли длительные дожди. Периоды стихийного проявления природы называют амал. Каждый амал имеет свое название. Казахов-скотоводов пугали шесть дней акпана – февраля – и семь дней отамалы в марте. После зимы, длящейся более шести месяцев, когда иссякают не только хозяйственные ресурсы, но и организмы человека и животных истощаются, испытывают недостаток в витаминах, отамал особенно опасен. Даже существует пословица: «Если отамал придет по-хорошему, то скот доживет до свежей травы, а если придет по-плохому, то уничтожит все подчистую». Отамал 1934 года практически добил изголодавшееся население. В течение целой недели свирепствовал буран с сильным снегопадом, высота снежного покрова превысила три метра, снег тут же превращался в твердую массу. Почти весь колхозный скот погиб,

погребенный под снегом. Немало в те дни умерло людей, пробавлявшихся ежедневной милостыней.

Для нашей семьи и подобным ей, добывавшим в поте лица ежедневное пропитание, наступило чрезвычайно опасное время. Сидеть без действия дома – значит доедать и без того скудные припасы, снизить и без того крошечную дневную норму пищи. Это было опасно для жизни людей, и без того существовавших на грани возможного. Джут, имеющий, как известно, семерых братьев, опять напомнил о себе. За неделю до отамала хозяин дома приказал нам освободить помещение, поскольку Айкен договорился о совместной аренде не с самим хозяином, а с другим квартиросъемщиком. Нам нечего было ему возразить. Хозяин дома каждый день приходил и оскорблял нас да еще мучил доброго, приютившего нас соседа вопросом: «Почему ты без разрешения пустил сюда семью бая?»

Говорят, что когда приходит корабельщик, лодочник выходит из воды. Мы были вынуждены среди зимы искать жилье, а квартира никак не находилась. Куда идти? Кто зимой пустит в дом семью из пяти человек? Утопающий действительно хватается за соломинку. В ауле батраков был пустующий старый, одинокий дом, в котором хозяин жил лишь летом и осенью. Фактически это был просто остов дома, стены которого сложены из одинарного кирпича, маленькое окошечко заложено саманом, а хлипкая деревянная дверь просто подпиралась снаружи. Однако внутри имелась печь. У нас не было иного выбора, кроме как обжить это помещение. Но разве легко отогреть и приспособить для жилья строение, пустовавшее всю зиму? Вдобавок приспособить печь для казанчика, найти стекло для единственного окошка и отремонтировать дверь. Мы принесли за 5-6 верст камыш и затопили печь. Дом стал оттаивать и наполнился паром. Чтобы заделать трещины, обмазать печь и установленное окно, требовалась глина. Пришлось надолбить ее из-

под снега и замешать в горячей воде. Пока домик отогревали, внутри стоял сизый туман.

После трех дней беспрестанной топки немного оттаяли лишь потолок и стены, а пол никак не поддавался. Стояла стужа, свистела пурга, валил снег, но поскольку хозяин требовал освободить дом, мы были вынуждены срочно переселиться в эту сараюшку с замерзшим полом. Сколько ни топили, пол оставался мокрым – настолько глубоко он промерз. Все вещи в доме отсырели. И днем и ночью мы оставались в верхней одежде и спать ложились в ней же. Особенно тяжело было больной Онал апа. От холода в новом доме, от сырости ей становилось все хуже и хуже. Она выдержала только одну неделю. В свое время жившая в достатке уважаемая байбише, всегда возглавлявшая аульное кочевье, встречавшая многочисленных гостей полными чашами яств, мать, безмерно баловавшая единственного сына, теперь не имела нормальной пищи и утоляла жажду водой. Она ушла в мир иной в больших мучениях. Смерть ее оплакивали сын и сноха – моя мама. Никто из ее родственников не приехал. Тяжелая жизнь не давала возможности соблюдать традиции. Все было как в пословице: «Пост и молитвы соблюдаются только в сытой жизни, а если придут испытания, то чалма окажется в дерьме».

Мы похоронили Онал апу в сильный буран с помощью соседей. После похорон они не зашли, как это принято, в дом покойницы для поминального обеда, потому что пожалели нас, зная, что мы предложим им последние крохи. Только мулла и один аксакал исполнили молитвенный обряд от имени всех участников похорон. Прочитав молитву и съев по горсти жареной пшеницы, выпив по чашке кипяченой воды, поскольку ни чая, ни молока не было, они пожелали душе покойной мира и разошлись по домам. В такой крайней нищете пребывало большинство.

Казахи – искусные мастера слова в выражении соболез-

нования. Это – попытка успокоить горевавших, говоря о быстротечности и бренности земного бытия, это пожелания родным и близким покойного счастливой и безоблачной жизни. Этот ритуал помогает родственникам умершего забыться хотя бы на время от тяжести горя, вселяет надежду на лучшее будущее. В каждом случае соболезнование выражается соответственно положению покойника и его родственников, подбираются словосочетания, подходящие конкретному случаю. Айкен, горюя, сетовал:

– Кругом люди умирают от голода, и в такое трудное время услышавшие о смерти матери скажут: «Мать Айкена умерла от голода». Дорогая мама, имя твое знали по всей округе, думала ли ты, что в такое безвременье окончишь свой земной путь?

Утешавшие говорили:

– Столько людей сейчас умирают прямо на дорогах, а смерть твоей мамы праведная – она отошла в мир иной у себя дома, на руках родного сына. Сам Аллах ниспослал ей эту праведную смерть. Надо быть благодарным Аллаху. Страдать по этому поводу – грех.

В конце апреля, когда с весенним теплом стал согреваться и наш домишко, вознамерился вернуться его хозяин и стал прогонять нас из обжитого жилья. Ситуация повторилась в очередной раз. Кто пустит к себе на квартиру голодную семью безработных? После поисков нашелся бесхозный дом в соседнем ауле в двух верстах от села, и мы переселились туда. На новом месте повторились наши попытки согревания холодного дома. Мы в очередной раз ощутили на себе правоту поговорки: «У кого нет дома, у того нет положения».

Блаженный вкус еды

Бывает, ждешь беды от врага, а получаешь от своих. Наше новое жилье находилось в зимовье Кызыл каин. Здешние жители были из рода Жау Отей Бура, родственники матери. Мы три года скитались по разным аулам, квартирам, и никто у нас документов не спрашивал, а тут родственник мамы потребовал. Если бы это был незнакомый, чужой человек, то другое дело. Требовал документы, удостоверявшие наши личности Адильжан Сикымбаев, председатель аульного совета, женатый на племяннице мамы. Он заявил: «Нет закона, разрешающего регистрировать семьи, пришедшие из другой местности. Если кто-то сообщит, что вы тут проживаете без регистрации, то меня осудят, обвинив, что я прячу семью баев. Чтобы узаконить ваше пребывание, необходимы документы с прежнего места жительства». Не помню, становились ли мы на учет, проживая три года в разных местах, но точно знаю, что были на учете в Каратале, где нашу семью определили как кулацкую и прогнали. Значит, надо оттуда принести документы, если, конечно, их нам дадут. Встал вопрос: кто пойдет за ними? Айкену этого делать не следовало. Во-первых, документы его семьи были в порядке, к тому же у него совсем другая фамилия. Во-вторых, ходили слухи, будто таких, как он кулаков, явившихся из ссылки, вновь отправляют по этапу безо всякой причины. Матери одной было опасно отправляться в путь. Если она и пойдет, то со мной вместе. В итоге решили, что в Каратальский аульный совет, за 30-40 верст, пойду я.

Шлепая по весенней воде и грязи, я добрался до аула Топтерек и остался там ночевать. Люди удивлялись, как я добрался по раскисшей дороге, и советовали впредь идти по утренней мерзлоте. Назавтра я вышел рано. Увы, минувшая ночь была теплой, и земля не замерзла. Вся дорога размякла, под снегом скопилась талая вода. «Утешало» то, что вода, просачиваясь в

сапог через одну дыру, тут же уходила через другую. Пройдя по снежному месиву 15 верст, к обеду я добрался до аула Социалистик жол, где была контора аульного совета. В конторе сидел жигит. Переступив порог, смущаясь по обыкновению аульных мальчишек, я скороговоркой доложил:

– Я сын Шаяхмета Айтпамбетулы. В 1931 году нашу семью причислили к баям и кулакам и переселили вместе с отцом. Отец умер в ссылке. Недавно мы переехали в аул Куйган, но там нам не разрешают селиться без справки с прежнего места жительства. Я пришел за ней. Мы там живем вместе с матерью.

Все это я высказал на одном дыхании, будто выучил наизусть. Парень в конторе записал наши с мамой даты рождения, уточнил еще кое-какие данные, написал какую-то бумажку и протянул мне.

– Вот я написал нужную тебе бумагу. Отнеси ее к председателю аульного совета, пусть он подпишет и поставит печать. Он ушел домой и сегодня уже не придет.

Весь в сомнениях, допытываюсь:

– А он пустит меня домой? Подпишет бумагу и поставит печать?

– Не бойся, иди. Он все сделает, как надо.

Не поверив, что главный аульный начальник подпишет бумагу сыну бая и поставит на ней печать, смущаясь и робея, я все-таки пришел к нему домой. В глаза сразу бросились признаки достатка. В загородке для сена высился целый стог. Такое сокровище можно было встретить лишь в одном хозяйстве из тысячи. У стога стояла корова без привязи, дальше у кормушки – саврасая упитанная лошадь. Когда я осторожно открыл дверь и опасливо переступил порог, в ноздри ударил запах молоденького теленка, но его перебил аромат свежеиспеченных баурсаков. Наверное, читатель поймет мое состояние, ведь я давно толком не ел. И на этот раз перед выходом в путь на заре съел лишь горсточ-

ку жареной пшеницы и запил ее кипятком.

Когда я на цыпочках вошел в следующую комнату, то увидел председателя аульного совета Мадине Есенгельдина, возлежавшего на постеленных прямо на полу одеялах и подушках. Не зная, какой характер проявит начальник, поздоровавшись, повторил слово в слово то, что сказал в конторе, добавив, что пришел сюда подписать бумагу только потому, что так велел секретарь. Начальник, подняв голову, осмотрел бумагу, поворачивая ее с обеих сторон, затем, подписав и поставив печать, возвратил мне. И при этом не проронил ни слова. Мой желудок, постоянно требовавший еды, от аромата свежих баурсаков бессовестным образом заурчал. Я повернулся, чтобы поскорее уйти, но хозяин дома неожиданно окликнул меня:

– Эй, мальчик, ты подожди. Выпей чаю. Я не раз имел удовольствие видеть щедрость достархана твоих родителей.

Да, в свое время было немало людей, кого мама угощала всякими деликатесами, кому мой отец помогал в разных делах. Это были родственники, знакомые, даже чужие люди. Но среди людей, имеющих власть, Мадине Есенгельдин был первым, кто вспомнил о доброте и щедрости моей мамы.

Сели пить чай. Мальчик моего возраста в страшных лохмотьях, с руками, грязными до такой степени, что при виде их мог бы пропасть аппетит, качаясь из стороны в сторону, внес пышущий жаром и паром самовар и сел возле него. Я заметил, что гостеприимство мужа не очень понравилось его жене. Видимо, она решила, что муж, оставив меня на чай, напрасно проявляет хлебосольство. Себе и супругу она налила густой чай со сливками, а мне и мальчику – просто кипяток. Потом, отделив от общей кучи баурсаков несколько штук, подвинула их мне и служке, давая понять, чтобы мы не вздумали тянуться за другими. Выделенные мне баурсаки закончились быстро. Голодный желудок требовал еще – ему не прикажешь. Так хотелось взять еще, но

как ни мучило меня голодное желание, как ни толкало оно, подобно шайтану, на бесстыдный поступок, я, собрав всю силу воли, не протянул к ним руку.

После кипятка и нескольких баурсаков все тело мое размякло, ноги, мокрые в дырявых сапогах, немного согрелись, захотелось спать, тем более что я был утомлен нелегкой дальней дорогой. После того, как убрали достархан, я продолжал сидеть, как очумелый. Через некоторое время лежавший на торе хозяин дома поинтересовался:

– Мальчик, ты что, хочешь переночевать у нас?

Я ответил, что действительно хотел бы переночевать, поскольку вечереет и засветло я уже не доберусь до аула Топтерек. На что Мадине ответил:

– Ты здесь остаться не можешь. Мы собираемся принимать гостей. Иди в аул Божика, переночуй там. Дети Божика в свое время были в хороших отношениях с твоим отцом. Каждый дом того аула должен пустить тебя на ночлег.

После этих слов не оставалось ничего иного, как выметаться вон. Я не мог обижаться на хозяина дома за то, что он не оставил меня на ночлег, поскольку не имел на это права. Направляясь в сторону аула Божика, я задавался другим вопросом: имел ли право председатель аульного совета есть жареные в масле баурсаки, что было на мой тогдашний взгляд, признаком богатства, когда люди вокруг буквально пухли от голода? И жирная лошадь на привязи, и отелившаяся корова, и спокойный отдых хозяина дома – все свидетельствовало о сытости и достатке. Откуда этот достаток? Как Бог смог дать его? На эти вопросы я тогда не мог найти ответов. Нашел гораздо позже, по прошествии многих лет. Но то, что Мадине агай пригласил к чаю, тогда казалось мне вершиной человечности, почти подвигом, на который способны немногие. Я уже успел испытать на себе, как часто даже самые близкие люди думали только о своем благополучии. Поступок Мадине агая я ценю и сейчас.

В годы лихолетья я несколько раз бывал свидетелем неблаговидных поступков наших родственников и своими ушами слышал из их уст неприятные для нашей семьи слова. В 1934 году я по поручению матери пошел в зимовье дяди Кожахмета, где он присматривал за скотом. К нему в тот день приехал из Зыряновска дядя Мукатай, его старший брат, два года назад уговоривший нас бежать из Риддера. На какое-то время мы остались в доме вдвоем, и вдруг он стал кричать на меня безо всякой причины:

– Уходи прочь с глаз моих! Вы довели нас до разорения, пропадите вы пропадом! Уходи отсюда!

Я продолжал сидеть, невысказанные слова так и кипели внутри: дом не твой, у тебя нет никаких прав выгонять меня, и я никуда не пойду! К счастью, в этот момент кто-то вошел, он прекратил свой крик и больше не возвращался к этой теме. Я радовался, что неприятные слова остались без продолжения, я не передал их ни одной живой душе, даже маме. Стыдно было говорить об этом. Через 20 лет, за год до своей смерти, дядя Мукатай сказал мне как-то наедине:

– Ты помнишь мои нехорошие слова, сказанные в то далекое время? Я тогда, разгневавшись на племянников Базара и Аршабая, ограбивших Кожахмета, зря накинулся на тебя. Ты уж меня прости, – попросил он, признавая свою вину.

На меня, оказывается, вылилась досада из-за проступков наглых двоюродных братьев.

Такие же тяжелые, беспричинно обидные слова я услышал еще от одного близкого человека. Младший двоюродный брат моего отца дядя Ескендир стал гнать меня из дома, когда я пришел к нему, чтобы переночевать, но я остался сидеть. Тут подошло время молитвы-намаза, и он пошел совершать обряд, а после молитвы крикнул жене:

– Эй, Нурдыха, дай Мухаметкалыму талкан, он, наверняка, проголодался.

Мать Нурдыха, неодобрительно воспринявшая выходку

мужа, но не посмевшая ему перечить, после этих слов моментально принесла толченую пшеницу в молоке. Видимо, дядя Ескендир во время молитвы осознал родственный долг и признал свою вину.

Милосердие нищих и жестокосердие имущих

Жившие в ауле Божика приходились нам родственниками в пятом поколении. В прежние времена они очень тесно общались с нашей семьей.

Перейдя вброд небольшую речушку и совсем озябнув, я дошел до первого дома на окраине аула. Один из многочисленных братьев Божиковых, Садык, во дворе помогал жене доить овцу. Поздоровавшись, я сказал, чьим сыном являюсь, откуда пришел и попросил разрешения переночевать у него, поскольку уже темнело. На что Садык ответил:

– Иди ночуй в доме Нурсадыка! Он был другом твоего отца. – С этими словами он указал на стоявший рядом дом. Делать нечего, я пошел к дому Нурсадыка – родного брата Садыка и по пути обратил внимание на закат. Солнечный диск уже приближался к краю горизонта. Нурсадык тоже помогал доить овец. В ответ на мою просьбу он ответил:

– У нас дома больной человек. Иди к дому своего отца Жагыпара, там и ночуй.

В его голосе звучали суровые нотки. В растерянности я посмотрел на запад: солнце наполовину спряталось за горизонт. Пока хозяева были во дворе, я, понадеявшись, что все-таки не выгонят, зашел в дом. В комнате на постели сидела больная сноха Нурсадыка.

Загнав на ночлег животных, Нурсадык с женой вошли в дом. Увидев меня, он заорал:

– Что ты сидишь в этом доме? Я тебе сказал, что не будешь ночевать, – значит, не будешь! Вон отсюда!

Я вышел из дома, как побитый щенок, без разрешения отведавший молока. Солнце село, наступили сумерки. Я с ужасом представил, как, не сумев остаться на ночлег в этом ауле, оказываюсь один в степи, и меня окружает волчья стая, сверкают глаза, клацают клыки… вот один волк прыгает прямо на меня!.. Обуреваемый ужасом, я шел к дому «отца» Жагыпара, он был моей последней надеждой. Если Жагыпар не пустит ночевать, мне придется возвращаться в ночи одному, и мои страхи и фантазии станут явью.

Я даже представить себе не мог, что Нурсадык не оставит меня ночевать и прогонит из своего дома. Я шел к нему, как к родному дяде, потому что с детских лет был свидетелем близких и истинно братских отношений между ним и моим отцом. Ежегодно Нурсадык брал весной у нас корову с теленком и несколько дойных коз с козлятами, а осенью возвращал. Я не видел, чтобы Нурсадык работал в нашем доме. За год до конфискации, когда родился мой младший брат, Нурсадык, приехав к нам с женой и по древней традиции казахов одарив младенца, получил в подарок сундук и большую кошму. Если брат отца выгнал меня из дома, то разве пустит Жагыпар, не общавшийся с ним настолько тесно? Пока я приближался к своей последней надежде, страхи мои возросли во сто крат, я был близок к отчаянию.

Жагыпар подметал двор. Аксакал был ровесником отца, видимо, поэтому Нурсадык назвал его моим отцом Жагыпаром. Подойдя, я поприветствовал: «Ассалаумагаляйкум!» Резко обернувшись, он воскликнул:

– Уагаляйкумассалам! Откуда ты, мальчик? Чей сын? – уставился он на меня, вероятно, приняв за нищего.

Я начал было бормотать:

– Я сын Шаяхмета Айпамбетулы…

– О, Боже, родной мой, откуда ты? – Жагыпар бросился обнимать меня, прослезился и закричал своей супруге с таким чувством, будто давно с нетерпением ждал меня:

– Магрипа! Пришел Мухаметкалым!

Такое радушие после испытанных обид, переживаний и страхов оказало на меня, измученного, столь потрясающее действие, что я заплакал. Помню, что Жагыпар часто приезжал к нам, особенно в зимовье, здоровался с бабушкой, шутил с отцом и мамой, всегда был весел. Самый бедный из братьев, теперь он суетился, не зная, куда меня посадить. Заметил, что у меня насквозь мокрая одежда:

– О Боже, да ты весь мокрый! Не дай Бог, еще заболеешь, – он снял с меня одежду, завернул в тулуп и усадил возле огня. Я рассказал ему про поведение Садыка и Нурсадыка.

– Они такие! Они перестали бояться и духов предков, и Бога. Сейчас у каждого из них по нескольку мешков муки и пшеницы, каждый день надаивают по несколько ведер молока. А маленького мальчика прогнали, будто он съест все их запасы! Аруах им еще покажет. Духи накажут Нурсадыка! – предрекал он своим братьям.

Истинная щедрость бывает только у бедняка, ведь не случайна поговорка: «Нищета связывает щедрого по рукам и ногам». В тот вечер у отца Жагыпара оставалась лишь пара горсточек толченой пшеницы на дне небольшого мешочка. Положив горсть из этого запаса в чашку с горячим молоком, они дали ее мне и своему семилетнему сыночку. Оставшуюся часть взрослые есть не стали, оставили нам, детям, на завтрак, а сами поужинали одной чашкой молока на двоих. Ох, эта бедность! Дома у них не было ни капли керосина, чтобы осветить комнату. Ужинали мы при свете от печи. Плохо отапливавшийся дом был холодным, как хлев для животных, и они положили меня и сына на полу перед печью на одной подстилке. При этом было сказано:

– Сынок, это Мухаметкалым, твой брат, запомни это! Его отец был моим любимым ровесником. В пословице говорится: «Если ровесники отцы, то и дети ровесники».

А ко мне обратился со словами:

– Мухаметкалым, всегда считай его своим младшим братом. Когда вырастешь и станешь большим человеком, стань моему единственному сыну опорой и советником. Как ваши отцы, будьте вечными друзьями.

Жаль, что я не смог выполнить эти наказы. Сын Жагыпара в 19 лет погиб на фронте, защищая Родину. А сам Жагыпар прожил долгую жизнь. Вместо сына я продолжил дружбу с отцом. Мы жили вдали друг от друга, общались редко, но от чистого сердца. Аксакал Жагыпар, когда ему шел уже девятый десяток, прошел зимой пешком 20 верст, чтобы проводить в последний путь свою ровесницу, мою маму. В последние годы жизни аксакал был благодарен судьбе за то, что она подарила ему младенца, которого назвали Сексенбаем. Его сынишке было 5 лет, когда он ушел из этого мира.

В том путешествии, когда я ходил за справкой, пришлось стать свидетелем изменения характера и поведения еще одного человека. Уходя из аула Топтерек, я увидел, что русло речки Омеши, где весной текла талая вода, а летом было сухо, теперь стало полноводной рекой. Думая перейти ее вброд, я дважды, сняв сапоги, входил в воду, но, не выдержав стужи, выскакивал. В третий раз войти в воду духу не хватило, и я сел на берегу, не зная, что предпринять. Возвращаться в аул Топтерек не было смысла, я там уже переночевал две ночи. Я ждал неизвестно чего, не подумав, что можно перейти вброд, в сапогах. У казахов есть пословица: «Если для мужчины настанут трудные времена, то он и в сапогах брод перейдет». Я эту пословицу помнил, но считал, что нахожусь не в таком отчаянном положении, тем более что никогда не видел, чтобы в сапогах входили в воду, а главное, опасался: если в дырявых сапогах войду в воду, то они тут же развалятся.

Вскоре к бушующему водотоку подошел еще один путник – тощий, один из голодающих, а спустя некоторое время по-

явилась супружеская пара с коровой, муж вел ее на поводу, а жена погоняла. Это были Изамеддин и его жена Катипа, у кого во время учебы я жил на квартире. Супруги сели верхом на корову и переправились через поток. Высадив Катипу, Изамеддин вернулся и перевез меня. Конечно, я был благодарен ему за это. Тем временем тощий бедолага на берегу стал умолять Изамеддина, чтобы тот помог и ему переправиться. Хозяин коровы запросил за это плату. Тот в ответ именем Аллаха просил и сетовал, что ему нечего дать, кроме карманного ножичка.

– Если у тебя кроме ножичка ничего нет, то оставайся тут, – с этими словами, оставив беднягу одного на берегу, Изамеддин удалился восвояси. Я раньше не видел его таким. Он не пожалел путника, вышедшего в дорогу по какой-то нужде! А ведь был раньше муллой в мечети, человеком набожным, читал наставления другим, и этот его поступок показался мне жестоким. Жизненные обстоятельства часто меняют людей, притом в плохую сторону. Я был признателен Изамеддину за то, что он переправил меня через бурную воду, но то, что он не помог страждущему человеку, умолявшему его именем Бога, сильно разочаровало, и моя благодарность была как бы смыта потоками той грязной воды.

Вопросы без ответов

Когда мы на корове переправились через поток и шли, то утопая в грязи, то шлепая по лужам, нас обогнал упитанный человек на белом, откормленном коне. Лошадь под всадником шагала легко, спокойно и игриво. Увидев его, я подумал: «Как этого человека любит Бог! Все у него есть: верховая лошадь, хорошая одежда, непромокаемые сапоги! Дома его ждут теплая печка, горячая пища, ароматный чай». Меня постоянно посещали мысли о том, что в одно и то же время кто-то умирает от голода, а кто-то наслаждается достатком.

Почему когда одни нищенствуют, прося милостыню, другие едят жареные в масле баурсаки? Одни ходят в виде живых скелетов, а другие с огромным брюхом и румяными щеками скачут на жирных конях... Как могут приглашать друг друга в гости и развлекаться аульные и районные службисты в то время, когда колхозники экономят свои мизерные пайки, довольствуясь граммами? Когда колхозный скот к концу зимы погибает от истощения, почему кони активистов или районных чиновников даже не сбрасывают жир? Не находя ответов на эти вопросы, простые люди смиренно приходили к выводу, что так и должно быть. Казахи, верящие пословице: «Если есть у соседа, то будет от него помощь», поверили также и в лживый советский лозунг о том, что общественное богатство – их богатство. Многие за всю свою жизнь так и не поняли, кто на самом деле пользуется всеми благами. Разве равенство и социализм шагали вместе? При социализме люди жили в разных условиях, при различном достатке. Не было равенства и в правовом отношении. Его и не могло быть. Мы понимаем это теперь, когда уже нет социализма.

Мертвец во дворе

Для жителей верхнего Алтая лето 1934 года до поры созревания нового урожая было очень тяжелым временем. У людей закончились запасы продуктов, а со стороны государства уменьшилась помощь даже трудовым коллективам. В степи, на дорогах, на улице стали чаще, чем прежде, встречаться трупы умерших от голода людей. А положение таких семей, как наша, поставленных вне коллектива, ухудшилось до крайности. Работы не было, запасы продуктов заканчивались. Мы были вынуждены есть все меньше и меньше, и любая болезнь могла стать для ослабленных организмов роковой.

Весной, до того как проклюнулась первая трава, ко мне вернулась малярия. Эта болезнь особенно опасна, когда человек голодает. Приступы случались через день. Начинаешь мерзнуть, дрожишь в лихорадке так, что зуб на зуб не попадает. Даже если кто-то сядет на тебя, все равно трясет. Чтобы согреться, накидываешь на себя все, чем можно укрыться, но тщетно. Мучения озноба длятся 2-3 часа, затем поднимается температура, потеешь настолько обильно, что вся одежда и постель становятся мокрыми, хоть выжимай. Наконец, обессилено засыпаешь, а когда просыпаешься, так ломит голову и все тело, что встать не в состоянии. Слабость после приступа малярии одолевает почти сутки, пока, наконец, удается встать на ноги.

Однажды, лежа в одиночестве во время очередного приступа и дрожа в ознобе, накрывшись с головой, я вдруг услышал, что кто-то зашел в дом. Подумал, что это мама занимается домашними делами. Но тут я четко различил звук захлопнувшейся крышки сундука и незнакомых шагов, направлявшихся к выходу. Хотя меня и трясло, захотелось посмотреть, кто ходит по дому. Откинув накрывавшие меня одежды, я увидел чужого человека, уносившего в небольшом мешочке наш последний запас пропитания – 3-4 килограмма пшеницы, и закричал:

– Эй, кто ты? Куда несешь мешочек? Оставь!

Но человек уходил, не реагируя на мой окрик, будто не слыша. Даже не спешил убегать. И я, шатаясь от слабости, поднялся и насколько хватало сил побежал, шатаясь из стороны в сторону, за уносившим нашу последнюю надежду на выживание, повторяя одни и те же слова:

– Эй, куда несешь этот мешочек? Брось его!

Это был отощавший от голода парень лет 17-18 с лицом, лишенным выражения. Не обращая внимания ни на меня, ни на мои слова, он продолжил идти, не торопясь. Догнав его, я снова повторил не то приказ свой, не то просьбу:

– Эй, оставь этот мешочек! – и толкнул его в спину. Парень упал ничком, выронив мешочек. Схватив наше сокровище, я изо всех своих малых сил побежал к дому. Положил наши последние припасы под голову и отдался болезни. Лежал и радовался: «Я-то думал, что не смогу отбить мешочек у взрослого парня. Хорошо, что смог, не то все домашние стали бы вовсе голодать».

Вскоре пришла мама и взволнованно сообщила:

– О, Боже, спаси и помилуй! В нашем дворе лежит мертвец. Откуда занесло сюда бедолагу? Что теперь делать? – она сидела с испуганным видом, обомлев. Я рассказал о случившемся. Она заволновалась пуще прежнего, посидела, бормоча про себя: «Что теперь делать?! Что делать?!» – и стала обвинять в смерти этого человека... себя. Сокрушалась, что оставила меня одного во время приступа и не закрыла сундук на ключ.

Мама рассказала о случившемся соседям, и похоронная команда унесла мертвеца из нашего двора. Никто не поинтересовался, кем был покойный, откуда и куда направлялся. Вконец отощавший от голода человек, истративший все силы, споткнувшись на ходу, может упасть и не встать. Вероятно, это и произошло возле нашего дома. Иначе разве может толчок полуголодного, к тому же обессилевшего от приступа малярии 13-летнего мальчика убить взрослого парня? И все же я стал причиной ухода человека в вечность, даже не помышляя об убийстве.

Водка-кормилица

К лету у людей иссякли последние запасы продуктов. В нашем доме тоже приближалось время, когда совсем нечего будет есть. Айкен лихорадочно искал выход, чтобы не оставить семью голодной, и в конце концов нашел его. Он стал торго-

вать зельем, ставшим ныне врагом человечества, – водкой. В 30-е годы приверженцы ислама боялись ее и брезговали ею.

Поразительно: когда народ умирал от голода и недоедания, в местах государственной торговли спокойно продавали этот дьявольский напиток, отравляющий организм человека. Покупателей всегда было предостаточно, среди них были и казахи. Влекло их к ней по разным причинам. Как говорится, одни прыгают от сытости, а другие – от холода. Люди приспособились заниматься «круговоротом продуктов в обществе»: покупать водку на небольшие средства и затем, пользуясь ее дефицитом, перепродавать подороже, а на вырученные деньги обеспечивать жизнь семье. Одним из таких предпринимателей стал Айкен. Он покупал шесть литров водки – две бутылки по три литра, называемые четвертями, клал их по обе стороны перекидной дорожной сумы – коржина, перекидывал ее через плечо и уходил в аулы на поиски покупателей. Мы представления не имели, куда он ходил. Спустя два-три дня брат возвращался с коржином, полным зерна. Зерно из одной половины сумы мы оставляли на еду, а из другой продавали за деньги, на которые брат снова покупал водку. Иногда Айкен брал в магазин и меня, потому что в одни руки не давали больше трех литров. В магазин шли с вечера, занимали очередь заранее, чтобы утром успеть ее купить. Всю ночь мы сидели у магазина, тут же и ночевали. Людей в очереди было очень много. Собравшиеся всю ночь вели беседы, некоторые даже рассказывали героические эпосы. Народ всегда остается народом. Какие только трудности люди не испытывают, какие только мучения не переживают, а многие не поддаются унынию, поют песни, шутят и смеются. И так, слушая других и смеясь, незаметно засыпаешь за полночь. Хорошо хоть ночи стояли теплые. Утром, купив водку, торопились домой. Айкен отправлялся в путешествие, а в наши обязанности входило ко времени его возвращения продать зерно из одной сумы на базаре

райцентра, в трех верстах от аула. В дни, когда у меня не бывало приступа малярии, продавал я. Зерно в пиале, выровненное линейкой, покупали в мгновенье ока. Милиционеры обходили базар стороной.

Спустя десятилетия понимаешь, что водку в обмен на зерно покупали те, у кого в руках были ключи от амбаров, то есть колхозное руководство и другие начальники, не позволявшие народу есть досыта, а сами воровавшие семенное зерно. А нас пусть Бог простит за наши грехи, нам было безразлично, откуда это зерно, лишь бы оно спасло семью от голода. Продажа водки позволила на некоторое время вперед пополнить наши запасы.

Батраки

Мы дожили до нового урожая, благодаря бартерным операциям брата и строгой экономии мамы. Урожай, в том году уродившийся на славу, уже убирали, но до народа он пока не дошел. Колхозы отправляли собранное зерно в закрома государства, а те, кто были вне колхозного коллектива, только издали могли смотреть на то, что им недоступно.

Среди жителей русских сел в то время еще оставались частники, засевавшие собственные поля и платившие большой налог государству. Айкен договорился с таким частником, что наша семья уберет его урожай. Была середина августа, и мы переехали в поле. У нас к этому времени закончились все резервы, и то, что к этому моменту брат нашел для семьи работу, было для нас великим счастьем и спасением. Мама расценила это как дар Божий. Условия найма были простыми. Надо было сжать ручным серпом урожай, связать его в снопы и сложить в суслоны по десять штук. Одновременно мы были и сторожами. Наниматель обещал кормить нас и после молотьбы выдать три мешка пшеницы.

Будучи ребенком, я и понятия не имел об объеме работы, насколько она тяжела и насколько соответствует труду оплата, но меня очень радовало, что хозяин будет нас кормить. Для людей, что годами мечтали наесться хотя бы один раз досыта, этот договор был как птица счастья в руках. Я думал только о еде и ни о чем больше.

Приступы малярии меня оставили, и я вспомнил народную примету, что малярия сама по себе прекращается, когда затвердевают стебли растений. У меня прекратились приступы, значит, затвердели стебли растений. И наоборот.

Частником, чьи поля находились в трех-четырех верстах от села, был житель Камышенки Атайкин Иван Антонович. Каждое утро с восходом солнца они вместе с женой приезжали на поле и привозили нам завтрак. Раз в день доставляли из дома горячую еду и два раза – молоко, хлеб и другие продукты. Еды было много, мы наедались досыта, что в те годы считалось верхом щедрости и достатка работодателя.

Хозяин с женой целый день отдельно от нас жал овес и почти не вмешивался в нашу работу, лишь изредка проверяя чистоту поля, с которого мы уже сжали урожай, и открыто выражая удовлетворение нашей работой. Атайкин совсем не важничал, как некоторые знакомые нам казахи, оттого, что он хозяин, и общался с нами, как давно знакомый человек. Мало того, что он щедро кормил нас каждый день, но еще с вечера спрашивал, какую еду мы пожелали бы на завтра. Как смог этот человек, даже не русский, а мордвин, собрать такие запасы продуктов, как сумел их сохранить? И откуда такое несметное богатство? Для меня это было и осталось неразрешимой загадкой.

Мы всей семьей жали и вязали в снопы выросший в этом году прекрасный, богатый урожай. Работали с раннего утра до обеденного перерыва, затем, немного передохнув и поев, трудились до сумерек. Не знаю, насколько продуктивно работал я, но двенадцатилетняя двоюродная сестренка Жа-

метай в первый раз в жизни держала в руках серп. Единственный сын бая, в прошлом не знавший никакого труда, Айкен никак не мог освоить приемы жатвы. Я же впервые работал на жатве еще в 1930 году, на поле своей семьи, и тогда взрослые работники заставили отца раскошелиться на смотрины моей первой жатвы. (У казахов существовала такая шутливая традиция). То есть я держал в руках серп во второй раз. Основная часть работы выпадала на долю мамы. В ее руках серп так и мелькал, сверкая на солнце. У отца было небольшое поле, засеваемое зерновыми, мама ежегодно участвовала в жатве и мастерски освоила это дело. Когда в конце рабочего дня она ставила меня на вязание снопов, я едва успевал вязать сжатое ею.

Все время работы, продолжавшейся около месяца, мы жили в балагане. По ее окончании Атайкин, выдав нам обещанное зерно, сам на своей подводе доставил нас вместе с нашим заработком в арендуемый нами дом в ауле, хозяин которого был назначен председателем в другой колхоз в другом селе.

Мы стали понемногу приходить в себя, постепенно обретая человеческий облик. На щеках появился румянец. Наконец-то пришло избавление от бесконечных тяжких мыслей о хлебе насущном на завтрашний день. По возвращении брат велел нам пока отдыхать, а сам нанялся в колхоз на временную работу. Когда он вернулся через месяц, его нельзя было узнать: лицо побелело, да и телом он стал крепок – настоящий молодец-красавец. Вот как нормальное питание и улучшившееся настроение сказались на внешности человека.

Мы давно не обращали внимания, во что одеты, и носили то, что осталось из старого, не думая об обновлении. Когда наконец-то стали есть досыта, то вспомнили о своем внешнем виде, об улучшении быта. Мама стала перешивать, перелицовывать наши вещи, ставила заплаты. В те годы го-

сударственной торговли на селе не было, а кооперативную одежду нам не на что было купить. Мы стали чаще слышать, как мама тихо напевает про себя. Какие бы трудности человек ни пережил, когда положение улучшается, у него поднимается настроение и оживает надежда на лучшее.

Снова скитания

Казалось, жизнь семьи облегчилась. В ту осень я хотел пойти учиться в казахскую школу в районном центре, но меня туда не приняли: «Ты сын бая и кулака, тебе не разрешено учиться в советской школе». Человек, сказавший эти слова, добавил: «Мальчик, тебе надо учиться в аульной школе, на периферии, а в райцентре двери школы для тебя закрыты». Я сильно огорчился, почувствовал себя оскорбленным и несколько дней ходил, как в воду опущенный, а потом заболел. И как раз в эти дни судьба приготовила нам очередные испытания. Хозяин дома, в котором мы намеревались перезимовать, был освобожден от должности председателя соседнего колхоза и возвращался. Между тем брат уже подготовил дом к зиме, оштукатурив стены, и снаружи и изнутри. Несмотря на существовавшую устную договоренность, мы без возражений решили освободить жилище, но хозяин дома Тастанбек Сабитулы разрешил нам перезимовать в небольшой пристройке при доме, где он хранил старые вещи. Стоял конец октября, до наступления зимних холодов Айкен заново перекрыл прогнивший потолок пристройки без окон, пробил в стене лачуги проем и поставил оконные рамы. К первому снегу, добыв кирпичи, сложил в доме печь. Пристройка стала неузнаваемой. В начале ноября мы в нее вселились. Выпал снег и наступила зима. И вдруг среди зимы Тастанбек потребовал освободить обустроенное нами жилище для переезжающего родственника. Для семей, лишенных всех граж-

данских прав, любой человек – хозяин. Мы были беззащитны и бесправны еще и по причине своего убогого материального положения. В то время в отношении таких, как мы, законы не соблюдались. В том числе и просто человеческие.

Вся работа брата в очередной раз пошла насмарку, нам пришлось освобождать пристройку. Нас выгоняли не из царского дворца, а из убогого сарайчика, который мы привели в порядок и сделали пригодным для проживания, но большего унижения и обиды, казалось, в мире не существовало. Все шесть человек (тогда с нами жили еще сестра и зять) были чрезвычайно удручены. Разве найдешь среди зимы дом или угол? И все-таки удача нам улыбнулась. Брат и зять после нескольких дней поисков нашли все-таки место, где мы смогли поселиться. Это был дом из двух комнат площадью 20 и 15 квадратных метров. В нем жили хозяйка – вдова с двумя детьми, и вторая семья из трех человек. К ним мы и подселились. Плюс к тому под кроватью у хозяйки жил поросенок, и среди нас постоянно бегала болонка. То есть на 20-и квадратных метрах жили пять семей. Хозяйка с детьми четырех и шести лет занимала пространство возле печи. Место второй русской семьи из трех человек находилось между дверью, стеной и хозяйкой. Нашей семье досталось оставшееся пространство. У нас не было даже кровати, все пожитки были сложены в кучу. Мама и сестренка спали на этих узлах. Днем мы сидели и ели на этих тюках, а русские семьи сидели и ели на своих кроватях.

Днем было просторней. Брат и зять уходили на работу, хозяйка с рассвета до заката трудилась дояркой на колхозной ферме дояркой и телятницей. Она забегала домой лишь в обед, чтобы покормить детей. Остальные жильцы всю зиму сидели дома между кроватями и нашим сложенным в кучу тряпьем. На полу спали брат, я и еще один мальчик – мой ровесник. Если ночью кто-то выходил на улицу, то ему приходилось перешагивать через спящих. Сестра с зятем

спали на подстилках возле русской печи, занимавшей большую часть второй комнаты, служившей прихожей. И такая, оказалось, бывает жизнь.

Когда много лет спустя я читал о том, как фашисты содержали пленных в лагерях, то мне вспомнилось, как несколько семей жили в одной комнате и как люди, выходя ночью на улицу, наступали на спавших на полу…

«Слава Богу, еда есть»

В начале 20 века казахов было 3 миллиона, и при расчете по формулам, прогнозирующим рост численности населения, нас к концу века должно было стать 18 миллионов. На самом же деле численность казахов на рубеже тысячелетий составила всего 10 миллионов. В 1932-1934 годы голод и предшествовавшая ему коллективизация уничтожили более трети казахского народа. Память об этом не должна кануть в Лету, реку забвения. В последние годы в средствах массовой информации, в книгах, брошюрах много пишут о полутора миллионах погибших казахов и о причинах этого несчастья. Ученые, аналитики полагают, что это был политический геноцид, террор, перегиб коммунистической партии в деле строительства социализма. Сегодня это очевидно. Если бы у казахов – скотоводов и кочевников на протяжении многих веков, советская власть не отобрала скот, то они не пострадали бы так от голода 1932-1934 годов. В 1921-1922 годы, после Гражданской войны и страшной засухи, когда голод свирепствовал на территории всей России, в регионах Казахстана, среди населения, имевшего скот, голода не было. Наоборот, голодающих детей из России, погрузив на пароходы, идущие вверх по течению Иртыша, раздали казахскому населению, жившему вдоль реки. Казахи, усыновив этих детей, вырастили как родных.

Было очень недальновидно столь спешно переводить скотоводов на занятие земледелием, но руководство автономии не смогло объяснить этого ни союзному руководству, ни центральному комитету партии. Напротив, оно пыталось еще в 1931 году досрочно выполнить план коллективизации, на деле продлившейся до 1933 года.

Второй причиной катастрофического голода среди казахов стало то, что партийные и советские руководители, от колхозных до республиканских, не делали ничего для облегчения жизни простых людей. Они управляли народом бездарно. Например, в Узбекистане и в Туркмении, где тоже осуществлялась коллективизация, не произошло такой трагедии, как в Казахстане. Считаю, что недобрую службу сослужили зависть и невежество среди власть имущих, что проявлялось и в последующие годы советской власти. И все это прекрасно понимают, кроме псевдопатриотов и пустоголовых бахвалов.

К концу 1934 года жизнь народа, избавившегося от страха голодный смерти, стала полегче, но как и прежде оплата труда в колхозах оставалась мизерной. Полки государственных магазинов пустовали, да и у местного населения денег не было.

Колхозы, чьи дела улучшались после урожайных лет, стали принимать новых членов со стороны. Это был добрый знак, но из-за низкой оплаты труда люди шли туда неохотно. На государственных предприятиях вакансий не было, а если и появлялись, то таких, как наш Айкен, туда не брали. Да и сам брат предпочитал работать на частных собственников, там оплата труда была повыше. Зимой 1935 года он опять занялся заготовкой камыша и продажей его местному населению. Теперь питание семьи не зависело от его ежедневного заработка. У нас были заготовленные летом запасы на 1-2 месяца. Они позволяли продавать камыш подороже, торгуясь. Видимо, из-за повысившегося уровня

жизни жителей нашего села увеличилась и потребность в этом топливе. Теперь не продавцы искали покупателей, а покупатели продавцов.

Больше брат не брал меня на рубку камыша: «Это тяжелая работа, тебе не по плечу», – заявил он. Прошлой зимой, когда я был слабее, чем нынче, я рубил камыш, неужели теперь я не смог бы это делать? Нет, просто нам стало чуть полегче. Ведь чем суровее условия жизни, тем больше работают дети. Освободив меня от тяжелой работы, Айкен вменил мне в обязанность молоть муку из имевшихся запасов пшеницы. Раз в две недели я должен был возить на санках на мельницу, что в восьми верстах от села, 30-40 килограммов зерна. Дорога в районный центр, рядом с которой находилась мельница, была накатанной, поэтому санки легко по ней скользили. 2-2,5 пуда пшеницы нисколько не тяжелы: накинешь веревку на шею и тянешь, а санки сами бегут, не отставая. Временами, подражая коню, бежишь рысью. А иногда, если это было по пути, ехавшие в легких санях привязывали мои санки, а меня сажали к себе и подбрасывали до мельницы. Такое бывало редко. Чаще встречались груженые сани. В легких и пустых санях разъезжали преимущественно начальники, они не смотрели на пешеходов, даже на женщин с детьми, и быстро проезжали мимо.

Возле мельницы – настоящий базар, шум, гам, но это не торговый базар, а просто собиралось много людей, желавших смолоть зерно, поскольку мельниц в те годы было мало. Их хозяевами были русские колхозы. Мельница Камышенки обслуживала жителей нескольких сел и аулов… Колхозники (среди них и казахи), получившие в этом году за свой труд зерно, приезжали на мельницу и занимали очередь, чтобы смолоть его. Подводы и пшеница никем не охранялись, все ждали своей очереди в доме по соседству. Сюда приезжали только мужчины и в свободное время развлекались разговорами. Я с интересом слушал. В таких случаях забывались трудности

жизни, тяжелая дорога и время летело незаметно. К чести рассказчиков, свои были и небылицы они не приправляли матерками или другими ругательными выражениями. Может, это происходило оттого, что среди них сидел несовершеннолетний. Других детей я на мельнице не встречал. Видимо, возить муку на мельницу пешком на санках было совсем не детским делом, поэтому меня часто пропускали без очереди.

Молоть муку показалось мне не таким уж трудным делом. Чем сидеть, скучая, в морозные зимние дни дома, лучше пройтись пешком до мельницы, пообщаться с людьми, послушать интересные истории.

Ваня, сын соседа, жившего с нами, был на год старше, он тоже сидел дома, не учился и не общался с сельской детворой. Его семья откуда-то пришла прошлой осенью. Все местные ребятишки учились в школе, а мы с Ваней играли на улице только днем, пока ребята не возвратятся из школы. Русские ребята дразнили меня, а когда кто-то из них пытался серьезно обидеть, остальные с интересом за этим наблюдали. Среди всей толпы не находилось ни одного человека, кто остановил бы хулиганов. Из солидарности со мной Ваня не играл с ними. Не так давно райцентровские курчумские русские ребята, собираясь гурьбой, пользуясь тем, что их больше, избивали казахских детей. Теперь нас задирали лишь самые отчаянные драчуны и забияки, но и они все реже распускали руки.

Позднее, учась в школе, я подружился с теми ребятами, что прежде меня обижали. Мы даже вместе смеялись над их былыми проделками. Наша дружба длится по сей день. Особенно крепкой она стала после возвращения с войны. И чем меньше нас становится, тем крепче наша дружба.

В 1935 году знакомые, встречаясь, говорили: «Слава Богу, еда есть». И все же существование большинства было убогим. У таких, как мы, не имевших скота, питание было скудным, что отражалось на здоровье. По этой причине к детям

и подросткам цеплялись болезни. В ту зиму я заболел «куриной слепотой»: с наступлением сумерек ничего не видел. Свет зажженной лампы казался мне слабым солнечным диском за густой пеленой облаков, потому в потемках я не мог передвигаться без посторонней помощи, но при свете дня видел нормально. Люди говорили, что эту болезнь можно вылечить печенью животного, но где взять эту печень? Если у какого колхозника и были одна-две головы скота, он не имел права его зарезать или продать, иначе будет осужден. Но когда хозяин соседнего дома тайком зарезал козленка, мама для моего лечения выпросила у него половинку печени величиной с ладонь. До сих пор помню, как подержав ее немного над огнем, в полусыром виде дала мне съесть. Мы не брали в рот ни кусочка мяса в течение двух с половиной лет. Буквально в считанные часы свет лампы стал казаться мне ярче, улучшилась и способность видеть в темноте.

С выдержкой собаки

Радио у нас не было, редкие газеты привозили с большим опозданием и читали их единицы, поэтому новости появлялись в виде слухов. И все же со временем к людям стало приходить осознание себя гражданами страны, появился интерес к тому, что происходит в крае, за пределами домашнего круга. К концу зимы 1935 года народ стал волноваться по двум поводам. Прошел слух, будто в государственных магазинах хлеб будет в свободной продаже, и каждый желающий сможет купить его сколько захочет. Для переживших ужасы голода это казалось столь же невозможным, как воскрешение мертвого. И еще жителей района взбудоражила весть о делении районов. Объединенные Курчумский и Самарский районы вернули свой прежний статус. Население, смешавшееся за прошедшие пять лет, теперь желало вер-

нуться в прежние места жительства, одни – по разрешению властей, другие – по своей воле. Всех волновало, кто будет руководителем, каковы будут отношения между районами. Многим казалось, что предстоящая реорганизация сродни разделению государства. Но все же главным было не это, а трудности повседневного быта, особенно при отсутствии постоянной работы и домашнего хозяйства. Во многих семьях был только один кормилец.

С потеплением брат перестал рубить и продавать камыш и сразу обнаружилось, что если ежедневно не пополнять запасы пищи, то скоро снова можно оказаться в тисках крайней нужды. Эта печальная перспектива заставила серьезно задуматься. Что делать? Неразрешимость ситуации угнетала. И однажды наш сосед Еременко, занимавшийся плетением прекрасных корзин из обыкновенного чия и обменивавший их у хозяек на хлеб, яйца, картошку, предложил научить меня своему ремеслу. Оказалось, что это не такое уж трудное дело, и после двух-трех попыток мои изделия стали более или менее сносными. Я кое-что за них выручал, но длилась все это недолго: покупателей было мало, да и корзины моего учителя были предпочтительнее. Моя предпринимательская деятельность ограничилась десятком изделий.

Весенний кризис случился не только в нашей семье, но в других, где не было постоянного источника дохода, однако судьба, постоянно смотревшая на нас искоса, опять подготовила испытания. Я не сетую, а просто хочу рассказать, как мы преодолевали трудности. Тетя Мария, хозяйка дома, где мы зимовали, напомнила нам, что мы просились пожить у нее до весны, а значит пора съезжать. Снег уже растаял, но во дворе было холодно, и земля, промерзшая за зиму, еще не оттаяла. Насколько были тяжелы для нас слова хозяйки дома, поймет лишь тот, кто сам скитался по чужим углам. Слова «освобождайте квартиру», слышанные многократно, по сей день звучат в моих ушах.

Обходя дома в селе, брат нашел у одного хозяина пустующий коровник. Вычистив навоз, скопившийся за зиму, сложив там печку и настелив на еще не оттаявший пол солому, мы поселились в холодном сарае. Вспоминая все это, я сам поражаюсь, как мы смогли вытерпеть постоянные невзгоды и как, живя в таких условиях, серьезно не заболели? Говорят, что у человека выдержка собачья. Мы тоже, как собаки, жили и терпели холод промерзшего земляного пола.

С потеплением нашлась работа. Русские жители сажали огороды, и для копки земли некоторые хозяева нуждались в рабочих. Нанимали старики, не способные на тяжелую работу, колхозники, неделями пропадавшие на колхозных полях, сотрудники учреждений, что с утра до вечера были на службе, а также те, кто считали для себя зазорным выполнять черную работу по причине своего высокого социального статуса. Тем более что труд наш был чуть ли не дармовым. Брат, его товарищ и я около трех недель с восхода солнца до заката копали землю. Я старался не отставать от взрослых, но, конечно, это было невозможно. После посадки огородов началось время формовки кизяка, местного топлива из навоза скота. Работа была грязной, поэтому конкурентов у нас не было, но, как говорится, в нужде не зазорно мыть и зад осла, и мы, не брезгуя, брались за любое дело. Наш труд оправдался, в семье появился небольшой запас продуктов. Хотя голода уже не было, память о нем будоражила сознание. Люди считали, что надо обязательно иметь запас продуктов. Всем было еще не до домашней утвари или одежды.

Новостройка

Едва закончились работы по найму, как нас опять стали выселять. Хозяин потребовал освободить коровник, чтобы его отремонтировать, поскольку он был очень ветхим. Снова предстояли изнурительные хлопоты по поиску жилья, но

на этот раз Айкен нашел неожиданное и простое решение. Брат решил на летнее время соорудить из подручного материала шалаш-балаган. Буквально за один день мы установили из ивняка каркас, стены обернули камышом, крышу покрыли травой, и наша семья поселилась в этом сооружении, где могли сидеть или спать четыре человека. В те годы на колхозных полевых станах стояли подобные шалаши, в них люди семьями жили все лето. Наш шалаш был временным пристанищем. Айкен предложил, пока у нас есть время и небольшие продовольственные запасы, самим построить для себя избушку, пригодную для жилья, не то у нас опять возникнут проблемы. До созревания нового урожая, то есть до появления работы по найму, мы должны успеть возвести стены нового жилища. Мама засомневалась:

– Как ты собираешься строить? У тебя не только стройматериалов нет, но и инструментов, подводы.

– Стены дома будут из дерна. Чтобы его вырезать, достаточно лопаты и лезвия косы, – ответил ей брат. – Для перевозки дерна попрошу у знакомого Ивана тачку. Вот и подвода, и инструменты.

И мы приступили к строительству своего дома. Архитектурный проект новостройки находился в голове брата, инженер, прораб и рабочий тоже были в его единственном лице. Мы приступили к работе без инструментов, без опыта строительства, без заготовленных заранее материалов. Запасов продовольствия у нас должно было хватить всего на месяц. Казалось, это затея сумасшедшего, но брат не был намерен отступать, потому что мучениям и страданиям семьи без своего угла не было видно конца. Решимость Айкена была рождена нашим отчаянным положением.

С раннего утра брат резал на берегу дерн, в котором причудливо сплелись корневища различных многолетних растений. Затем куски определенной длины и толщины мы отвозили на тележке. Это было нелегко. Брат толкал тачку, держась

за ручки, а я, впрягаясь в тяж, шел впереди и тоже тянул ее. На ямах и ухабах, когда тачка застревала, брат отдавал ручки мне и впрягается сам. Время от времени меня отбрасывало в сторону, и я терял ручки, потому что силенок было маловато. В 1935 году мне исполнилось 15 лет, а физически я был развит, как десяти- одиннадцатилетний мальчик. Три голодных года голода замедлили рост и сделали из меня рахитика.

Мы трудились изо всех сил, но за первый день смогли возвести лишь один ряд. Стены домов из дерна должны были, как минимум, состоять из 20-22 рядов. Когда сложили дерн в 3-4 ряда, то обнаружили, что стены получились неровными, а значит неустойчивыми. Их следовало выправить, но это искусство было недоступно брату. Требовалась помощь человека, знающего это дело.

Везде и всегда найдутся люди, готовые помочь. Такой человек нашелся и в ауле батраков – Зейнолла Бекдаиров. Он видел, как мы перевозили на тачках дерн, как складывали его рядами и однажды пришел посмотреть на нашу работу вблизи. Не скрывая, что недоволен ее качеством, взяв лезвие косы, подравнял дерн, сделал углы, обрезая выступы. Потом обратился к Айкену:

– Мы с тобой стали соседями, нас свел сам Бог. Говорят: «Долг перед соседом – долг перед Богом». Когда у соседа во дворе стоит корова, пускай и дойная, не следует вам мучиться и перевозить дерн на тачке. Так вы не справитесь с этой работой до зимы. С завтрашнего дня, пока не возведете стены, берите мою корову, впрягайте ее в телегу и перевозите дерн, нагружая столько, сколько она сможет увезти. Но не забывайте, что корова дойная и потому телегу слишком не перегружайте. Берите корову после полуденной дойки, а после обеда отпускайте на пастбище. За это время можно привезти дерна на два ряда. То, что вы сложите за день, я буду по вечерам помогать подравнивать.

Это было не единственное доброе дело Зейноллы, совер-

шенное по отношению к соседям.

Чем выше поднимались стены из дерна, тем неустойчивее они становились, и для дальнейшего их возведения необходимо было особое мастерство. Если пласты дерна не будут умело связаны, то стены развалятся, и вся работа пойдет насмарку. На последнем этапе нашей работы, когда особо требовались строительные навыки, Зеке охотно нам помогал. Благодаря нашему доброму соседу мы за 20 дней возвели стены, и Айкен спросил:

– Зеке, что и сколько вы бы хотели за работу коровы и за свой труд?

На это аксакал ответил:

– Эй, Айкен, ты, оказывается, еще совсем молод! Соседи не требуют платы за помощь. Это – соседский долг.

И другие соседи согласно древним традициям и обычаям помогали нам, чем могли. Кто-то дал бревен, кто-то – несколько обработанных жердей, третьи – доски, четвертые – рейки для оконных рам и другие нужные для строительства материалы.

Так с помощью соседей мы выстроили стены избушки из дерна, и они за два месяца полностью просохли. Потом соорудили потолок, поставили окно, дверь, и к началу октября вселились. Избушка наша была низкая, площадью не более 20 квадратных метров. Единственное окошко пропускало мало света, да и двери были такими невысокими, что при входе приходилось сильно нагибаться. Перед входом не было навеса, не было сеней, дверь ее открывалась прямо на улицу. Зимой, когда кто-то входил, холод белым бураном заполнял все пространство. Но как бы то ни было, обретя свое собственное жилье, мы перестали скитаться, освободились от мучительных поисков квартиры, от гневных требований освободить жилье. Мы обрели уверенность, поскольку не зря говорится: «Мой дом – моя крепость».

Возвращение в школу

В сентябре 1935 года дети в Камышенке стали ходить в начальную школу, я снова загорелся желанием пойти учиться, о чем днем и ночью мечтал четыре последних года. Для учебы у меня не было никаких условий, но надежда не оставляла меня, и я подошел к брату:

– А что, если я пойду в школу? – спросил я тихим голосом, сомневаясь в положительном ответе.

И брат вопреки моим ожиданиям поддержал:

– Хорошо, если хочешь, иди.

Я боялся, что он, единственный кормилец семьи, скажет: «Лучше работай и помогай мне». Но нет, он согласился на мою просьбу и добавил:

– В свое время отец не учил меня то ли из жадности, то ли по невежеству. Я остался малограмотным. Если бы он выучил меня в то доброе время, когда у него был достаток, то мы не попали бы в такой переплет. Если на то есть воля Аллаха, иди, может быть, ты станешь грамотным.

Шел я в школу со страхом, что опять не примут, как сына кулака, но меня приняли, не спросив ни откуда я, ни чей родом. И вот я, изгнанный в 1931 году из четвертого класса, в 15 лет стал учиться в третьем классе русской школы. Язык я знал плохо, у меня был небольшой запас русских слов. Уроки словесности поначалу совсем не понимал, письмо и математика давались легче. Когда писал диктанты, то учитель возвращал мою работу с исправлениями красными чернилами почти в каждом слове, но не укорял как других, а, напротив, подбадривал:

– Ничего, Шаяхметов, все образуется.

Слово «ничего» я понимал, а вот «образуется» было непонятным. Так, отчасти понимая, отчасти догадываясь о смысле слов, я продолжал учебу. Готовясь дома к урокам, заучивал наизусть весь заданный текст.

В те годы в русских школах обучалось мало казахских детей из-за незнания ими русского языка. Например, из аула батраков, где жили 15 семей, в русскую школу ходили только двое. Учиться в казахских школах, расположенных в аулах, у одних детей не было возможности, а других родители просто не хотели туда отдавать.

Отношения между казахами и русскими в те годы еще не были тесными, и казахи, переехавшие в русские села, селились кучно поближе к окраине. Живя на отшибе и почти не общаясь с русскими, их дети не учились языку. Зато дети тех, у кого были русские соседи, знали русский язык и легко учились в школе. Таких в нашей Камышенке было пятеро из трех семей.

Хотя я еще плохо владел русским языком, но начал постепенно понимать, кто такие пионеры, комсомольцы, стал слушать новости и узнавать, что происходит в стране советов. Зимой 1936 года наш учитель Адаменко сообщил нам, третьеклассникам, что скоро состоится X съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи и предложил в честь этого события социалистическое соревнование. Оно было похоже на детскую игру. Ученики 3 класса с особым прилежанием принялись за учебу, а учитель ежедневно наглядно показывал нашу успеваемость в виде диаграммы.

Нашему учителю было года 23-24. На уроках он был строг, требователен и по-доброму внимателен к нам. Особенно нам нравилось, что геометрические фигуры он чертил одним взмахом руки, очень ровно и правильно. Мы, ученики, сколько ни старались, не могли этому научиться. До сих пор я благодарен Трофиму Трофимовичу за то, что, когда я, искажая русские слова, произносил их с ужасным акцентом, он всего лишь слегка улыбался и заставлял многократно повторять одно и то же, побуждал добиваться правильного произношения. А ученикам запрещал смеяться надо мной.

Горе в семье

Летом 1936 года нашу семью постигло горе. До нас дошла весть, что Жамбы тяжело больна. Мать поспешила скорее добраться до дочери, жившей на золотом прииске в Самарском районе. В то время собраться в дорогу таким, как мы, было совсем несложно. Две ноги и палка всегда к нашим услугам. Готовить гостинцы давно не из чего.

К вечеру добрались до дома золовки Жамбы, и хозяин дома объявил нам трагическую весть: наша дорогая Жамбы скончалась неделю назад. Было, конечно, ужасно, что горе настигло нас в пути, в чужом доме. У бедной матери слезы полились рекой, последовали вздохи, стенания... До этого пережившая не одну трагедию мать, проплакав всю ночь, наутро, крепко перевязав пояс, опираясь на палку, вышла в путь. Погрузившись в горестные воспоминания о любимой дочери, весь день она шла, тяжело вздыхая и вытирая льющиеся из глаз потоки слез. Теперь ее целью было поклониться могиле Жамбы и прочитать над ее прахом молитву.

У сестры, умершей на 25 году жизни, остался полуторагодовалый грудной ребенок, но и он, к сожалению, умер вскоре вслед за матерью.

Мы, казахи, придаем значение приметам, знакам. Например, когда путники выходят в далекий путь, провожающие не должны долго смотреть им вслед. По поверью, это может принести несчастье и путникам, и провожающим. Хотя я сам не верю в приметы, вспоминаю последнюю встречу с сестрой. Я навестил Жамбы за полтора года до ее смерти, и когда уходил от нее, она так долго смотрела мне вслед, что до сих пор перед моими глазами ее силуэт. Стоя на утреннем морозе, она провожала меня глазами до самого горизонта.

Много лет спустя я долго и с особенным волнением провожал брата, а потом маму, прощаясь с ней перед дальней дорогой. Этих родных и дорогих мне людей я, как оказа-

лось, видел тогда в последний раз. С научной точки зрения, наверное, можно объяснить этот феномен. Биологически человек, видимо, предчувствует беду.

После смерти Жамбы зять через некоторое время женился, но мы продолжали общаться с ним и его родственниками, как родные и близкие люди. Прекрасный человек, знавший, что такое добро, умевший уважать людей, умный и чуткий Манап не вернулся с фронта. Погиб на поле битвы, защищая Родину от врагов.

Добрый наставник

Жизнь человека – не прямая и ровная дорога. Этот путь может быть полон препятствий, проходить по зловонным болотам наветов, меж отвесных скал скорбей, обрушиваться тяжелой болезнью. А порой он предстает веселой равниной, над которой плывут разноцветные облака, веют ароматные ветры, приятные душе. Иногда жизнь поднимает тебя ввысь, чтобы ты обозревал дальние дали, а то вдруг бросает вниз в лощину, чтобы ты следовал узкой тропинкой.

Одним из счастливых моментов в моей детской жизни, полной испытаний, было время учебы в школе. Я встретил там добрых и заботливых людей. К счастью, эта школа год за годом, пока я учился, поднималась на класс выше, превратившись, наконец, в десятилетку. Учился я всегда в одной школе, рядом с домом. Случись иначе, вполне мог бы остаться недоучкой, потому что вне дома не было для моего обучения ни денег, ни условий. Заведующим школой, а затем директором был прекрасный человек и заботливый наставник Семен Акимович Яковенко. Он много помогал мне в учебе и оказал большое влияние на мое воспитание. При первой же встрече с ним я честно доложил, что являюсь сыном бая, но хочу учиться. И он сделал для меня первое

доброе дело – безо всяких документов принял в 3-й класс. После четвертого класса он добился для меня путевки в областной санаторный пионерский лагерь. В те годы пионерские лагеря были неизвестны сельчанам. Семен Акимович объяснил мне, что такое лагерь, и что для поездки туда деньги не требуются. Кроме того, там можно поправить здоровье и побывать в городе Семипалатинске. И я месяц пробыл в пионерском лагере, в ленточном бору недалеко от Иртыша. За последние 5 лет я там, наконец, по-настоящему наедался, ел мясо. Всем ребятам на время пребывания в лагере выдали пионерскую форму, включая нижнее белье. Там я хотя и недолго, но походил в обновке.

Семен Акимович, видимо, замечал по моей одежде и другим признакам, что бытовые условия у меня тяжелые. Имея в школе 200 учащихся, он выхлопотал эту путевку именно мне. Оттого, что он меня особо выделил среди других, а еще потому, что мне удалось увидеть Семипалатинск, известный во всей округе, я был абсолютно счастлив.

Семен Акимович и позже проявлял обо мне заботу. В 1939 году, когда казалось, что из-за материальных трудностей я не смогу учиться дальше, он, устроив меня на работу, дал возможность продолжить учебу. Но об этом позже.

Купец поневоле

После возвращения из санаторного пионерского лагеря у меня было еще одно запомнившееся путешествие. Наш дальний родственник Мубарак Рахимжанов, в прошлом учившийся вместе со мной в одной школе, окончив 7 классов, устроился на учительскую работу. Мы выросли в одном ауле, и хотя он был старше меня на несколько лет, дружил со мною и теперь изредка бывал у нас. Если мы долго не виделись, он писал письма, в которых давал советы, а в кон-

верт вкладывал по 5-10 рублей. И вот однажды читаю в его письме, что во время отпуска он намеревается поехать в горняцкий поселок Кулынжин за тканью, или как ее тогда называли – мануфактурой – и приглашает с собой меня. Брат поддержал это предложение и, заняв у соседей 80 рублей, отдал мне, обстоятельно объяснив, чего и сколько следует купить. Через два дня мы доехали на телеге до Кулынжина. В те годы в аулах и селах ткани не продавались, они лишь изредка появлялись в магазинах горняков.

Мы остановились в доме зятя нашего аула Баттала Магзумова – председателя поселкового совета рудника. Он предложил Мубараку выбрать ткани на складе и повел его туда, а я занял очередь в длинной веренице покупателей в магазине. Когда после долгого стояния я, наконец, дошел до продавца, и, попросив его отмерить мне выбранную ткань, сунул руку в карман за деньгами, кошелька там не оказалось. Пока, разинув рот, я стоял в очереди, кто-то проклятый вычистил мой карман. Мое тогдашнее состояние не выразить словами. Как опущенный в воду я добрел до дома, где мы остановились. Хозяйка Нуржамал апай с тревогой спросила: «Что с тобой? Заболел? На тебе лица нет!» Узнав, в чем дело, запричитала: «Ой, бедный! Что же это судьба от тебя отвернулась? Астапыралла!» Затем принялась утешать: «Не горюй, милый! Что поделаешь… Бог накажет вора». На обратном пути я всем сердцем сокрушался, что подвел брата. В кои веки у нашей семьи появилась надежда немного приодеться, ведь все последние годы мы ходили в лохмотьях. Да и брат эти 80 рублей взял в долг у своих знакомых. Как же теперь возвращать их? Эти мысли по мере приближения к аулу мучили меня все больше и больше. Видя мое состояние, Мубарак уговаривал не переживать и обещал найти какой-нибудь выход. Он повернул телегу с дороги, распряг коня, пустил его пастись и выложил передо мной купленные им ткани, уложенные в два мешка:

– Здесь мои ткани и заказы соседей и аульных знакомых. Я выделю тебе материала из обоих мешков, дома скажешь, что купил все это на свои 80 рублей. О потерянных деньгах не говори, даже рта не раскрывай об этом. Если ткани окажется мало, скажем, что цены были высокими.

Избавившись от давившего меня всю дорогу тяжелого груза, я приехал домой с облегченным сердцем. Как отрадно испытать человеческую поддержку и помощь в момент, когда тебе трудно.

Политические уроки

В декабре 1936 года в стране был принят новый основной закон страны – Конституция СССР. Все лето и осень повсюду шло ознакомление с проектом документа и его обсуждение. Не знаю, как проходила эта кампания в других местах, но в нашем ауле Батрак, сторож «Заготзерна» Матаев Оразбек – член партии, раз в неделю, собрав всех жителей села, заставлял меня читать им проект основного закона, опубликованный в газете. Собравшиеся молча слушали. Матаев выпытывал у слушателей после чтения: «Есть ли у вас вопросы?» Вопросов никогда не было. Только иногда наш руководитель, желая, чтобы присутствовавшие лучше усвоили какое-то положение документа, просил: «Мальчик, прочитай это место еще раз» или «Объясни слушателям последнее предложение, как ты его понимаешь». Какое может быть понятие о столь серьезном документе у ученика начальных классов?!

После принятия Конституции СССР ее содержание «обсуждали» по той же накатанной колее. Среди людей гуляли слухи, что власти будут проверять, как усвоены основные положения Конституции народом. И если выяснится, что кто-то что-то неправильно истолковывает или вовсе

не знает ее содержания, того повезут в районный центр и в течение целого месяца будут вновь обучать. Услышав это, кружковцы потеряли головы от страха, потому что настала эпоха репрессий, когда сотрудники НКВД по ночам тайком увозили людей, а потом их причисляли к врагам народа. Члены кружка просили объяснить им доступнее. Но какое понятное толкование могут дать полуграмотный сторож и ученик 4-го класса?

Слухи о проверке оказались ложными, зачета на знание основного закона не было. В 1937 году, согласно новой Конституции, были назначены выборы в Верховный Совет СССР, и среди населения проводилось организованное изучение положения о выборах. Оразбек агай, собрав тех же членов кружка, снова привлек меня. На занятиях кружка я излагал текст наизусть, поскольку запомнил его после многочисленных чтений, но вряд ли хорошо понимал.

Занятия кружка, несмотря на их примитивность, дали мне основы политической грамоты и повлияли на то, что я стал интересоваться политическими вопросами и событиями. Матаев, бывший председателем первичной профсоюзной организации пункта заготовки зерна, часто просил меня составить списки членов профсоюза, переписать постановления собраний, прочесть письма, постановления высших профсоюзных органов. На средства членов профсоюза выписывались периодические издания, в том числе журнал «Адебиет майданы», который никто не видел и не читал, потому что его номера хранились у председателя первички дома в сундуке вместе с документами. Благодаря сундуку Оразбека я стал интересоваться казахской литературой. С тех пор много лет живу вместе с этим журналом, повлиявшим на мой духовный рост.

В 1938 году впервые вышла отдельной книгой история ВКП(б). Эту книгу обязали изучать всех членов первичных партийных и комсомольских организаций. В нашем селе

всех членов партии и комсомола собрали в один кружок и организовали чтение истории партии. Мы, школьники-комсомольцы, были в составе участников кружка, в который входили учителя, активисты аульного совета, председатель колхоза, бригадиры. У полуграмотных людей, читавших по слогам, было мало шансов понять такие термины, как «оппортунизм», «эмпириокритицизм», «диалектика», «философия». Но надо было учиться, и учились. Вот каким образом среди «народных масс» распространялись идеи компартии, так в те годы работала система агитации и пропаганды.

Осознание себя

Жизнь семьи понемногу налаживалась: стали, наконец, материально жить не хуже других, хотя это было непросто, поскольку в семье работал лишь один Айкен. Мы с Жаметай учились, мама хлопотала по хозяйству. Заработной платы брата едва хватало на наше экономное ежедневное питание. У меня не было собственных карманных денег, как у нынешних детей. А если и появлялись, то я их не тратил на себя лично. Брат был в вечном поиске дополнительного заработка. Когда пароходы доставляли уголь, соль и срочно требовались рабочие руки, после дневной работы он шел на ночную грузчиком. Учреждения, которым предназначался груз, по договоренности сами оплачивали каждую тонну доставленной продукции. В таких авральных разгрузках использовали и таких подростков, как я. Соль и уголь привозили в рассыпанном виде, для выгрузки их затаривали в мешки и переносили на берег. Взрослые перетаскивали целые мешки, а подростки по полмешка. Оплата была сдельная, и при моей слабосильности вклад в семейный бюджет за несколько смен в течение лета был незначительным.

Осенью 1938 года я пошел в 6-й класс. Немного освоив рус-

ский язык, стал хорошо учиться, за что на 20-летний юбилей комсомола получил премию – брезентовые ботинки. Если такой подарок школьнику был показателем материальных возможностей нашего государства, то для меня эти ботинки были единственной новой обувью за последние 7-8 лет.

И спустя 4 года после великого голода у населения не было полноценного питания. Производительность труда в колхозах оставалась низкой, а выработанную продукцию забирало государство. Колхозникам на трудодни доставались крохи, да и то лишь в крепких хозяйствах, преимущественно с русским населением. Промышленных товаров в магазинах сельской местности не было. Их можно было привезти из городов, с рудников, но за перепродажу предприимчивых граждан очень строго судили.

У нас дома недоставало многого, но как у всех казахов самой большой мечтой была дойная корова. Экономя на всем и откладывая из заработной платы брата, мы купили телочку, которая в следующем году могла отелиться. Не имея живности в течение восьми лет, мы безмерно ей радовались и с нетерпением ждали следующего года. Соседи считали, что с этой телкой к нам в дом придет достаток, и от души поздравляли со счастливым приобретением.

Несмотря на бедное существование, стало нетрудно строить дома, и весь аул батраков решил переехать поближе к селу и поселиться на его окраине. После ледохода, с наступлением теплых дней 15 семей принялись за строительство домов из дерна и до осени успели соорудить себе жилье и даже необходимые пристройки для живности. Мы построили двухкомнатный дом. На этот раз мы строили с помощью свояка брата, одолжившего лошадь и телегу.

Люди помогали друг другу во многих обстоятельствах повседневной жизни. Казахи всегда сильно переживали по поводу гибели животных, даже оплакивали их, особенно женщины. Если кто-то лишался заметной доли скота, род-

ственники помогали пострадавшему, отдавая часть своего. В том, что традиция взаимопомощи жива, убедилась наша семья, когда наша дойная корова внезапно заболела, и пришлось ее срочно забить. Узнав об этом, аульчане тут же разобрали мясо взаймы по рыночной цене. Так они помогли нам, оставшимся без любимой кормилицы. Если бы они этого не сделали, мы не смогли бы в жаркие июльские дни срочно увезти и продать мясо на базаре райцентра и остались бы ни с чем.

Мой покровитель – директор школы С. А. Яковенко, зная о тяжелом положении нашей семьи, устроил меня на время каникул на полтора месяца поработать в сельском совете с окладом в 150 рублей, что было средней заработной платой конторского служащего того времени. Эти деньги нам заметно помогли.

Людская доброта

Айкену исполнилось двадцать восемь лет, а он был все еще холост, потому что не считал возможным жениться из-за трудного материального положения семьи. Эта тема неоднократно становилась предметом семейных разговоров, сводившихся к тому, что ему пора жениться. Брат старался избегать этих бесед и одну за другой отвергал предлагаемые кандидатуры невест. Дискуссии продолжались в течение года и, наконец, в феврале 1939 года Айкен женился на 18-летней девушке. По этому поводу у нас не состоялось шумного тоя со сватами, дружкой и подружкой. У молодой невесты не было свадебной одежды, не было и приданого. Перед ней рассыпали шашу *(сладости, курт, баурсаки – символ будущего достатка и плодородия.– Прим. переводчика К.Н.)* С соседями мы распили самовар чая и пожелали счастья молодой супружеской чете. Так в те годы справляло

свадьбы большинство населения.

В те дни мы еще жили в избушке из дерна на 20 квадратных метрах, у молодоженов не было ни кровати, ни надлежащих постельных принадлежностей. Молодая сноха Нурлыгайын успешно прошла тесты и испытания моей матери и определенно понравилась нам с Жаметай.

К началу учебы в 7 классе из моего летнего заработка лично мне ничего не досталось. Все было потрачено на строительство дома. Жизнь семьи стала тяжелей, потому что она увеличилась, мы, дети, росли, увеличивались и расходы на нас. Сестренку надо было отдавать в далекую казахскую школу в другом ауле, нанимать для нее квартиру. И я уже стал взрослым жигитом. Хотелось получше одеваться, вечером сходить в кино, на концерты приезжавших иногда артистов. Для всего этого были нужны деньги, а их у меня не было. Просить у брата стеснялся, безденежье угнетало…

Поразмыслив, я решил бросить учебу и поступить на работу, помогать брату, самому приодеться. Не к лицу 18-летнему жигиту ходить в заплатанной одежде и сидеть на шее у брата из-за своей учебы. И почему мы с мамой должны его бесконечно обременять? Это же моя прямая обязанность – содержать свою мать! Я высказал эти соображения брату наедине и для полной убедительности показал свои рваные ботинки. На что Айкен категорично заявил: «Ходи босиком, но учись! Не болтай! Как-нибудь проживем, лишь бы не голодал. И чтобы я больше не слышал таких разговоров!»

Как-то я поделился своими планами с одноклассниками, и кто-то из них передал их Семену Акимовичу. Он вызвал меня и стал расспрашивать. Я изложил свои соображения, и в ответ он рассказал мне, как в годы голода учился вдалеке от дома в интернате школы крестьянской молодежи, какую одежду носил, как терпел лишения, как недоедал. Семен Акимович убеждал меня в том, что мое нынешнее положение гораздо лучше, чем его тогда, и что можно перетерпеть

эти временные трудности. В заключение посоветовал учебу не бросать и пообещал при возможности помочь, чем очень меня обнадежил.

О своем обещании директор не забыл. Вскоре вызвал меня в кабинет и объявил, что районо дает нашей школе ставку вожатого. Выполнять эту оплачиваемую работу, совмещая ее с учебой, он предложил мне, пообещав помочь в ее планировании, чтобы я мог трудиться не в ущерб учебе.

Я имел представление о работе с пионерами, потому с радостью согласился, даже не задумываясь, легкой или трудной она будет. Так началась моя официальная трудовая деятельность. Эта работа была мне послана самим Богом. Не говоря о материальной стороне, расширились мои представления об общественной жизни, я получил прекрасный практический опыт общественной работы и дополнительные знания. Благодаря бесценной поддержке Семена Акимовича Яковенко впоследствии я получил полное среднее образование и всю жизнь не забываю о доброте моего наставника и учителя.

Перед войной

В 1939 году погода не подвела, зерно уродилось, и колхозники получили на трудодни немного зерна. Два последних года урожай был хорошим, колхозы вставали на ноги, увеличилось количество тракторов на МТС, распахивались целинные земли. В аульных и сельских магазинах стали продавать товары, еще недавно считавшиеся дефицитными. Строились школы и частные дома. Но еще мало было у сельчан скота, в частном пользовании лошадей вообще не было. В некоторых колхозах осталось их одна-две. В казахских хозяйствах руководители, за исключением первого, разъезжали на волах. Кое-где при посредстве государства

лошадей закупили в Монголии и Китае и радовались этому приобретению. Собственники скота по-прежнему не имели права по своему усмотрению резать их на мясо или продавать. В случае вынужденного забоя составлялся акт, в котором, в частности, указывалось, что шкура сдана государству. В противном случае владелец скотины привлекался к ответственности. Колхозники были обязаны сдавать скот государству или в колхоз только в живом виде, и продавать разрешалось лишь живьем и только в пределах района. Это правило сохранялось вплоть до Великой Отечественной войны. Казахи стали забывать, что такое согым. Если у кого-то и была редкая возможность для забоя животного, то делали это тайком.

Думаю, здесь будет уместно рассказать о том, насколько различно жили в своих колхозах русские и казахи. Русские переселенцы в свое время по приезде из России сразу получали плодородные земли, десятилетиями их возделывали; при организации колхозов русское население волей или неволей отдавало в общее пользование подводы, инструменты, сельскохозяйственные орудия. Уровень организации труда и его производительность в русских колхозах были сравнительно высокими, и в итоге русские колхозники получали за труды оплату, которая поддерживала их заинтересованность в колхозном труде.

В казахских колхозах практически не было сельскохозяйственной техники – плугов, сеялок, веялок. Они обычно сеяли зерно на бывших пастбищных угодьях в тех местах, где их колхозники проживали до коллективизации. Урожаи получались низкими, колхозы были в долгах перед государством, колхозники почти ничего не получали за свой труд и не хотели работать бесплатно. В отличие от русского казахское население не выращивало овощи на огородах возле дома и на колхозных полях, поэтому казахские семьи хуже питались: ели жареные тары, пшеницу, пили молоко и чай.

Имевшие кур сами яиц не ели, а обменивали их на другие продукты, главным образом на чай. Живя в бедности, колхозники ежегодно сдавали государству от своей домашней дойной коровы по 193 литра молока или по 4 килограмма топленого масла. Кроме того, каждый крестьянин должен был сдать государству 40 кг мяса и несколько сотен яиц, даже если не держал кур. Требовалось еще выплатить денежный налог за каждую голову скота, имевшуюся в личном хозяйстве.

Если в каком-то домашнем хозяйстве количество животных превышало разрешенное, то есть было больше одной коровы, четырех-пяти голов мелкой живности, то все виды налогов должны были выплачиваться вдвойне. Уходить из колхоза по своей воле не разрешалось. Множество положений и законов сделали из колхозников по-существу бесправных рабов. Крестьян-частников государство душило налогами, что привело к ликвидации этой формы хозяйствования на селе.

Летом 1940 года была построена шоссейная дорога «Восточное кольцо» длиной 1500 километров. Она соединяла районы Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей и проходила по безводной пустыне и болотистым низинам. Строили дорогу колхозники между севом и уборкой урожая, поделив объем работы в зависимости от возможностей своих хозяйств. На строительстве трудились, как муравьи, тысячи сельчан, что оправдывало название «народная стройка». «Техника» была простой – кайла, железные лопаты, телеги, запряженные волами, и деревянные колотушки, так называемые «бабы», которыми дорогу уравнивали и уплотняли. В пустынной степи в июльский зной строители целыми днями таскали на носилках камни, щебенку, песок и затем все это перелопачивали. Только человек мог вынести тяготы этой работы, а железо ломалось, дерево изнашивалось, лопались автомобильные шины, техника выходила из строя.

После окончания учебного года комсомол призвал учеников седьмого класса и старше к участию в этом важном деле, и я тоже внес свою небольшую лепту во всенародную стройку.

«Восточное кольцо» было построено за два лета 1940 и 1941 годов, по существу всего за считанные месяцы, и сдано в эксплуатацию вскоре после начала войны. Этот труд был равносилен подвигу, а наших земляков, вручную построивших эту дорогу в тяжелейших условиях, можно с полным основанием назвать героями труда. Это шоссе до сих пор служит народу.

В преддверии войны государство очень активно призывало молодых людей на службу в ряды Красной армии. Служили тогда три года. Мне не пришлось встретить ни одного человека, который имел бы какие-то льготы для отсрочки службы. Не знаю, какое влияние это оказало на другие отрасли народного хозяйства, но на качестве работы системы народного образования отразилось плохо, потому что теперь брали на службу в армию не призывавшихся прежде школьных учителей. В результате не стало хватать педагогов, вместо них посылали преподавать даже студентов техникумов, еще не закончивших учебу. Этот способ решения проблемы педагогических кадров использовался и в дальнейшем. В 1941-1942 учебном году у нас в школе преподавала единственный педагог с законченным высшим образованием – учительница химии. Из чего можно составить представление об уровне знаний обучавшихся в аульных и сельских школах.

Разница в возрасте между учениками старших классов и учителями составляла иногда лишь 1-2 года или ее не было вовсе. По этой причине между старшеклассниками и учителями не всегда соблюдалась субординация, часто возникали споры и даже ссоры. Некоторые начитанные, вдумчивые ученики оспаривали знания учителей. Нередко они имели

на то полное основание. Вспоминаются несколько курьезных случаев, произошедших с учителями-недоучками. Один из них, не имевший специального образования, обучая пятиклассников умножению дробей, то ли не знал, то ли забыл сократить дроби и получил астрономические цифры. Не понимая, как это получилось, он, тем не менее, задал ученикам аналогичное домашнее задание. Только после уроков, расспросив коллег, понял свою ошибку и на следующий день, проверяя домашнее задание и исправляя ошибки учеников, то есть по существу свои, объяснил, что якобы специально дал для решения такое задание. А теперь научит решать ее более легким способом.

Другой учитель на уроке физики ошибочно поменял местами знаки «плюс» и «минус». Ученик, обнаруживший дома ошибку учителя, указал на нее, на что тот ответил:

– Молодец! Я дал задание с заведомыми ошибками, чтобы проверить ваши знания. Тебе ставлю 5.

Между молодыми учителями и ученицами старших классов редко, но бывали близкие отношения. В основном же учителя в нашей сельской школе были достойными, уважаемыми людьми и пользовались большим авторитетом и у своих питомцев, и у местного населения. Они держались соответственно своему статусу, а ученики усердно учились и были прилежными и дисциплинированными.

Экстерн

Весной 1941 года я заканчивал 8 класс и работал вожатым. В ближайшие месяцы мне предстояло пойти служить в ряды Красной Армии. В те годы никому и в голову не приходило отлынивать от этого, но у меня выходило, что, уйдя в армию, я не успею получить среднее образование, а это было моей заветной мечтой. Разве я смогу после трех лет службы

учиться в школе? Пришел посоветоваться к С. А. Яковенко и он, напомнив мне русскую пословицу: «Не боги горшки обжигают», рассказал о возможности получить знания экстерном, на что, по его мнению, способностей у меня хватит.

Эта информация меня вдохновила, и я написал письмо в Усть-Каменогорский педагогический техникум. Вскоре оттуда пришел ответ с приглашением приехать по окончании 8-и классов и сдать экзамены по всем предметам за 9-10-е классы школьной программы. Затем предлагалось сдать государственные экзамены по четырем предметам педагогического цикла и получить диплом учителя начальных классов. Воодушевленный, я начал самостоятельно готовиться к предстоящим экзаменам.

В апреле 1941 года медицинская комиссия райвоенкомата обследовала меня в числе других молодых людей на пригодность к военной службе и определила в кавалерию.

Молодежь в те годы провожали в армию с большими почестями – с тоем. Вернувшегося после службы солдата встречали тоже торжественно. Парни возвращались из армии подтянутыми и красивыми, что восхищало и привлекало молодежь. Призыва на службу ожидали с нетерпением. Большое значение имели и лозунги о том, что Красная Армия – народная армия, защита страны. Имели значение победы Красной Армии в войне с японцами на озере Хасан, на Халгин Голе, освобождение западных областей Украины и Белоруссии от польского ига, освобождение Бессарабии от румынской зависимости, присоединение к СССР Эстонии, Латвии и Литвы. Я тоже с нетерпением ждал призыва, чтобы возвратиться из армии сильным и возмужавшим – настоящим мужчиной.

Наступило лето 1941 года, завершился учебный год. Получив трудовой отпуск, в начале июня я приехал сдавать экзамены в Усть-Каменогорский педагогический техникум. Сотрудники заочного отделения техникума встретили

меня, как говорится, с распростертыми объятиями, приняли документы, устроили в общежитие. Мне позволили посещать лекции студентов заочного отделения. Старательно готовясь, я успешно сдавал текущие экзамены.

Начало войны

В очередное воскресенье, походив по обыкновению вместе с заочниками по базару, я пришел в общежитие и прилег вздремнуть часок, но вскоре проснулся от пронзительных криков: «Война! Война!» Парни шумели. Ни на ком не было лица. Хотя я сразу не осознал всех возможных последствий войны, ее масштабов и характера, неведомое доселе чувство охватило все мое существо, по телу побежали мурашки. И все же в тот момент у меня не было ни малейших сомнений в том, что Красная Армия за одну-две недели сокрушит врага. Такая эйфория – результат деятельности государственной пропагандистской машины – была у большинства людей.

Прослушав 3 июля по радио выступление Сталина, в котором говорилось, что фашисты получат отпор Красной Армии, я, как и все, был окрылен. Многие чувствовали то же самое – настолько крепка была у всех нас вера в мудрость вождя и в несокрушимость наших вооруженных сил. Как вскоре продемонстрировала жизнь, оснований для этого было в то время недостаточно. Однако искренне веривший в социалистические ценности народ, исполненный патриотических чувств, желая защитить Родину от агрессора, дружно встал на борьбу с фашизмом. На второй же день после начала войны в военный комиссариат стали стекаться люди. И когда студенты-заочники педагогического техникума пошли в военный комиссариат, то полдня простояли в очереди. Добровольцев, желавших ехать на фронт, в городе было столько, что их отправляли по домам, поскольку были

не в состоянии принять в тот же день. Призванных в армию в районах группами посылали в областной центр, и уже оттуда – на фронт.

С каждым днем увеличивалось число отправляемых людей, и первоначальное мнение о войне стало меняться. У населения вызывали страх и недоумение вести с фронта. Почему доблестная Красная Армия отступает? Неужели вражеские силы превосходят наши? А может, командиры Красной Армии специально совершают маневры, чтобы завлечь врага в западню? Этими вопросами задавался каждый. Никто не связывал неудачи начала войны с неподготовленностью армии или с ошибками ее командиров. Еще была сильна вера в то, что война скоро закончится.

Первый призыв

Сдав за полтора месяца все экзамены по программе полного курса техникума, готовившего учителей начальных классов и получив желанный документ, я возвратился домой. Вести с фронтов были безотрадными, люди тревожились. Наша армия все отступала и отступала. На фронт мобилизовали людей, лошадей, машины. В хозяйствах стало остро не хватать рабочих рук и транспорта, отчего замедлились темпы сенокоса и уборки урожая.

В первые месяцы войны военкомат словно забыл о допризывниках. Только 3 октября нам были вручены повестки о призыве в ряды Советской Армии. Собрав по району 70-80 призывников и объявив: «Вы теперь красноармейцы», нас строем повели на пристань в село на берегу Иртыша, в двадцати километрах от райцентра. Мобилизованные разных возрастов ехали на транспорте и в ожидании парохода могли заглянуть к родственникам в селе или просто погулять по округе, а нас, молодых призывников, держали

строго и даже местных не отпускали домой, приучая к армейской дисциплине.

Пароход ждал команды для отправки уже сутки, когда неожиданно прибыл военком, накануне напутствовавший нас речью и пожелавший счастливой дороги и верной службы во славу отечества. Нас построили, и военком объявил:

–Тем, чьи фамилии назовут, выйти на пять шагов вперед, а тем, кого не назовут, оставаться на местах.

Офицер стал перечислять: Иванов, Петров… – были зачитаны лишь русские фамилии и одна татарская. Названные вышли из строя на пять шагов вперед. Все оставшиеся оказались казахами. И мы сами, и те, кто пришли нас провожать, были этим крайне удивлены. Не давая никому опомниться, военком приказал всем названным садиться на пароход, а прочим возвращаться домой. Все присутствовавшие от неожиданности замолкли, будто впали в ступор, но вскоре из рядов казахской молодежи раздался напористый голос:

– Товарищ военком, разрешите обратиться?! Почему нас, казахов, не берете в армию? Объясните.

– Поступил приказ оставить вас до особого распоряжения.

– Почему вы только русских отбираете в армию, почему оставляете только казахов? Кто отнял у нас право защищать Родину?

Начался шум-гам, и не было слышно, что отвечал военком. В разговор вступили матери отобранных русских парней:

– Что это за приказ? Советская власть нужна всем, а защищать ее должны только русские? Это неправильно. И казахи должны идти на фронт! Наши дети будут воевать и погибать, а казахи будут гулять дома? И казахов забирайте на фронт!

Казахские юноши требовали взять их на фронт, а военком, только твердил: «Поступил приказ, причины не знаю».

Матери-казашки, стоявшие позади строя, говорили свое:

– Закрой рот! Кто же просится на войну?

– Не препирайся с военкомом, он же сказал, что возьмет позже. Молчи.

За все это время отцы русских парней и они сами не проронили ни слова. Они не кричали и не шумели, как женщины. Они стояли молча.

Военком, построив отобранных парней, повел их в сторону пристани, остальные отстали, толпа разошлась.

Это событие вызвало среди населения пересуды и толки: «На фронте казахи оказались неспособными сражаться с врагами», «Казахи на фронте перешли на сторону немцев». Подобные сплетни, задевавшие честь и гордость народа, гуляли повсюду. Высказывались и другие холодные этнические заключения. Однако военкоматом по-прежнему проводилась мобилизация мужчин разных возрастов и разных национальностей, в том числе и казахов. И постепенно разговоры о неспособности казахов воевать утихли.

В Камышенке останавливались речные корабли. В народе ее в шутку называли курчумским Ленинградом. С тех пор как началась война, все мобилизованные из Маркакольского и Курчумского районов отправлялись на фронт с пристани этого села. Порою уходивших провожали целыми семьями. Очень тяжело было видеть эти проводы. Слышались горестные причитания матерей, прощавшихся с сыновьями, плач дочурок, которых с трудом отрывали от уходивших на войну отцов, прощальные крики жен, расставшихся с мужьями. Это было большое народное горе. Тяжело было и мужчинам, уходившим на фронт. Существует поверье, что нельзя так горевать, провожая в дальний и опасный путь, что это плохая примета. И действительно часто те, кого с таким отчаянием провожали, не возвращались.

Призыв в национальную армию

Причина, почему нас выделили из числа других и не взяли в армию, стала известна в начале декабря. Оказывается, в начале октября, как раз перед нашей отправкой в армию, появилось Постановление Государственного комитета обороны СССР «О создании национальных воинских формирований в СССР», в котором было сказано, что национальную молодежь призыва 1941 года следует держать в резерве до особого распоряжения.

В начале декабря нас, оставленных в резерве, призвали, одели в зимнюю армейскую форму, приобретенную на средства районного фонда Красной Армии, снабдили продовольствием и, погрузив на брички вместе с седлами и сбруей, торжественно проводили в национальную армию. Пока добирались до Усть-Каменогорска, повсюду, где мы останавливались, наш караван встречали с почестями. 21 декабря нас привезли в Алма-Ату, которая встретила нас проливным дождем. Валенки промокли и стали, как чугунные, полушубки под дождем размякли и тоже отяжелели. В насквозь промокшей одежде нас сутки продержали в не отапливаемом кинотеатре «Ударник», и вскоре несколько человек, в том числе и я, заболели. В формирующейся воинской части не было не только медпункта, но даже казармы, и простудившихся отправили домой.

В Усть-Каменогорске, в областном военкомате, нам дали командировочные удостоверения до станции Жангиз-Тобе и объяснили, что мы сможем доехать до дома на подводах, привозивших на станцию мобилизованных. Через день караваны из 20-30 саней привозили на станцию будущих фронтовиков. С одним из них мы и вернулись домой.

Потери в битве под Москвой были очень велики. В январе 1942 года в ряды Красной Армии была призвана вся молодежь 1923 года рождения, многих казахов отправили в Алма-Ату в состав 101-й национальной бригады. Позже вла-

сти отказались от идеи создания национальной гвардии.

В последние месяцы 1941 и в первые три месяца 1942 годов количество отправленных на фронт людей было огромным. Из колхозов, из государственных учреждений стали забирать специалистов, оставленных ранее в резерве. Мужчин в тылу остались единицы. Например, в нашей школе из 15 школьных учителей к моменту моего возвращения из Алма-Аты их было всего 4, а через месяц я остался в единственном числе. Мне было очень тяжело морально, будто я хитростью отстал от товарищей или меня не взяли как непригодного для службы.

Поначалу домохозяйки, привыкшие к заработкам и заботам мужчин, растерялись. Они переживали за мужей, ушедших на войну, и о том, как вырастят в таких трудных условиях детей. Но совсем скоро женщины научились выполнять всю необходимую работу, в том числе и мужскую, и достойно поддержали своих супругов, братьев и сыновей, сражающихся на фронтах войны. Не зря говорится: «Мужчина становится мужчиной, благодаря своей супруге».

Главы семей, отправляясь на фронт, тоже сильно переживали о своих домочадцах, остающихся без их заботы. Мужчины понимали, что детям и женщинам нелегко будет прожить без них, и старались перед уходом на войну хотя бы на время обеспечить семью самым необходимым.

В полку стрелков

В середине февраля я, наконец, получил повестку. На этот раз нас провожала небольшая группа членов наших семей. В райцентре, сойдя с саней и разделившись на команды, мы стали спешно собираться в дальнейший путь, и вдруг я увидел возле ворот маму, которая, оказывается, шла за нами 20 километров пешком по сорокаградусному моро-

зу. На мои слова, что зря она это проделала, поскольку мы тотчас уезжаем, мама ответила, что отправляя меня в такой опасный путь, не смогла усидеть дома и пришла, чтобы еще раз поцеловать. У нее в глазах стояли слезы. Вскоре маме пришлось пожалеть, что пришла, потому что наш санный караван в тот же день отправился в сторону нашей Камышенки и даже остановился в ней на ночь. Если бы мать не бросилась вслед за мной пешком по морозу, то эту ночь напоследок мы провели бы вместе дома. Но состояние матери, отправляющей сына в пекло войны, поймет только мать.

В отличие от декабрьской поездки теперь нас никто не встречал, не привечал и не угощал. Ночевали мы в основном в казахских аулах и спали вповалку вместе с хозяевами.

В Семипалатинске после недельного карантина нас распределили по частям полка, расквартированного в городе. Происходило это так. Офицер из штаба полка спросил перед строем: «Кто хочет в артиллерию?» Стоявший рядом земляк, Морозов Василий, отслуживший в армии в артиллерии, выходя, схватил меня за руку и потянул за собой, шепнув: «Потом объясню, не пожалеешь!»

В жизни часто на твою судьбу влияют чужие поступки, это особенно заметно на войне. Поступок Морозова решил мою фронтовую судьбу, а, может быть, и жизнь в целом.

По знакам Морозова еще несколько русских односельчан присоединились к нам. Казахи из нашего района, составлявшие половину строя, продолжали стоять на месте, предоставив свои судьбы воле Аллаха, и не обращали внимания на мои призывные знаки. Лишь один из них встал рядом с нами, хотя понятия не имел, что такое артиллерия.

Откуда было знать аульным парням, что в артиллерийских войсках служить гораздо легче, артиллеристы погибают гораздо реже, чем пехотинцы. Несчастные, невежественные казахи! Поскольку добровольцев было немного, офицер выбрал из строя еще нескольких русских парней.

Мы пришли в полковую батарею, состоявшую из 45-миллиметровых пушек. Три стены армейской казармы занимали двухъярусные деревянные нары, на них лежали набитые соломой матрасы. В первую ночь я никак не мог уснуть, чувствуя себя на этих шелестящих матрасах так, будто лежу на подстилке из соломы. Через два-три дня военных занятий соломенный матрас стал казаться периной.

Нас учили артиллерийскому и вообще военному делу ежедневно с 6 часов утра до 11 часов ночи. Весь личный состав батареи вывозил за город 45-миллиметровую пушку, мы выкапывали яму, ставили в нее орудие и стреляли по движущемуся макету танка. Потом каждый член орудийного расчета копал окоп для себя. Или после обеда ехали в город, шли в «атаку»: от дома к дому по улице города тащили пушку на себе, копали во дворе какого-либо дома или в огороде яму и прятали там орудие, затем выкапывали и, разровняв яму, тащили на новую позицию. Возвращались в казарму уставшими до изнеможения.

Ночами нас часто поднимали по тревоге для маршброска, и мы порой пробегали по 10-20 километров. Это было самым тяжелым и физически, и психологически. В армии человек чувствует себя бесправным. Если прикажут: «Молчать!», ты не имеешь права произнести даже слово, если прикажут: «Смирно!», то не должен шевелиться. «Кругом марш!» – безмолвно поворачиваешься и идешь. Вымолвишь слово возражения – получишь наряд вне очереди.

Государство не было подготовлено к крупномасштабной войне, недоставало самого необходимого. Солдаты спали по двое на одном матрасе, на двоих выдавалось одно одеяло, долгое время не было простыней. И все равно мы спали в нижнем белье, за этим следили старшина и помощник командира взвода для контроля за временем, за которое солдат по утрам одевается. Тех, кто не укладывался в положенные секунды, заставляли раздеться и снова одеться.

Меня, как и многих тогда, поразило, что для тренировки бойцов не было настоящего оружия. Вместо штыковых винтовок мы использовали деревянные макеты ружья. Пушку, которую следовало возить на лошадях, таскали сами. Такие тяжелые условия обострили взаимоотношения солдат и младших командиров. Многие из них были полуграмотными, невежественными, некультурными людьми. Зазнавшиеся от командирских прав, они заставляли подчиненных выполнять самые нелепые приказы, разговаривали грубо, с руганью. Не знаю, как в других частях, но командирами взводов на нашей батарее были вчерашние гражданские специалисты с высшим образованием, имевшие звания офицеров запаса и теперь призванные в армию. Днем они находились рядом с нами, а на ночь свои обязанности перепоручали сержантам, которые и хозяйничали на батарее. Полуграмотные люди «воспитывали» солдат со средним и высшим образованием. Такие младшие командиры знали только «ать-два», разборку и сборку винтовок, да устройство пушки. У них отсутствовали даже простейшие знания психологии и представления о нормах во взаимоотношениях людей в обществе. Все это нередко приводило к скандалам, к мстительным действиям, к нарушениям дисциплины, что, конечно, мешало подготовке людей к действиям на войне, хотя солдат обучали искусству войны в соответствии с требованиями того времени, закаляли их здоровье, укрепляли патриотический и моральный дух.

В трех взводах батареи было около ста рядовых, одна пушка, 8 лошадей и бричка. В штате батареи было 9 командиров отделений, три помощника командиров взводов, один старшина и писарь. Всеми командовали командир батареи и политрук. Командиры взводов раньше не служили в армии, но с начала войны были приняты в штаб в качестве офицеров запаса. Это были культурные, гуманные люди, имевшие гражданские профессии. Например, командир на-

шего взвода прежде работал геологом-маркшейдером на руднике. Этот образованный, интеллигентный человек сделал очень много для адаптации к новым условиям красноармейцев, выросших на широких просторах степи, привыкших использовать время по своему усмотрению, не знавших армейских порядков. Он давал мудрые советы тем, кто не хотел смириться с жесткими и суровыми военными условиями жизни, осаживал и успокаивал непокорных буянов, беседуя с каждым воином, и со всеми находил общий язык. Солдаты ценили и уважали его.

Командир батареи, 24-летний лейтенант, никогда не возносился оттого, что руководит батареей, не повышал голоса на подчиненных, но в то же время был требовательным и к учебе нашей, и к дисциплине. По вечерам, в свободные от занятий часы, он приходил в казарму, выслушивал солдат и старался помочь каждому. Он был заводилой импровизированных солдатских развлечений с песнями и плясками, поднимавших настроение молодым бойцам и отвлекавших их от тяжелых мыслей. Наш молодой командир пользовался большим авторитетом среди солдат и был на хорошем счету у начальства.

В середине апреля меня назначили писарем батареи. Жить стало гораздо легче. В мои обязанности входила ежедневная работа с документами: составление отчета для штаба, прием приказов и телефонограмм, написание докладных командиру батареи, подготовка недельного расписания учебно-тренировочных занятий в соответствии с программой. Я старался выполнять всю эту работу исправно.

В закрытой для внешнего мира жизни военных случаются и грустные, и смешные, и криминальные истории. Расскажу о некоторых из них.

Для ухода за восемью лошадьми, приписанными к батарее, на конюшню ежедневно отправляли одного дежурного. Вышедший на очередное дежурство сороколетний русский

солдат нечаянно, по его словам, отрубил себе четыре пальца левой руки. Поступок сослуживца сильно всех поразил, и событие это стало поводом для серьезных разговоров не только на нашей батарее, но и в полку. Следственные органы пришли к заключению, что солдат намеренно отрубил себе пальцы, и передали дело на рассмотрение военного трибунала, который приговорил его за членовредительство к расстрелу. Немного времени спустя пришло закрытое извещение за подписью военного прокурора, что приговор приведен в исполнение. Было жаль, что человек так бесславно распростился со своей жизнью.

Найти человека без адреса

Среди новобранцев стрелкового полка было много уроженцев Восточно-Казахстанской области. Навестить кого-то из них иногда приезжали родители, супруги, невесты или просто подруги. Одна казахская женщина искала своего мужа по почтовому номеру военной части. Расспрашивая жителей, она ходила по улицам Семипалатинска и дошла, наконец, до нашей батареи. Кто-то, видимо, сказал ей, что за тем высоким забором живут военные. Днем на батарее кроме постового никого не было, и она долго просидела перед воротами. Никто не подсказал женщине, что ей надо спросить о муже в штабе полка. В тот день меня как раз туда вызвали, и когда я вышел за ворота, ко мне бросилась женщина.

– Братец, дорогой, подожди, ты же казах, я хочу спросить у тебя… Ищу своего мужа, зовут его Байпакбаев Зияда, ты его не знаешь? Если знаешь, то вызови его сюда, – она тараторила, не останавливаясь.

Я знал Байпакбаева, бывшего инспектора нашего районо. Недавно встретил его на объединенном собрании членов компартии и комсомола в штабе полка. Когда я сказал об этом

женщине, она обрадовалась и стала просить немедленно отвести ее к мужу. Батальон, в котором служил мой земляк, находился в другой части города, и мне пришлось сопроводить женщину туда. Байпакбаева там не оказалось, он ушел на партийное собрание в штаб полка. Мы пошли туда. Поглощенная своими проблемами, женщина все говорила и говорила:

– Братец, а не знаешь ли ты человека, у которого есть сноха по имени Нурлыгаин, она живет в Камышенке, а он сейчас здесь, в Семипалатинске?

Я настолько удивился, услышав эти слова, что попросил повторить вопрос. Село, названное ею, – мое село, Нурлыгаин – имя жены брата. Эта женщина была для меня как письмо, отправленное Ванькой Жуковым «на деревню дедушке» из известного рассказа Чехова и нашедшее адресата. Незнакомка тоже чрезвычайно поразилась тому, что так неожиданно нашла меня. Оказалось, она несколько дней прожила в ожидании парохода в нашем доме, и через нее мама и женге передали мне гостинец. Так благополучно завершилась эта почти неправдоподобная история. Безграмотная женщина, не имея точного адреса, искала и нашла в огромном городе не только мужа, но и родственника приютившей ее семьи. Её поездка была поступком отважного человека, а какая преданность мужу!

Расплата за милосердие

Люди по-разному проживают отпущенную им жизнь. Одни, и их немало, живут праведно, их все уважают, они достойны почитания и любви. Но есть и такие, кто, используя доброту и милосердие других, сами жестоки и черствы душой. В народе по этому поводу существует множество пословиц и поговорок: «Плохой не понимает уважения, а корова ласки», «Если выйдешь в дорогу со всадником на

иноходце – отстанешь от него в пути, с плохим подружишься – он свалит тебя в ров», «Плохое животное выкормишь, то будешь хоть есть мясо, а плохого человека выкормишь – голову заморочит». На личном опыте мне пришлось убедиться в правоте народной мудрости. Однажды я встретил во дворе части преподавателя из Усть-Каменогорского педагогического техникума Шафигулина Кусаина, читавшего нам «Основы дарвинизма». Его лишь две недели назад призвали в армию, теперь он был рядовым солдатом стрелкового батальона, расположенного с нами в одном дворе. Все бойцы батальона ушли на занятия, он сидел один. Из-за болезни его освободили от занятий. Узнав о том, что я писарь, Шафигулин тут же вцепился в меня мертвой хваткой и стал просить выписать ему пропуск в город, чтобы навестить родственников. Обещал через два часа, еще до возвращения командиров с занятий, быть на месте. Мои возражения, что это нарушение воинского устава, его не убедили. Он умолял меня, клялся всеми святыми на свете, что не подведет. Моя добрая душа не устояла, и я заполнил ему бланк увольнительной записки на два часа. Из уважения к своему бывшему учителю я поступил незаконно. Такой документ имел право дать только командир. По молодости лет я легкомысленно понадеялся, что никто не заметит двухчасового отсутствия моего земляка и учителя, пока он повидается со своими родственниками. К несчастью, меня в это время вызвали в штаб полка повторно, где я пробыл до самого вечера, а Шафигулин те два часа провел не с родственниками, а в пивном ларьке, где напился пива и возвратился в часть. Через некоторое время моему учителю показалось, что выпито недостаточно, и он стал искать меня. Зайдя в канцелярию, увидел лежавшую на столе увольнительную на мое имя, исправил на ней часы увольнения и снова отправился в город, где напился уже до бесчувствия. Его, пьяного, подобрал военный патруль, и началось расследование. По законам воен-

ного времени военнослужащего, ушедшего без разрешения на два часа, расстреливали. Командир полка Варламов приказал отдать наши с Шафигулиным дела на рассмотрение военного трибунала, но позже по ходатайству начальника штаба полка изменил свой приказ, согласившись передать нас в маршевую роту, отправлявшуюся на фронт. Это было легким наказанием. На фронт мы отправились бы и так, для этого нас и призвали.

До сих пор я благодарен начальнику штаба полка Гроцману, знавшему меня как писаря. Если бы не его поддержка, то моему учителю дали бы 10 лет, а мне, самое малое, 3-5 лет тюрьмы. Нарушивший свою клятву Шафигулин, испугавшись наказания, подло выдал меня с головой, признавшись, что первую увольнительную ему выписал я. Он пытался выгородить себя в надежде, что в таком случае его помилуют. Когда я напомнил ему о клятве, он беззастенчиво привел именно эти доводы. Я решил, что никогда больше не буду помогать людям. Конечно, это было решено сгоряча, по молодости, от обиды и возмущения. Скоро я забыл о своем намерении, но не смог простить предательства Шафигулину. Мое негодование и брезгливость усугубило то, что вместо фронта его комиссовали как негодного к военной службе и отправили домой. Оказалось, у него были больные ноги. Предав меня, мой учитель, даже не попрощавшись, уехал домой. Судьба потом дважды сводила нас. И хотя у меня были возможности, я ему не мстил. Просто не общался.

Дорога на фронт

Меня направили в маршевую роту, едущую на фронт. В ее составе были казахи из Аксуатского района Семипалатинской области в возрасте от 35 до 45 лет. Немолодые люди из отдаленных аулов, не знавшие русского языка,

всего за месяц-два прошедшие военную подготовку, были совершенно не подготовлены к тому, чтобы воевать. У них не было даже командира, владевшего казахским языком. В связи с этим они подали жалобу комиссару полка, в которой говорилось, что у них было мало времени на подготовку, что из-за незнания русского языка многие термины они не поняли и потому не усвоили то, чему их учили. Тем не менее они готовы отправиться на фронт, лишь бы дали им командира, знающего казахский язык. В полку таких командиров не нашлось, и командование полка стало искать грамотных казахских парней в других военных подразделениях города. Из семипалатинского военного училища взяли четырех курсантов 1922-1924 годов рождения, нарушивших воинскую дисциплину, в том числе и меня, и дали всем нам звание младшего командира. Никого не интересовало, какие из нас командиры, какие военные знания мы сможем дать будущим солдатам. Видимо, мы нужны были только в качестве переводчиков-толмачей.

Вечером 7 июля наш эшелон медленно тронулся в западном направлении. Всюду в дороге царила неразбериха. На станциях мы простаивали сутками, потому что не хватало паровозов. Однажды в Тамбове, пока солдаты обедали в городе в воинской столовой, начальник станции отправил в путь наши пустые вагоны, а мы остались. На исправление ситуации ушли сутки.

Только спустя 20 суток мы прибыли в Смоленскую область, на Западный фронт. Немцы, перейдя Дон, продвигались к Волге, а наш эшелон все шел на Запад, хотя, наверное, эффективнее было бы бросить нас на южный фронт.

Пока мы ехали, люди то и дело отставали от поезда, потому что во время стоянок никто не знал, сколько времени они продлятся, и пока солдаты ходили в поисках воды и пищи, могли подать паровоз, и наши «базарники» оставались на станции.

Пока доехали до фронта, в пути отстало около взвода солдат. Среди отставших были и такие, кто это сделал специально. Чаще всего на такие уловки шли подлечившиеся в госпиталях и снова едущие на фронт. Иногда кто-то тайком отставал от поезда в своем родном городе, шел домой и, повидавшись с семьей, переночевав, на следующий день являлся к коменданту, будто отстал только что. Конечно, побыть с семьей хотя бы одну ночь – большая удача для человека, во второй раз отправленного на фронт, и огромное счастье для его родных и близких. Военный комендант всех отставaвших от поезда сажал в следующий эшелон, идущий в западном направлении.

Выгрузившись вечером из вагонов, мы увидели на горизонте черные тучи, в которых сверкали молнии и слышался грохот грома. Кто-то стал переживать, что вымокнем под дождем, на что один из фронтовиков, усмехнувшись, сказал, что там идет бой. После этого новички стали смотреть на запад одни с интересом, другие с испугом. Всю ночь мы шли, а на рассвете, объявив, что мы дошли до линии фронта, нас расположили в густом лесу.

Среди разведчиков

Прибывших стали распределять по воинским частям. К нам, пятерым семипалатинским парням, ставшим в одночасье то ли командирами, то ли переводчиками, подошли офицер и старшина и спросили, не хочет ли кто из нас стать разведчиком? Один из нас выразил общее мнение: «Зачем нам эти командирские звания? Ведь мы не знаем ничего, кроме команд: «Шагом марш!», «Направо!», «Налево!». Завтра во время битвы станем виновниками гибели земляков. Давайте лучше пойдем в разведку». Кроме нас, никто из целого эшелона в разведку пойти не захотел. Казахи из нашей

роты заволновались: «Родные вы наши, почему нас бросаете? Завтра в бою мы не поймем команд русских командиров. Они скажут «стой!», а мы ляжем, скажут «ложись!», а мы встанем и погибнем все!» Командир разведчиков, заметив, что мы стали колебаться, принялся расхваливать прелести разведки и быстро нас увел.

Агитировали нас командир и старшина взвода разведчиков 656-го полка 116-й стрелковой дивизии. Во взводе было еще около 20 человек. Кое-кто смотрел на нас с интересом, а были и такие, что свысока. Опытные разведчики, прежде казахов и в глаза не видевшие, решительно взяли нас, новичков, под свое покровительство и стали обучать тонкостям военной разведки.

Взвод разведчиков располагался отдельно ото всех других частей. Ежедневное питание каждый солдат взвода получал сухим пайком и сам готовил еду. Такая автономность разведчика была одной из важных составляющих этой воинской профессии. Наши наставники начали с объяснений нам, новичкам, что нельзя просто любоваться природой новой для нас местности, что в лесу могут встретиться и мины, и вражеская разведка. Учили нас специальным звуковым сигналам для общения друг с другом на расстоянии и другим простым и сложным премудростям.

Надо мной шефствовал земляк, акмолинец Иванов. Он опекал меня как родного брата и учил азбуке адаптации бойца к фронтовым условиям. Мы спали под одной плащ-палаткой, Иванов часто брал меня с собой на боевые задания и дружески опекал. Это был очень храбрый парень. Позже, когда наша дивизия воевала на Сталинградском фронте, Иванов и боец-одессит, ушедшие в составе взвода на задание, не вернулись в часть. Солдаты, что были с ними, не заметили, как и в какое время их потеряли. В ту ночь перестрелки не было. Наши разведчики, тихо подобравшись к позициям врага, незаметно вернулись. Не досчитавшись

двух товарищей, всю ночь их искали, а потом ждали до рассвета в надежде, что те сами придут.

Это таинственное исчезновение наводило на мысль, что разведчики спрятались ночью в лесу, чтобы дождавшись, когда товарищи уйдут, сдаться врагу. По этому поводу особый отдел проводил тщательное расследование и жестко допрашивал каждого из нас. Особенно много «таскали» командира взвода. И меня, бывшего под личной опекой Иванова, тоже неоднократно допрашивали. Следователи спрашивали: «Каким человеком был Иванов? Какие особенные мысли и мнения были у него? Были ли у вас разговоры о врагах? Кто во взводе с ним еще дружил?» Вопросы сыпались на меня, как зимний снег.

Выводы расследования были таковы: два солдата взвода разведчиков, предав Родину, добровольно сдались в руки врага. Наверное, так и было. Среди миллионов патриотов, готовых отдать жизнь за народ, за родную землю, защищавших не только личную свободу, но и спокойную жизнь своих семьи, встречались и предатели.

Детские игры

На войне человек не сражается без передышки. Это невозможно. После боев части отправлялись на отдых на вторую линию фронта. 116-я стрелковая дивизия в момент нашего прибытия стояла на отдыхе, и разведчики проводили время по своему усмотрению. Запрещалось только далеко уходить от места расположения взвода. Нам, новичкам, первые дни у разведчиков показались днями отдыха. Мы были предоставлены самим себе. Никакой работы и занятий не было. Вокруг густой лес, зеленая трава по пояс, чистый воздух, сытная пища, не хватало лишь развлечений. И мы их нашли. Бродя по лесу и любуясь природой, неожиданно

наткнулись на вражескую мину. Видели ее впервые. Осмотрев находку, стали спорить, взорвется эта старая мина или нет, и при каких условиях она может взорваться. Наконец, пришли к единому мнению: взорвется, если бросить ее в огонь! Сразу появилось желание увидеть это на деле. Собрав валежник, сложили его на полянке, положили в него мину, разожгли огонь и, отбежав подальше, легли на землю и стали ждать. Огонь горит, а от мины вестей нет. Мы то и дело поднимаем головы и смотрим на костер, ожидая взрыва. И в этот момент, откуда ни возьмись, появляется незнакомый офицер и спрашивает:

– Чего вы тут лежите? И что за огонь там горит?

Мы кричим:

– Товарищ лейтенант, ложитесь скорее, в огне лежит мина, сейчас она взорвется!

В ответ он покрыл нас матом и, крикнув: «Бегом за мной!» – побежал прочь с поляны. Мы бросились за ним. Только успели упасть в яму рядом с лейтенантом, как послышался грохот взрыва. Мина взорвалась. Офицер тут же повел нас на место, где мы только что лежали, и показал на осколки мины, долетевшие до этого места:

– Эх вы, вояки! – Затем снова обматерил нас с ног до головы и, выяснив, из какой мы части, отвел к командиру взвода и доложил о случившемся.

Из-за беспечности, молодости и детского любопытства мы едва не погибли. Нас спас от смерти случайно встретившийся офицер. Это был для нас первый фронтовой урок.

Второй урок, на сей раз жестокий, преподали наши военачальники. Вот как это произошло. Нашу отдыхавшую часть вывели из густого леса на открытую поляну и построили. Подошли строем и другие части дивизии. Перед строем виднелся холмик земли рядом с небольшим, как мне подумалось, окопом. На холмике сидел солдат без головного убора, в гимнастерке без ремня, обутый в сапоги на босую

ногу. Так выглядят виновные в нарушении воинской дисциплины. В строю стали перешептываться, догадавшись, что сейчас будут расстреливать красноармейца, осужденного трибуналом. Действительно, предстояла показательная казнь. Командир полка приказал солдату встать лицом к строю и зачитал его имя, фамилию и информацию о преступлении, которое он совершил. Солдат сбежал с передовых позиций в лес и несколько дней прятался там. Такой поступок считался дезертирством, предательством Родины. Дело рассмотрел военный трибунал и вынес решение: расстрелять. Преступник стоял и слушал все это. В этот момент я сильно испугался, мне не хотелось, чтобы его убивали.

После того, как приговор был зачитан, боец в звании старшины, приблизившись к командиру, обратился:

– Разрешите исполнить приговор? – Затем скомандовал осужденному: «Кругом!» – Тот повернулся. Старшина, выхватив наган, выстрелил парню в затылок. Дезертир упал навзничь. Исполнитель решения суда выстрелил в лицо лежащего, и голова того дернулась.

Никогда не видевший даже кровавой драки, я был настолько потрясен случившимся, что даже не слышал команды: «Кругом!» и буквально заболел от вида этой трагедии, затемпературил, не спал всю ночь. Оказалось, не я один так сильно переживал. Мои земляки тоже были напуганы. Даже бывалые воины, не раз смотревшие смерти в лицо, не поддерживали расстрел человека у всех на виду. Думаю, что это настоящее зверство даже в суровые годы войны – вот так при однополчанах убивать человека. Командование, видимо, рассчитывало, что казнь у всех на глазах породит страх перед высшей мерой за дезертирство, и такие поступки больше не повторятся, но показательный расстрел вызвал внутренний протест у бойцов.

Первая разведка

Хотя наша дивизия стояла на отдыхе, штаб полка поручил разведчикам уничтожить блиндажи в оборонной линии и находившихся в них вражеских солдат. Находясь в обороне, немцы в отличие от советской стороны в дни затишья не держали своих солдат днем и ночью в окопах, а оставляли там двух-трех стрелков и постового. Остальных для хорошего отдыха отправляли поротно на ночлег в блиндажи за 300-400 метров от линии обороны.

Это задание было для нас, новичков, первым и, по мнению бывалых разведчиков, очень опасным. Взрывать блиндажи шли 12 разведчиков, еще пятерым следовало оставаться позади и прятаться в стороне от дороги, по которой будут возвращаться выполнившие операцию. В случае погони они должны были вызвать огонь на себя и обеспечить безопасность уходящим. Еще одна группа из пяти человек, ушедшая вперед, дала сигнал, что дорога открыта. Это означало, что они уничтожили в окопах немецких стрелков и охранников. И когда мы добрались по безопасному теперь пути до цели, работа разведчика показалась мне даже легкой. Я тогда еще не осознал опасности перехода через линию фронта, со мной вместе были опытные товарищи, привыкшие к испытаниям фронтовой жизни и не раз видевшие смерть. И все же, когда мы добрались до блиндажей, я сильно разволновался, думая о том, что внутри их, хотя и враги, но живые люди, и что сейчас я лишу их жизни. Со мной в паре был опытный разведчик, по его сигналу мы забросили гранаты внутрь блиндажа и побежали что есть мочи по той же дороге, по которой пришли. После взрывов со всех сторон стали стрелять, засвистели пули, и только тут я понял всю опасность нахождения в тылу врага. Фашисты в ночной темноте, не разобравшись, кто пришел и откуда, стреляли наугад, но ни в кого не попали. Наши товарищи в лесу тоже

стреляли, отвлекая внимание врага на себя.

Взвод выполнил задание. Блиндажи были взорваны, но никто не знал конкретных последствий этой операции. Командиров дивизии, полка, даже нас самих, поразил тот факт, что из 22 разведчиков, ушедших на операцию, никто не был ни убит, ни ранен. Это было поразительно! Столько человек, перейдя через линию фронта и поразив намеченные цели, возвратились в целости и в сохранности из-под пуль, сыпавшихся градом со всех сторон. «Такое чудо могут совершать только боги», – говорили солдаты в шутку.

На Сталинградском фронте

Командир дивизии, лишь вчера посылавший нас на задание, через день отдал приказ, по которому мы, получив три часа на сборы, ночью двинулись в противоположную от линии фронта сторону, на восток. Отсутствие информации всегда порождало среди солдат самые разные бездоказательные предположения и вымыслы:

– Говорят, нашей дивизии будет присуждено звание гвардейской. И сделает это сам товарищ Сталин. У него нет времени приехать на Западный фронт, поэтому приказал подтянуть дивизию поближе к Москве.

– Ох, какой гвардеец нашелся! Не ври! Что совершила твоя дивизия, чтобы заслужить такое звание? К чему Сталину твоя дивизия? Говорят, в этом году гитлеровцы собираются нападать на Москву с юга, вот и ведут нас на оборону Москвы.

– Наша дивизия, как прибыла на фронт, все время участвует в боях. Сейчас людей сильно поубавилось. Я собственными ушами слышал, что нас ведут к берегам Волги на отдых, – изложил свои соображения другой.

Разговоры иссякли только с наступлением рассвета, ког-

да солдаты вошли в лес и расположились на отдых.

Ситуация на фронте может меняться очень быстро. Только стали засыпать шедшие всю ночь солдаты, уставшие в пути, как всех поднял на ноги громкий крик: «Тревога!» И когда мы по команде вышли на дорогу, то увидели множество автомашин. Не знаю, что сталось с остальной дивизией, но наш полк погрузили в грузовики и повезли в неизвестном направлении. Пехоте, всегда надеющейся на собственные ноги, ехать в машинах было непривычно. Почему такое чудо? В кузове грузовика опять стали высказываться различные предположения по поводу того, куда нас везут.

После ночного дождя черноземная дорога превратилась в сплошное болото. Лишь после полудня мы добрались до города Козельска. Немцы приближались к нему, и потому нас в спешном порядке доставили для его защиты на машинах.

К счастью, советские войска на передовой мужественно отразили нападения врага и не позволили ему приблизиться к Козельску, и нам объявили, что дивизия направляется на укрепление обороны Сталинграда.

Сформировав состав и укомплектовав эшелон, только собрались наши командиры загружать дивизию в вагоны, как прилетели вражеские бомбардировщики и разбомбили состав вдребезги. Видимо, немцы узнали о прибытии к Козельску новых сил в помощь Сталинграду. Спустя неделю, 22 августа, мы сели в поезд и тронулись в путь, а на следующий день, то есть 23 августа, враги, прорвав оборону города с северной стороны, вышли на берег Волги, охватив Сталинград с севера и запада.

Количество оборонявших Сталинград советских войск было гораздо меньше сил, находившихся в распоряжении противника и поставивших целью любыми путями взять город. Поэтому так важно было как можно быстрее подтянуть войска для обороны Сталинграда. К сожалению, как всегда мешали медлительность и неорганизованность. Ди-

визия, спешно снятая с западного фронта, только через 18 суток добралась до Сталинградского фронта. По прибытии дивизия выгрузилась ночью в степи и пошла пешим строем к фронту, а машины, груженные продовольствием, уехали по другой дороге. В результате солдаты на двое суток остались без пищи. Голодные пехотинцы, конечно, двигались гораздо медленнее, чем это сделали бы сытые.

Наша задача заключалась в том, чтобы скорее достичь линии фронта и, прорвав оборону врага с северо-запада, соединиться с войсками, державшими оборону города. Руководство теперь настолько торопилось помочь Сталинграду, что полки нашей дивизии двинулись к нему среди бела дня. Немцы открыли артиллерийский огонь, а затем весь день бомбили нас, залегших по обеим сторонам дороги, с самолетов, не давая поднять головы. Мы пролежали с утра до вечера в трех-четырех километрах от линии фронта, подарив врагу еще один день. Пока мы медлили, немцы, окружив Сталинград, перекрыли нам туда дорогу. Только вечером третьего дня, с наступлением темноты нам привезли пищу. А накануне днем, 3 сентября, наша дивизия ходила в атаку. Атака войск, проведших в пути несколько дней без отдыха, без пропитания, была безрезультативной. Перечисленные мною как очевидцем причины неудачи тех дней были проанализированы маршалом Г.К.Жуковым в его книге воспоминаний.

Бои вокруг Сталинграда

Не дожидаясь подхода других соединений, наша 116-я стрелковая дивизия пошла в наступление. Ее сил хватило лишь на два дня кровавой битвы. Другие полностью укомплектованные дивизии, пришедшие 5 сентября, всю следующую неделю беспрестанно атаковали передовую врага. Бои были тяжелыми, обе стороны несли большие потери,

участки линии фронта по нескольку раз за день переходили из рук в руки. Тела погибших солдат с обеих сторон лежали буквально друг на друге. Подбитые советские и немецкие танки высились, как копны сена на полях.

Одной из страшных реалий этого многодневного сражения было то, что обе стороны не успевали хоронить тела погибших. Безобразно распухшие трупы валялись сплошь и рядом, тут же лежали скелеты, от которых под воздействием солнца отделилась плоть, и невозможно было ходить по полю, не наступая на них.

Германские войска у Сталинграда создали так называемое двойное кольцо. Первое кольцо было предназначено для захвата города, а второе – для сражения с советскими войсками с внешней стороны, чтобы не дать им возможности соединиться с силами, державшими оборону Сталинграда изнутри. Расстояние между вражескими кольцами день ото дня увеличивалось. 5-13 сентября сильные удары наших войск по внешнему кольцу врага вынудили его, оставив на время атаки на город, бросить силы на оборону внешнего кольца. Наступление врага на город было ослаблено, что помогло оборонявшим его продержаться. Таково мнение Г.К. Жукова, высказанное в той же книге воспоминаний.

В этой страшной бойне, где кровь текла, как вода, я, будучи разведчиком, непосредственного участия в сражении на переднем крае не принимал, но линию фронта, где сражался наш полк, изучил ползком во всех подробностях.

Охота за «языком»

Когда идут горячие схватки, командованию как воздух необходима информация о силах противника и о его планах, обычно получаемая через разведку. Узнать о ближайших намерениях врага можно с помощью «языка», украв

владеющего информацией человека из вражеской среды. Это одна из основных задач разведчика, самое опасное и сложное боевое задание, ведь живой человек – не животное на привязи, не зверь в силках. Мне кажется, разведчиков на фронте можно сравнить с хищными зверями, а точнее – с волками. Волки, выискивая добычу, обычно охотятся на более слабых, наивных, потерявших бдительность, отделившихся от стада животных, когда вожаки стада, а в наших случаях дежурные охранники, по каким-то причинам отвлекаются на другие дела.

По прибытии на Сталинградский фронт из штаба полка пришел приказ достать «языка», но наши попытки выполнить задание ни в первую ночь, ни во вторую, ни в третью не увенчались успехом. Так продолжалось целую неделю. Этому было объяснение. Когда между противниками происходят непрерывные взаимные атаки, бои, сопровождаемые резней, бдительность людей очень высока, ставится сильная охрана. Под каким бы прикрытием ты ни шел, встречаешь на своем пути пулеметные и автоматные очереди. Враг чуток и никого не подпускает к линии обороны. Почувствовав разведчиков, немцы могли сами внезапно пойти в наступление и попытаться захватить нас. И тогда разведчики могли сами оказаться в роли «языков».

Если приказ не выполнялся вовремя, он повторялся каждый день. По угрюмому виду комвзвода, вынужденного ежедневно докладывать о наших безрезультативных походах, было видно, что ему приходилось выслушивать жесткие нарекания, как в свой адрес, так и в адрес всего взвода. Он возвращался из штаба подавленным, с опущенной головой и со страдальческим выражением лица. Мы понимали его состояние. Хотелось выполнить приказ и поднять настроение командиру.

Только на седьмую ночь мы смогли взять «языка». Произошло это так. Каждый раз, выходя «на охоту», развед-

чики делились на три группы: в первой – нападающие, их еще называют захватчиками «языка», другие две группы – помощники или поддерживающие. Нападающая группа всегда идет впереди, а вспомогательные немного позади и сбоку, на таком расстоянии, чтобы не терять друг друга из виду в ночной темноте. Когда мы приблизились к первой оборонной линии врага и осмотрелись, то увидели вражеского солдата, одиноко сидящего в окопе, вырытом на расстоянии 15-20 метров перед передовой противника. Солдат методично расстреливал в ночи осветительные ракеты. Позади него, охраняя линию окопов, ходили туда-сюда дежурные постовые. Наш командир моментально принял решение взять «ракетчика». Нам было удобно, что солдат не смотрел по сторонам, и, пустив ракету, пригибался в окопе и отлеживался в нем некоторое время до следующего выстрела. Ракеты, время от времени взрывавшиеся в небе, освещали окрестность как днем. Действовать в это время – значит обнаружить себя. Постовые врага, охранявшие спящих солдат в окопах, были внимательны, как и наши разведчики, замечавшие все до мелочей. После взрыва ракеты, когда вся окрестность освещалась ярким светом, мы пригибались к земле, стараясь укрыться за поредевшими, короткими стеблями жусана. Передвигаться, ползая по-пластунски, можно было лишь в тот короткий промежуток, когда одна ракета уже сгорела, а вторая еще не взорвалась. Рассчитывая удобный момент, мы не упускали из виду и вражеского постового, дожидаясь, пока он отвернется. Человек хуже воспринимает звуки за спиной.

В эту ночь командир взвода, младший лейтенант Смирнов в состав своей группы из пяти человек включил в захватывающую группу меня и моего земляка из Улановского района Турарова Кабыла. Видимо, командиру нравилась способность двух худощавых казахов пластично и легко скользить на животе. Он приказал нам сообщить вспомо-

гательной группе, что будем брать одинокого ракетчика из окопа. Значит, группа должна подползти как можно ближе и в случае необходимости прикрыть похитителей автоматной очередью, отвлекая внимание врага на себя. Когда мы, то укрываясь в моменты освещения, то двигаясь ползком в периоды темноты, вернулись к командиру, он указал нам на место рядом с собой и приказал, оставаясь на месте, отвлечь внимание противника на себя. Выбрав подходящий момент, командир вместе с двумя сильными парнями в считанные секунды очередной темноты рванулся к окопу. Мы успели увидеть, как они в мгновение ока свалились туда к нашей жертве. Дальше – тишина. Внимание всех было обращено в сторону, куда ушли трое, время ожидания показалось вечностью, а на самом деле спустя минуту трое наших и немец проползли мимо. Немецкий солдат с кляпом во рту полз безо всякого сопротивления. Все произошло так быстро, что постовой даже не заметил перерыва в выстрелах ракет.

Через три дня после добычи «языка» в состав войск обеих сторон влились свежие силы. В стане врага происходили изменения, и разведчикам было приказано доставить нового «языка». Обсудив детали исполнения предстоящей задачи, разведчики разговорились:

– Опять будем мучиться в поисках фрица.

– Кто нам его приготовит? Пока найдем да приведем, до дыр протрем гимнастерки на коленях и рукавах.

– Один Бог знает, скольких языков за это время сами лишимся!

– Брось ты разводить бодягу! Как говорил Маяковский, если родился коровой, то у тебя должны быть вымя, а коли стал разведчиком, то обязан принести «языка». Если не нравится, то почему не просишься в стрелковый батальон на переднем крае? Иди туда.

Затем разговор обычно переключался на воспоминания о смешных случаях, происходивших при взятиях «языка», и,

в конце концов, все завершалась шутками и смехом. Вероятно, оттого, что разведчики хотели отвлечься от давящего стресса предстоящего ответственного и опасного задания, они сознательно искали темы для розыгрышей и шуток. Например, разведчик, сходивший по нужде вскоре после поступления приказа о взятии «языка», обычно становился объектом насмешек.

Когда ходишь возле линии фронта на расстоянии досягаемости пуль, то при их свисте невольно нагибаешь голову. Такое движение излишне, потому что человек слышит свист пули уже после того, как она пролетали мимо. Бойцы насмехаются над человеком, невольно пригнувшим голову:

– Он показал, что его скорость выше, чем у пули.

– Нет, он поклонился пролетевшей пуле.

Привыкшие к опасности фронтовики превращали в шутку даже самые серьезные вещи. Но, оказывается, подобная привычка могла привести и к безответственности. Когда во время ночного рейда в тыл врага противник, почуявший наше присутствие, начинал стрелять, и приходилось часами лежать неподвижно. Некоторые и в такой ситуации засыпали и храпели во сне. Позже мы над этим смеялись, но в момент храпа злились. Лежавшим без движения людям мог навредить малейший звук.

В 10-11 часов ночи с шутками-прибаутками, миновав передовую, мы вышли на ничейную полосу, ползком добрались до вражеской половины ничейной территории и вскоре заметили, что кто-то движется навстречу. Командир, решив, что это разведчик фашистов или просто заблудившийся немец, построил взвод в виде полукруга, «мешком», и когда человек вошел в него, при словах командира «Хенде хох!» все вскочили с мест. Немец остался стоять на месте, как вкопанный, даже не подняв рук. Оказалось, нам попался унтер-офицер немецкой армии. Он хорошо владел русским языком и был предан фашизму, верил в его идеалы,

был членом нацистской партии. Пока «языка» вели в штаб, наши разведчики развлекались, «допрашивая» его:

– Зачем ты пришел в СССР?

– По приказу фюрера.

– Ты любишь своего фюрера?

– А ты что, ненавидишь своего Сталина?

– Ты пришел, чтобы захватить чужую землю. Сколько тебе нужно земли? Возьми сколько хочешь.

На эти слова фашист ответил:

– Вы меня убьете, но ваши дни сочтены, осталось совсем немного. Армия Германии скоро захватит Сталинград. Потом падет Москва. Германия все равно победит. Советского государства не станет. Великая Германия даст свободу народам Союза.

Хотя я и знал, что фашистский унтер мне враг и мне была известна его дальнейшая судьба, хотя фашистская идея, в которую он верил, была мне отвратительна, стойкость его патриотического духа была достойна уважения.

Будни разведки

Сведения, полученные от унтер-офицера, видимо, оказались очень полезными, потому что командир дивизии объявил командиру нашего взвода благодарность.

Атаки советских войск на германские силы, производившиеся извне кольца, не приносили результатов. Обе стороны дошли до изнеможения, численность наших войск значительно уменьшилась, поэтому две трети состава взвода разведчиков перевели в роты, на передовую линию. В их число я не вошел, зато попали четыре моих земляка из Семипалатинска. Не желая разлучаться с ними, я пошел с просьбой взять меня с собой к своему бывшему командиру, а теперь ставшему командиром стрелковой роты Смирнову. На что он ответил:

– Эх, Шаяхметов! Я тебя считал за умного парня, а ты, оказывается, дурак! После того, как твои земляки окажутся на переднем крае, ты знаешь, сколько времени они будут твоими земляками?! Самое большее два-три дня. Завтра, а то и сегодня кто-то из них, а то и ты сам встретитесь с вражеской пулей. Если повезет, получишь ранение. Один из вас уйдет в «наркомзем», другой в «наркомздрав», остальные пока останетесь на фронте.

И все-таки я продолжал настаивать, потому что вместо Смирнова командиром взвода разведчиков теперь был назначен наш бывший политрук. Молодой, малообразованный парень из рядовых, пройдя краткосрочные курсы и став политруком, многие вещи путал или делал невпопад. Вначале он приблизил меня к себе, был добр, и мы с ним не раз беседовали на различные темы. Я ему помогал в выпуске стенных газет, беседовал с солдатами взвода, а когда он говорил что-то неуместное, то наедине указывал ему на это и давал советы. Но с некоторых пор он стал смотреть на меня косо, потому я и просился на фронт. Оказалось, Смирнов знал об охлаждении наших отношений. Его вывод был прост: поскольку новый командир оставил меня в числе своих людей, это означало, что я ему нужен. А потому мне лучше остаться во взводе. И я остался.

Как и предсказывал Смирнов, уже вечером следующего дня один из моих четырех земляков был ранен и отправлен в санбат. На следующий день другой мой земляк Бигали Токбурин, раненный в ногу, опираясь на свой карабин, пришел в нашу землянку разведчиков. Его я на своей спине донес до санбата и сдал на руки врачей.

Через несколько дней нашему взводу было приказано перейти вражескую линию и выяснить места расположения в тылу врага штабов, складов, боеприпасов, оружия и многого другого. Для выполнения задания была дана неделя. Чтобы вся группа прошла наиболее безопасным и кратчайшим

путем, надо было этот путь найти методом наблюдения. Это дело возложили на уроженца Читы сибиряка Никулина Костю и меня. Устроившись в специально оборудованном для этого доте, мы стали вести наблюдение, чтобы выявить стрелковые точки автоматчиков, пулеметчиков и пушек на передовой линии врага и дальше в тылу, подсчитывали прибывающих людей и транспорт, круглосуточно следили за легковыми машинами и мотоциклами.

Жизнь людей на переднем крае фронта складывалась по-разному. Нельзя было сравнить функции пехотных стрелков и артиллеристов, разведчиков и музыкантов, жизнь командиров взводов и командиров рот и батальонов, офицеров штабов полка и дивизии. Они сильно отличались и с точки зрения опасности, и с точки зрения материального обеспечения. Имело значение и то, какой это был фронт. Солдаты, сидящие в окопах в густом лесу, и солдаты в окопах на открытой местности подвергались разной степени опасности. Например, к сражавшимся военным соединениям в сталинградской степи невозможно было подойти с тыла днем, потому что все на виду, как на ладони. Если на других фронтах горячую пищу привозили три раза в день, то на Сталинградском фронте – только раз в сутки – с наступлением темноты. Но и в это время враг стрелял из автоматов и пулеметов. А наши безалаберные, нередко не подчинявшиеся твердой дисциплине люди, ходили под свистящими пулями врага и нередко становились их жертвами.

В западной части у Сталинграда не было никаких укрытий, кроме окопов, и никаких примечательных знаков, поэтому солдаты, вышедшие из них на передовой линии, заблудившись в темноте, после долгих поисков бывали вынуждены подать голос, чтобы определить местоположение своих. Им отвечали, и этим пользовалась вражеская сторона, начиная палить в сторону этих звуков из автоматов. В такой ситуации потери практически неизбежны.

Если обратиться к «Книге воспоминаний» Г.К.Жукова, изданной в честь 50-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне, количество погибших на фронте меньше числа пропавших без вести. Конечно, большинство пропали в фашистском плену. И все же немало было тех, кто безвестно погибли на линиях обороны. В их числе раненые, не найденные никем и оставшиеся на полях сражений.

Они так и умирали в одиночестве, а позже причислялись к пропавшим без вести. Я сам лично во время разведочного рейда встретил двух таких человек. Одного, пролежавшего на поле более двух суток, сдал санитарам, собиравшим раненых, а судьба второго достойна жалости. Мы нашли его однажды вечером в поле, идя в разведку. Это был казах из Семипалатинской области. Аксуатский парень, раненный в тазовую область, два дня пролежал без медицинской помощи. Хотя мы видели его тяжелое состояние, но, выполняя срочное боевое задание, не могли помочь сразу. Командир не согласился выделить для этого людей, и я обнадежил парня, пообещав на обратном пути обязательно его забрать. Этот бедняга, заранее поблагодарив нас, выразил свою радость такими словами:

– Вас послал мне сам Бог. Видимо, еще поживу.

К сожалению, когда на рассвете мы возвратились, он уже скончался. Выдержав двое суток, раненый не смог осилить третью осеннюю ночь.

Чтобы разоблачить замыслы врага, стоявшего в обороне, применялся метод разведки боем. Встревожив фашистов малыми силами, принуждали их раскрыть свои карты. Этот вид разведки требует смекалки и находчивости. Правда, существует опасность, что противник может полностью уничтожить отряд или пленить кого-то из разведчиков. Здесь необходимо умение как можно шире расположить свои незначительные силы и создать видимость присутствия в ночной темноте большого количества людей. Следовало шу-

меть, почаще стрелять, кричать «ура», стучать и так далее. Враг, принявший эти действия за крупное наступление, мог использовать все имевшиеся ресурсы. Если при этом обнаруживались замаскированные орудия, из которых были произведены выстрелы, цель разведки была достигнута. Но случалось, что не удавалось узнать, где расположены вражеские орудия, а часть людей потеряна. Удача сопутствует не всегда, нередко она отворачивается.

Хотя на фронте каждую секунду подстерегала смерть, бывали удивительные моменты везения, тоненькие, как самый узкий солнечный луч. Казахи говорят о них: «еще водицы попьем». Таких моментов у меня было четыре. Первый случай связан с единственным в этой округе родником. Я пошел к нему и увидел сгрудившихся солдат, наполнил посуду водой и ушел. Фашисты, будто ждавшие моего ухода, обстреляли толпу из пушек, и снаряд, попавший прямо в родник, разнес в клочья стоявших рядом людей. Никого не осталось в живых.

Во второй раз ангел-хранитель спас меня, когда в разведке в ожидании удобного момента в темноте кто-то из нас шевельнулся и враг стал стрелять. Мы пустились наутек. Немцы строчили в сторону звука шагов бегущих людей, и всем пришлось лечь на землю. Свистящие пули рыли возле моей головы песок, комья земли летели прямо в лицо, но пули обошли меня стороной.

В третий раз мне посчастливилось, когда немецкие пушки интенсивно обстреливали нашу линию фронта шрапнелью, и один осколок обдал мой лоб своим горячим дыханием, а затем пронзил насквозь каску, в которой я держал руки, лежа на дне глубокой траншеи. Я тогда был на волосок от смерти. Четвертое чудо – путь вражеской пули, ранившей меня.

«Подарок» немецкого снайпера

Когда на фронте утихали двусторонние, напряженные бои и противники стояли в глухой обороне, все равно обе стороны, как кошка и мышка, чутко следили друг за другом, пытаясь нащупать слабые места. Батальоны нашего полка в наступлении в ночь на 26 сентября немного подвинули немцев и заняли дно глубокого оврага, где текла вода. Место было неудобно для сообщения с тылом. Полянка между вырвавшимися вперед и основными силами хорошо просматривалась, и враг расстреливал всех, кто делал попытку добраться до своих. Наше начальство выходило из себя, не зная, как добраться до оврага, доставить туда пищу и забрать раненых. Начальник разведывательного отдела штаба приказал нашему взводу найти безопасный путь к войскам, находившимся на переднем крае. Поскольку прямой путь был перекрыт, мы должны были пробираться с боков и заносить возможные пути на карту. Во время поиска путей подхода с левого фланга мы, трое разведчиков, не ползли, а по большей части шли в полный рост, перебежками. За эту нашу браваду пославший нас капитан, перед тем как дать второе задание, пожурил нас, будто жалея, а может, действительно заботился о нашей безопасности:

– Что, смерти ищете? Почему ходите, а не ползаете? Враг не дремлет!

Обследование подходов справа мы стали выполнять по всем правилам. Ползком пробрались к подбитому вражескому танку. Прежде случалось, что мы добегали до такого танка, прятались под ним или забирались внутрь и ребячески целились по вражеской линии, но в этот раз учли замечание капитана и медленно ползли друг за другом, как утка с утятами. Тем не менее моего друга Костю Никулина вражеский снайпер взял на прицел и пытался расстрелять одиночными выстрелами. Я смотрел на друга и переживал: «Теперь он

пропал!» И вдруг будто кто-то ударил меня толстой палкой прямо по пояснице. Резко повернул голову назад, но никого не увидел. И тут с обоих боков потекла теплая жидкость, и я понял, что ударила меня вражеская пуля. Грозила опасность получить вторую пулю, следовало скорее уйти с этого места, но ноги не подчинялись. Я повернулся к находившемуся поблизости окопу и лежал без движения, глядя в ту сторону, откуда стрелял снайпер. Казалось, что я стану сейчас его мишенью. Третий разведчик, ползущий за мной, успел укрыться в окопе и, боясь показываться из него, осторожно протянул мне штыковую сторону винтовки. Я ухватился за штык, и он, подтянув, спустил меня на дно окопа, где друзья перевязали мою рану. Было 15 часов 26 сентября 1942 года. С этого часа я перешел в категорию раненых.

Придя в себя, мы стали анализировать ситуацию и пришли к выводу, что вражеский снайпер, увидев ползущего впереди Никулина, стал стрелять в него, а меня не видел. Потом заметил солнечные блики, отраженные стереотрубой, прикрепленной к моему ремню на поясе, и выстрелил в нее. Пуля, попавшая мне в левый бок, вышла справа и разорвала ремень надвое. Когда я сменил положение, снайпер, потеряв солнечный блик, перестал стрелять. Фронтовые друзья, положив меня на шинель, постарались скорей доставить в укромное место, где не настигнет пуля врага. Пока добирались, немцы несколько раз обстреливали нас.

На войне от друга нередко зависит твоя жизнь. Дружескую заботу я ощутил с того момента, как потекла из моих ран теплая кровь, а ноги потеряли способность двигаться. Не отдавая в руки фронтовых санитаров, друзья унесли меня в безопасное место. Во взводе разведки ребята, узнав о моем ранении, собрались, чтобы попрощаться, а затем, достав подводу, повезли в санбат, за несколько километров. Костя Никулин сам сдал меня на руки врачей.

На фронте за войсками идет и собирает на поле раненых

санитарная команда. В мелких стычках во время обороны они не бывают на переднем крае и найти их нелегко. Раненых, не способных двигаться самостоятельно, доставляют в медсанбат чаще всего товарищи. И я благодарен своим фронтовым друзьям, позаботившимся обо мне.

Путешествие после ранения

Во время вынужденного невеселого путешествия в «наркомздрав» раненые встречают различное к себе отношение. В таких ситуациях и в себе обнаруживаешь новые стороны характера. Обычно больной человек не отправляется в путешествие, потому что в дороге заболеет еще больше, а для раненых, у которых раздроблены кости или поражены основные органы, путешествие в санбат – жизненная необходимость, хотя оно приносит невыносимые мучения. Как показывает жизнь, человек, подобно раненой собаке, все терпит и все выносит. И я, один из миллионов раненых, хочу поделиться рассказом о том, что испытал.

Обязанности санитарного батальона – приняв раненого и открыв первичную перевязку, сделать обработку, выяснить степень тяжести ранения и создать первичный медицинский документ. Врач полкового санбата, оказав первую медицинскую помощь, вручил мне свидетельство о ранении. На листке, отпечатанном типографским способом, было перечислено множество видов возможных ранений, и врач подчеркнул слова: «пулевое, сквозное ранение в области поясницы с повреждением живота». Такого вида ранений на фронте все боялись, потому что жили такие раненые лишь три-четыре дня. А я, хотя и осознавал опасность, почему-то не очень волновался.

Я лежал в брезентовой палатке, куда меня принесли на закате дня, а с наступлением темноты с еще одним раненым

отправили куда-то на санитарной машине. Поднялась температура, я находился между сном и явью, бредил и, временами приходя в сознание, слышал собственный голос. Осталось в памяти: из-под нар подо мною доносился стон, а из окна санитарного автобуса виднелся лик полной луны. Ехали долго.

Потом меня сняли с автобуса, внесли в большую брезентовую палатку, положили на стол перед людьми в белой одежде и стали раздевать. Не говоря мне ни слова, люди в белых халатах открыли мою рану и, о чем-то переговариваясь между собой, стали ножницами срезать, как войлок, торчащие лохмотья моей раны. И тут я потерял сознание. Не знаю, сколько времени пролежал в забытьи. Пришел в себя от гневного окрика: «Почему на него не надели рубашку, он же без сознания?!» Меня одели и перенесли в дивизионную санитарную палату. Палата была заполнена такими же лежащими на носилках ранеными, как я.

На следующее утро нас погрузили вместе с носилками рядами в кузове автомашины, на свободное место разместили ходячих больных и отправили в дорогу. Мучения этой поездки не передать словами. Сломанные кости и раны, болевшие при малейшем движении, при тряске на ухабах приносили боль невыносимую, казалось, будто вот-вот наступит конец. Если бы вы слышали крики и стенания лежащих и сидящих в кузове людей! Одни теряли от боли сознание, другие материли шофера: «Ты что, мать твою, дрова везешь?» Орущих и стонущих раненых солдат доставили таким образом в другой полевой госпиталь. Поступивших сразу «сортировали» на открытой площадке. Врач, проходя вдоль носилок, определял, куда кого направить. Посмотрев мою карточку о ранении, сказал: «Его в школу!» – и два дюжих санитара понесли меня.

Школой оказался небольшой двухкомнатный дом, где на носилках и прямо на полу лежали тяжелораненые. Некоторые из них бредили. Весь дом был наполнен стонами,

бредовыми криками и воплями от невыносимой боли, усилившимися к ночи. «Мама!!», «Маша!», «Сынок!», «Дочка!» – раздавались зовущие голоса. С ними мешались голоса «идущих в бой»: «В атаку!», «За Родину!», «За Сталина!»

К утру среди этого шума я, вконец измученный, уснул. Утром санитары унесли 5-6 ставших бездыханными тел. Мне захотелось по нужде. Это желание пришло спустя трое суток после ранения. Медсестра принесла судно и помогла мне справить нужду, а когда спустя час пришел врач осмотреть наши уменьшившиеся ряды, она доложила ему об этом. После услышанного врач распорядился унести меня обратно на площадку, где лежали люди на носилках.

Оказалось, вчера врач, сортировавший раненых, читая мою карточку, решил, что у меня повреждены кишки, и, значит осталось жить считанные часы, поэтому отправил в школу, в место для умиравших. Но поскольку я сегодня сходил по большой нужде, это свидетельствовало, что кишки у меня целы. Пуля немецкого снайпера прошла, не задев внутренние органы – это было моим четвертым везением.

Мы пролежали на площади под открытым небом весь день и к вечеру стали мерзнуть. Главный врач полевого госпиталя велел привезти на телегах солому и укрыть ею раненых, лежавших на носилках в два ряда длиною не в одну сотню метров. Под соломой мы согрелись и хорошо проспали ночь. Эта забота спасла жизни многих, ведь люди потеряли много крови, перенервничали и были ослаблены.

На следующий день после завтрака нас опять погрузили в кузова грузовых машин и, стонущих, кричащих, повезли на станцию, а вечером мы уже ехали в вагоне товарного поезда. Полы вагона были устланы соломой, на них раненые лежали рядами на носилках. Роль санитаров выполняли красноармейцы, способные передвигаться сами. Они поили лежачих больных водой из кружки, а если требовалась срочная помощь, вызывали единственного на весь эшелон фельдшера.

Положение раненых в вагонах было тяжелым: духота, жара, нет еды, а главное – у многих раны нагноились, отекли. У некоторых в ранах завелись черви, и они особенно мучились. Лежавшим в носилках помочь было некому. Стало трудно справлять естественную нужду. Испарения и запахи от нагноившихся, зачервивевших ран, от давно немытых тел, от испражнений – все это смешалось в невыносимую вонь. А главное, наш поезд то и дело бомбили немецкие бомбардировщики. Им было понятно, что за груз везут поезда с фронта, но немцы старались уничтожать даже составы с ранеными. Особенно запомнилась одна бомбежка. Когда фашистские летчики, определив в ночи поезд по огням паровоза, стали сбрасывать бомбы, машинист, отцепив паровоз, отъехал подальше от состава. Он думал тогда не о своей жизни, а хотел обмануть врага, переключив внимание летчиков с вагонов на паровоз. Но летчики, высмотрев эшелон, не стали гоняться за паровозом, а продолжали бомбить состав. Слава Богу, их бомбы не попали в цель, хотя вагоны буквально плясали на рельсах от страшных ударов взрывов.

Поезд двигался очень медленно, подолгу простаивая на каждой станции и даже в голой степи. Он уступал путь поездам, идущим на фронт, ждал ремонта рельсов, исковерканных бомбежками. Пока ехали, как только поезд останавливался на станциях, в двери вагонов заглядывали люди, в основном женщины и дети школьного возраста. Иные смотрели с любопытством, но многие приносили ведра, полные помидоров, огурцов и другое съестное в узлах и оставляли со словами: «Ешьте, дорогие ребята. Это все, что мы имеем. Больше дать не можем». А были и такие, кто предлагал это купить. Услышав, что денег у нас нет, изъявляли готовность менять продукты на одежду. Раненые снимали с себя гимнастерки, ботинки, белье и меняли на продукты. Бессовестные люди обменяли на продукты даже единственный ботинок с ноги одноногого солдата.

В госпитале

Так, «торгуя», страдая и издавая вонь, мы приехали в город Балашов в Саратовской области. На грузовиках нас привезли во двор школы, превращенной в госпиталь. Точного количества раненых не знаю, но только те, что прибыли на носилках, заполнили весь обширный школьный двор от крыльца до ворот. Больных было так много, что я, не самый последний в очереди, только к полночи попал на стол хирурга. Можно было восхищаться терпением и мужеством раненых солдат, осенний день, вечер и полночи пролежавших под открытым небом. Не меньшее восхищение и уважение вызывали профессиональные и человеческие качества санитаров и врачей, сутками напролет несших свою нелегкую вахту. Они принимали, обмывали раненых, обрабатывали раны и лечили нас заботливо и терпеливо.

Для человека, в течение трех месяцев не видевшего ничего, кроме деревянных нар эшелона и земляных окопов, забывшего, что такое теплая постель и теплая вода, поистине райским наслаждением были чистая одежда и мягкая постель! Госпиталь в Балашове был сортировочным. После десяти дней лечения нас рассортировали по степени сложности ранения. Серьезно раненых, нуждавшихся в длительном лечении, отправляли в другие госпитали, а остальных оставляли долечиваться на месте. Меня погрузили в эшелон, идущий в восточном направлении. Хотя мое ранение было причислено к категории тяжелых, мне было все же легче, чем тем, кто лишился ног, у кого раздробило тазовую кость или пулей прошило грудь. Хотя пуля, прошедшая поперек поясницы, не задела кишки и внутренние органы, я не мог двигать поясницей, не мог ходить и считался тяжелораненым. При виде моей раны врачи госпиталей всегда удивлялись. Если бы пуля прошла по горизонтали выше хотя бы на полсантиметра, то задела бы спинной мозг и были бы навеки

обездвижены мои ноги, а если бы на полсантиметра ниже, то прошила все кишки, и я через два-три дня распрощался бы с жизнью. Если бы пуля прошла по вертикали на два сантиметра выше, то вывела бы из строя обе почки, а если на один сантиметр ниже, то поразила бы мочевой пузырь. Любой из этих вариантов принес бы неизбежную смерть. Обсуждая их, врачи говорили мне:

– Это чудо, что пуля прошла так удачно, такое счастье встречается лишь раз на тысячу вариантов. Ты, товарищ красноармеец, счастливый человек!

Понятие счастья многообразно. Оно может охватывать все стороны жизни человека: семью, работу, общественную жизнь, достаток и так далее. Человек, у которого исполнилось желание, считает это счастьем, и мой случай с удачным попаданием пули немецкого снайпера тоже можно считать счастьем.

…Наш санитарный поезд шел на восток. На этот раз он был составлен из обычных пассажирских вагонов. На первой и второй полках лежали раненые, не способные самостоятельно передвигаться. Те, кто могли ходить, расположились на третьих полках. Спустя десять суток с Поволжья мы добрались до Новосибирска, но в этом городе в госпиталях не оказалось мест, и через сутки мы оказались в городе Сталинске, ныне Новокузнецке. На календаре было 22 октября 1942 года. На улице снег и мороз. Сотрудники местного госпиталя приняли нас совершенно по-особому: всю нашу одежду сняли еще в вагонах, раненых завернули голыми, в чем мать родила, в специально для этого сшитые из толстой материи ватные халаты-мешковины и понесли на руках, как младенцев. Нас помыли, одели в чистую одежду и положили в палаты.

В военные и послевоенные годы в советских госпиталях проявляли очень серьезную заботу о больных и раненых, делая все возможное для восстановления их здоровья, и достигали больших успехов в этом благородном деле. Это

мнение не только их бывших пациентов, но и выводы зарубежных исследователей.

Помимо медперсонала, прилагавшего все усилия для выздоровления раненых, бойцам поднимали настроение и способствовали скорейшему восстановлению их сил производственные коллективы города, всячески проявляя о нас заботу. Их работники часто посещали нас, приносили гостинцы, устраивали концерты.

Постоянной темой госпитальных бесед был ход войны на фронтах страны. Успешные действия нашей армии радовали, а неудачи вызывали горечь и досаду. Когда мы услышали об окружении и разгроме немецких войск под Сталинградом, нашей радости не было предела. Вспомнили обещание Сталина: «И на нашей улице будет праздник!»

Другая важная тема разговоров – отпустят ли нас после лечения домой? У всех была эта голубая мечта – хотя бы на несколько дней съездить домой. Еще одна животрепещущая тема разговоров – письма от родных и близких, обсуждение полученных от них новостей. Если приходили письма с добрыми вестями, то все сообща радовались. Когда молодые, холостые парни получали письма от любимых девушек, то были счастливы. Но случалось, раненые бойцы узнавали из письма, что изменила любимая девушка или нашла себе другого супруга. Такие новости плохо сказывались на состоянии людей, к физическим ранам добавлялись сердечные. В этих случаях все находящиеся рядом успокаивали, утешали, пытаясь облегчить душевные страдания бойца. Иные из раненых хотели получить хоть какую-нибудь весточку от родных. Неизвестность мучила уроженцев западных регионов страны, чьи близкие остались на территории, захваченной врагом.

В небольшом мирке госпиталя, несмотря на войну и страдания, как и повсюду кипела жизнь. Между ранеными, медсестрами и местными девушками происходили зна-

комства, ухаживания и женитьбы. Непригодные к военной службе, возвращаясь домой, увозили невест или молодых жен с собой. А те, кому ехать было некуда, оставались жить в Сталинске с родителями любимой женщины.

На охране военного завода

Моя рана зажила за полтора месяца, но поясница не сгибалась, я не мог свободно наклоняться, не мог поворачивать туловище влево или вправо. Медицинская комиссия признала меня пригодным к нестроевой службе и отправила в ведение городского военкомата. Военкомат послал меня в отряд, охранявший самый крупный в Западной Сибири Кузнецкий металлургический комбинат (КМК). Комбинат с начала войны был перепрофилирован для производства вооружения. Там делали самолеты, бомбы, снаряды, мины и несколько видов патронов.

Хотя отряд охранников работал в военном режиме и делился, согласно военному уставу, на роты и взводы, мы получали, как и рядовые граждане, месячную зарплату и обеспечивались продовольственными карточками. Месячная зарплата и продовольственная карточка не давали возможности питаться калорийно, к тому же жизнь донельзя усложняли крепкие сибирские морозы. Тонкая шинель, выданная при выписке из госпиталя, и ботинки с обмотками не защищали от холода. Только выйдешь в этой одежде на улицу, как мороз начинает щипать ноги и спину. В основном мы охраняли заводские цеха, но иногда приходилось охранять объекты на улице. В этих случаях выдавались валенки и тулуп, поскольку сильный мороз показывал настоящую кузькину мать. Для тех, кто как я недавно выписались из больницы и питались низкокалорийной пищей, чья одежда не была приспособлена к сибирским морозам, работа в

охранном отряде была очень нелегкой. За время суточного дежурства надо было выстоять на посту в общей сложности 16 часов: 4 часа стоишь, 2 часа отдыхаешь и снова стоишь. От такой жизни побывавшие на фронте мечтали туда вернуться. И все же Сталинск, измучивший меня морозами, оставил и приятные воспоминания. В течение трех месяцев я с упоением читал книги из городской библиотеки, познакомился с творчеством местных сибирских писателей, известных всему миру. Читая их, я удивлялся, почему у нас в Казахстане не издаются книги наших писателей.

В Сталинск были эвакуированы из западных регионов страны несколько крупных культурных учреждений, в том числе Ленинградский театр оперетты. В нем я впервые услышал классическую сценическую музыку в оперетте «Летучая мышь». В этом сибирском городе я также впервые увидел постановки драматического столичного театра, эвакуированного сюда в начале войны.

Из Сибири – в Таджикистан

Через три месяца медицинская комиссия признала меня выздоровевшим и пригодным к строевой службе, и в составе отобранной военкоматом команды меня отправили в Новосибирск. Наша «45-я команда» заполнила целый пассажирский вагон. Она состояла из рабочих военных заводов, остававшихся до сей поры по специальной брони в тылу и таких же как я, бывших фронтовиков, недавно выписанных из госпиталя. В Новосибирске нас по номеру команды нашли лейтенант и старшина с зелеными петличками – представители пограничных войск, приехавшие из Таджикистана. Они стали нам расхваливать интересную жизнь пограничников, сетуя, что в военное время государство вынуждено уделять мало внимания пограничным войскам, и солдат

там не хватает. Тут же они обратили внимание на отставших от своих подразделений солдат. На Новосибирском железнодорожном вокзале, как и на любом другом, где ежедневно проходило множество эшелонов, их было видимо-невидимо. Отставших, как и положено, собирал на станции военный комендант и присоединял к очередному эшелону, направлявшемуся на фронт. Мы же без лишнего шума брали отставших под свое покровительство, приводили в свою «45-ю команду» и регистрировали. Так мы «выкрали» около десятка солдат. Наши действия во время войны могли счесть за преступление. Выкраденных обвинили бы в дезертирстве, а тех, кто это делал, обвинили бы в подрыве сил фронта. К нашему счастью, никто ничего не заметил. Зато пограничные войска пополнились десятью солдатами. Это было похоже на анекдотичные действия Ходжи Насреддина, который выкрал самого себя.

Весь железнодорожный транспорт подчинялся военному уставу – все пути на фронт были открыты, а ехавшие в других направлениях ждали поезда неделями. Наша военная команда терпеливо дожидалась отправления своего поезда. Когда пассажиров на крупных станциях собиралось слишком много, станционное руководство составляло из пассажирских вагонов дополнительный так называемый 501-й поезд. Двигался он медленно, из-за отсутствия паровоза простаивал на станциях сутками. Неслучайно его прозвали «Пятьсот первый веселый». Этот «веселый» поезд шел из Новосибирска до Ташкента почти две недели.

Во время войны по всему Советскому Союзу, кроме колхозов, люди получали продовольствие по карточкам, от 200 до 800 граммов хлеба на человека. Его можно было купить только в тех магазинах, к которым эти карточки были прикреплены. В других местах талоны были недействительны, поэтому отправлявшимся в дорогу необходимо было брать с собой продукты. По дороге достать продукты было почти

невозможно: даже если и найдешь, то цены на них достигали небес. Военным в крупных городах, где останавливался эшелон, выдавали сухие пайки на несколько дней вперед. Вместо суточного пайка можно было один раз поесть горячий обед в столовых на крупных станциях.

Всегда полуголодные солдаты искали дополнительные источники питания. Не имея ни гроша в кармане, солдат всегда был готов поменять на еду свою одежду или личные вещи. Ребята из нашей команды сразу принялись совершать бартерные сделки, руководствуясь тем, что ехали в теплые края, и зимняя одежда им вряд ли понадобится, а на новом месте выдадут другую одежду. Если даже и накажут, то дальше фронта не пошлют. Обменяв верхнюю одежду на продукты, некоторые остались в исподнем. Новобранцы из гражданских, согласившись с этими аргументами, тоже обменяли свою одежду на еду. Команда осталась полуголой.

– Куда я вас спрячу, когда приедем? Как пойдете по улицам в таком виде? – причитал офицер, сопровождавший нас. Ему ничего не оставалось, кроме как молить Бога, чтобы поезд прибыл в Сталинабад ночью. Видимо, мольбы офицера были услышаны верховной канцелярией, и полуголая «команда № 45» прибыла в столицу Таджикистана, Сталинабад, ныне Душанбе, ночью десятого апреля.

Старший лейтенант, не позволив полуголой команде выходить из вагонов, вызвал из своей воинской части автомашины, которые всех отвезли прямо в баню. Через час-другой нас, чисто вымытых, облачившихся в форму пограничных войск, было не узнать.

В годы войны многие люди не имели возможности соблюдать в пути личную гигиену, поэтому всегда существовала опасность вспышки эпидемии среди населения. В целях профилактики перед въездом в крупные города, являвшиеся конечным пунктом маршрута поезда, пассажирские вагоны и их пассажиры подвергались дезинфекции. Если кто-то

в пути заболевал, то вагон с этим больным изолировался от других, и пока не выясняли, что это за болезнь, вагон оставался на станции прибытия. Пассажиры из этого вагона выпускались только после тщательного обследования. Если болезнь оказывалась незаразной, то вагон присоединяли к следующему составу того же направления. Так, в Бухаре мы в своем вагоне просидели два дня. Благодаря жесткой профилактике за все 4 года войны эпидемий на территории Советского Союза ни разу не случилось. Кстати, всю оставшуюся одежду нашей полуголой команды сложили в кучу во дворе бани, облили бензином и в целях профилактики сожгли прямо на глазах недавних владельцев.

Мы прибыли в распоряжение 45-го кавалерийского полка, расположенного на окраине города. Вот почему наша команда носила этот номер, а «кавалерийский» – было просто название, оставшееся от прежних времен. Хотя состав полка был не полный, лошадей на всех бойцов все равно не хватало: на трех солдат приходилась всего одна. Конный полк передвигался преимущественно пешком.

В 45-м кавалерийском полку нас стали обучать приемам работы пограничников в процессе несения службы на заставе. Спустя две недели по прибытию нам объявили, что на границе Таджикистана с Афганистаном собираются дезертиры, скрывающиеся от службы в армии, чтобы перейти границу. Для захвата беглецов были посланы опытные солдаты-пограничники и новички, бывшие фронтовики. Нас всех посадили в кузова грузовых машин и отправили на границу. Из этого путешествия больше всего запомнились дорожные мучения. Наш путь пролегал через Комсомолабад, Курган-Тюбе, Куляб. В 50-60 километрах от Сталинабада дорога превратилась в сплошные кочки и рытвины. По ней не только машине, а и телеге трудно было проехать. Такая дорога доступна разве что ослиному каравану, поэтому в некоторых местах вдоль реки Вахш и на горных пере-

валах солдаты шли пешком, а шофер вел машину порожняком. Путь в 250-270 километров был преодолен за 14 часов.

То ли слухи оказались неверными, то ли за время, пока отряд добирался сюда, беглецы ушли в другие места, но следов дезертиров обнаружено не было. Походив по горам два дня, команда пришла в пограничную комендатуру, и там нас застало решение командования не возвращать нас в полк в Душанбе, а оставить на пограничных заставах. Так я стал служить на границе.

Несмотря на трудное военное положение, пограничников обеспечивали продовольствием заметно лучше, чем другие рода войск. Новички поражались, видя в столовой нарезанный хлеб, лежащий горой. Здесь не было нормированных пайков, выдаваемых в руки, как на фронте.

На пограничной заставе

Меня вместе с пятью товарищами определили в ведение 2-й заставы 13-й отдельной пограничной комендатуры на территории Шурабадского района Кулябской области. Служба на пограничной заставе показалась мне легче, чем на фронте. Мы были избавлены от скудного, нормированного питания, от тупой ходьбы строем. На заставе не было «отбоя» по ночам, когда всех солдат, подобно овцам, загоняли в казармы, не было ночных «тревог», бьющих по нервам, и утренних «подъемов». Зато когда подходила очередь, то, невзирая на время суток, пограничник был обязан в течение 8 часов нести службу по охране государственной границы. Приходилось ночь напролет лежать без звука и движения, не спать и не дремать – это одно из самых тяжелых испытаний на свете. Спать во время дежурства нельзя: пограничника могут убить нарушители границы, а если обнаружат спящим свои, то готовься к суду трибунала.

Все хозяйственные дела на заставе: работа по содержанию казармы, уход за лошадьми – все это лежало на солдатах. Плюс к тому ежесуточно 2 часа отводились учебно-тренировочным занятиям. Каждый солдат-пограничник имел право отдыхать 8 часов в сутки, плюс один час официально отводился на его личное время. Этот режим нарушался лишь в чрезвычайных ситуациях.

На заставе проводились обязательные кавалерийские тренировки. Они были сложными, от них все уставали, особенно тяжело приходилось тем, кто раньше не ездил на лошадях. Другой трудностью был жаркий климат. Приехавшие из Сибири и с Алтая акклиматизировались с трудом. Жара уже в начале мая действовала на нас, как горячая баня. А мучения летних месяцев не передать словами.

В тот период, в 1943-1944 годы, отношения между Афганистаном и Советским Союзом были мирными, и на границе было спокойно. По обоюдному согласию государств право урегулирования мелких пограничных конфликтов было предоставлено местному военному начальству на границах. Проблемы решались в рабочем порядке, обычно они касались скотины. Скот местного населения нередко переходил пограничную реку и оказывался на сопредельной территории. Особенно часто «нарушали» границу бугаи и жеребцы. Мирные соседи всегда были готовы отдать перешедшее границу животное. Чтобы урегулировать возникшие проблемы, стороны встречались. Поскольку в то время между странами не было ни телефонной, ни радиосвязи, то сторона, у которой имелись претензии, желая обсудить их, поднимала белый флаг и, получив ответ согласия, переходила через границу.

Оба государства внешне проявляли друг к другу дружеские намерения и поддерживали мирные взаимоотношения, но тем не менее оба тайно посылали друг к другу разведчиков. Насколько я мог судить, с нашей стороны проявлялась

большая активность. К этой работе пограничники не имели никакого отношения, это дело разведки и контрразведки. Когда разведчики должны были перейти на ту сторону через определенный участок границы, об этом знал только один ночной наряд. Их просто предупреждали:

– На вашем участке границы, возможно, пройдет один наш человек, не вздумайте поднимать шум!

Служба на заставе шла неплохо. Я был дисциплинированным бойцом, аккуратно выполнял все хозяйственные и общественные обязанности. На заставе у меня появилась возможность переписываться с семьей, с друзьями, с товарищами на фронте. Когда постоянно меняешь адреса, то сам пишешь, но от других вестей не получаешь, а ведь письма от близких людей – огромная радость. В армии существовал ритуал – вручать письма адресату только после танца, но нередко письма приносили горе. Семьи сообщали о том, что пришли «похоронки» на отцов, братьев, других родных и близких. В таких случаях мы, трое казахов, служивших на этой небольшой заставе среди представителей других народов СССР, по казахскому обычаю выражали соболезнование, пытались поддержать горевавших парней, ходили вместо них в наряд. Это начинание понравилось начальству заставы, а позже стало традицией в коллективе.

Пограничник был обязан знать в лицо все население в кишлаках за 30-40 километров от границы. Для этого приходилось объезжать эти селения, проверять состав жителей, беседовать с ними. Таджики, как и все азиатские народы, были от природы мирными, спокойными и гостеприимными. К тому же – глубоко религиозными, и гостю-мусульманину они были готовы отдать все. Таджики, которых мы знали, возможно, из-за отдаленности от центра, были в большинстве своем неграмотными. В кишлаке трудно было найти человека, знавшего русский язык. В селениях жили одни женщины, старики и дети, поскольку мужское

население было на фронте. Все они выглядели подавленными, угрюмыми, много работали и сильно уставали. В тот период они не голодали, но одежда у всех была совершенно ветхою и в домах царила нищета. Как я заметил, крайняя бедность делает человека скрытным и нелюдимым.

У казахов есть пословица: «Если дыра на дыре, то считай – достоинства лишился». В кишлаках я видел женщин в лохмотьях, через которые проглядывало тело, и содрогался от жалости и ужаса. Дошло до того, что проблема одежды для народа рассматривалась на чрезвычайном заседании правительства Республики Таджикистан. Была создана Государственная комиссия, исследовавшая положение на местах. Комиссию во главе со вторым секретарем компартии республики в полосе пограничных зон сопровождала охрана из солдат-пограничников, в числе которых был я. И я невольно стал свидетелем разговора членов комиссии. Второй секретарь таджикской компартии Курбанов спросил у местных районных руководителей, сколько нужно хлопка, чтобы одеть одного человека в рубашку, брюки, халат? Ему ответили: «4 кило». Умножив эту цифру на количество населения в области, Курбанов пообещал, что такое количество хлопка будет выделено и доставлено в каждую семью, чтобы люди изготовили для себя одежду. Вскоре населению был роздан неочищенный хлопок, и местные жители к концу зимы оделись в хлопковые одежды собственного изготовления.

Летом 1943 года по Таджикскому округу пограничных войск объявили о наборе студентов в Московский институт иностранных языков из числа рядовых пограничников, имевших среднее образование. Я оказался в числе тех, кого рекомендовали для получения путевки на учебу. Выпускник института, овладевший языками сопредельных государств – афганским и иранским – обязан был возвратиться в качестве переводчика в округ, выдавший путевку. У меня не

было никакого желания учить пушту, дари или персидский язык, и к тому же мне не хотелось после учебы ехать к далеким от родных мест горам Памира. Если бы предложили изучать арабский или китайский язык, то я бы согласился.

Иногда человек отказывается от удачи, идущей к нему прямо в руки. Это может произойти из-за легковесного, непродуманного до конца решения. Грузинский парень, вместе со мной служивший на заставе, долго и упорно агитировал меня ехать вместе с ним в Москву учиться в институте иностранных языков. Он уверял, что после поступления можно будет выбрать другой, желаемый факультет, но я сомневался, что нам дадут право выбора, и отказался. Грузин уехал в Москву учить пушту и дари, на которых говорят в Афганистане, и вскоре написал, что сдав экзамены, выбрал для изучения арабский язык. Это был единственный случай в моей жизни, когда я сильно пожалел о своем решении.

А теперь хочу рассказать об одном смешном случае. Начальник нашей заставы украинец Мигуля до войны служил в Восточно-Казахстанской области на заставе Катон-Карагайского района, затем окончил специальные курсы, получил звание младшего лейтенанта и был переведен в Таджикистан. Однажды он уехал в командировку, а я в те сутки заступил на дежурство по заставе. В мои обязанности входило вовремя менять дежурных, контролировать их работу, будить тех, кто идет в наряды (пограничники должны обязательно два часа отдохнуть перед каждым нарядом). В ту ночь не было на месте и начальника соседней заставы, чем воспользовались дежурившие там солдаты. Они звонили и разыгрывали меня, мастерски имитируя голос нашего Мигули, и в конце концов очень надоели. И когда среди ночи раздался очередной звонок и кто-то голосом, очень похожим на голос нашего начальника заставы приказал доложить обстановку, я ему ответил: «Перестань болтать, повесь трубку и сиди себе спокойно!» А он мне: «У меня сбежал конь,

пришлите мне коня!» А я в ответ: «Ничего страшного, иди пешком!» Тот возмутился: «Шаяхметов! Ты в здравом уме?! Я же Мигуля! Ты почему не слушаешься меня?! Если мне не веришь, не узнаешь мой голос, позови мою жену!» А я ему:

– Ишь, бабу захотел. Сначала стань начальником, потом женись на бабе. Тогда я тебе позову твою бабу! Не мешай мне работать, не звони больше! – с этими словами я положил трубку и вышел на улицу. Это был мой ответ, как я был уверен, дежурному с соседней заставы.

Поскольку пришло время очередному наряду отправляться на охрану государственной границы, а ставить задачу и отправлять в наряд имел право только начальник заставы и его зам, я разбудил заместителя. Его вскоре позвали к телефону. Закончив разговор, заместитель спросил, почему я нагрубил начальнику заставы. Он приказал снять меня с дежурства и посадить на гауптвахту. Мигуле была послана лошадь, а пока он едет, мне велели идти в казарму отсыпаться. Я пошел спать и проснулся от сотрясавшего казарму хохота парней. Оказывается, начальник заставы пересказывал им наш разговор по телефону. При виде меня Мигуля повторил весь наш диалог и снова рассмешил всех до колик. Он уже знал причину моего поведения и простил мою невольную грубость. На гауптвахту меня не посадили, а на заставе долго весело смеялись пограничники.

Возвращение из госпиталя

С мая 1944 года у меня стали побаливать суставы рук и ног. Поначалу я не придавал значения этим болям, а они все усиливались, постоянно была высокая температура. Наконец, не выдержав страданий, я лег в больницу пограничной комендатуры. Доктора, обследовав меня в течение месяца, не смогли поставить диагноз и дали направление

в окружной госпиталь в Сталинабад. Одномесячное лечение в окружном военном госпитале не принесло облегчения. Напротив, суставы ног перестали сгибаться, мучили ужасные боли, ходить я мог только на костылях. Медицинская комиссия признала меня негодным к военной службе. Обезумев от радости, я послал телеграмму домой. Но, как вскоре оказалось, я сильно поторопился. Освобожденные от военной службы пограничники получали соответствующие документы на последнем месте ее прохождения, а значит, мне необходимо было вернуться на свою далекую заставу, что было совсем непростым делом даже для здорового человека: проехать на попутной автомашине 250 километров, потом долго трястись верхом на лошади. А каково это больному человеку на костылях? Я упрашивал врачей войти в мое положение и сделать исключение из этого правила, но никто из окружной больницы не захотел взять на себя такую ответственность. Все твердили одно: «Нельзя», «Не положено». Такой была дисциплина военного времени.

Больше месяца после выписки я не мог выехать из Сталинабада. К этому времени горные перевалы уже были перекрыты снежными завалами. Я приехал в госпиталь летом, и водители военных машин не брали меня, одетого в шинель и сапоги из опасения, что замерзну в дороге. В конце концов я присоединился к семье офицера, едущего на границу. Офицер, пожалев меня, поделился теплой одеждой и взял с собой. Только благодаря его помощи я добрался до пограничной комендатуры, но в дороге все-таки простудился, болезнь дала осложнение, и я пролежал в больнице комендатуры еще около месяца. Оформив документы, я опять стал перед проблемой, как проделать тот же путь обратно, от границы до Сталинабада. К счастью, в комендатуру должна была приехать комиссия из округа, и для ее доставки комендант решил отправить в областной центр верховых лошадей. Сев на одну верхом с костылями наперевес, я поехал

с коневодами по бездорожью среди заснеженных гор. Затем из областного центра Куляб отправился в Сталинабад на открытой бортовой машине, и за 250 километров пути сильно замерз. Но самые тяжелые испытания ждали меня, когда я сошел на станции Жангиз-Тобе в Семипалатинской области. 200 километров до дома я с великими трудностями преодолевал 15 суток, и в полной мере осознал смысл пословицы: «Мучения в дороге сравнимы с мучениями в могиле». Каждый раненый фронтовик, возвращавшийся домой, пережил в пути нечто похожее.

По пути к Жангиз-Тобе в вагоне пассажирского поезда Ташкент – Новосибирск я встретил двух фронтовиков-инвалидов, возвращавшихся домой. Мы решили держаться вместе. Пассажиры в вагоне менялись на каждой станции и все заново расспрашивали, откуда мы едем, на каком фронте воевали, где живем и откуда родом. Мы не уставали отвечать на их расспросы. В основном выпытывали казахи. Они интересовались, кто нас ждет дома, есть ли родители, сестры и братья, знают ли они о нашем возвращении. Услышав ответы, люди восклицали:

– Бедная мать, как она будет радоваться! Бог услышал ее мольбы. Твои родные любимы Богом! Хотя вы и молоды, но, видимо, совершили добрые дела, так как он оградил вас от смерти. – Затем сами с горечью рассказывали, кого потеряли на фронте. Один из наших собеседников, казах средних лет, узнав, что мы выходим в Жангиз-Тобе, сообщил, что он едет к сестре, живущей там, и предложил нам переночевать в ее доме. Была полночь, на дворе стоял декабрь, и мы, поблагодарив его, отказались, надеясь остаток ночи провести на вокзале. В ответ он с грустью просветил нас:

– Ой, родные мои! Вы думаете, что все осталось, как было до войны?! Тот вокзал не отапливается уже три года. К тому же жители этого Жангиз-Тобе вам двери дома не откроют. Останетесь на улице и замерзнете. Недавно такой же

солдат-инвалид, сошедший с поезда, замерз на улице.

Мы пошли с этим добрым дядей и заночевали у его родственников. Долгое время находясь вдали от Казахстана, не зная о произошедших переменах, наутро мы стали искать транспорт и потеряли целый день. К ночи попросились переночевать в ближайших к вокзалу домах, но нас не пустили. Отказывали по разным причинам: «У нас дома гости», «Дома нет мужа», «Я – одинокая женщина» и т.д. Мы совсем замерзли на холодном ветру. Сказанное вчерашним попутчиком оказалось правдой. Находясь в стадии окончательного замерзания, мы зашли в один из дворов и попросились на ночлег, но хозяйка резко возразила:

– Вы не можете тут ночевать, этот дом в трауре. Отмечаем семь дней по умершему человеку.

Чувствуя, что если уйдем, никто нас не пустит, мы принялись препираться с ней, укоряя: «Какие вы казахи? Обходим который дом, и ни один мусульманин не пускает нас за порог. Не погибнув на фронте, мы должны умереть в этом ауле, замерзнув на улице? Не выйдем из этого дома. Вы справляете поминки по усопшему, следуя мусульманским канонам, а ведь если в них будут участвовать такие страждущие, как мы, то душа покойного будет в благодати». Один из аксакалов, наконец, сказал: «Ребята, не скандальте. Пойдемте ночевать ко мне». Познакомившись, узнали, что единственный сын старца находится на фронте. Аксакал оказался добрейшим человеком. Он приютил нас у себя на два дня, пока мы ходили по станции в поисках средств передвижения. Транспорт был, много порожних саней возвращались в аулы после доставки зерна на железнодорожную станцию, но возницы, видя, во что мы одеты, не соглашались нас брать:

– Ой, ребята, нам транспорт не жалко, но ведь вы по дороге замерзнете в этой одежде. Наконец, извозчик из Георгиевки пожалел нас: «Если выдержите стужу, то садитесь,

подвезу». Дай Бог ему здоровья! Заезжая по пути даже в те аулы, что были в стороне, останавливаясь у знакомых и отогревая нас там, вечером он привез нас в свой дом и стал потчевать, как самых дорогих гостей. Сын хозяев дома – наш ровесник, воевал. Хозяйка, причитая и плача, говорила: «И мой Ваня где-то ходит, как вы!» И ставила перед нами самую вкусную пищу, что была в доме. Наутро хозяин дома сообщил нам очень ценную информацию:

– Не надо самостоятельно искать подводы, идите в сельский или аульный совет. Местные власти обязаны предоставлять демобилизованным транспорт. Если не смогут это сделать, то должны накормить и найти место для ночлега. Об этом есть специальное постановление правительства.

В то утро мы опоздали. Сельсовет Георгиевки только что отправил группу собравшихся инвалидов. Его председатель устроил нас на временный постой по одному в три семьи. Хозяевам домов он строго наказал кормить нас до завтрашнего дня, а мне, ковылявшему на костылях, велел никуда из дома не выходить, пообещав, что меня известят, когда появится транспорт. И в этой семье сыновья были на фронте, и хозяева угощали меня от чистого сердца.

Трагическая поездка

Утром следующего дня нас, уже семерых инвалидов, отправили в путь на санях, запряженных парой лошадей. При выезде из села нас догнали две груженые бортовые машины с надписями на борту «Алтайзолото». Четверо наших товарищей, у кого были целыми ноги, пересели на одну из машин, устроившись наверху. А мы, вместе вышедшие из поезда, двое на костылях и третий с прошитыми пулей легкими, не сумели бы залезть в кузов груженой машины и потому остались в санях. Иногда люди сами накликивают на

себя беду. Откуда было знать инвалидам-фронтовикам, спешившим домой, что эти машины несут им страшную беду? Спустя некоторое время наши лошади нагнали те машины. Застряв в снегу, грузовики буксовали. Шоферы и пассажиры суетились, копая снег. На наше предложение поехать дальше с нами, они ответили:

– На санях слишком долго. Вот сейчас вытащим машину из снега и за полчаса доедем до места.

Наш извозчик довез нас до колхозной конторы села Терентьевки, в километре от шоссейной дороги Георгиевка – Кокпекты. К этому времени поднялся сильный буран, и отправляться на ночь дальше было опасно. Нас устроили на ночлег. По рассказам хозяйки дома, в Жарминском районе фронтовиков устраивали на ночевку в определенных домах. Хозяева были обязаны кормить служивых до самой отправки, а те оставляли расписку, сколько человек сколько раз ели в этом доме. По ним хозяйка получала продукты с колхозного склада и готовилась к приему новых проезжающих. И фронтовики были довольны, и хозяйка рада. За труд колхоз выписывал ей трудодни. Это было продуманной заботой о защитниках Родины.

Наутро мы увидели, что буран утих и на дворе стоит ясная погода со скрипящим на морозе снегом. Надев поверх своей одежды заготовленные для нас тулупы и завернув больные ноги в войлок, мы отправились в дальнейший путь вместе с пареньком-возницей. Нас должны были доставить за 12 километров, в село Николаевку. По приезде встретили председателя сельского совета, русского парня, сидевшего в запряженных санях. С ходу он стал рассказывать:

– Какое горе! Ночью на шоссе насмерть замерзли два фронтовика. Один умер прямо на окраине села. Еще двое хотя и обморозились, но добрались. Колхозники повезли тела погибших и обморозившихся в районный центр.

Четверо фронтовиков были вчерашними нашими по-

путчиками, отделившимися от нас и пересевшими с саней на машину. Смерть, которой эти ребята избежали на войне, догнала бедняг в двух шагах от дома. У казахов есть пословица: «Хоть сорок лет будет продолжаться резня, но умрет тот, кому суждено». Выжившие в пекле войны могут умереть и дома, в мирной обстановке, захлебнувшись в корыте с водой. Недаром говорят, что смерть всегда рядом.

Как вор у вора украл

На следующий день с нами случилось еще одно приключение, правда, на сей раз не столь печальное. По приезду в Николаевку председатель сельского совета, ссылаясь на отсутствие свободных подвод, дал распоряжение нашему вознице везти нас дальше на тех, на которых мы прибыли. Сам же с другими фронтовиками, дожидавшимися отъезда со вчерашнего дня, уехал. Когда мы вознамерились ехать дальше, мальчик-возница вдруг заканючил:

– Ойбай, дядя, до следующего села далеко, надо коней покормить, а то они устанут.

После того, как кони передохнули, мальчик, сославшись на своего председателя колхоза, который велел ему довезти нас только до Николаевки, отказался ехать дальше. Мы требовали, апеллируя к распоряжению председателя сельского совета, но мальчишка уперся и ни в какую не соглашался. Мы уселись в сани, но он не двигался с места. Оставив возницу, сами отправились в путь и лишь поздней ночью добрались до следующего села. Всю дорогу пронзительный ветер «Байбура», дувший прямо в лицо, бесился и бросал в нас клочья колючего снега. Найдя дом председателя местного колхоза, мы попросили предоставить нам место для ночлега и ужин. Председатель, позвав кого-то, велел отвести лошадей на конюшню, а нас пристроить на ночь. Утром

перед отъездом я попросил у председателя расписку, что он принял от нас пару лошадей с санями, три тулупа и кусок войлока. Забегая вперед, замечу, что мы хорошо сделали, взяв ту расписку, позднее она нам очень пригодилась.

В конторе с утра собрались, кроме нас, еще восемь фронтовиков. На двух санях, запряженных двумя верблюдами, нас, одиннадцать человек, доставили до следующего небольшого казахского аула и распределили по два человека по домам. Было обеденное время. Хозяйка, принявшая нас, рассыпала на столе пиалу жареной пшеницы, налила вместо чая кипяток и извинилась:

– Не обессудьте, дорогие ребята. Все, что имеем, – на столе. Выживаем, как можем, ежедневно получаем с колхозного склада пшеницу граммами, рады и этому. Если бы было чем угостить вас, разве пожалела бы? Если сказала неправду, пусть Бог меня накажет.

Впервые за последние годы я увидел людей в столь бедственном положении. Сердце мое сжалось. Но, как оказалось, то была типичная картина казахского аула военного времени. Этот колхоз приготовил нам двое саней, запряженных волами. Фронтовики стали смеяться над этим, а заносчивые парни возмущались:

– Что это за оскорбление защитников Родины? Почему для нас не приготовили коней? Давайте коней! – требовали они, не поверив словам председателя колхоза о том, что три колхозных коня настолько отощали, что не могут ходить в упряжке. Действительно, трудно представить, что во всем колхозе только три коня, и те не в состоянии работать. Бедные казахи! Все аульное начальство: председатель хозяйства, бригадир и еще кто-то гурьбой повели нас, нисколько не стыдясь, на колхозную конюшню. Там действительно стояли призраки трех коней – ходячие скелеты, тощие, как смертный ужас. Даже не стояли, а были подвешены к потолку веревками, обхватывавшими их тощие животы. Что это

за руководители хозяйства, которые не смогли организовать заготовку корма и уход за тремя лошадьми?! И какое будущее ждет тех, кто трудится под их началом? Ведь именно с такого преступного, безответственного отношения к общему делу и возникали голод и нищета в обществе.

Когда, наконец, мы отправились в путь, солнце закатывалось. Следующий аул был всего в 10-12 километрах. Едва мы отъехали на пару километров, один из волов лег на снежный наст и никак не хотел вставать. Хотя возница его бил и мы все хором поднимали, он не вставал. Это животное тоже, видимо, отощало до предела. Потеряв надежду на вола, способные идти пошли дальше на своих двоих, а мы, двое на костылях и один с больными легкими, остались во вторых санях и двинулись потихоньку, воловьими шагами, мечтая в конце концов устроиться в теплом доме, приготовленном нашими товарищами, ушедшими вперед, и насладиться отдыхом, согреваясь горячим ужином. К своему большому огорчению, по прибытии мы обнаружили, что наши товарищи бродят на улице. Никто не пускал на ночлег, как мы ни просили, ни умоляли, замерзая в ночи.

Видимо, нельзя строго судить жителей этого аула, расположенного вдоль многолюдной трассы, им ежедневно надоедали проезжавшие мимо путники. Кто захочет пускать на ночлег безденежных фронтовиков, не имевших гроша за душой? Хозяева нескольких домов открывали двери и, показывая на лежавших вповалку гостей, просили прощения. В конце концов нам подсказали, что пустует только дом бригадира. Все одиннадцать мы стали стучаться в двери дома бригадира, а женский голос нам отвечал:

– В доме мужа нет, я не могу пустить вас на ночлег. Идите к другим.

– Где твой муж?

– Поехал за сеном, завтра приедет.

Разгневанные и голодные, отчаявшись, мы решили си-

лой взломать запоры. Осознав серьезность наших намерений, хозяйка открыла дверь. Она вскипятила воду и, подавая ее, сказала, что в доме нет ни зернышка – ежедневную норму, что выдают по утрам со склада, сегодня уже съели. Потом женщина сообщила, что в ауле есть туши баранов, замерзших в пургу при перегоне их «Скотимпортом» из Китая. Часть овец нашли под снегом живыми и прирезали. Она посоветовала попросить у погонщиков скота одну тушу. Поскольку эти люди были казахами, для переговоров делегировали меня и еще двоих. Мы заранее договорились, что в дом зайдем вдвоем, а третий останется на улице. Попросим у перегонщиков тушу барана. Если даст, то долго в доме задерживаться не будем, сразу выйдем. Если откажут, то постараемся продержаться дольше, отвлекая разговорами, и тогда товарищ, оставшийся на улице, унесет тушу, и все остальные ребята примутся за приготовление ужина. Если кто придет, обнаружив пропажу, то мясо из котла мы, естественно, назад не отдадим. Мы были уверены, что они не посмеют силой отобрать его у нас.

Погонщики, как мы и предполагали, отказались отдать нам замороженную тушу:

– Сейчас военное время. Законы очень строгие. Каждая туша на учете, и если не досчитаются хотя бы одной, нас засудят. К тому же животные погибли в буран по нашей вине. Ребята, вы на нас не обижайтесь, мы вам помочь не можем.

Как и планировалось, мы некоторое время продолжали уговоры, а потом, придя домой, увидели, что украденная нашим товарищем овца замерзла на большом морозе, как кусок льда. Мы положили тушку на печку для отогрева и стали ждать. И тут явились чабаны, заметившие пропажу туши, с требованием вернуть ее. Голодные фронтовики в один голос ответили, что не отдадут. Пострадавшие долго сидели, умоляя теперь нас, и когда через некоторое время один из парней вышел посмотреть, оттаял ли барашек, то

не обнаружил нашей добычи. Пришедшие повторили нашу хитрость: пока двое отвлекали нас разговорами, третий унес тушку. Получилось, что вор украл у вора. Ночь на 30 декабря 1944 года мы проспали голодными.

Новогодний праздник 1945 года

31 декабря, позавтракав горсткой жареной пшеницы, мы добрались на санях, запряженных верблюдами, до райцентра Кокпекты. Фронтовики – уроженцы Зайсанского, Тарбагатайского, Аксуатского и Кокпктинского районов, разбрелись по селу в поисках знакомых, а я с одним товарищем по несчастью остался на улице, перед воротами сельской гостиницы, называемой Домом колхозника. Спустя час, в течение которого мы успели замерзнуть, пришла молодая девушка, открыла дверь и впустила нас в помещение, в котором, как она сказала, мы можем переночевать. Небольшой двухкомнатный домик с печкой посередине был холодильником, поскольку не отапливался за всю зиму ни разу. Когда мы выразили недовольство по этому поводу, то услышали:

– Я ничего не знаю. Если не хотите тут ночевать, то выходите из дома, я запру дверь. А если останетесь ночевать, то я ухожу домой. Сегодня воскресенье, у меня выходной.

Куда пойдешь? И мы остались в этом доме-холодильнике. Моим спутником был Богатов Григорий Васильевич, до войны работавший в нашей школе военруком, а теперь имевший звание старшего лейтенанта, орден «Красной Звезды» и две медали. Мы встретились позавчера в ауле Калинино. Он, раненный в глаз, плохо видел и при встрече обрадовался мне, как родному. Григорий Васильевич едва передвигался самостоятельно, и я стал для него фактически поводырем. Один хромой на двух костылях, второй слепой – мы остались одни. В воскресенье все районные учреждения и

общественные пункты питания закрыты, идти некуда и некому нам помочь. К трясучке в холодном доме прибавилось урчание пустых желудков.

Уходил последний день старого года, наступала новогодняя ночь, а мы были озабочены, каким образом согреть наше жилье, чтобы не замерзнуть. Вышли и стали искать во дворе дрова. Нашли. Это был плетень, окружавший со всех сторон Дом колхозника, к нему я, как поводырь, и подвел Григория Васильевича. У меня не было сил, а мой незрячий товарищ имел сильные руки. Вдребезги разрушив заграждение, он наломал кучу палок и перенес их охапками в дом.

Печь, не топившаяся всю зиму, не тянула, и дым заполнил все помещение. Пока мы откашливались, Богатов рассказывал о том, что на Руси в старину дома топились по-черному и дым тоже выходил из дверей. Он уверял меня, что надо немного потерпеть и, как только печка разогреется, дым пойдет по дымоходу. Так и произошло, но печка, разогревшись, стала вдруг трескаться, и дым, идущий уже из ее трещин, вновь заполнил комнату. В итоге мы встретили 1945 год, сидя перед печкой, с трудом мало-мальски согрев помещение. Лечь в ледяную постель было свыше сил, и мы, прогрев матрасы и одеяла над огнем, только к утру прилегли. В ту ночь новогодним «подарком» для нас стали голодные вши и клопы в постели холодной районной гостиницы.

Наши мучения на этом не кончились. Хотя трудности военного времени были общими для всего народа, горести в разных местах были разными. Несмотря на специальное постановление в отношении фронтовиков, забота о нас во многом зависела от экономического состояния хозяйства. Хорошо принимали и провожали фронтовиков в Жарминском районе Семипалатинской области и в русских селах и колхозах, что не шло ни в какое сравнение с Кокпектинским районом, где мы узнали и голод, и холод, и неустроенность.

Утром нового 1945 года старший лейтенант предложил

сходить в районный военкомат и объяснить наше положение в надежде, что там хоть чем-нибудь да помогут. Встретивший нас дежурный офицер объяснил, что военкомат не имеет никаких средств, помогать нам обязаны местные советские органы. И тут же высказал предположение: не грабители ли мы и воры, обвинив в хищении двух коней, на которых мы уехали от мальчика-возницы. Хорошо, что у меня сохранилась расписка о сдаче коней в соседний колхоз.

Несолоно хлебавши мы вышли из военкомата, и Григорий Васильевич предложил пойти на почту. Там он попросил соединить его с районным прокурором и обратился к этому представителю власти следующим образом:

– Товарищ прокурор, старший лейтенант Советской Армии Богатов, оставшийся живым на фронте, сегодня умирает от голода в вашем районе. Два дня я, голодный, нахожусь в предсмертном состоянии в холодной гостинице. Никого, кроме вас, я в селе не нашел. Прошу помочь мне. Если вы не поможете, то я сомневаюсь, останусь ли в живых до следующего утра. Запомните, товарищ прокурор, я это вам говорю при дежурных телефонистках почты. Если, не дождавшись помощи, я умру, то останется мое письменное обвинение в ваш адрес.

В результате прокурор пригласил нас к 13 часам в контору райпотребсоюза, где должны собраться люди, которые могут решить нашу проблему. Радуясь, мы ждали встречи с таким нетерпением, что нам казалось, будто и солнечный диск, и стрелки часов стоят на месте.

В конторе собрались районный прокурор, первые руководители потребительской кооперации и местного сельпо. Разговор шел о выдаче продуктов со склада сельпо нам, двум фронтовикам, «для организации горячего питания». Поскольку хлеба в районе не было, решили дать нам взамен двойную порцию крупы. Вызвали кладовщика и обязали его выписать на обед для двух человек мясо, масло, крупу, из которых до 5 часов вечера приготовить в столовой го-

рячую пищу. Но мы рано радовались, предвкушая горячий, «персональный» ужин. В условленное время в столовой нам подали по тарелке пустых щей из мороженой капусты и по две гнилые селедки с ноготок. В ответ на наши удивленные вопросы повар ответил, что это дал ему заведующий складом, высказав предположение, что, наверное, остальные продукты он выдаст завтра.

Заканчивался первый день 1945 года. Придя в гостиницу с проклятиями в адрес жадного завскладом, мы принялись снова кочегарить. На следующее утро в столовой повторилось вчерашнее меню. И мы очень разгневались! Нам показалось, что войну начал и создал трудности для народа кокпектинский кладовщик. Мы двинулись с жалобой в контору и застали там председателя райпотребкооперациии и председателя сельпо. Выслушав наши жалобы, они удивились и приказали позвать заведующего. В ожидании его прихода на пороге кабинета стояли я на костылях и державшийся за мой рукав слепой старший лейтенант. Присутствовали еще два-три человека. Никто не предложил нам сесть, впрочем, и сесть было некуда, потому что в кабинете, кроме стола и двух табуреток, на которых восседали начальники, другой мебели не было. Разве они встанут и предложат свое место?

Пока мы ждали, старший лейтенант шепнул мне:

– Когда тот подлец войдет в комнату, толкни меня.

Завскладом пришел и встал рядом со старшим лейтенантом. Я подал знак, мой товарищ размахнулся и ударил его по голове. Завскладом, не ожидавший нападения, от испуга перепрыгнул через стол и тут же получил другой удар – стулом, полетевшим ему вдогонку. Богатов выдернул его из-под сидевшего начальника и тот остался лежать на полу. Слепой в гневе кричал:

– Я убью тебя за издевательства над нами! – и ринулся продолжить расправу, но присутствовавшие удержали его.

После скандала наша проблема разрешилась довольно

быстро. Нам выдали продукты за два прошедших дня и за сегодняшний. Кроме того, накормили горячим обедом. В ответ на вопрос, как в дороге питаться крупой, председатель райпотребсоюза то ли по-человечески пожалел нас, то ли у него проснулась гражданская совесть, то ли он опасался продолжения неприятностей, но послал своего заместителя в районный детский дом, чтобы он выпросил там в долг буханку хлеба. Директор дома детей-сирот хлеба не дал. Тогда сам председатель пошел и выпросил для нас буханку. И все эти мытарства из-за проклятой войны!

Два колхоза – две судьбы

Подкрепившись, мы подошли к сельскому совету и увидели, что для нас приготовлены сани, запряженные лошадью, и тулупы. Но мне была необходима теплая вещь – тулуп для обертывания ног или кусок войлока. Без этого было опасно отправляться в дорогу. Третьего тулупа не нашлось. Вечерело. Председатель аульного совета, оставивший одну руку на фронте, увещевал меня:

– Братец, километрах в десяти отсюда находится молочная ферма. Вы доберетесь до нее легкой лошадиной рысью за час. За час ноги твои совсем не замерзнут. Ты потерпи. Завернете на ферму, там и согреетесь. Потом проедете еще 10 километров и доберетесь до села Большая Буконь, куда мы и должны вас доставить.

И мы рискнули выехать. Солнце близилось к закату. Трескучий мороз сковывал все члены тела сильнее и сильнее. Конь, запряженный в сани, через три-четыре километра с легкой рыси перешел на медленный шаг. Мои ноги в кирзовых сапогах мерзли нестерпимо. Григорий Васильевич пытался прикрывать их полами своей шинели, от чего, конечно, не было никакого толку. Сам он то и дело выскаки-

вал и бежал за санями, чего я, к сожалению, сделать не мог. Желанная ферма находилась далеко, а мороз был настолько силен, что возникла реальная опасность лишиться ног. Я очень сожалел, что не добыл ничего для их утепления.

Наступила ночь, округу окутала морозная дымка, видимость становилась все хуже, зато звуки на сильном морозе были слышны издалека. Позади нас послышался скрип снега под полозьями саней, но самих саней еще не было видно. Мы вначале обрадовались, понадеявшись, что быстрые сани увезут нас с собой, но мальчик-возница высказал отрезвившее нас сомнение:

– Так ездят только председатели колхозов или какое-нибудь другое начальство. Они не берут попутчиков.

И мы стали думать, как остановить те быстрые сани. Если поставить наши поперек дороги, то те сани могут объехать нас стороной. И тут полуслепой Богатов предложил:

– Вы только покажите, в какую сторону завернет погонщик, а я различу силуэт лошади, схвачу за узду и остановлю.

Пока мы так планировали, подъехали широкие сани, запряженные двумя упитанными конями в яблоках. Возницей оказался казах. Остановив сани, он подошел к нам:

– Что вы за люди и почему загородили путь?

Описав наше положение, я попросил подвезти нас.

– Что за разговор! Конечно, садитесь. Какую лошадь они вам дали, пусть их Бог накажет за это! Ой, бессовестные! Не жалеют даже тех, кто пострадали за народ, за страну! В широких санях, заполненных пахучим сеном, лежала телка с перевязанными ногами. Легкие сани с тремя людьми и телкой кони везли легко и быстро. Мои ноги мерзли так, что я не находил себе места и попросил возницу:

– Дядя, пожалуйста, гоните коней. Если мы скоро не доберемся до фермы и я не отогреюсь, боюсь, лишусь ног.

В ответ он посоветовал повернуться лицом назад и сунуть окоченевшие конечности между ног связанной телки.

Под мышками у телки мои ноги действительно быстро отогрелись, как от печи.

Разговорившись, мы узнали, что он кучер председателя колхоза «Караганда» Кокпектинского района. Отвез председателя на собрание в район и теперь возвращается домой в село Большая Буконь. Хотя я забыл имя и фамилию того человека, но не забыл добра, которое он мне сделал и до сих пор вспоминаю его. Если бы не встретился тот светлый человек, я бы, наверняка, лишился ног.

Возница оставил нас возле конторы колхоза уже затемно. Конечно, нас никто не встречал, и мы опять озаботились мыслями о ночлеге, пище и завтрашнем дне. В таких трудных условиях людская доброта радует как случайно найденный кусок золота. Была ночь, но уборщица затопила печь еще открытой конторы, чем нас сильно порадовала.

Мы никого не стали искать ночью и приготовились уже отдыхать, как в контору вошел гражданин. Он сразу понял, кто мы такие, и собрался улизнуть, даже не поговорив с нами, но уборщица нам шепнула, что этот человек обязан помогать таким, как мы. Мы успокоили мужчину тем, что у нас есть свои продукты, нужен только кипяток. Он привел нас в ближайший к конторе дом и, объяснив, кто мы, велел пустить нас на ночлег. Муж молчал, а женщина запричитала:

– Ты только нас и видишь. Как в пословице: «Плохой верблюд хорош для стрижки», и постоянно приводишь к нам гостей. Веди их к другим. Почему к себе не забираешь?

Я стал ее урезонивать:

– Не обижайтесь, матушка! Может, и у вас сын где-то так же страдает, как и мы, не в силах добраться домой. Не беспокойтесь, у нас свои продукты, дайте только кипятка.

В каждой семье в те дни были фронтовики, и не удивительно, что разгневанная женщина сразу оттаяла и тихо сказала: «Пусть переночуют». Сопроводивший нас бригадир моментально испарился.

Хозяева дома по традиции сначала справились, кто мы, откуда, из какого рода, кто нас ждет в семье и знают ли они о нашем приезде. Затем принялись рассказывать о своих детях, на каком фронте они воюют, и стали тут же просить Бога возвратить их домой в целости и сохранности. Хозяйка, несмотря на наши протесты, положила мясо в казан и стала от всей души нас угощать, как долгожданных гостей. Для нас, промерзших в пути и давно недоедавших, это было поистине царским угощением.

Утром у колхозной конторы нас ждала кошевка, запряженная парой лошадей с извозчиком на козлах. Вспомнив свои вчерашние мучения с ногами, я стал настойчиво просить что-нибудь теплое, чтобы завернуть ноги. Местные начальники очень хотели поскорее избавиться от нас, но, как ни искали, не нашлось ни лишнего тулупа, ни валенок. И тогда председатель колхоза, русский мужик, велел принести себе из дома сапоги, а мне отдал свои валенки.

Два откормленных коня за час доставили нас к конторе соседнего колхоза в небольшом казахском ауле, носящем название Орнек. В конторе сидели две молодые девушки: секретарь сельского совета и счетовод колхоза. По их словам, во всем ауле было всего трое мужчин: председатель колхоза, заведующий фермой и старик-скотник.

В тот момент никого из них в ауле не было. На просьбу о транспорте девушки ответили, что об этом лучше спросить «бастыка» или «ферму». Мы ждали долго. Никто в контору не приходил, поиски тоже не дали никаких результатов.

Нам надо было добраться до аула Шугылбай, что в 15 километрах от Орнека. Там жили мои знакомые. Если мы доберемся туда, то не будет проблем ни с ночлегом, ни с питанием, поэтому мы свои продукты, взятые с боем в Кокпекты, отдали хозяевам дома, где ночевали накануне. А здесь, когда мы заикнулись об обеде, девушки ответили:

– В этом ауле не найдется семьи, которая могла бы по-

кормить вас. Каждая получает свою ежедневную порцию в граммах, так и живем впроголодь. У нас только один дом, в котором можно пообедать. Это дом председателя. Его жена – «сестра» твоего товарища. Может, она примет и угостит своего «братца», – шутили девушки.

Несчастные казахи, постоянно страдающие от голода и нищеты! Жизнь двух колхозов, расположенных в 10 километрах друг от друга, разная, как небо и земля: в одном живут казахи, в другом – русские. Жизнь казахской семьи в русском колхозе мы видели вчера. Хотя живут небогато, но у них есть возможность принять гостей. А в казахском колхозе ежедневное пропитание получают в граммах – разве это не признаки голода? Если в 30-е годы причины такого положения крылись в коллективизации, то позже проявились безынициативность, леность, непрактичность казахов, безграмотность руководства, его бескультурье, корыстолюбие больших и маленьких руководителей, думавших прежде всего о личной выгоде, а не о судьбах своих подопечных.

В тщетном ожидании подводы или человека, который организовал бы наш отъезд, мы целый день просидели во дворе. С приближением ночи нам волей-неволей пришлось пойти в единственный дом, где, как нам сказали, можно найти еду – в дом председателя колхоза.

Кто знает, какими судьбами пришла в этот полуголодный аул «сестра» Богатова – голубоглазая, нежная блондинка с веселым нравом. Вникнув в наши проблемы, она сказала:

– Дома нет готовой еды. Я собираюсь жарить баурсаки. Подождите немного, и будем пить чай.

На том ей спасибо. Но пока жарились баурсаки, перед домом остановилась подвода. Оттого, что предстояла близкая дорога, к месту, где нас примут радушно, мы решили тут же, не мешкая, ехать, не дожидаясь угощения.

Конец долгого путешествия

Хозяйка дома, где я намеревался остановиться в ауле Шугылбай, – тетя Рабия, была когда-то женой Муксиына из нашего рода, жившего до коллективизации в достатке. В 1929 году Муксиына причислили к баям и кулакам и конфисковали все имущество, он умер в гонениях. Во время голода Рабия, лишившись троих детей из четырех, с ребенком на руках, не имея близких родственников, вышла замуж за старика из другого рода.

Были сумерки, когда я на костылях вошел в полутемный дом. Мать Рабия сразу узнала меня, по традиции обняла и стала плакать, причитая. Она оплакивала парней, ушедших на фронт, перечисляла страдания народа от этой проклятой войны, ругая Гитлера, а потом принялась расспрашивать меня о здоровье, радовалась, что я вернулся, пусть хромой, но живой. И тут же в напевных стихах рассказала о своей доле.

Богатов, незнакомый с нашими традициями, вначале опешил, а потом понял, что нас ждут гостеприимство и почет. В ожидании окончания войны и возвращения с фронта родных людей здесь радовались каждому фронтовику. Прослышав о нашем приезде, соседи тети Рабии, хотя и не знали нас, приходили с поздравлениями по поводу нашего возвращения. Тетя Рабия знакомила меня с соседями, представляя как брата ее единственной дочери Баткен.

Пригласив несколько соседских семей, она отпраздновала мой приезд. Радуясь от души, без горячительных напитков мы ели простые угощения и всю ночь пели песни. Песни были разные, в них отражались страдания людей, ждущих с войны своих близких, переживания об их судьбах. Многие горевали, что от родных нет никаких вестей.

Более полумесяца толком не мывшиеся, не спавшие в нормальных постелях, досыта не евшие, замерзавшие в

пути, мы, наконец, почувствовали себя людьми, сходив в жарко натопленную баню и надев чистую одежду. Сестра Баткен была замужем, жила в доме старого свекра и свекрови, муж ее был на фронте. Работала она в колхозе заведующей складом. На второй день мы погостили у нее, затем Баткен, выпросив у председателя коня, повезла нас домой. Встретившаяся в пути наша аульная соседка, пока мы задержались по дороге, чтобы накормить коня, вместе со своей родственницей прошла пешком 25 километров, чтобы доставить нашим семьям радостную весть. Я возвратился домой через два года и десять месяцев – 5 января 1945 года.

Изменившийся аул

Всю долгую дорогу, видя нищету в наших краях, нехватку продуктов, ветхую одежду на людях, я жалел, что возвращаюсь из армии, не вылечившись полностью. Меня терзала мысль, что если и наша семья находится в таком же трудном положении, то я, инвалид на костылях, стану для них только обузой и не смогу восстановить свое здоровье. К счастью, уровень жизни моих односельчан оказался выше виденного мною. В каждой семье имелись, хотя и небольшие, но запасы зерна. В день моего возвращения мама и женге позвали соседей на небольшое застолье и угостили всех бесбармаком.

Жизнь села за три года сильно изменилась. Во-первых, почти не было мужчин, всюду только женщины. Женщины занимали и руководящие посты на всех уровнях. Во-вторых, люди в тылу сблизились. Во взаимоотношениях, в обращении их между собой очень часто теперь использовались обращения: ага – брат, тате – тетя, апа – бабушка, ата – дедушка. Отдалившиеся родственники нашли друг друга и сблизились, теснее стали межнациональные отношения,

появилось больше уважения и взаимопомощи в трудных ситуациях не только на словах, но и на деле. Восстановилось уважение к старшим, почитание древних традиций, люди снова стали отзывчивыми на чужую беду.

Возвращавшимся с войны раненым оказывался особый почет. И еще нельзя было не заметить, что все дела вершились с именем Бога на устах. Даже самые оголтелые атеисты попритихли. Кровопролитная война принесла жителям множество проблем, в том числе психологических. Человек, много переживший, часто становится богобоязненным. Вера в Бога вновь вернулась в человеческое общество. Это радовало.

Война изменила не только конкретных людей, но и общество в целом, меньше стало косности во взглядах. Одним из таких отрадных явлений было распространение среди народа устной народной поэзии, искусства акынов – поэтов-импровизаторов, песен и стихов, посвященных любимым, сражающимся на фронте. Такие произведения были пронизаны тоской, светлой печалью и надеждой. Долгожданные письма с фронта окрыляли, вдохновляли любящие сердца оставшихся в тылу людей, и в результате рождались и распространялись среди народа прекрасные поэтические и песенные творения. Время страданий породило фольклор, не похожий на прежний.

Четырехлетняя война коренным образом изменила рацион питания людей. В него понемногу снова стало входить мясо, позабытое в годы коллективизации, но основную еду люди стали готовить из картофеля, овса, гречки, кукурузы и проса. Со стола сельских жителей почти исчезли хлеб и мучные продукты, потому что вся пшеница, собранная с полей, за исключением семенного фонда, сдавалась государству. Стали больше выращивать проса, поскольку эта культура менее прихотлива и экономически более выгодна в наших климатических условиях. Колхозное руководство с

целью помочь вдовам и сиротам нередко разрешало семьям погибших фронтовиков сеять на приусадебных участках просо и высаживать картошку. Некоторых руководителей даже наказывали за такие нарушения правил сельскохозяйственной артели. Но были и такие, кого не беспокоило, что их подчиненные ведут полуголодное существование.

Одежда тыловиков по большей части была ветхой, в сплошных заплатах, и на общем фоне очень выделялись женщины-рукодельницы – они носили вязаные кофты и юбки. Маленьким детям в семьях, сумевших достать войлок, шили куртки и пальто. Вновь появились дубленые шубы собственного изготовления, исчезнувшие в последние годы.

Одним из неприятно поразивших меня новшеств было то, что разительно изменилось отношение населения к местному и районному руководству. Сотрудники районного военного комиссариата и председатели колхозов вознеслись настолько высоко, что возомнили о себе невесть что. Граждане, прежде не обращавшие внимания на военкома и его сотрудников, теперь их откровенно боялись. Потому что эти люди с иезуитским искусством пугали людей внеочередной отправкой на фронт. А председатели колхозов обрели уверенность в себе после постановления правительства 1943 года, по которому они, прежде подчинявшиеся сельскому совету, теперь обрели некоторую самостоятельность. И председатели колхозов теперь воспринимали коллективную собственность, как личную вотчину и обращались с подчиненными, как с рабами. До войны рядовые колхозники не вели себя столь униженно. Только председатель решал, на какую работу кого послать, кому оказать помощь, кого наказать. Если не угодишь, он мог через военкомат отправить любого колхозника в трудовую армию, а если угодишь, мог и оставить. Воспользовавшись тем, что в аулах не осталось мужчин, колхозные руководители низвели женщин, детей

и стариков до бессловесных исполнителей. Появился обычай принимать районное начальство, приезжавшее по служебным делам, как почетных гостей, угощать, обеспечивать даже их коней кормом, выказывая раболепное преклонение. Эти унизительные явления возникли оттого, что народ проявлял себя бессловесной, покорной массой еще со времен первых колхозных активистов.

Рассказывали историю о том, как один председатель сельского совета, раздавая государственную помощь семьям фронтовиков, всегда высчитывал из положенной суммы стоимость бутылки водки. Когда у него спрашивали о недостающих деньгах, он нахально отвечал:

– Ты же должна угостить меня чаем за то, что я принес деньги тебе домой! А твой чай я пить не стану.

Такие безбожники, наглецы и бесстыдные мошенники разъедали страну изнутри. Они есть и сейчас. Как оградить народ от таких прохвостов?

Общие радости

В «Тихом Доне» Михаила Шолохова есть сцена, когда во время Гражданской войны к уходящим воевать мужчинам из толпы провожающих вышла женщина и сказала примерно следующее: «Вы, мужчины, сражающиеся на войне, что вы знаете кроме войны? Какой бы она ни была, все тяжести испытываем мы, женщины. На наших плечах оставленные вами семьи, мы пасем скот, пашем, сеем и собираем урожай... А что мы переживаем днем и ночью, думая о вас, находящихся в опасности? Вы чувствуете, что погружаете нас в темную пучину страданий и горя? Прекращайте войну!»

Кто сможет описать скорбь матерей, жен, дочерей, отправивших своих родных и близких на кровопролитную войну? А их радость при получении долгожданной вести,

заветного треугольника с фронта?! И есть ли предел горю матерей и жен, получивших с фронта черную весть – «похоронку» – на самых дорогих им людей?!

В такой обстановке, полной бед, ожиданий, безысходности и надежд, встречали женщины пришедшего с фронта солдата, израненного и физически, и морально. Моему возвращению радовались не только близкие, родные, но и соседи, аульные знакомые. После первых приветствий несколько соседей, имевших коней, отправились к нашим родным и близким, чтобы сообщить радостную весть о моем возвращении. А остальные аульные жители стали к вечеру собираться у нас в доме на той. Несмотря на то, что дома не было Айкена, недавно тоже возвратившегося с фронта и младшего брата Мухаметрахима, еще не достигшего совершеннолетия, мама и женге Нурлыгаин стали готовить для собравшихся угощение. К полуночи прибыли, кто пешком, кто на транспорте, родственники из далеких и близких аулов и присоединились к пирующим. Всю долгую зимнюю ночь мы радовались, пели песни, организовали песенные состязания – айтыс, всевозможные старинные и современные игры, – одним словом, веселились до утра.

Мои первые инвалидные месяцы проходили однообразно. Начиная с вечера, когда провели той в честь моего возвращения, все родственницы молча заходили в дом, затем, обнимая меня за плечи и шею, затягивали песню-плач. В ней находили отражение их чувства, переживания о родных, находящихся на фронте, или сетования о их гибели, радость по поводу моего возвращения живым из самого пекла страшной войны, а также поздравления моим родным и близким. Слушавшие причитания женщины плакали. Поскольку почти в каждую семью за годы войны пришли похоронки, казалось, что плачем полнится земля.

Первые месяцы в ауле

Фронтовик, вернувшийся с войны, после первых радостных встреч и тоев просто обязан был хотя бы неделю побыть дома, пока домашние насладятся его присутствием. К тому же существует традиция встречать всех, кто зайдет поздороваться, согласно пословице: «Если приедет издалека шестилетний ребенок, то должен прийти и поздороваться с ним шестидесятилетний старец». Поскольку к моему приезду братьев дома не оказалось, я каждый день ждал их возвращения. Далекие и близкие родственники приглашали меня к себе в гости, а я сидел дома.

Позже я много времени провел в гостях у родственников, здоровался с аксакалами, ходил на малые и большие приемы, организованные в мою честь. И все это было данью обычаям народа. Когда я собрался в гости в мой родной аул Топтерек, мама сказала:

– Посети не только дома родственников, пригласивших тебя, обязательно зайди к аксакалам, поздоровайся с ними.

Раньше, когда мы бывали в том ауле, она мне такого не говорила. Это было признаком того, что возрождались наши исконные обычаи и традиции. Когда я по поручению мамы обходил названные ею семьи, пожилая женщина по имени Кайша спросила, чей я сын и откуда. Представившись, сказал, что обхожу дома стариков и старушек, чтобы поздороваться с ними. На что Кайша с присущей ей прямолинейностью заметила:

– Сынок, это хорошо, что ты здороваешься со старшими. Но то, что ты сказал «старики», «старухи» – это оскорбление. Это все равно, что говорить «юродивые». Надо говорить «бабушки», «дедушки», «пожилые люди». Я впервые услышал такое замечание в свой адрес и устыдился. Да, это истинная народная школа, «живая энциклопедия жизни», как говорят русские, кладезь знаний.

Были люди, которые до самой смерти надеялись, что их сыновья живы. Даже получавшие пособия от государства, чувствующие сердцем, что не все в порядке, не хотели верить, что их детей нет в живых. Одним из таких был восьмидесятилетний Сауранбай Айтинулы, бывший в молодости охотником, кузнецом, мастером на все руки, даже лекарем. В старости он полностью лишился слуха, его единственный сын погиб, но ему и его супруге об этом не сказали. Старик расспрашивал о сыне всех вернувшихся с войны. И у меня спросил: «Ты видел моего Ашима?» На мой отрицательный ответ жестами горячо возразил:

– Видел, значит видел! Но тебе наказали, чтобы ты не говорил об этом. Не хочешь говорить – не говори, – заключил он, то ли обижаясь, то ли соглашаясь со мной, бурча и повторяя слова. Бедный старец!

В районном военкомате, приняв медицинские документы и поставив на учет, оформили мне через райсобес пенсию по второй группе инвалидности. Пенсию почтальон приносил домой.

Моим развлечением было кино, которое иногда привозили в село. Сельский клуб был от нашего дома на изрядном расстоянии, и брат запрягал коня, на котором обычно ездил на работу, в сани, я приезжал к клубу, привязывал коня поблизости и на костылях отправлялся смотреть фильм. Иногда заходил в школу, где раньше учился. Половина учителей были моими бывшими одноклассниками. Окончив десятилетку, они обучали детей в начальных классах. В воскресные, а порой и в обычные дни мои одноклассники приходили ко мне в гости, пытались отвлечь от невеселых мыслей. Кроме того, помню, что за эти два зимних месяца я прочитал полное собрание сочинений драматурга Александра Николаевича Островского.

Радость победы

Пенсию я получал небольшую, но в нашем селе, кроме профессии учителя, другой подходящей для меня работы не было. Очень хотелось вернуться к преподаванию, и однажды такой случай представился. Районный отдел образования послал на трехмесячные курсы русского языка для преподавания в 5-7 классах учителя начальных классов, и коллектив школы пригласил меня вести уроки вместо него.

Поскольку в школах не хватало профессиональных педагогов, в аульной школе, имея 7-летнее образование, можно было учить детей начальных классов, а со средним образованием – школьников 5-7 классов. Для повышения уровня образования этих новоявленных учителей в районах были открыты курсы по начальному образованию, а в областных центрах – по среднему образованию, где обучали началам педагогики и методике преподавания. Разумеется, такая ускоренная форма подготовки учительских кадров получила распространение не от хорошей жизни.

С наступлением лета мое здоровье постепенно стало улучшаться, и я, забросив костыли, стал ходить, опираясь на палку. Теперь я не сидел, жалуясь на здоровье, а стал активным участником общественных дел. Учителя, библиотекари, работники клуба и других учреждений готовили самодеятельные концерты и выступали с ними перед колхозниками на полевых станах, в отделениях и бригадах. В селе не было радио, на газеты подписывались единицы, поэтому наша концертная бригада вменила себе в обязанности сообщать населению радостные вести с фронтов.

И вот, наконец, пришел долгожданный день победы, который с нетерпением ждали все народы Советского Союза! Неизвестно, кто и как спозаранок узнал о победе у нас в ауле, где не было радио. Мы только вставали с постелей, кто-то, громко постучав в окно, крикнул: «Война закончи-

лась!» и побежал к соседнему дому, где сообщил то же самое. В нашем доме после этого сообщения все растерялись, оцепенели, не зная, что делать, что говорить. Только помню, как мама все время повторяла: «О Бог, мой Бог!» Ближайшие соседи тут же стали бегать друг к другу, повторять эту весть, радоваться и кричать, требуя друг у друга суюнши. Мы все пошли на площадь, где уже собралось почти все село. По своей воле собрались старики, женщины, дети. Все поздравляли друг друга. Некоторые, собравшись в кучки, пели, танцевали или просто бегали по площади. Люди обнимались, смеялись и плакали. Особенно горестно плакали женщины, потерявшие на войне мужей, сыновей, братьев. Война закончилась, оставшиеся в живых должны возвратиться домой, и родные погибших только теперь в полной мере осознали, что их мужья, отцы, братья никогда не вернутся, и оплакивали их с особой болью.

Сельское начальство попыталось было обратить это хаотичное столпотворение в политическую акцию – митинг, но эмоциями толпы управлять было трудно. Люди не расходились и после полудня, предаваясь неистовой радости. В песне «День Победы», сочиненной много лет спустя, есть строка: «Это праздник со слезами на глазах», – в ней очень точно запечатлена эмоциональная картина 9 мая 1945 года.

Из нашей Камышенки за великую Победу отдали свои жизни три сына репрессированного в 1937 году и пропавшего потом без вести Леонтьева, погиб единственный сын нашего соседа Иншакова, родившийся в его уже преклонном возрасте. Погибли три брата Туруновой апай, которых она растила и спасала от голода в страшные 30-е, не вернулся с войны муж доярки Черниковой – отец семерых малолетних ребятишек. Таких было очень и очень много. Как же по ним не плакать? Из моего родного аула Топтерек не возвратились с фронта три брата Салыкжановых, два брата Жайсбаевых, Мусагожины, Кыдырбаевы, отец и сын Айтиновы,

Таптабаевы, Калыбаевы, Слямов Кали, Сайрамов Магди, Рахимжанов Мубарак и многие другие. Лишившиеся своих родных семьи никогда не проявляли зависти в отношении к тем, чьи родственники вернулись с войны. Они от чистого сердца радовались, как и все остальные, каждому возвратившемуся фронтовику.

В казахские аулы, рассыпанные по всей степи, радостная весть о победе донеслась через гонцов, поскакавших туда на быстроногих конях. Находились среди казахов и такие, кто приносили в эти дни жертвоприношения, резали баранов и мясо раздавали по всей округе. Люди благодарили Аллаха за доброту и милосердие.

Цена победы

Согласно исследованиям, за последние 5 тысяч лет только 292 года прошли без войн. За остальной период их было 15 513, и они принесли гибель 4 миллиардам человек.

Война между Германией и Советским Союзом в 1941-1945 годах названа второй мировой и считается самой кровопролитной в истории человечества. У обеих воюющих сторон человеческие потери были громадными. Люди погибали не только под пулями на фронтах или в рукопашных битвах, но и в плену. По статистике, из 10 миллионов советских солдат, попавших в плен, только 4 305 381 человек возвратились домой, значит, 5,5 миллионов погибли в неволе, в фашистских лагерях. Из 34 476 700 советских граждан, призванных в ряды армии, 8,7 миллиона погибли на полях сражений.

Всего Советская Армия в годы войны лишилась 14 миллионов солдат и офицеров. Если прибавить к этой цифре 13 миллионов мирных жителей, погибших в немецких концлагерях, на оккупированной территории, во время бомбежек,

то получается более 27 миллионов человек. Такова цена войны для советского государства, отстаивавшего свою независимость.

Данные о человеческих жертвах в годы Великой Отечественной войны впервые были обнародованы незадолго до 50-летия Великой Победы. До этого они были под большим секретом. Накануне этой внушительной даты по всей стране стали проводиться мероприятия по увековечиванию имен воинов, отдавших свои жизни за Родину. В аулах, селах и городах устанавливались надгробья, обелиски, памятники. На некоторых из них выгравированы цифры о количестве погибших, на других отчеканены имена и фамилии. К сожалению, это было сделано не полно и не везде.

В масштабах Союза планировалось издание «Книги памяти», в которую были бы вписаны имена всех погибших воинов. При всех военных комиссариатах создали специальные комиссии и при них рабочие группы, в чьи обязанности входило составление этих списков. К сожалению, нередко в них работали безответственные и безалаберные люди. Оттого, что эти люди исполняли свои обязанности, спустя рукава, было допущено много ошибок. Я говорю это потому, что такие факты выявила группа моих земляков-фронтовиков, проведя собственное расследование.

К сожалению, мы не сумели на должном уровне издать «Книгу памяти», а выделенные для этого средства были бездарно разбазарены. А ведь во все горло кричали, что навечно сохраним в памяти имя каждого воина, отдавшего жизнь во имя свободы и независимости нашей Родины. Издание этой святой книги не было завершено и к 55-летию Великой Победы.

Первый мирный год

Победа радовала, но жизнь оставалась тяжелой. Продуктов, как и прежде, не хватало. И каждая семья по-своему выпутывалась из трудной ситуации. Облегчала существование взаимовыручка, люди делились друг с другом всем, что имели. И среди руководителей хозяйств встречались сердечные люди, проявлявшие заботу о подчиненных, для чего в то время было необходимо гражданское мужество. Хочу рассказать о председателе колхоза села Камышенка Самарине Якове Спиридоновиче, которого почитало все село. Коренной житель села полуграмотный Самарин осенью 1941 года, когда мужчин забрали на фронт и колхоз остался без руководства, был избран земляками председателем. Все годы войны он был бессменным председателем и не только руководил работой женщин, стариков и школьников, но и проявлял искреннюю заботу о семьях, оставшихся без кормильцев, стараясь по мере своих возможностей облегчить их тяжелую участь. Колхоз считался в районе одним из самых крепких, однако по итогам года ничего не мог заплатить своим труженикам. Согласно жестким законам военного времени, все отдавалось фронту и победе, но председатель на свой страх и риск разрешал вдовам и сиротам после завершения сева поработать на себя. Они могли посеять для своих нужд на 20-30 сотках земли просо, посадить картофель. Председатель помогал техникой и транспортом. Все это было чревато опасными последствиями для Якова Спиридоновича. В те годы только колхозам разрешалось сеять зерновые. Нарушавших этот закон судили и сажали в тюрьмы. Колхозники, понимавшие, что другим путем им не выжить, были безмерно благодарны председателю и держали все происходившее в секрете. Они помнили сделанное им добро всю жизнь.

К сожалению, редко кто из председателей колхозов за-

ботился подобным образом о людях. Большинство из них думали больше о своей карьере и личном благосостоянии, а работавшие от темна до темна подвластные им люди жили полуголодными в нищете. Работу от зари до зари не выдерживала даже рабочая скотина – волы в упряжке. Часто на полях можно было наблюдать такую картину: за плугом, запряженным четырьмя волами, шла одна женщина, а вела волов другая. Так они ходили изо дня в день в течение полутора-двух месяцев. Не меньше было работы и зимой в трескучие морозы. На санях, запряженных волами, женщины возили с полей сено, корм на животноводческие фермы или грузы на железнодорожную станцию, в областной центр. И это все впроголодь, не имея хорошей одежды, не зная отдыха. Но, как показывает жизнь, человек может перенести все трудности, выпавшие на его долю.

В годы войны материальное положение учителей и врачей было хуже, чем колхозников. На их зарплату прожить было почти невозможно, денег едва хватало на покупку продуктов, отпускаемых по талонам, поэтому они тоже выращивали для себя на колхозных полях картошку, просо, а на своих приусадебных огородах овощи. Положение нашей семьи было, казалось, получше, чем у других. Айкен, пришедший с фронта летом 1944 года после ранения, работал агентом в пункте заготовки продукции. У него была служебная лошадь – хорошее подспорье в крестьянском хозяйстве. Мой 17-летний братишка Мухаметрахим работал в колхозе. Он приобрел навыки крестьянской работы, пока мы воевали на фронте. Как и другим колхозникам, ему по итогам года давали немного зерна. Мы с Айкеном на местах своей работы получали по карточкам пайки. Трое мужчин содержали маму и невестку Нурлыгаин, которая после возвращения мужа с войны оставила работу в колхозе и занялась домашним хозяйством. Наши с братом пайки состояли из зерен овса, кукурузной муки или пшеницы второго сорта

– этого хватало всего на несколько дней, поэтому Айкен постоянно занимался поисками дополнительных источников пропитания. Объезжая в качестве агента аулы, он закупал на нашу заработную плату зерно. Интересно, что даже среди обедневшего в войну народа находились продавцы зерна. Так мы прожили лето 1945 года. Это было радостное время возвращения раненых и демобилизовавшихся солдат. Тем горше было получать «похоронки» на воевавших за пределами нашей страны и сложивших там свои головы. Трагические вести многими воспринимались как личное наказание, ниспосланное Богом. Люди вопрошали: «О безмолвный Бог, что мы тебе сделали? Почему ты наказываешь нас таким ужасным способом? Почему ты нас не забрал вместо нашего кормильца? О Боже, теперь забери и нас! – эти слова сопровождались обильными слезами и плачем навзрыд, рвущими сердце.

Жизнь между тем продолжалась, перемены к лучшему происходили, хотя и малозаметно. Как и прежде, для того чтобы отправиться в дальний путь, необходимо было получить от властей специальное разрешение. Отпуска рабочим и служащим, как и в военные годы, не разрешались. Даже во время летних каникул учителя не имели права отдыхать. Летом они обязаны были участвовать в ремонте школьного здания или работать в колхозе. Исключением из правил стали учителя – участники войны. Нам в тот год был предоставлен отпуск. Даже мне, проработавшему всего три месяца, дали оплаченный отпуск в количестве 48 рабочих дней, как и тем, кто трудился весь учебный год. Инвалидам такой отпуск давал возможность восстановить силы за счет покоя. Организация отдыха в те годы не входила ни в чьи обязанности. Инвалиды, потерявшие здоровье на фронте, ничего не требовали от государства, кроме пенсии, не просили особых условий и льгот.

В отпуске мы с друзьями ходили купаться к Иртышу.

Инвалиды купались, как малые дети, просто плескались у берега. От души в глубоком месте в быстрых водах реки не поплаваешь – у одного покалечены руки, у другого и вовсе рук нет или нет ноги, а если и есть, то плохо действуют. Такое купание рождало тяжелые мысли и чувства.

Все свободное время я проводил за чтением. У пожилых учителей-супругов, переехавших в наше село из города, была библиотека русской классической литературы. Таких книг не было в местной библиотеке. Я наслаждался, читая.

Как-то мама предложила мне навестить родственников, которые не смогли приехать к нам из-за дальнего расстояния или по причине траура. В Самарском районе жила сватья Керимбала. На фронте погиб ее единственный сын, наш зять Манап, муж нашей дорогой Жамбы. Сестра умерла десять лет назад, но сватья оставалась родственницей. Когда-то это была многолюдная семья, дом был полон людских голосов, а нынче пожилая женщина осталась у своего очага одна-одинешенька. Следовало навестить ее, выразить соболезнование, прочитать молитву за упокой души ее сына. В Кокпектинском районе жила моя названная сестра Нуржамал, тоже близкий человек, мы слышали, что она потеряла всех своих братьев и сейчас была в глубоком трауре. Мама сочувствовала:

– Этой бедняжке остается только одно – плакать горькими слезами, сетуя на судьбу. Она, наверное, чувствует себя одинокой, как джейран, отбившийся от стада. Съезди к своей сестре, поздоровайся. Пусть знает, что она не одна на белом свете, что у нее есть родственники, думающие и беспокоящиеся о ней.

В конце лета, кроме раненых, стали возвращаться и здоровые солдаты. В сентябре они приходили уже целыми группами. В тех домах, куда возвращались мужчины, проходил той, и, хотя угощенье было скудное, радость лилась через край. Мужчины сразу же принимались чинить

дома и развалившиеся сараи, инструменты и оборудование, восстанавливать покосившиеся хлева. Вскоре они заменили женщин на многих тяжелых работах. Семьи, в которые возвратились их главы, ощутили первые радости мирной жизни. К осени настроение у людей заметно улучшилось. Созрел новый урожай, народ стал жить сытнее, и как результат – появились новые интересы. В 1945-1946 учебном году намного больше стало учащихся. 15-16-летние подростки, окончившие до войны 4 класс, пошли в 5-6 классы, а 18-20-летние, закончившие до войны 7 классов, пошли в 8-й, чтобы получить среднее образование. Большинство из них были из казахских аулов. Новые возможности для детей и их родителей предоставили открывшиеся при средних школах района интернаты.

Семейные новости

У брата с супругой был родившийся до войны пятилетний сын, они мечтали о дочери, и она родилась в победный 1945 год. Радости молодых родителей и всей семьи не было предела. Девочке дали имя Куляш, в честь народной артистки, чтобы тоже стала певуньей.

Как ни трудно мы жили, но если посмотреть с нынешних рыночных позиций, некоторые факты поражают. Например, наша семья из пяти человек несколько лет перед войной жила на заработок брата, работавшего грузчиком и таскавшего мешки с зерном. Хотя изобилия еды не было, и мы не носили шелков и мехов, но не голодали и нагими не ходили. Мы жили, как все. На свой заработок брат смог в 1938 году купить корову, в 1939 году сделать пристройку для расширения основного дома. Попробуйте в нынешнее время на зарплату единственного кормильца возвести пристройку для дома!

Существует пословица: «Если казах будет сыт, то женится». Какая семья не торопится женить взрослых сыновей? В скором времени после моего возвращения, я даже не успел устроиться на работу, мама начала разговор:

– Ты, моя душа, слава Аллаху, живым возвратился домой. Теперь ты взрослый человек. Пришла пора тебе жениться. С Божьей помощью присмотри себе невесту, договорись с ней. Порадуй и нас невесткой, снохой.

Я сопротивлялся:

– Ойбай, я даже об этом и не думал! Какая девушка пойдет замуж за безработного, хромого инвалида на костылях? Предположим, женюсь, но как я ее буду содержать? Вы что-то рановато затеяли этот разговор. Сначала устроюсь на работу, поднакопим денег, а потом подумаем.

– Ты не ерепенься, выслушай меня! В старые, добрые времена мы и Айкен были членами двух живших отдельно семей. Пришло время создать тебе собственный очаг. Ты должен жить отдельной семьей и восстановить отцовскую линию потомства. Для этого следует жениться. До каких пор будем жить в семье старшего дяди? – Она имела в виду отца Айкена, дядю Тойымбая.

Когда я устроился на работу, мама повторила сказанные мне наедине слова уже при брате и его жене. Возможно, они заранее сговорились, но мнения их совпали, и они повели речь о выборе невесты. Тут же назвали с десяток имен девушек из нашего села и соседних, советовали присмотреться к ним. По уверениям моих домашних агитаторов, предложенные ими кандидатки в жены были просто гуриями рая.

В ходе разговора брат активно поддерживал маму. Поскольку я привык выполнять все, что он мне велел, то не стал возражать и на этот раз, но постарался поскорей закончить разговор. Не дал обещания жениться, но согласился познакомиться с этими девушками. В тот момент я надеялся продлить состояние неопределенности до бесконеч-

ности. Но в заключение разговора мне дали конкретное задание: когда я выберу девушку, то должен буду назвать ее имя. Родные выразили готовность хлопоты по сватовству и свадьбе взять на себя. С этого момента ситуация вышла из-под моего контроля, домашние очень часто стали справляться, как продвигаются поиски невесты. Даже пытались припугнуть меня:

– Пока ты будешь вот так разгильдяйничать, война закончится, с фронта хлынут женихи, и ты лишишься хороших девушек. Хотя бы обручись с одной из них.

Я все тянул с «поручением» и не проявлял большой активности. Две девушки из названного списка вышли замуж, а несколько других на вопрос, свободны ли они, ответили примерно так: «Жаль, но, как говорится, хромая овца блеет после полудня», намекая на то, что я опоздал.

Казахская пословица гласит: «За девушку сватаются сорок человек, но женится один, кому она предназначена от Бога». И еще: «От того, что предначертано тебе Богом, не убежишь». Вскоре после моего возвращения сестренка Жаметай, жившая в соседнем ауле Куйган, пригласила меня в гости. Когда я приехал, был зимний вечер, все домашние во дворе управлялись со скотиной. Немного продрогнув в дороге, я прислонил костыли к стене и сел на стул возле печи. Вдруг в комнату по аульной привычке без стука вошла незнакомая девушка невысокого роста, светлоликая, с румяными щечками. При виде меня она слегка растерялась и залилась от смущения краской. Постояв так несколько секунд, наконец, сказала: «Здравствуйте, Жаметай дома?» – будто я охранял свою сестру. Чувствуя нелепость своего вопроса, не дождавшись ответа, она растерялась еще больше и объяснила: «Хотела попросить пиалы». Я ответил, что хозяева во дворе.

В невысокой фигуре девушки, в ее облике ничего особо притягательного не было. Я бы не обратил на нее внимания, но когда девушка вошла в комнату, а затем застеснялась,

на меня напал беспричинный смех. И пока я сдерживался, подавляя его, неизвестно откуда возникло горячее пламя и охватило меня, пробежало жгучей струей по всему телу, затронув сердце. Девушка после секундного замешательства выскочила на улицу. Я немного удивился только что посетившему меня ощущению, но вскоре забыл и о девушке, и об обжегшем меня пламени.

Рядом с домом Жаметай жил дядя Кожахмет, к нему я приезжал по делам и каждый раз, хотя мы и не договаривались, сталкивался с той стеснительной девушкой. То ли от робости, то ли оттого, что нашу мимолетную предыдущую встречу сочла за знакомство, но она пыталась первой справиться о моем здоровье.

Я узнал, что она сестра жены председателя колхоза, жившего по соседству. Девушка работала учительницей начальных классов в местной школе. Оказалось, что она была в списке кандидатур, предложенных моими родными.

В середине 40-х годов уже перестали преследовать семьи за получение калыма, вернулись времена сватовства, но теперь все делалось по согласию молодых. Они сами договаривались о свадьбе, и только потом родители выполняли древние обряды. Хотя молодежь и получила свободу действий, парень и девушка не имели возможности часто общаться друг с другом и оставаться наедине. Таковы были обычаи нашего народа, ценившего чистоту и целомудрие влюбленных. Соблюдению строгих запретов способствовали и жизненные условия. Колхозные парни зачастую не могли отпроситься с работы, не могли ездить даже в ближайшие селения из-за отсутствия транспорта, поэтому встречи молодых людей из разных аулов происходили лишь когда молодые люди приезжали к родственникам. Свидания молодежи происходили втайне. Обычно знакомству парней и девушек из разных селений способствовали друзья и родственники, в большинстве случаев это были женге, тетушки – жены

старших братьев. Самой встречаться и разговаривать с незнакомым парнем для аульной девушки считалось зазорным поступком, бросавшим тень на ее репутацию. Из-за трудностей найти невесту на стороне чаще роднились семьи колхозников из одного села, представители разных родов.

Постепенно я отобрал для себя несколько кандидатур, среди них была и та стеснительная девушка. Откуда они узнали, не представляю, но родные, поторапливавшие меня с женитьбой, стали часто упоминать ее имя – Нуркамал. Ей было девятнадцать лет, и она действительно нравилась мне больше других, да и домашние одобряли мой выбор. Вначале несколько свиданий нам устроила женге, мы разговаривали, встречались в районном центре на собрании учителей, обменялись письмами и нашли общий язык.

Конечно, в таких случаях инициатива исходила от парня. Существовало несколько вариантов ответов девушки на предложение юноши стать его женой. Стеснительная, воспитанная казахская девушка, скромно выслушав, тихо отвечала примерно так: «Я вас поняла и обижать не намерена, но я сначала подумаю». Или так: «Агай, вы не обижайтесь и поймите меня правильно. Мое сердце занято. У меня есть парень, с которым имеется уговор. Вас тоже ждет впереди счастье, еще встретится вам прекрасная девушка». Если девушка, наконец, соглашалась на предложение парня, то говорила: «Если вы на самом деле любите меня, то я согласна быть с вами навеки».

Приблизительно так мы с Нуркамал договорились соединить наши судьбы. Представления о семейной жизни у нас были мизерными, единственное условие, которое поставила мне будущая супруга – получение согласия ее отца. Я ей тоже поставил одно условие – уважать мою маму и заботиться о ней. Мама перенесла много трудностей и испытаний и имела полное право на нашу любовь.

Все хлопоты о предстоящей свадьбе легли на старших.

Свадьбу решили устроить в ноябре. В этом меня убедил Айкен:

– Ты свое счастье не откладывай, тем более, что мать хочет порадоваться. Если сваты дали согласие, то, считай, и девушка готова.

На торжество собрались родственники из аулов, ближайшая родня, соседи и коллеги. Поскольку у нас было много русских соседей, да и на работе коллектив был смешанный, свадьба получилась интернациональной. Длилась она вечер и ночь. На следующий день собрались аксакалы и пожилые люди села, и у нас свершилось бракосочетание по мусульманскому обычаю. Происходило это так: в деревянный сосуд налили воду, мулла, читая молитвы, объявил о соединении наших судеб, затем дал выпить этой воды по глотку сначала мне, а затем невесте. Остальную воду выпили свидетели. В заключение мулла прочитал молитвы. Вначале я как комсомолец, как современный человек, был против этого обряда, но мама за сутки до того стала умолять меня о бракосочетании согласно шариату, и я не смог отказать ей в этом. И Нуркамал не была против.

Нежась в лучах любви и наслаждаясь медовым месяцем, мы забыли зарегистрироваться, и перед Новым годом нас вызвали в сельский совет и напомнили о необходимости официального заключения брака. Что мы и сделали.

По прошествии многих лет, прожитых в супружестве, я нередко вспоминаю о том чувстве, которое пламенем опалило меня при виде миниатюрной, как куколка, девушки. Что это было? Может, человек телепатически чувствует, что наконец-то встретил единственное необходимое ему существо, свою половинку? Или какая-то сила свыше подала мне знак? Этому явлению я так и не нашел ответа, хотя долго искал в различных источниках. И никому никогда не говорил о пережитом чувстве. В первый раз поведал о нем белой бумаге и тебе, дорогой читатель.

Возрождение школы

В первые послевоенные годы государство, ставившее экономику страны на мирные рельсы, не могло обеспечить систему образования даже самым необходимым: учебниками, пособиями, карандашами. Не говоря уж о том, что катастрофически не хватало педагогов и школьных помещений. Наша школа переживала трудности, типичные для того времени: не учились много подростков, отсутствовали школьные тетради, отчего дети вынуждены были писать огрызками карандашей между строчками книг и газет, требовало ремонта школьное здание, не отапливаемое в течение многих лет и т.д. и т.п. Но наш новый директор школы С. К. Калугин, полный энтузиазма и энергии, решительно взялся за решение проблем. Его дружно поддержал наш молодой коллектив. С. К. Калугин, бывший командир артиллерийской батареи, более трех лет воевавший под пулями врага, истосковавшийся по мирной профессии, говорил: «Мы, живыми вернувшиеся с войны, над могилами своих фронтовых товарищей давали клятву, что будем заботиться об их семьях. И должны эту клятву сдержать. Давайте вернем в стены школы сирот, что вынуждены были во время войны бросить учебу!» Прогнозируя будущее нашего села, Калугин утверждал: «Впереди годы благоденствия и достатка, а для этого должен подняться уровень культуры. Он зависит от того, как мы будем обучать и воспитывать нынешних детей, будущих граждан нашей Родины. Только мы, учителя, сможем поднять культурный и образовательный уровень сельских жителей. Это наш прямой долг. Приложим к этому все силы!»

В начале октября мы посадили за школьные парты всю молодежь своего села до 17 лет. Для осуществления этого нелегкого дела директору школы пришлось убеждать, агитировать, не раз спорить и даже ругаться с колхозными ру-

ководителями. Рабочих рук не хватало, и они не хотели отпускать своих малолетних работников в школу.

Учеников-переростков, севших за парты после долгого перерыва, приходилось нередко заново обучать письму, математике и многому другому, а школьных принадлежностей не было. Директор нашел выход. По его инициативе были собраны деньги с родителей учеников и с учителей, кроме того, в помощь школе выделили средства сельский совет и колхоз. В Усть-Каменогорск был отправлен человек для покупки тетрадей: по десятку на каждого ученика. А учебники купили на базаре у спекулянтов.

Для отопления школы директор вместе со старшими учениками и с учителями ездил за несколько километров на заготовку дров. Он заражал других своим энтузиазмом и примером. И хотя требования Калугина порой выходили за пределы его компетенции, люди беспрекословно подчинялись, потому что речь шла о работе на общее благо. Так протекал 1945 год, насыщенный не только трудностями, но и воодушевлением людей, долго мечтавших о мирной жизни.

Женская доля

С весны до осени сельчане трудились в поте лица на полях, а осенью опять сдали государству весь собранный урожай. Женщины-возницы доставляли это зерно на телегах, запряженных волами или навьючивали на верблюжьи горбы. В хозяйствах отсутствовали машины по очистке зерна, и колхозницы в ожидании своей очереди к зерноочистительным машинам целыми днями жарились на солнце у стен Заготзерна. Немногочисленные мужчины, вернувшиеся с фронта в 1945 году, не смогли заметно облегчить труд женщин. Одни были инвалидами, а некоторые здоровые предпочитали руководить. Вдовы же, чтобы прокормить

детишек-сирот, продолжали трудиться на тяжелой работе. Эти славные матери вырастили не только своих сыновей и дочек, они заботились и о детях родственников, оставшихся сиротами. Кайникеш – сноха Айтхожи из аула Топтерек, осталась с малыми детьми и с престарелой свекровью. Ее муж Шокан Айтхожин пропал на фронте без вести, и она воспитала и вырастила не только своих детей, но и трех детей двоюродного брата мужа. Рядовая колхозница из аула Аксуат Корпе апа вместе со своими двумя детьми вырастила и воспитала четырех детей-сирот родственников погибшего мужа. Зимой она ловила в полыньях озера Зайсан рыбу, возила в далекие пункты грузы на санях, запряженных волами, весной ходила за плугом, сеяла зерно... Все ее дети получили высшее образование и стали прекрасными специалистами. Среди них врачи, ветеринары, техники. Ее старший сын, долгие годы работавший директором совхоза, избирался депутатом Верховного Совета СССР. Прекрасно воспитанные дети всегда заботились о матери. Она дожила в окружении любящих детей и внуков до 97 лет. Таких матерей-героинь в народе тысячи. Долг живых сохранить их имена для будущих поколений наряду с именами фронтовиков, погибших на войне. Они были героинями тыла.

Учительская жизнь

По государственным стандартам рабочий день учителя равен шести часам, но на самом деле учителя заняты своей работой в 1,5-2 раза больше. Это проведение дополнительных занятий с неуспевающими учениками, проверка домашних и классных заданий, работа с родителями и многое другое. Кроме того, если учитель хочет остаться учителем, он должен постоянно обновлять и углублять свои знания, повышать профессиональный и общеобразовательный уро-

вень, следить за событиями в стране и в мире. Если педагог не будет неустанно повышать свою квалификацию, то исчерпает себя как специалист. Такое нередко случается с аульными и сельскими учителями.

Работая рядовым учителем, я долгое время не знал районных руководителей в нашей системе. Первый, с кем я познакомился, был заведующий районо, присланный в наш район. Дважды появлялся он у нас в качестве уполномоченного райкома и, бывая у меня в доме, ни словом не обмолвился о школе. Темы разговоров касались только мелких бытовых проблем. Это меня удивило. Он абсолютно не был похож на лидера педагогов района. Я тогда успокоил себя надеждой, что это единственный слабый руководитель в нашем районе.

Позже вызвал удивление еще один человек. На летних каникулах в район приехал в составе комиссии областного партийного комитета заведующий областным отделом народного образования Восточно-Казахстанской области Молдабаев Мубарак. Комиссия, закончив свои дела, приехала в наше село, чтобы сесть на пароход, и в ожидании его задержалась. Заведующий облоно решил тем временем встретиться с учителями местной школы. Сидя за учительским столом, он складно, на хорошем русском языке излагал проблемы, стоящие перед областной системой народного образования, но всех нас шокировало то, что во время разговора он безостановочно курил, выпуская клубы дыма изо рта и носа. А ведь курить не разрешалось не только в классе, но и в пределах всей школы. Мы подумали, что, может быть, таким большим начальникам этические нормы соблюдать не обязательно. И еще предположили, что его вольное поведение – своего рода проявление демократизма в кругу подчиненных.

Первые выборы после войны

Конец 1945 года и первые два месяца 1946 года прошли в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Как бы сейчас ни охаивали Коммунистическую партию, она умела хорошо организовать агитационно-пропагандистскую работу, объясняя народу свои политические идеи и хозяйственные планы. В период выборов в сельской местности создавались политкружки-десятидворки. Агитаторы собирали избирателей в одном доме, знакомили с положениями о выборах, разъясняли политику партии и правительства. Кандидаты в депутаты, объезжая населенные пункты, встречались с избирателями. Все эти встречи и сам день выборов проходили как большие праздники.

На выборах 1946 года кандидатом в депутаты в Национальный Совет Верховного Совета СССР избирался первый секретарь областного комитета партии Восточно-Казахстанской области Омаров Ильяс. Он приехал в Камышенский клуб на встречу, и избиратели встретили кандидата аплодисментами, стоя. В клубе было очень холодно даже после двух дней интенсивной предварительной топки. Несмотря на это, Омаров поднялся на сцену в «сталинке» – легком кителе военного покроя. Он сразу завоевал симпатию зала своим мягким и спокойным голосом, манерой держаться предупредительно и очень вежливо, говорить взвешенно и доходчиво. Первый секретарь был видным человеком. Широкий лоб свидетельствовал о незаурядном уме, а большие, задумчивые глаза за стеклами очков излучали доброту и спокойствие. За столом президиума он сидел, глядя в зал и не переговариваясь с рядом сидящими, поворачивая голову лишь в сторону трибуны, с которой выступали избиратели.

После встречи женщины, идущие по улице, обменивались впечатлениями:

– Кажись, нам повезло с депутатом. Видно, он человек слова, не болтун, как другие.

– Какой красивый казах! И сразу видно, что добрый. Доброй души человек!

– Наверное, осколок знатного рода. Видный парень, облагороженный Богом. Только ему следует остерегаться худого глаза и лишних разговоров.

Омаров был грамотным и мудрым человеком, подающим большие надежды, руководителем государственного масштаба, но тоталитарная система не дала ему возможности для продвижения в высшие государственные структуры.

Не все депутаты, избранные в высокие государственные органы, были достойны своего места. Под лозунгом самоуправления народа очень часто в депутаты выдвигались и избирались колхозники и рабочие – люди, далекие от политики. Сверху поступало указание, что, например, необходима кандидатура доярки, учительницы или рудокопа определенной национальности. Таковых и нужно было выдвигать кандидатами в депутаты. Не говорю о последних годах Советского государства, но ни в 1939 году, ни в 1947 депутаты, избранные в Верховный Совет Казахской ССР, не были способны ставить государственные задачи, а тем более решать их. Например, в 1939 году депутат, избранный в Верховный Совет республики, должен был быть учителем-казахом. Избрали человека, который не может двух слов связать перед большой аудиторией. Он просидел в депутатском кресле 8 лет и, даже проучившись 2 года в учительском институте, не достиг необходимого уровня. Как депутату ему предоставляли в районе должность заведующего районным отделом образования, а когда он с нею не справился, то назначили редактором районной газеты, затем – директором вечерней школы и, в конце концов – директором небольшой семилетней школы в ауле, но он везде только заваливал работу. В том же году в Верховный Совет республики депутатом

был избран свинопас колхоза. Это был простой человек, от природы спокойный, доброжелательный, но, кроме присутствия на сессиях, он ничего не делал и делать не мог.

На выборах 1947 года в депутаты районного совета Тарбагатайского района произошел курьезный случай. Доярка, рекомендованная местными властями для выдвижения в кандидаты, не прошла при спецпроверке соответствующими органами и потому выдвинули следующую за ней по производственным показателям. И когда та отказалась от оказанного ей высокого доверия, выдвинули третью, рядовую доярку.

Среди «народных избранников» было немало и неграмотных. Для представительства в центральных органах власти из числа рабочих и крестьян требовались люди, не имевшие собственного мнения, не обладавшие критическим и аналитическим мышлением. Они лишь поднимали руки при голосовании на сессиях. Таков был уровень демократии в стране.

Заочное обучение

Когда в начале 30-х годов создавалась программа народного образования для всей страны, то в числе прочего предусматривалось создание школ рабочей и крестьянской молодежи. Учащиеся в них обеспечивались общежитием и бесплатным питанием. Функционировали и вечерние школы, где молодые люди обучались после трудового дня.

В конце тридцатых, когда экономическое положение государства заметно улучшилось, наряду с техникумами, дававшими среднее специальное образование, были открыты рабфаки – рабочие факультеты, на которых можно было получить общее среднее образование. Молодежь из рабочих и крестьян после окончания рабфака поступала в вузы, от-

куда выходили специалисты для различных отраслей народного хозяйства. Кроме того, во многих вузах открылись заочные отделения, где можно было учиться без отрыва от производства. Учеба была бесплатной. Более того: студентам, обучавшимся на заочных отделениях, предоставлялись оплачиваемые дополнительные трудовые отпуска. Это была историческая заслуга государства, сумевшего в короткие сроки подготовить кадры, необходимые стране. Одним из таких заочников стал я. Перед самой войной экстерном окончив педагогический техникум, вернувшись с войны, я хотел продолжить учебу и стать специалистом с высшим образованием, но в те годы многие считали, что быть студентом в 24-25 лет зазорно, и учиться вместе с 17-18-летними студентами неудобно, даже стыдно. Я тоже так думал, а ведь немало фронтовиков, как я узнал позже, вернувшись из армии, поступали на очные отделения университетов или институтов и заканчивали их, невзирая на возраст.

Кроме возраста, меня останавливало и то, что я не считал себя вправе учиться очно: оставить мать еще на 3 года на попечение брата и самому снова обременять его, инвалида войны, материально. И я поехал поступать на заочное двухгодичное отделение Семипалатинского учительского института. Благодаря льготам, предоставленным фронтовикам, я поступил в институт на исторический факультет.

В то время продукты по талонам продавали только жителям города, поэтому иногородние абитуриенты-заочники привозили с собой месячный запас продуктов, а это целый мешок сухарей. Те, у кого была возможность, брали баурсаки и топленое масло. Привозить сырые продукты не было смысла – в общежитии института негде было готовить. Мы ели на завтрак и ужин домашние припасы, запивая их водой из-под крана, обедали в коммерческом ресторане или на базаре у торговок и там же пили чай.

Абитуриенты, устроившиеся в студенческом общежитии,

спали прямо на железных решетках кроватей, подстилая под себя пальто, если таковое имелось. Основное неудобство общежития состояло не в том, что спали без матрацев, одеял и простыней, а в том, что всю ночь кусали клопы. Однако, невзирая на все эти неудобства, мы, «иглой копая колодец», учились с увлечением. Лекции нам читали преподаватели дневного отделения. Среди них было несколько кандидатов наук, да и у других преподавателей были обширные и глубокие познания. До сих пор помню имена педагогов, с вдохновением и мастерством передававших нам свои знания. Это Бутлер, преподаватель истории древнего мира, Аккерман, читавший лекции по истории средневековья, Коноплев – знаток истории СССР. Лекции по классической педагогике читала финка Маненкайм – высокообразованная женщина лет шестидесяти, человек добрейшей души. Она общалась со студентами, как с близкими друзьями. И студенты уважали ее. В начале 50-х она была обвинена в приверженности к зарубежью и безвинно осуждена.

Вспоминаю и Николая Игнатьевича Малахова, проректора института, он всегда заботился о студентах-заочниках. В свое время в Семипалатинской семинарии он обучал русскому языку Мухтара Ауэзова.

Особое впечатление произвели на меня два преподавателя: Аманжолов и Совсун. Аманжолов – 24-летний инвалид войны, основной преподаватель математики в институте, читал заочникам лекции по философии. С одним листочком в руках он, широко шагая негнущейся ногой, излагал свои лекции по памяти. Зал, где собирались послушать Аманжолова студенты и с других факультетов, внимал, затаив дыхание. Его лекции были пересыпаны цитатами из работ Ленина, Маркса, Гегеля, приправлены народными пословицами, поговорками, притчами. Какова память, все это зафиксировавшая! Каков ум, все это систематизировавший! Способности этого преподавателя поражали всех. Через 2-3

года, защитив кандидатскую диссертацию по математике, он, к сожалению, умер от внезапной болезни.

Лекции заведующего кафедрой русской литературы Совсуна тоже бегали слушать студенты с других факультетов. Я слушал его анализ произведений Маяковского и понял: чтобы проникнуться стихами этого поэта, следует с чувством читать их вслух. На его лекциях я убедился в правоте слов Сталина: «Маяковский был и остается величайшим поэтом советской эпохи».

Поскольку в институте все лекции, кроме казахского языка и казахской литературы, читались на русском языке, я не знал преподавателей-казахов, кроме Аманжолова. Был, правда, у нас еще преподаватель Ягудин, плохо говоривший по-русски. Студенты дали ему прозвище «Закон сингармонизма», потому что он, принимая у русских студентов зачет по казахскому языку, всегда начинал с вопроса о законе сингармонизма. Студенты над ним посмеивались, потому что кроме этого вопроса он толком ничего не знал. Такие педагоги дискредитировали саму идею обучения казахскому языку.

Я закончил двухгодичный учительский институт с отличием и вместе с неполным высшим образованием получил «золотой диплом», дающий право на преподавание истории в 5-7-х классах. Мечта о полном высшем образовании не оставляла меня. Подготовившись в течение зимы, летом 1948 года опять приехал в Семипалатинск. Малахов, принимая документы, сообщил, что разница между программами учительского института и педагогического небольшая, и если я успею во время летней сессии сдать эту разницу, то можно будет государственные экзамены сдавать с 4-м курсом заочного отделения педагогического института.

«Небольшая разница» состояла в 17-и дисциплинах. Чтобы не растягивать учебу еще на целый год, я должен был успеть сдать эту разницу за 30 дней. И я выдержал за месяц все 17 экзаменов. В иные дни приходилось сдавать по

два экзамена. «5» баллов я получил по 15 дисциплинам, по одной «4» и «3» еще по одному предмету. Последний экзамен я сдавал с высокой температурой. Но зато 3 дня спустя, сдав еще четыре государственных экзамена на сплошные пятерки, получил диплом, дающий право на преподавание истории в полной средней школе.

Получив высшее образование, но оставаясь жить на периферии, думаю, я напрасно потратил годы на выполнение мелкой общественной работы, на пропаганду идей коммунизма и на рассказы об одних и тех же исторических фактах ученикам сельской школы.

Радость в семье

К засушливому 1945 году прибавилась засуха 1946. Снова появились нищие, просящие милостыню. Это были в основном пожилые люди и инвалиды, не получавшие от государства пособий и не имевшие поддержки от родных.

Инвалиды войны 1 и 2 групп, чтобы получить пенсию, независимо от заболевания или увечья, должны были периодически проходить медицинскую комиссию, даже те, кто лишились на фронте рук или ног, или потеряли зрение. Если инвалид хотя бы один раз пропускал очередное медицинское освидетельствование, то впредь пособие не выдавали. Имея зарплату, я стал стыдиться получать пенсию вместе с людьми, потерявшими трудоспособность, и однажды просто не пошел на очередную медкомиссию.

После первого курса института наш директор предложил мне возглавить учебную часть школы. Раньше на этой должности работал мой товарищ Кузнецов, с кем росли вместе, с кем ездили на учебные сессии. Мне казалось, что он неплохо справлялся с работой, поэтому я не сразу согласился принять предложение. Не хотелось обидеть приятеля и

вызвать неприязнь коллег. Лишь когда директор заявил, что в случае моего отказа будет вынужден принять на эту работу человека со стороны, и после того как мою кандидатуру поддержал педагогический совет, я согласился.

Оказалось, что директор имел все основания поменять прежнего завуча. Работе, к которой я приступил с горячим энтузиазмом, присущим молодости, не было ни конца, ни края. Я работал с раннего утра до позднего вечера. Через полгода из района и области приехали две комиссии по проверке жалобы на директора. Они уделили особое внимание моей работе. Их заключительные оценки говорили о том, что новый завуч знает свои обязанности и для улучшения работы учителей осуществляет эффективные практические мероприятия. А я сам в то время еще не мог различить, что у меня хорошо, а что плохо, не был удовлетворен результатами своей работы и видел, как много еще необходимо сделать, и потому удивился положительной оценке. Я тогда еще не вполне осознавал мудрость пословицы: «Если похвалят умного, он будет осторожен, а глупого похвалят – будет хвастать».

Осенью 1946 года в нашей семье произошли два радостных события. Первое – школа дала мне новую квартиру, и мы вместе с мамой стали жить отдельно от семьи брата. После шестнадцати лет, прожитых вместе, мне было неловко оставлять Айкена, столько помогавшего нам в трудные годы. Я никак не решался сказать ему о предстоящем уходе, но брат обрадовался этой вести, услышав ее от других людей, и взял в свои руки хлопоты, связанные с переездом.

Вторая наша радость – в том же ноябре родился наш с Нуркамал первенец, первый внук мамы. У казаха, радующегося неизвестно отчего, обычно спрашивают: «Что, твоя жена родила сына?» Но я, следуя исконной традиции казахов, не выражал свои эмоции открыто, а радовался про себя, долго прогуливаясь по двору.

История вступления в ряды партии

Победа народов Советского Союза над германским фашизмом подняла авторитет и без того прославленной Коммунистической партии. О победе, доставшейся ценой более 20 миллионов жизней, говорили так, будто ее принесли на золотом блюде компартия и ее верховный вождь товарищ Сталин. Нам постоянно внушали, что партия – передовой отряд советского народа, и в ее рядах могут быть только лучшие люди страны, верные идеям Ленина. Многие из советских людей, зомбированные подобными лозунгами и понятиями, хотели быть коммунистами. К тому же обладание билетом с красной корочкой открывало многие двери, прокладывало путь к карьере, но большинство искренне верили в идеи партии и стремились принять участие в их осуществлении. В числе таковых был и я. Долгое время я не собирался вступать в ряды КПСС, возможно, потому что с детства не любил чинопочитание и должностных лиц. Но главной, сдерживавшей меня причиной, было мое происхождение. Со временем люди, хорошо знавшие меня, коммунисты с многолетним стажем, стали убеждать вступить в их ряды, потому что я, по их мнению, был на хорошем счету и как педагог, и как активный общественник, кроме того, пролил на фронте кровь за партию и народ. В ответ на уговоры я напоминал о своем сословии и о том, с каким большим трудом в 1938 году вступил в комсомол.

В ответ меня убеждали, что взгляд на классовый вопрос изменился, что важным «положительным моментом» является мое раннее сиротство, отчего я не знал воспитания отца, врага советской власти, и в довесок приводили слова Сталина о том, что за отца сын не в ответе. И, наконец, самым убедительным доводом было то, что секретарь первичной партийной организации уже советовался по поводу моей кандидатуры с первым секретарем райкома.

Меня уговорили, но все мои опасения оправдались. Когда на заседании бюро райкома партии прочитали мое заявление и биографию, второй секретарь райкома, не задав никакого вопроса, сказал, как отрезал: «Мы не можем засорять партию, принимая в ее ряды сына кулака. Шаяхметов не может быть принят кандидатом в члены партии!» После этих слов первый секретарь попросил меня выйти из кабинета и подождать в коридоре. Ждал я довольно долго, наконец, меня позвали, и первый секретарь объявил: «Бюро отказало в принятии тебя в ряды партии».

Что я мог сказать? На заседание, решавшее мою гражданскую судьбу, я пришел молча и так же, не сказав ни слова, вышел. До сих пор недоумеваю, как же они, нарушив устав партии, рассмотрели вопрос о партийности без участия заявителя. То ли первый секретарь, поддерживавший мою кандидатуру, опасался, что произойдет раскол среди членов бюро, то ли авторитет второго перевесил все доводы, но мою судьбу решили без меня.

Решение бюро райкома партии стало сильным ударом, вызвавшим много сомнений, размышлений. В первый момент я почувствовал себя униженным и оскорбленным оттого, что меня сочли недостойным быть в числе лучших. Это чувство усилило, буквально сразило слово «тебя» при обращении ко мне первого секретаря. Так ко мне обращались только в семье и близкие друзья. Тогда я не знал, что первый руководитель района со всеми разговаривал на «ты».

За 20 километров пути к дому я успел почувствовать себя несчастнейшим человеком. Затем стал думать о том, что сделал несчастной свою избранницу, потому что она вместе со мной будет такой же неполноценной, как и я. К удивлению и облегчению, родные и близкие отреагировали на мои переживания с житейской точки зрения:

– Не стоит придавать этому такого большого значения и незачем так переживать! Разве те, которые не в партии, от

голода умирают или остаются в стороне от общества?

Коллеги утешали по-своему:

– Не переживай. Бюро райкома – не последняя инстанция. Ты достоин стать коммунистом. Напиши жалобу в Центральный комитет партии, опротестуй решение бюро райкома.

Какое счастье, что есть люди, которые могут рассеять твое горе, дать дельный совет, облегчить страдания!

После долгих сомнений я написал заявление в ЦК Компартии Казахстана и отправил. Через полтора-два месяца пришел ответ. В нем было сказано: «Ваше заявление о принятии в ряды партии должно рассматриваться на общих основаниях в местных партийных органах: в первичной организации, в бюро райкома партии». Другими словами, это было подтверждение того, что решение райкома партии верное. После этого, как мне тогда казалось, пути в партию закрылись навечно. Мои агитаторы тоже притихли, видимо, поняли, что проблема легко не решится. И все же в моем сознании закрепилась мысль: «Ты должен быть в рядах партии, на это ты имеешь полное право». Я сам стал верить в это почти фанатически. Меня полностью захватила мысль, что правда должна восторжествовать во что бы то ни стало. И я решил написать письмо Сталину. В нескольких вариантах изложил вождю свою историю: о том, что, оставшись в 10 лет сиротой, не знал классового влияния, учился в советской школе, воспитывался в рядах комсомола. В Великую Отечественную войну участвовал в сражении под Сталинградом и теперь, вернувшись инвалидом в родные края, воспитываю детей в духе коммунизма, что сам лично верю в идеи Ленина и в светлое будущее – в победу коммунизма и постоянно пропагандирую эти идеи. Написав письмо вождю, никому о том не рассказывал и боялся его отправить.

Наступил май 1947 года, вторая годовщина Победы. Была горячая пора посевной, когда мы узнали, что первый секретарь обкома партии Ильяс Омаров по пути в Зайсан-

ский район будет отплывать от нашей пристани.

Самым многолюдным местом в нашем селе всегда была пристань. Когда подходил пароход, все население – мужчины, дети, женщины и старики, собиралось у причала. Домохозяйки приносили продавать яйца, молоко, муку, тары и другие продукты. Их покупали в основном пассажиры и рабочие-грузчики с парохода. В послевоенные годы был очень распространен бартерный обмен. За продукты давали чай, отрезы материи, готовую одежду, посуду и другие вещи. Матросы покупали лошадей, коров, овец и свиней живьем и грузили на пароход. И на этот раз, услышав гудок парохода, все бросились гурьбой на пристань.

Пока я шел в галдящей толпе, внезапно пришла мысль пожаловаться Ильясу Омарову на то, что мне отказали в приеме в партию. Вдруг поможет... Возможно, он меня запомнил, когда в прошлом году во время его встречи с избирателями я выступал с трибуны с приветствием в его адрес и с поддержкой его кандидатуры.

Добравшись до пристани, я увидел, как первый секретарь обкома партии наблюдает за погрузкой своей служебной легковой машины на пароход. Рядом стоял первый секретарь райкома. Сразу подойти я не осмелился, но когда первый секретарь райкома отошел от Омарова, я обратился:

– Товарищ Сатыбалдин, я хотел пожаловаться первому секретарю обкома партии по поводу того, что мне отказали в приеме в ряды партии. Помогите мне встретиться с ним.

Фактически я просил у первого секретаря райкома помощи в том, чтобы было отменено решение бюро райкома партии, которое он возглавлял. И Сатыбалдин, велев мне стоять на месте, обещал переговорить с Омаровым.

Я во все глаза следил за обоими секретарями. Подойдя к краю нижней палубы, секретарь райкома подал мне знак, подзывая к себе, и когда я птицей подлетел к ним, то он тихо отошел, оставляя меня наедине с секретарем обкома. Паро-

ход дал второй гудок, сигналя о скором отплытии.

– Ты в этом селе работаешь учителем? – сам начал разговор секретарь обкома. То ли об этом сообщил мой «посол», то ли он сам меня узнал, но дал понять, что помнит меня. До третьего гудка парохода я успел быстро высказать свою жалобу и замолчал, ожидая ответа. Ильяс Омарович пообещал:

– Работай, не переживай. Я все улажу.

Я испытал облегчение при этих словах, почувствовав, что теперь дело решится положительно. Пароход дал свой последний сигнал, на берегу и на палубе парохода люди засуетились, я тоже торопливо попрощался, поблагодарив и пожелав здоровья своему собеседнику.

Ильяс Омарович сдержал свое слово. В ноябре, то есть через полгода, я без всяких проволочек был принят кандидатом в члены партии. Вступление в ряды членов партии далось мне гораздо легче.

В партийных кадрах очень высоко ценилось, как они выступают на собраниях. Летом 1948 года я окончил пединститут, и отдел пропаганды и агитации райкома партии поручил мне прочитать лекции по марксисткой философии пропагандистам в системе партийной учебы. Я подготовился и прочитал эти лекции. Видимо, они понравились, и мне поручили прочитать их сотрудникам аппарата райкома, а затем на собрании партийного и хозяйственного актива района. После этих лекций, несмотря на то, что до истечения кандидатского стажа не хватало месяца, меня пропустили через бюро. У той спешки были свои причины. Об этом речь впереди. Но я хочу сказать, что всей душой был предан идеям партии, отдал ей все силы, энергию и знания на своем трудовом поприще. К сожалению, все эти идеи и труды развеялись по ветру.

Прощание с любимой школой

В своей родной школе я работал с перерывом на войну с 1939 года до конца 1948-го. Будучи единственным казахом в педагогическом коллективе, никогда не ощущал в связи с этим никакого дискомфорта. Все, с кем я общался, относились ко мне как родственники. Коллеги по работе, бывшие одноклассники, поддерживали меня и беспрекословно выполняли мои поручения. Между нами никогда не было секретов, мы сообща выполняли общее дело, и работа у нас всегда спорилась. Наша школа была образцом для других, опыт лучших педагогов распространяли в других школах. Думаю, что в этом была отчасти и моя заслуга как заведующего учебной частью.

Казахов в районе было меньше, чем представителей других национальностей, и вопрос обучения казахской детворы на родном языке не поднимался. Когда я, составив список более 30 казахских детей, желавших обучаться на родном языке, приложил к нему заявления их родителей и поставил перед руководителями района вопрос об открытии 1- 4 казахских классов, то одни удивились, а другие откровенно посмеивались. Районные финансисты приводили доводы об отсутствии средств для раздельного обучения казахских детей. Но существовало положение, согласно которому при наличии в населенном пункте сельской местности 15 детей можно было открывать начальную школу с одной группой. А почему нельзя в русском селе, имеющем 30 детей-казахов, открыть начальные казахские классы? Задавая этот вопрос и аргументируя заявлениями родителей, при поддержке райкома партии я поспособствовал открытию первых в районе казахских классов в школе с русским языком обучения.

После окончания института меня стали приглашать то на должность директора в одну из периферийных сельских школ, то на инспекторскую работу в районо, но я, не желая менять место работы, не принимал этих предложений.

В тот год в районе сменился первый секретарь райкома. Прежний уехал на учебу, и вместо него пришел Жусипов Садуакас, только что окончивший двухгодичную высшую партийную школу. Ему, как водится, многие хотели угодить, чтобы завязать личное знакомство. В большинстве случаев добивались успеха применявшие нечестные приемы.

Время прихода Жусипова совпало с политикой компартии по замене прежних малограмотных руководителей районного звена на людей, имеющих образование. Для замены прежнего малообразованного председателя райисполкома понадобилась кандидатура казаха с высшим образованием. Два казаха с высшим образованием, работавшие на рудниках, отказались прийти на эту должность, и выбор пал на меня, третьего в районе казаха, имевшего высшее образование. (По этой-то причине так торопились принять меня в ряды партии). Я отказался от этого предложения, мотивируя тем, что еще молод и не имею опыта работы в советских органах. Жусипов предложил подумать, посоветоваться с семьей, но я не сказал об этом никому, даже супруге, потому что у меня изначально не было никакого желания идти на эту работу. Зачем говорить о том, чего не будет? Я считал, что недостоин этой должности. Мне, как и многим в то время, был присущ, по определению Энгельса, «деревенский идиотизм», когда думаешь, что все начальство – это сверхгениальные люди, почти полубоги.

Через полмесяца меня пригласили в райком партии на повторную беседу. Всю дорогу в санях я думал, какие еще веские доводы привести для убедительного отказа от должности и, наконец, решил, что заострю внимание на своем происхождении. Однако этого не понадобилось. Меня ждал заведующий отделом агитации и пропаганды обкома партии Журсинов. Вопреки ожиданию, он сходу предложил мне стать …лектором обкома партии. Притом сказано это было так, будто я давно просился на эту работу и теперь с

радостью приму приглашение. Не ожидавший такого поворота, я растерялся и некоторое время сидел молча. В то время лекторы, приезжавшие к нам в глубинку, неинтересно читали лекции, факты у них были те же, что и в средствах массовой информации, они повторяли чужие мысли, поэтому лекторская работа мне определенно не нравилась. И я наотрез от нее отказался.

Как стало известно позже, областной уполномоченный, проявив классовую бдительность, обратил внимание и на мое происхождение, и на то, что я молодой, неопытный коммунист, на отсутствие у меня опыта руководящей работы, – одним словом, он меня официально забраковал, как кандидата на должность председателя райисполкома.

При подборе кадров в те годы в первую очередь обращали внимание на их классовое происхождение. Мы с аксакалом Журсиновым потом много лет, пока он не вышел не пенсию, работали в одной системе. Он долгие годы возглавлял отдел школ, высших учебных заведений и науки в обкоме партии, был директором Усть-Каменогорского индустриального техникума. Немногословный, спокойный Естай Турсынбекулы был одним из самых авторитетных руководителей в системе народного образования области.

Первый секретарь райкома партии, не смирившись с тем, что предложенная им кандидатура не прошла, в том же 1948 году предлагал меня в районный отдел пропаганды и агитации, затем – заведующим районным отделом образования, но высшее партийное руководство опять не утвердило меня, а ему сделало замечание. Несмотря на это, в один прекрасный день, видимо, без согласия области он, пользуясь правом райкома утверждать некоторых работников районного масштаба, вызвал меня на заседание бюро райкома партии и, не спрашивая моего согласия, объявил: «Имеется предложение утвердить кандидатуру Шаяхметова директором Ширикаякской средней школы». Затем, быстро спросив: «У

кого какие предложения?», оглядел членов бюро и, не дожидаясь ответа, произнес: «Если никто не против, то прошу проголосовать». Я не стал противиться.

Из этого примера видно, как компартия в одночасье решала и судьбы людей, и дела государственной важности.

Нелегко было оставлять родную школу, где я многое узнал, в которой мне было так комфортно многие годы. Со мной не хотели расставаться ни учителя, ни ученики, и проводили с почестями.

Среди рудокопов

На землях нынешнего Катон-Карагайского, Курчумского и Маркакольского районов было создано несколько участков, перерабатывающих цветные металлы. Их объединяло горнорудное управление «Нарымолово». Рудокопы все наземные и подземные работы выполняли вручную, без использования техники. Полиметаллические руды добывались в закрытых шахтах ручными кайлами, сверлами и затем в не полностью обработанном виде отсылались на заводы страны. Из транспорта были только запряженные лошадьми телеги и сани.

Хотя рудник был основан более 10 лет назад, кроме трехчетырех домов, где располагались управление и семьи руководства, все прочие были глинобитными, построенными вразнобой, без намеков на архитектурные проекты. И все же по сравнению с колхозным аулом это был более цивилизованный, электрифицированный поселок. В нем были радио, кинодвижок, почта и четыре магазина: продуктовый, промышленных товаров, хозяйственный и книжный. В магазинах товары спокойно лежали на полках. Жители поселка покупали их на заработную плату и на боны. Боны были только у рудокопов, они жили гораздо лучше колхозников, и

их быт в корне отличался от крестьянского. Рудокопы питались куда разнообразнее, нежели сельские жители, носили одежду без заплат, в их домах были новые, ранее не виданные мною вещи. Все это на первых порах могло показаться чуть ли не раем.

Ширикаякская средняя школа с тысячью учащихся находилась в пятитысячном поселке рудокопов Ширикаяк на южном склоне Алтайских гор, на правом берегу Иртыша. Она считалась образцовой и была гордостью района. В школе были русские классы с первого по десятый и казахские с первого по седьмой. Вначале управлять коллективом с налаженной системой учебы, с опытными, квалифицированными педагогами особенных трудностей не составляло. Поработав с месяц, я стал замечать недостатки в организации учебного процесса. Их оказалось немало. Во-первых, контроль за работой педагогов был недостаточным. Учителя не использовали готовые наглядные пособия, не слишком тщательно проверяли домашние задания учащихся, в школе напрочь отсутствовала методическая работа. Пришлось реформировать учебный процесс, но делалось это постепенно и системно, чтобы не травмировать членов коллектива.

Ширикаяк был центром крупного рудоуправления, где в различных подразделениях работало много технической интеллигенции. Рудокопы занимались спортом: лыжами, волейболом, футболом, шахматами. Управление рудниками, профсоюзная организация не жалели средств и на культуру. Ее уровень мог соперничать с городским. Здесь было много образованных, интеллигентных людей, и я нашел среди них добрых друзей, мудрых советчиков.

Директором управления рудника был Черкасов Юсуф Васильевич, черкес по национальности, энергичный мужчина лет сорока, небольшого роста, со взрывным характером, присущим кавказцам, большеглазый и симпатичный. Юсуф Васильевич был трудоголиком. По специальности горный

инженер, он хорошо знал нужды рабочих и проявлял о них отеческую заботу. У него был директорский фонд, средства которого расходовались по его личному распоряжению для покрытия чрезвычайных производственных затрат и на социальные нужды. Черкасов не жалел средств фонда для попавших в трудную жизненную ситуацию. Возглавляя производство более 5 лет, для себя он не взял из фонда ни копейки.

С именем Черкасова на руднике связана история, которая со временем получила почти фольклорное звучание: «О том, как колхоз ребро своего завхоза обменял на годовой запас угля» А дело было так. Рудник заготавливал лес в верховьях реки Курчум и сплавлял его вниз. Рабочие вылавливали приплывший лес из реки и увозили за 20–25 километров на рудник. Их семьи на полях ближайшего колхоза выращивали овощи, пока в сентябре 1949 году не вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», запретившее отдавать колхозные земли в пользование предприятий и трудящихся. Тотчас после выхода постановления колхоз принялся выкапывать картофель и собирать овощи, выращенные рабочими на колхозной земле. За этим делом их застал Черкасов, узнавший о происходящем от своих рабочих, но не проинформированный о выходе постановления. По обыкновению распалившись, он принялся кричать женщинам, копавшим картошку:

– Прекратите это беззаконие!

Колхозницы, игнорируя его возмущение, продолжали делать свое дело. Оттолкнув стоявшую поблизости женщину, директор отобрал у нее лопату. Стоявший рядом завхоз колхоза, инвалид войны, тоже разгневавшись, вцепился в лопату в руках у Черкасова. Рассердившись пуще прежнего, Черкасов огрел инвалида лопатой. Тот упал с ушибленным ребром, и колхозницы, причитая, бросились к нему,

а одна с криком: «Человека убили!» побежала в колхоз за подмогой. А Черкасов – виновник скандала, сел в машину и уехал. Вечером того же дня начальник-драчун, осознав, что совершил беззаконные действия, пришел с повинной к председателю колхоза с бутылкой. Для пострадавших он принес рубашку и платье и попросил председателя уговорить колхозников не жаловаться, пообещав колхозу любой откуп. Председатель, довольный подношением директора, уговорил пострадавших не писать заявления, а затем члены правления стали сообща решать, какой взять откуп у директора за его бесчинства. Остановились на тонне каменного угля для колхозной кузницы. Уголь был доставлен, а по округе стала гулять похожая на анекдот история.

Главный инженер управления в противовес директору был спокойным человеком, не выходившим из себя ни при каких обстоятельствах – Жасай Жангазулы Битанов. Молодой инженер-горняк, окончивший институт перед самой войной, всегда успокаивал вспыльчивого и горячего директора. За два года общения с Жасеке я многому у него научился. Это был образованный человек, любивший и ценивший искусство. И старшим, и младшим он представлялся просто как Жасай, не поддерживая уважительное Жасеке или официальное Жангазинович.

Когда по всему Восточному Казахстану рудники полиметаллов были объединены в трест «Казолово», Битанова назначили директором, а позже он возглавлял рудник в Каратау. Впоследствии он работал в аппарате Совета Министров Казахской ССР.

В поселке рудокопов было много интересных людей, обладавших различными дарованиями. Закен Кисыков, начальник продснаба «Нарымолово», научил меня одеваться современно и обставлять дом, разумно используя домашний бюджет. Прекрасные кюи домбриста Шайкы Кусаинова, пенсионера и бывшего рудокопа, помогли мне осознать глубину

души родного народа, заложенную в этих мелодиях.

Два года, проведенные в Ширикаяке, стали для меня вторым институтом. До сих пор я ценю это время, как неповторимое, золотое, способствовавшее моему становлению и развитию и как молодого специалиста, и как личности.

Рассказ о рудокопах хочу завершить одной историей. В начале 1950 года проходили очередные выборы депутатов в Верховный Совет Союза ССР. В ходе подготовки к выборам кандидаты активно встречались с избирателями. Очередь дошла и до нашего района. К нам должны были приехать кандидаты в депутаты: секретарь, возглавлявший отдел промышленности Центрального комитета компартии Казахстана Каржаубаев и первый секретарь обкома партии Восточно-Казахстанской области Пазиков со свитой. Изменчивая погода Алтая показала себя во всей красе: всю округу замело бураном. Гости в течение двух дней не могли преодолеть шестьдесят километров, чтобы добраться к нам, и вынуждены были вернуться с дороги назад. В этой неудаче первый секретарь обкома обвинил первого секретаря райкома: «Кто не смог организовать встречу кандидатов в депутаты с избирателями, тот не может возглавлять район». Но одной этой причины было мало, чтобы снять с должности первого секретаря. Вскоре появилась и другая. В райком партии пришел с жалобой колхозник, избитый председателем колхоза. Ему пообещали, что председатель будет наказан, но тем и ограничились. Пострадавший колхозник пожаловался в обком партии. В итоге первого секретаря сняли с должности за то, что в райкоме партии «прикрыли» преступные действия председателя колхоза.

Останавливаюсь на таких, казалось бы, малозначительных эпизодах потому, что они очень показательны. Это было время, когда партийные, советские органы имели очень большое влияние на жизнь каждого человека.

Поездка на жайляу

Ширикаяк неподалеку от наших родных мест. Его климат, растительность, воздух – все напоминало наши жайляу. Мама, сразу уловившая это сходство, любуясь природой, вспоминала родные края, что выше по склону гор, летние стойбища, где мы проводили лето 20 лет назад: Ку шокы, Танаш, Шуршит суы, Уркер, Отей туйыгы, Куйын су. Она радовалась чистому горному воздуху, прохладному ветерку, красоте природы окрестностей Ширикаяка и мечтательно рассуждала: «Есть ли нынче те земли? Может, они изменились... Посмотреть бы хоть разок одним глазком!»

Неужели я не мог доставить ей это удовольствие? И мы решили провести летний отдых на тех жайляу, утешить и порадовать маму.

У казахов есть обычай не планировать дорогу заранее. Родился он оттого, что в дороге каждого путника ждет неизвестность. Чтобы подстраховаться на случай непредвиденных неприятностей, у каждого народа существуют свои приметы и слова. Например, русские, прежде чем отправиться в путь, на несколько секунд присаживаются, а казахи перешагивают порог правой ногой. Садясь в машину, на коня или другой транспорт, произносят: «Бисмилля», «О Боже, открой путь».

Чтобы доехать до жайляу, где жили животноводы района, мы выбрали старый караванный путь. На крутом спуске в ущелье Буланды лошадь, не выдержав напора телеги, понесла по узкой дороге. Направо – пропасть, налево – крутые скалы. Если телега повернет влево, то ударимся о крутые скалы, если вправо – сорвемся в пропасть.

Пока мы неслись таким образом, я был сосредоточен на одном – не дать телеге отклониться от середины дороги. И вдруг впереди показался крутой поворот влево. При такой скорости телега непременно перевернется. Что тогда будет!

Между мной и мамой сидел мой первенец двух с половиной лет. Не чувствуя опасности, он с интересом наблюдал за происходящим. Я решил сбросить его наземь, чтобы не погиб, когда телега на крутом повороте перевернется, но в этот самый момент слева, между скалами, заметил проем, в который можно проскочить. Я стал направлять лошадь к проему, но не справился, и телега все-таки перевернулась. Воцарилась тишина. Все безмолвствовали. Осознав себя лежащим под телегой ничком, я приподнялся и убедился, что руки и ноги целы. Выбравшись, увидел торчащие из-под повозки ножки ребенка и вытащил его. Малыш с удивлением смотрел на меня, не понимая, что произошло. Жена и товарищ, сидевшие позади нас, оказывается, успели спрыгнуть, когда лошадь понесла, и теперь бежали к нам на помощь. Вытащили из-под телеги маму и порадовались, как нам всем здорово повезло: мама отделалась лишь синяком на колене, ребенку травинка поцарапала десны, и у меня все было в порядке.

К счастью, лошадь под напором телеги упала на спину головой вниз, ногами вверх. Запутавшись в упряжке, она была не в состоянии пошевелиться и застыла без движения. Нас спасла от неминуемой гибели и травм эта ее неподвижность. У казахов есть пословица: «Не ходи позади лошади, чей нрав тебе неизвестен», а мы, доверившись лошади, не ездившей по горной дороге, чуть не погибли всей семьей.

Придя в себя, мы распрягли лошадь, поставили телегу на колеса, снова запрягли лошадь, но никто из нас не хотел в эту телегу садиться. Женщины от нее шарахались, а ребенок плакал, когда мы пытались посадить его туда. Хорошо, что до цели путешествия оставалось совсем немного, и мы как цыгане пошли пешком. Так и пришли в аул пастухов, удивив их своим шествием рядом с пустой телегой.

На жайляу нас ждала семья зятя Абдрахманова Акана, кочевавшая вместе с колхозными отарами. Мы поселились

в юрте моей сестры Жаметай. Стояло лето 1949 года. В то время поголовье скота в колхозах было невелико, в самых богатых хозяйствах насчитывалось всего 2-3 отары овец, 20-30 лошадей, 40-50 бычков и яловых телок, были еще дойные коровы, остававшиеся в долине. У рядовых животноводов юрт не было, их имели лишь заведующие фермами. Пастухи, перегоняя животных с места на место, каждый раз рыли что-то вроде землянок, где селились семьями. Поскольку колхоз не снабжал пастухов достаточным количеством продуктов, они питались преимущественно молочной пищей. Каждая пастушеская семья с разрешения заведующего фермой брала на попечение 10-20 объягнившихся овец, их доили и из молока делали курт, творог, иримшик, сыр, сбивали масло, этим питались все лето и делали запасы на зиму. Официально доить колхозных животных и получать продукты в личных целях не разрешалось, но это делалось.

Ради свободной жизни на летних жайляу и из-за молочных продуктов люди согласны были терпеть все тяготы нелегкой профессии. Жизнь, быт колхозников-животноводов мало чем отличались от положения бывших байских пастухов. Раньше пастухи пасли личный скот бая, а теперь пасли общественный, колхозный скот – вот и вся разница.

Пастухи – простодушные, щедрые люди, готовые отдать все, что имеют, и без стеснения попросить что-либо у других. Они с превеликой радостью приняли нас в свое общество. Наша пища была для них вроде деликатеса. Женщины выпрашивали у нас муку для лепешек, чай для заварки, рис для плова. А картошку мы раздали всем поровну в первый же день приезда, чтобы сварили ее в мундире для детей, как лакомство.

Нам понравилось отдыхать на жайляу среди этих людей, и спустя год мы повторили поездку.

Польза от депутатства

В район пришел новый руководитель. Новая метла метет по-новому, началась перестановка кадров. Вдруг выяснилось, что скрыл свое кулацкое происхождение заведующий отделом агитации и пропаганды райкома партии, другой – заведующий отделом народного образования – не доложил, что был в немецком плену, третий нарушил законы советской торговли. Эти и еще 2-3 заведующих отделами по разным причинам были сняты со своих должностей. Мне и дела не было до этих перестановок, я работал, не обращая на них внимания.

В конце 1950 года проходили очередные выборы в местные (аульные, районные, областные) органы народного самоуправления. К нам в школу прибыл уполномоченный из района и с видом большого одолжения сказал собравшемуся коллективу, что партия доверяет нам выдвинуть в районный совет одного кандидата в депутаты. Оказалось, этим человеком являюсь я. Никто предварительно не говорил со мной, не спрашивал согласия, но я не стал отказываться. Подумал, что райкому виднее: показатели у школы высокие, вот и решили меня облагодетельствовать. Выборы прошли. Я был избран депутатом в районный совет.

В день выборов около десяти избирателей написали мне благие пожелания на своих бюллетенях. Наверняка, это сделали мои коллеги. Их доброе отношение меня вдохновило, и я решил и впредь трудиться, не жалея сил.

Буквально через несколько дней после выборов мне предложили возглавить районный отдел образования. Я стал отказываться, но новый секретарь райкома на сессии районного совета, не тратя время на уговоры, просто поставил мою кандидатуру на голосование, и меня единогласно избрали. А я в знак протеста продолжал работать в своей школе. Так прошли две недели. В области стало об этом из-

вестно, секретарь райкома получил нагоняй, и вскоре пришла телеграмма: «Завтра в район прилетает специальный самолет. Отправьте на нем Шаяхметова в обком». Под крики и угрозы районного начальства я прилетел в область, едва не окоченев в двухместном открытом самолете. Первый секретарь райкома партии привел меня в отдел пропаганды и агитации обкома. (В то время в обкоме не было отдела народного образования). В кабинете сидели заведующий отделом Галиев и заведующий областным отделом образования Бимендин. Втроем они принялись агитировать меня, а я приводил свои доводы и не соглашался. И тогда Галиев предложил не тратить время попусту и пойти к первому секретарю обкома Пазикову. Когда мы, одевшись, собрались было идти, Бимендин сказал мне:

– Братец, зачем нам идти к первому? Ты лучше соглашайся, прими предложение. Этот старик с характером, если разгневается, то будет худо. Ты в этом кабинете соглашайся, не морочь голову ни себе, ни другим.

Тут я и сам подумал: «Кто я такой, чтобы идти к первому секретарю обкома? Мне директорство тоже предложил райком партии. Если буду так ерепениться, то Бог может отобрать и то, что имею».

Так я дал согласие на новую должность и с 1 января 1950 года приступил к работе в районном отделе образования. Позже узнал, что на это место был необходим казах с высшим образованием, и выбор пал на меня, поэтому даже не стали считаться с моим происхождением. По аналогии я вспоминаю пример из российской истории. Николай II в 1904 году поручил губернатору Туркестанского края генералу Куропаткину, не отличавшемуся особыми военными способностями, возглавить войска во время русско-японской войны. На что генерал сказал: «Коли выбрали такого бедного генерала, значит, Вашему Светлейшему вниманию никто, кроме меня, не попался». Так и меня, избрав депутатом, с криком,

с шумом, с участием областных инстанций заставили работать на должности заврайоно. Наш первый секретарь позже понял, что недооценил важность классового вопроса. Когда впоследствии он дважды предлагал меня на другие высокие должности, то сверху встречал отпор. Сто голов овец и десять лошадей в хозяйстве моего отца подобно стене ограничивали мою служебную карьеру.

Работа в районо

Первые руководители районов и областей не уделяли особого внимания образованию, культуре и здравоохранению, предоставляя контроль за ними своим заместителям, заведующим отделами аппарата или даже инструкторам. Первый руководитель контролировал полеводство и животноводство. Общественный скот, сев, уборка и сенокос были важнее здоровья, досуга и образования колхозников и их детей. Потому что с них так спрашивали. Тем не менее всегда было достаточно советников, дававших указания. Обычно они не вмешивались в учебно-воспитательный процесс, их интересовал только подбор кадров. Зная об этом, я сразу поставил перед первым секретарем условие, чтобы в вопросы подбора кадров никто не вмешивался. И заручился его согласием поддерживать мои решения. Правда, предварительно я должен был получить его одобрение.

Прежний заведующий районо Константин Кузнечевский охарактеризовал мне всех директоров школ, но ничего не смог сказать о проблемах образования в масштабе района. Он два года назад с должности директора Ширикаякской школы получил повышение до заведующего районо и всегда находил общий язык с районным начальством, ладил с подчиненными ему директорами. Сняли Кузнечевского потому, что при вступлении в партию он скрыл, что во время

Отечественной войны был в плену у немцев. Два года назад я занял его директорское кресло, а теперь опять пришел на его место в районный отдел образования. Мне было его жаль. Человек активно трудился, а его по сути обвиняли в том, что, попав в плен не по своей воле, он не погиб там, а вернулся живым. Все, кто знал Константина, не скрывали сочувствия к нему. Кузнечевский попросил меня назначить его в Ширикаякскую школу на прежнее место – директором. В его директорской деятельности были серьезные недостатки, но хотелось его морально поддержать, и я исполнил его просьбу. Кузнечевский был «наказан» – переведен с зарплаты в 790 рублей на место, где будет получать 2000 рублей. А я, депутат, получивший повышение, наоборот, был переведен с места, где платили 2000 рублей на должность с зарплатой в 790 рублей.

В отдаленных от райцентра населенных пунктах было немало детей, окончивших только четыре класса. Учиться дальше они не могли из-за плачевного состояния школьных зданий. Чтобы решить эти проблемы, мы уточнили в сельских советах списки детей школьного возраста, чтобы там, где это необходимо, открыть группы начального обучения, а в центрах укрупненных колхозов при школах-семилетках построить на общественные средства интернаты. Райком партии и райисполком поддержали наши проекты и приняли объединенное постановление, возлагавшее ответственность за их выполнение на председателей сельских советов, руководителей хозяйств, на первичные партийные организации. Но в первую очередь за это были ответственны руководители школ и учителя. Дети должны были беспрепятственно получить образование, независимо от места жительства.

Район выполнил закон о всеобщем семилетнем образовании на 95 процентов, что было высоким показателем, однако учительских кадров в школах не хватало. Мы не могли ждать, сложа руки, пока эта проблема решится в государ-

ственном масштабе. Начали с того, что пополнили аппарат района высокопрофессиональными кадрами с высшим образованием. Учителей, не имевших соответствующего образования, направили на заочное обучение, привлекли к преподаванию выпускников средних школ.

За два-три года в центрах укрупненных хозяйств было построено 5 зданий для семилетних школ, повсюду за счет средств местных хозяйств и предприятий сооружались пристройки, производился капитальный и текущий ремонт. Но все эти здания и пристройки были сооружены без архитектурных проектов. Школы, соответствующие научным стандартам, стали строиться на государственные средства только в 60-70-е годы.

Коллеги

С переходом на новую работу у меня расширился круг знакомых, изменились взаимоотношения с людьми. И внезапно увеличилось количество родственников. Нашлись сваты, которых никогда прежде не видел и не знал, незнакомые племянники, дяди, тети, сестры и зятья. Они приходили поздороваться, поздравить и всегда при этом просили что-либо для них сделать, будучи уверенными, что я обязан оказать им услугу. А когда я говорил о неуместности просьбы или о невозможности им помочь, они обижались. Иные даже пытались толкать меня на совершение незаконных дел, но я всегда старался быть принципиальным и не поддавался уговорам новоявленной родни.

Мои взаимоотношения с районным начальством строились на чисто служебной и деловой основе. Я никогда не пытался угождать, не лебезил и не лицемерил. За шесть лет мне не пришлось ни разу слышать слов нарекания в адрес Курчумского отдела народного образования. Не скажу, буд-

то моя работа была без сучка, без задоринки, но старался трудиться честно, с максимальной отдачей. Сотрудники районного отдела образования часто бывали в школах, изучали работу педагогических коллективов. Обнаружив недостатки, предлагали способы их устранения, участвовали в поисках и распространении передового опыта. Специально созданная бригада, которую возглавлял я, приезжая в школу, в течение нескольких дней изучала учебный процесс, после чего мы сообща обсуждали все плюсы и минусы посещенных уроков и оказывали учителям методическую помощь. Так одновременно с контролем учебно-воспитательной работы происходил творческий обмен опытом.

Среди «генералитета» районной учебно-образовательной системы было много опытных, образованных и искусных наставников. В их числе Ефимов Илья Александрович, приехавший в 1929 году из Казани и имевший большой опыт работы в школах рабочей молодежи. Он долгое время возглавлял районный отдел народного образования.

Астапов Степан Петрович приехал в Казахстан по направлению из Воронежской области, много лет руководил Маралдинской средней школой и воспитал много достойных учеников и последователей.

Одним из почитаемых и уважаемых директоров района был Меирбаев Каирхан. Уроженец этих мест, начавший трудовой путь в 1936 году учителем начальных классов, он долгие годы занимался организацией семилетних школ и интернатов при них для детей чабанов. Каке до преклонных лет отличался острым языком, речь его была цветиста и образна, сказанное им превращалось в крылатые выражения и передавалось из уст в уста.

Особым педагогическим талантом был отмечен аксакал Абушаев Кусаин. Окончив медресе в Оренбурге, 16-летним парнишкой он приехал к родственникам в известный по всей округе аул Мечеть накануне революции, учил детей

арабской грамоте, а позже стал преподавать в светских школах. Кусеке читал на русском, казахском и татарском языках, выписывал научные журналы, занимался краеведением, исследовал казахские шежире – летописи.

Нургазин Сеилхан, всю жизнь проживший с ярлыком «брат врага народа», около сорока лет трудился на ниве образования, вырастил детей своего брата, выучив, поставил на ноги. За этот гражданский подвиг его уважали во всей округе. После выхода на пенсию он посвятил время и силы составлению летописи рода Найманов.

Из директоров-женщин замечательно проявила свои педагогические и организаторские дарования заведующая Койтасской начальной школы Сопабаева.

Вместе со мной в районном отделе образования работал Семенцов Сергей Родионович – патриот района, известный наставник. Успев получить 7-летнее образование, в 20-е годы после конфискации отцовского хозяйства он вместе с семьей уехал в далекие края, но спустя время вернулся. Заочно окончил институт и трудился в системе образования в общей сложности сорок лет. Это Учитель с большой буквы, получивший почетное звание заслуженного.

Я тепло вспоминаю руководителей хозяйств, воспринимавших заботы школы, как свои собственные: председателей колхозов Дусипова Нокена, Коваленко Егора, Ибраева Акатая, Черномазова, Ахметкалиева, Ахметжанова Сеиткожу, Меирбаева Кусмана.

Взаимоотношения с родственниками

Моя отдача на работе зависела от тыла – семьи, всегда меня поддерживавшей. В молодости я надеялся на брата – все дела по дому были на его плечах. Позже, когда обзавелся своей семьей, все домашние дела вела Нуркамал. К середи-

не 50-х у нас было уже четверо детей. Первенец Багдат ходил в школу, в Ширикаяке в 1949 году родилась дочь Алия, затем два сына – Жомарт в 1952 году и Кумарбек в 1955-м. За ними присматривала моя мама. Нуркамал преподавала в начальных классах. Нашей с ней зарплаты едва хватало на еду и одежду для детей. Между тем, в наш дом в районном центре ежедневно стекались близкие и дальние родственники, приезжали знакомые из аулов и сел. Они оставляли коней и телегу у нас, а сами уходили по делам и возвращались к обеду. Редко случалось, чтобы мы обедали только своей семьей. Не успевшие закончить свои дела оставались на ночлег. Выражать по отношению к гостям недовольство – не в традициях нашего народа.

Помимо гостей, приезжавших издалека, почти ежедневно наш дом посещал кто-то из ближайших родственников из Топтерека. Среди них были пожилые пенсионеры, инвалиды войны, вдовы, потерявшие на фронте мужей, бабушки. Во всей династии Науеев кроме наших с Айкеном домов не осталось целых семей.

Если душа осталась в груди,
Всякое в голову приходит.
Если что-то имеешь за душой,
То любой захочет с тобой сблизиться.

Родственники, в трудное для нашей семьи время обходившие нас стороной, теперь практически жили у нас. Как тут не поразмышлять об изменчивости нрава людей!

И спустя десятилетие после окончания войны нужда держала простой народ в тисках. Тетушки-вдовы приносили для наших детей в качестве гостинца пиалу тары или несколько кусочков курта. Мама и супруга делали им ответные подарки – четвертинки или половинки плиток чая. Дать больше не было возможности.

Родственники не были виноваты в своей назойливости. Многие не могли продать полученное на трудодни зерно и выручить хоть какие-то деньги, потому что в те времена базары отсутствовали. Что-либо купить можно было только в государственных или кооперативных магазинах, поэтому аульные жители, не имея в карманах ни копейки, принося мизерные гостиницы, пытались что-то выпросить. Иногда они сами по какому-то случаю приглашали нас в гости. О, этот казахский менталитет! Единственную лошадь зарежут для гостя, а сами на другой день пьют пустой кипяток. Порой мы ездили к родственникам без приглашения, чтобы поздравить с радостью, разделить горе или просто навестить. Во время этих путешествий иногда случались происшествия, смешные и не очень.

Родители Нуркамал летом сторожили на дальнем отгоне колхозные кошары. Услышав, что старики заболели, мы с грудным младенцем на руках решили съездить попроведывать их. Пока после работы собрались, наступил вечер. Предстояло проехать около 30 километров, и когда мы, съехав с основной дороги, свернули на узкую дорожку, ведущую к зимовью, солнце закатилось за горизонт. Тихо погоняя коня, поднимались в гору по неширокому ущелью и вдруг в темноте потеряли тропинку и вместо знакомых построек обнаружили, что уперлись в скалу. Заблудились. Гудели комары, время приближалось к часу ночи. Делать нечего, решили переждать до утра. Распрягли коня, привязали его к оглоблям. Приготовив для супруги и малыша место в телеге, я устроился рядом на земле и пошутил:

– Вот будет смеху, если утром обнаружится, что мы переночевали перед жильем родителей.

Через некоторое время малыш в телеге заплакал, и поблизости залаяли две собаки. Оказывается, мы остановились всего метрах в двухстах от жилья тестя. В итоге в два часа ночи мы добрались-таки до родни. Свекор со свекро-

вью смеялись над нами и удивлялись, почему собаки не почуяли нас раньше.

Еще одна история. Брат жены вернулся из армии и решил жениться. Ему сосватали невесту из аула Екпинды Самарского района. Тесть поручил мне съездить за невестой в роли свата и привезти ее. Я пытался отказаться, но аксакал обиделся: «Вы нас за людей не считаете? Если кто из начальства попросит о том же, то побежите во все лопатки!» После этих слов волей-неволей пришлось взять на работе отпуск.

Срочно пройдя «курсы» сватовства, с двумя сватьями, я – сват и дружка в одном лице, жених – он же и шофер, отправились в путь. По обычаю сватов встретили уважаемые люди аула и чествовали нас всю ночь. Назавтра со всех сторон съехались гости, и до вечера проводились игры и состязания (кокпар – козлодранье, когда сильнейший отбирает козленка и скачет в дом, где можно получить взамен большого козла; аударыспак – борьба всадников, – в ней более сильный стаскивает противника с коня. Во вторую ночь проходили состязания акынов – поэтов-импровизаторов. Участники заполнили две большие комнаты, организатор рассадил всех по возрасту, симпатиям, способностям – двух человек против двух. Все без исключения должны были состязаться в импровизаторском искусстве. Если не можешь сочинить хотя бы четверостишие, то ты не достоин быть на свадьбе. Конкурс начался. Дом заполнили прекрасные мелодии, но каждая пара слышала только своего противника. Через некоторое время те, у кого иссякли песни, замолкали. Чем дольше длилось состязание, тем меньше оставалось участников. К полуночи состязалась лишь одна пара, и стар и млад поощряли их возгласами и аплодисментами.

Айтыс закончился только к утру. После двух суток веселья настало время провожать сватов в дорогу, но машина наша никак не заводилась. Молодой, неопытный водитель не мог найти причину, и в ауле не было никого, кто бы мог ему

помочь. Машину толкали и мужчины, и женщины, но ниче
го не получалось. Полдня промучившись, наконец, привел
лошадей из колхозного косяка, впрягли, и с их помощью ма
шина завелась. Вечером, подъехав к паромной переправе, м
обнаружили, что по Иртышу шел ледоход, уровень воды
реке понизился, и паром, опасаясь сесть на мель, не подоше
к берегу. Было морозно, шуга замерзала, слышался треск.
такой ситуации следовало возвратиться в аул невесты и про
вести там ночь. Кроме меня, все сваты-родственники с обеи
сторон были против. Возвратившаяся невеста – плохая при
мета. Они были против и того, чтобы остановиться на ночле
у кого-нибудь из родственников в ближайшем ауле. Межд
тем солнце закатилось, стемнело. Чтобы не оставаться в сте
пи на ночь, мы поехали вверх, вдоль берега к тому месту
где в 20-25 километрах, на другом берегу, был аул жениха
Добравшись, побоялись переправляться на лодке ночью.
нашему счастью, на том месте оказался домик, построенный
для косарей. В нем была печка, мы затопили ее и переноче
вали. Для этого пришлось развернуть приданое невесты
вытащить одеяла и подушки. На следующий день мы пере
брались на противоположный берег на лодках, с трудом про
тискиваясь между плотно плывущими льдинами. Такие по
ездки запоминаются надолго.

Владычица района

В середине лета 1955 года областной комитет партии из
за низких показателей роста поголовья животных в райо
не снял с должности первого секретаря райкома, который
еще не спился совсем, но уже предавался частым запоям.
постановлении не было ни слова о его дружбе с «зеленым
змием», но наш бывший первый секретарь Осипов позд
нее не смог управлять даже небольшими хозяйствами и

конце концов, оставшись безработным, пропал куда-то. Назначенный на его место Белик Василий Андреевич, агроном по специальности, закончивший двухгодичные курсы высшей партийной школы в Алма-Ате и возглавлявший до этого сельскохозяйственный отдел обкома, первые шаги по управлению районом начал с обновления районного центра – села Кумаш. Первым делом он силами всех районных учреждений и организаций стал приводить в порядок дороги села, затем взялся за покосившийся старый районный клуб, саманные кирпичи которого пошли на строительство летнего кинотеатра. Все эти преобразования совершались без государственного финансирования и назывались народным строительством. Сам первый секретарь, засучив рукава, таскал кирпичи, копал землю и, подавая таким образом пример, смог объединить районную общественность на строительство необходимых объектов. Под его началом я проработал только год, поэтому не могу дать его деятельности исчерпывающую характеристику. За пять лет партийного руководства районом в народной памяти он остался «строителем», что же касается его личностных качеств, то о них может свидетельствовать история, которую я намереваюсь рассказать.

Как вскоре обнаружилось, Василий Андреевич был очень подвержен влиянию своей супруги Нины Петровны. Началось с того, что при назначении его первым секретарем райкома партии она, работавшая в то время директором одной из школ Усть-Каменогорска, поставила ему условие, что поедет в район только в том случае, если ее назначат директором одной из школ райцентра. Кандидатура первого секретаря была уже утверждена в ЦК компартии республики, и областное руководство легко дало согласие удовлетворить ее просьбу, не предупредив об этом районное руководство. Супруга первого секретаря сразу по приезде пришла в районный отдел образования. Я предложил ей на выбор

несколько должностей, в том числе место заместителя директора в школе районного центра. Тут-то я и узнал, что она хотела занять место директора средней школы райцентра С. Р. Семенцова, уважаемого в районе человека и опытного педагога. Никому и в голову не приходило заменять его кем бы то ни было. Поняв, что ее обманули, энергичная женщина нажала на супруга, тот обратился в обком партии. На следующий день из областного отдела образования мне позвонили и велели добиться от директора школы Семенцова заявления об уходе по собственному желанию, а на его место назначить Белик Нину Петровну.

Раз партия сказала, это закон! Приказ был выполнен. Прежний директор ушел «по собственному желанию».

Нина Петровна Белик не только мастерски управляла своим мужем, но и оказалась деловой женщиной с острым язычком, ее большие навыкате глаза горели черным огнем. Поражала ее привычка курить при всех, не стесняясь. Она была похожа на светлолицую цыганку, легко общалась с людьми, знала казахский язык, что было в то время очень большой редкостью среди представителей других национальностей. Она выросла в одной из южных областей Казахстана, была замужем за казахом, первым секретарем райкома. Разведясь с супругом, оставила ему ребенка.

Приступив к работе, Нина Петровна быстро сдружилась с частью коллектива, нашла общий язык и с моей супругой, они стали общаться как близкие подруги.

Около месяца после прихода первого секретаря я провел в командировке. В мое отсутствие по указанию Нины Петровны нашей семье дали давно ожидаемую новую четырехкомнатную квартиру, ранее предназначавшуюся в качестве служебной второму секретарю райкома. Нина Петровна даже организовала переезд.

В истории известно много случаев, когда жены власть имущих были прекрасными помощницами супругам, но

поступки нашей первой дамы района далеко не всегда были благоразумными. Отсюда и решения ее мужа, первого секретаря райкома партии, не всегда были продуманными.

Не прошло и месяца с начала учебного года, как в педагогическом коллективе между директрисой и учителями начались передряги и неурядицы. Не найдя поддержки со стороны районного отдела образования, директор не просто воспользовалась покровительством мужа, а довела его поддержку до абсурда. Первый секретарь районного комитета партии собственной персоной стал посещать уроки не угодивших его супруге учителей, выискивая в их работе недостатки. Такую же неблагородную и смешную роль он навязал и второму секретарю райкома.

Областная комиссия, приехавшая по жалобе учителей, указала на недостатки в работе директора, а руководителям райкома на то, что они излишне увлеклись сугубо внутренними делами одной школы. Но конфликт продолжал набирать обороты. На закрытом собрании первичной партийной организации школы, созванном по указанию секретаря райкома партии, была предпринята попытка наказать неугодных Нине Петровне учителей, однако коммунисты стали обсуждать поведение в коллективе самой директрисы. В результате партийное собрание вынесло постановление, надо заметить, весьма мягкое, в котором директору школы Н.П. Белик было предложено принять во внимание критику, высказанную в ее адрес. Директриса ушла разгневанной. На следующий день, несмотря на то, что было воскресенье, состоялось заседание бюро райкома партии, посвященное рассмотрению неугодного Нине Петровне постановления. Первое слово было предоставлено директрисе. Нина Петровна говорила два часа, и никто ее не перебивал. Суть ее речи сводилась к жалобе на то, что ее выживают, и она просит защиты у бюро. Обсуждение превратилось в переливание из пустого в порожнее. В итоге постановили, что бюро

райкома партии берет под свою защиту и контроль работу Кумашкинской средней школы. В заключительном слове прозвучало, что негативные взаимоотношения в школе и несогласие учителей с директором происходят из-за злостных действий заведующего районным отделом образования Шаяхметова.

Как оказалось впоследствии, эти слова имели конкретную цель. Нина Петровна не забыла, что с самого начала я не предложил ей должность директора, а позже не поддержал ее намерений в середине учебного года поменять заместителей и некоторых учителей. В ответ на мои советы и увещевания не горячиться, а получше присмотреться к людям в процессе совместной работы взбалмошная женщина сделала вывод, что, не поддержав ее предложений, я нанес урон ее авторитету. Директриса была уверена, что жалобу в вышестоящие инстанции учителя написали с моего одобрения, и решила избавиться от неугодного ей заведующего районо.

Загвоздка состояла в том, что ко мне по работе трудно было придраться, но это не остановило вошедших в раж супругов. Они поступили совершенно бессовестно, незаконно и, как им, наверное, в тот момент казалось, элементарно просто. Они уволили меня с работы… по собственному желанию. Я такого заявления не подавал. Это был поступок из разряда: своя рука – владыка, однако я был депутатом райсовета и членом районного исполнительного комитета, поэтому вопрос о моем увольнении должен был рассматриваться и утверждаться на сессии райсовета и пленуме райкома партии.

Понимая незаконность своих действий и то, что председатель райисполкома будет против, Василий Андреевич в его отсутствие поручил второму секретарю райкома на основании решения партийного бюро добиться вынесения нужного ему постановления исполкома. На срочно созван-

ном заседании исполкома его члены признали решение партийного бюро незаконным и высказались против моего увольнения. Я же заявил, что хочу уйти с этой работы, что к тому моменту стало правдой. Так я «по собственному желанию» супругов Белик стал безработным.

Друзья-товарищи

Я всегда старался общаться с людьми простыми и искренними. В отношениях с сослуживцами держался ровно, дружески, чтобы не стеснять их, а с начальством общался сугубо официально, чтобы не сочли подхалимом. Для близкого общения у меня было достаточно друзей, товарищей и ровесников. Хочу рассказать о некоторых из них.

Сомбаев Толеухан, продавец из магазина села Камышенки, участковый Есенбаев Кази и я были ровесниками и дружили семьями, вместе проводили праздники, шутили и балагурили, вместе переживая послевоенные трудности, порой мы даже одалживали друг у друга одежду. Жена Сомбаева Толеухана имела обыкновение при разговоре надувать губки и своего супруга не без намека на фольклорного героя называла не Толеухан, а Толеген. Кази был громадного роста, с большими руками и ногами, с огромными кулаками и обладал большой физической силой. Хотя он не был злым и любил пошутить, я назвал его Кодаром. А мне друзья дали прозвище Жантык. Впоследствии судьба разбросала нас в разные стороны, но мы продолжали общаться.

В молодости люди быстро сближаются, но крепче всего, конечно, духовное единение. Больше всего я ценю в людях искренность, чистые помыслы, отсутствие корысти. Мои друзья считали так же. Например, Сарсенбаев Агали, ни в чем не зависевший от меня, пригласил как-то нас с супругой вместе встретить Новый 1952 год. На этом вечере было

несколько семей из дружеского круга хозяина дома. За достарханом мы договорились встретить наступление следующего Нового года опять в их семье. Так и повелось: до 1956 года мы встречали новогодний праздник в гостеприимном доме этой пары. Назира, хозяйка дома, нравилась всем своей щедростью, открытостью и красотой, а добродушный Агали был ей под стать.

Еще один мой друг Свирилин Николай Иванович в 1951 году окончил медицинский институт в Краснодаре и по путевке приехал в Курчумский район, где его вскоре назначили заведующим райздравотделом. Потомок кубанских казаков быстро влился в дружескую компанию молодых семей. Когда через два года Свирилин привез из родных мест невесту, мы поселили молодоженов на новой квартире, выделенной исполкомом, устроили им славный свадебный той и подарили все необходимое для хозяйства молодой семьи.

Все колоссальные изменения, произошедшие в те годы в здравоохранении района, связаны с именем и деятельностью Свирилина. Проработав на одном месте сорок лет, он вышел на пенсию и, распродав все свое имущество, уехал доживать старость в родные места, однако спустя два месяца вернулся обратно. Наша дружба продолжается по сей день.

Дымова Анатолия Сергеевича я знаю с 1950 года, с тех пор, как его назначили начальником Ширикаякского рудника. По национальности он цыган. В предвоенные годы работал в Москве, в комсомоле, после ранения на фронте и лечения приехал по путевке в Восточный Казахстан, поскольку в Москве никого из родных и близких не застал. Работал на рудниках горного Алтая и вырос до начальника рудника. Когда я работал в школе при руднике (об этом ниже), наша школа была под покровительством Дымова, ни в чем не нуждалась, росла и строилась, получала квартиры для учителей и многое другое. Дымов не знал, что такое усталость и обладал высокой личной дисциплинированностью. Любую рабо-

ту он планировал заранее и умело ее осуществлял. Про него говорили, что он работает по 25 часов в сутки. Возможно, поэтому он на пенсии прожил всего два года.

Переезд

Хотя меня уволили с работы незаконно, я не обжаловал незаконное действие в вышестоящие органы и около месяца отдыхал дома. Осознав, что первый секретарь, послушный воле своей супруги, не даст мне спокойно работать, я решил уехать из района. К тому же поднадоела однообразная работа с незначительной зарплатой. Не скрою, обидело то, что меня, безупречно проработавшего шесть лет, уволил какой-то «варяг» в угоду избалованной жене.

Тем временем жалобы на действия директора школы, жены главы района, продолжали поступать в вышестоящие органы. В итоге областное партбюро сняло Нину Петровну Белик с должности директора за разлад в коллективе и мне предложили возглавить эту школу, как шесть лет назад. Я не согласился. Возможно, такое решение не украсило меня, как патриота района, но тогда у нас, как в известной песне считалось: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Вскоре в моей квартире раздался телефонный звонок заведующего областным отделом образования Курочкина Алексея Матвеевича:

– Ты до каких пор собираешься отдыхать? Дел много, приезжай в Усть-Каменогорск, посоветуемся.

Я приехал, и он предложил мне место директора в одной из пригородных школ на выбор. В городских, куда я просился, вакансий не было. Среди названных одну школу Курочкин выделил особо – она была в центре ближайшего к городу Улановского района, и я предварительно согласился, но окончательный ответ обещал дать после того, как побываю там.

Центр Улановского района, село Никитинка (Бозамбай), мне не понравился. Оно показалось мне гораздо хуже села Кумашкино, центра Курчумского района, и не шло ни в какое сравнение с центрами Самарского, Кокпектинского и Жарминского районов. Решил отказаться, но руководство облоно очень уговаривало и просило поработать хотя бы год, обещая затем перевести в одну из школ областного центра. И я согласился. Это было в июле 1956-го.

В школе шел плановый капитальный ремонт. Приняв дела, я продолжил его, и к 20 августа ремонт был завершен. Около двух месяцев я жил один, без семьи. Квартирный вопрос за это время, несмотря на обещания, никак не решился. Районное руководство ничего в ближайшее время не обещало, и работа в Бозамбае показалась мне невозможной. И за пять дней до начала учебного года я послал в область телеграмму: «Из-за того, что в селе Никитинка, куда вы меня направили, отсутствует квартира для моей семьи, прошу перевести меня на любое место работы, где имеется квартира». Видимо, прежде чем отправить телеграмму, работники связи сообщили о ней в райком партии. Хотя квартир в районе катастрофически не хватало, там, видимо, решили, что отсутствие квартиры для директора районной школы наносит урон престижу всего района. И приняли постановление исполкома присоединить детскую библиотеку к районной и отдать освободившееся здание под квартиру. Так в последние дни августа решилась проблема моего переезда в другой район.

В день, когда я приехал в Курчум за семьей, там проходило районное августовское совещание учителей. Когда мы, погрузив вещи на машину, собрались тронуться в путь, проститься с нами пришли не только друзья из учреждений райцентра, родственники, соседи, но и учителя, присутствовавшие на августовском совещании. Прервав его на время, они ушли попрощаться со мной. Мне пришлось уговаривать

их вернуться в зал, чтобы не пострадать от начальства. Оказывается, подобного случая еще не было в районе. Такое теплое отношение ко мне радовало, укрепляло дух, придавало силы. Я понял, что коллеги, сотенной толпой покинувшие собрание, чтобы проводить меня, выразили таким образом и протест против незаконных действий первого секретаря райкома партии.

В новом коллективе

Качество работы любого коллектива зависит от каждого из его членов. Будь руководитель хоть семи пядей во лбу, но если уровень ответственности подчиненных и их профессиональные качества не соответствуют определенному уровню, то прогресса не будет. На практике, как правило, директор школы райцентра не может по своей воле набирать педагогов, потому что коллектив такой школы обычно комплектуется из супруг, родственников и родственниц районного руководства и специалистов.

Учителя старших классов в Никитинской средней школе в основном соответствовали предъявляемым к педагогам требованиям, но в пятых – седьмых классах преподавали люди со средним образованием. Хуже всего обстояло дело в начальных классах. Это были преимущественно женщины, имевшие малых детей и сильно занятые домашним хозяйством. У них не хватало времени для ознакомления с новшествами в педагогике и для самообразования, поэтому надо было особо контролировать их работу и оказывать помощь. К счастью, я нашел в этом деле замечательного помощника – завуча школы Зайшелевского Артура Яковлевича. Наш с ним рабочий день обычно начинался в семь утра и заканчивался в семь часов вечера, а в дни, когда проходили внешкольные мероприятия, рабочие часы растягивались допоздна.

При школе был интернат, где жили 50-60 детей чабанов, работавших на дальних отгонах, дети инвалидов войны, сироты. Львиную долю моего директорского времени отнимали проблемы этого интерната, заботы о его обеспечении. В штате интерната были лишь воспитательница, повар и кастелянша. Они втроем отвечали за питание детей, следили за подготовкой к урокам, занимались их воспитанием, приучали к чистоте и т.д. Обеспечение всем необходимым для интерната, включая заготовку продуктов и топлива, лежало на директоре школы и ее завхозе. Снабжался интернат весьма скудно. Не хватало продуктов, дети недоедали, одежда была поношенной. Педагогический коллектив школы призвал хозяйства района взять шефство над интернатом, и в результате проблемы питания его воспитанников были решены.

Бозамбайские знакомые

Поначалу мне было трудно свыкнуться с тем, что почти никого вокруг не знаю. Особенно тяжело было в свободное время. Районные руководители при встречах на улице важничали и толком не разговаривали. Принимая у себя в кабинетах, смотрели свысока. Вначале я думал, что все это случайности, но потом понял, что они видят в моем лице чужака и потому отвергают, и стал терпеливо ждать, когда лед растает.

Однажды, возвращаясь в гостиницу под впечатлением поведения местных чинуш, увидел сидящих во дворе людей, один из которых – с большим животом, похожий на аульных начальников, помахал мне рукой: «Эй, иди сюда!» Услышав его приказной тон, увидев уверенную осанку господина, я принял его за одного из местных боссов и молча прошел мимо. И он, осознав, видимо, свое бестактное поведение, остался молча сидеть. Мы оба, как оказалось, до-

пустили оплошность. Если бы он сказал: «Парень, подойди, надо кое о чем расспросить...», я подошел бы как младший по возрасту и поздоровался с ним. Это был известный исполнитель казахских народных песен артист Жусипбек Елебеков, чьи песни я слушал с таким удовольствием и мечтал увидеть его хотя бы краешком глаза! Я узнал об этом, когда в тот же вечер пошел на концерт приехавших из Алма-Аты артистов. К большому сожалению, у меня не хватило смелости подойти и извиниться перед старшим по возрасту человеком, известным певцом за свою реакцию на его слова. До сих пор сожалею об этом.

Постепенно я стал привыкать к новой среде, приобрел хороших знакомых, близких друзей и прекрасных собеседников. Оба руководителя района: председатель исполкома Василий Васильевич Левкин и первый секретарь райкома Орынбай Сатыбалдин отнеслись ко мне доброжелательно. Когда моя супруга серьезно заболела, они во многом мне помогли. В. В. Левкин был молчаливым человеком дела, простым и деловым. Он сразу, без лишних слов, решал проблемы. Первый секретарь райкома был человеком известным в области, мудрым и коммуникабельным руководителем. Когда по прибытию в район я знакомился с местным начальством, он был в отпуске. Через месяц он вернулся, и я, специально записавшись к нему на прием, пришел и доложил о своей работе. До этого я только два раза встречался с ним лицом к лицу: в Курчумском районе, когда вступал в ряды партии и когда просил устроить встречу с первым секретарем обкома, приехавшим в район. Я знал, что прежде чем направить меня в район, заведующий областным отделом образования согласовал с ним мою кандидатуру.

Войдя в небольшой кабинет, я увидел сидящего за столом высокого, светлолицего человека сорока с лишним лет, с седыми висками. Он молча кивнул головой на мое приветствие, указал на стул и повернулся ко мне всем корпусом.

Показалось, что он не очень настроен говорить со мной, рядовым директором школы, но я представился и доложил, что прибыл в район и приступил к своим обязанностям. Затем состоялся немного странный разговор:

– Ты какой гражданин Курчума, – из умных или глупых?

Странность и даже неуместность вопроса озадачили меня, но я быстро нашелся:

– Не знаю, как вам ответить. Буду работать, сами увидите.

Тогда хозяин кабинета разъяснил суть своего вопроса:

– В прошлом году, поверив в достоинства людей из священного Курчума, я взял на руководящую должность одного твоего земляка. И этот парень опозорил и родной свой район, и нас.

За этими его словами как бы стоял вопрос: «Может, ты такой же?» Вслед за этим испытывающим моментом первый секретарь расспросил меня о делах в школе. Только после этого поинтересовался, какие у меня проблемы в личном плане. Я ответил, что пришел не помощи просить, а представиться и доложить, что приступил к работе. В заключение он пожелал мне удачи и протянул для пожатия руку, которую в начале приема не подавал. И добавил, что могу всегда приходить в райком по делам, не уточняя, к кому именно. Завершение приема отчасти растопило лед, бывший вначале. Видимо, такое поведение первого секретаря было одним из психологических приемов в испытании новых кадров.

Ореке показался неприступным человеком, но в дальнейшем никогда не забывал справляться о школьных делах.

Орынбай Сатыбалдин в 1937 году был назначен директором совхоза «Мынбулак» Аягузского района Восточно-Казахстанской области, с 1940 по 1960 год работал первым секретарем райкома партии в разных районах области, затем в течение 18 лет руководил парткомиссией при областном

комитете партии. Был прекрасным оратором и, будучи хорошим психологом, разрешал конфликты любого масштаба. Труд Ореке был оценен по достоинству. Он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Славы. Супруга Ореке Шарипа Баязиткызы была умной и деликатной, под стать своему мужу. Она была прекрасным педагогом, ученики любили ее за простоту и требовательность.

Второй секретарь райкома Степанков Виктор Васильевич тоже был незаурядным человеком. В 1953 году я познакомился с ним в поезде, потом мы вместе вышли на станции Жангиз-Тобе и поехали дальше в кузове грузовой машины. Пока добирались до села Самарское, непрерывно вели беседы на самые разные темы. И когда я приехал в Никитинку, он, как оказалось, не забыл случайного попутчика. Виктора Васильевича в районе любили за простоту и внимание к людям. Вскоре Степанкова перевели первым секретарем в Катонский район, но там он проработал недолго, поскольку горная местность не подходила его здоровью, и его перевели в местность пониже – в Самарский район. К сожалению, его здоровье уже не приходило в норму, и он был вынужден раньше времени выйти на пенсию, а спустя два-три года, 40 лет от роду, ушел в мир иной.

Раисов Казез, пришедший на место Степанкова, был моим однокурсником, добрым и бесхитростным человеком. Несмотря на иссушающее влияние чиновничьей работы, Казез сохранил свою педагогическую сущность и после выхода на пенсию вернулся к учительской профессии.

Казахи говорят, что девочки больше тянутся к родственникам, чем мальчики. С одной такой землячкой из Курчума мы стали общаться и в Бозамбае. В предвоенные годы уроженец Уланского района Тлегенов Капас приехал работать по путевке в Курчум и женился на местной девушке. Придя с войны раненым, вернулся с семьей на родину. Его жена Бижамал апай, родители которой умерли, а родные братья

погибли на войне, лишилась почти всех родственников и пришла к нам, курчумцам, как к самым близким и родным людям, хотя род ее был далек от нашего на 20 поколений. Ее появление нас сильно обрадовало. Найдя в этой паре сестру и зятя, мы искренне подружились.

Еще одна семья, с которой мы сблизились как с родственниками – семья курчумца Есдаулетова Кайырлы. Он из рода моей супруги. Оперуполномоченный из отдела милиции стал моей супруге ближе, чем ее родной брат, а мне, естественно, шурином. Кайырлы был профессионалом. Однажды он совершил героический поступок. Пьяный сотрудник милиции, явившись в административный отдел, начал стрелять из табельного оружия, и все служащие попрятались, даже те, что были вооружены. Услышав звук выстрела, Есдаулетов из своего кабинета рванулся туда. Хулиган выстрелил в него и ранил, но Кайырлы все-таки выбил оружие из рук преступника и приемом самбо бросил его на пол. Со временем Есдаулетов дослужился до начальника районного отдела внутренних дел.

По семейным обстоятельствам

С осени 1957 года Нуркамал стала часто болеть, оказываясь то в районной больнице, то в больнице Усть-Каменогорска. Всю зиму она мучилась в поездках между городом и селом, расстояние между которыми около 70 километров, что сказывалось на наших детях, младшему из которых было два года, а старшему десять. С наступлением лета болезнь осложнилась. Обстоятельства требовали переезда в город, чтобы быть ближе к лечебным учреждениям областного центра, а для этого надо было определиться с работой и жильем. На летних каникулах я пришел к Алексею Матвеевичу Курочкину, добрейшей души человеку,

всегда поддерживавшему своих коллег, и он отдал приказ о моем назначении директором в 25-ю школу, находившуюся в самом Усть-Каменогорске.

В те годы сотрудникам вне номенклатуры трудно было устроиться в городе, потому что сразу возникала трудноразрешимая проблема получения жилья. Квартиры в городе строились, но из-за огромного спроса их катастрофически не хватало. Это было время, когда даже специалисты высокого уровня жили в однокомнатных квартирах. Спасибо Курочкину, что не ограничился назначением меня директором школы, а принялся активно выбивать мне квартиру. Убедившись вскоре в безуспешности своих усилий, подсказал другой вариант. В десяти километрах от центра города строился рабочий поселок, который со временем должен был стать частью Усть-Каменогорска. Там в недавно построенной средней школе был необходим директор, а жилье там получить было гораздо легче. Приехав туда и поговорив с руководителями титаново-магниевого комбината, я узнал, что директор школы им нужен как воздух, и квартирой семью директора обеспечат в течение месяца. Вопрос был решен. Получив в облоно приказ о перемене места работы и места жительства, я вернулся домой.

В те времена при смене работы вместе с решением вышестоящего органа было необходимо и согласие местных партийных органов, но я не считал себя настолько ценным кадром, чтобы брать подобное согласие. На следующий день меня вызвал первый секретарь райкома. Я был в недоумении: «И что это за срочная проблема, касающаяся меня, находящегося в отпуске?» Когда зашел, Сатыбалдин сразу перешел в наступление:

– Вы, специалисты со стороны, приезжаете с согласия райкома, обещая построить рай на земле, а когда уходите, то ни с кем не советуетесь. Почему не уважаете устав партии? И где уважение к району, который принял вас с распростер-

тыми объятиями? Сегодня сотрудники нашего аппарата выразили протест по поводу твоего отъезда. Говорят, что ты уходишь из района из-за давления заведующего районо Дуйсенбаева. Это правда? Если так, то мы с ним разберемся. Иначе чем мы тебе так не угодили, что бежишь от нас, сломя голову?

Я ответил, что, конечно, получить согласие о переезде было моим прямым долгом, но хотел сначала подготовить почву для переезда. В Усть-Каменогорске мне внезапно повезло и с работой и с квартирой, а перевестись я вынужден, по семейным обстоятельствам. Если бы все было в порядке, я бы не уезжал из этого района. В заключение поблагодарил за оказываемое мне в течение двух лет доверие.

А Ореке все гнул свое:

– Болезнь супруги можно было бы лечить и здесь, в районе. Отвозить к городским докторам всегда поможем транспортом. Ты не переезжай, оставайся тут, – уговаривал он меня.

Видя мою непреклонность, похоже, обиделся:

– Если нашел рай лучше, чем у нас, то иди!

На этом разговор закончился. Как-то, приехав в город и узнав, что моя жена опять в больнице, посочувствовал:

– Ты зря уехал из аула. Если бы она лежала в больнице там, то ее проведывали бы сослуживцы, подруги, родственники, и ей было бы легче. Сейчас она, бедняжка, лежит одна-одинешенька.

Впервые в жизни я поставил интересы семьи выше служебных. Я сильно переживал, что расстаюсь с друзьями, с коллегами. Грустно было прощаться и с прекрасной землей Улана, но супруга была серьезно больна, и ей требовалась квалифицированная помощь.

Люди, живущие среди прекрасной природы, часто ее даже не замечают. Калбинские горы, отделенные от гор большого Алтая Иртышом, не уступают своему старшему

собрату по красоте, особенно весной, когда разнотравье распространяет великолепный аромат по долинам и горам. Как трогает неземная красота горы Коктау! Или ущелье Байша, где травы по пояс, где запах смолистых деревьев, где легкий ветерок овевает приятной прохладой, и ручьи звенят, подобно нежному девичьему смеху. А как прекрасны озера Сибе, соединяющиеся между собой недлинными рукавами! Все это обновляет и очищает душу.

Калбинские горы – настоящий рай для охотников. Чего стоят одни глухари, что весной токуют на прогалинах полянок, осенью прогуливаются на убранных полях, а в первые морозные дни черными тучами сидят на ветвях деревьев! В любом человеке при их виде просыпается охотничий азарт. Всю эту красоту пришлось покинуть, чтобы сохранить здоровье дорогой супруги, матери моих детей.

В августе 1958 года я приступил к работе на новом месте. Руководители строящегося комбината сдержали свое обещание и через месяц дали нам квартиру. Малыши были устроены в детские ясли и в детский сад. Благодаря заботе государства о здоровье граждан в годы, которые теперь называют застойными, моя супруга выздоровела.

Семья

Шли годы. Дети росли и учились под нашим неусыпным контролем. Мы специально не воспитывали их, а руководствовались правилом: чем сто раз сказать, лучше один раз показать. По нашим представлениям, дети должны развиваться, впитывая в себя народные обычаи и традиции, в духе которых живет семья. Наши сыновья и дочь учились стабильно, мы не помогали им в учебе, лишь контролировали в начальных классах. Не мешали детям общаться со сверстниками, рыбачить вместе с друзьями, путешество-

вать по родному краю. А они никогда не злоупотребляли предоставленной свободой, не были падки до излишних развлечений или вещей, прекрасно понимали возможности нашего семейного бюджета. Лето сыновья и дочь проводили на лоне природы: в детских лагерях или в ауле. Вместе с другими ребятами работали на колхозных полях, а позже в студенческих строительных отрядах. Зачастую мы все вместе отдыхали на Алтайских жайляу.

Где бы мы ни жили, всегда общались со своими родственниками, и они посещали нас в Усть-Каменогорске. К нам заезжали едущие куда-либо по делам через Усть-Каменогорск или намеревавшиеся лечиться в областной или городской больницах. Зачастую звонили едва знакомые люди и говорили: «Мы приехали в город, но не знаем, как добраться до вас. Приезжайте и заберите нас». В 60-80-е годы дети многих родственников жили и учились в интернатах, училищах, техникумах и институтах нашего областного центра. В один год таких детей было шестеро. Все эти студенты в субботние и воскресные дни обычно собирались у нас и оставались на ночлег. В тесноте, но не в обиде располагались в комнатах наших детей. Проведя в нашем доме и воскресенье, только вечером возвращались к себе. Теперь они удивляются: «Почему мы в выходные дни толпились у вас? Нас все время тянуло к вам». Со временем эта молодежь под давлением рыночных проблем в поисках жизненных путей опять собралась возле нас уже вместе с семьями. Им всем помогает и покровительствует мой старший сын Багдат. Он в 60-е годы после окончания десятилетки изъявил желание учиться в Алма-Атинском политехническом институте на металлурга. Мы не стали противиться этому, тем более что еще будучи школьником, он получил там специальность токаря в учебном цехе титаново-магниевого комбината. Успешно сдав все экзамены, Багдат поступил в институт, а спустя два года дочь Алия пошла туда же на экономический факультет.

Два других сына окончили дорожно-строительный институт в Усть-Каменогорске и стали инженерами.

Мы с супругой рады, что дети сами определились в этой нелегкой жизни. Слава создателю, что мы не испытали проблем с детьми, о которых говорится в русской пословице: «Маленькие детки – маленькие бедки, большие дети – большие беды». Став взрослыми, имея даже внуков, они остаются в сознании родителей детьми. Особенно в сердце матери. Она переживает и всегда ждет.

В школе, подшефной комбинату, я проработал директором 25 лет и вышел на пенсию. За эти четверть века в стране произошли колоссальные изменения. Жизнь народа улучшилась, повысился уровень культуры. Мы с Нуркамал постарели и живем в кругу своих детей, внуков и правнуков. Я, прежде не знавший, что такое усталость, способный работать без отдыха в течение 11-12 часов, теперь, разменяв девятый десяток, понимаю, что такое быть дедушкой.

Последний долг

В 1961 году Айкен скончался от неизлечимой болезни в госпитале Алма-Аты. Я всю жизнь чувствовал себя обязанным ему, он был мне дороже родного брата, и когда он серьезно заболел, именно я уговорил его сделать операцию в госпитале ветеранов войны в Алма-Ате и теперь ощущал себя так, словно был повинен в его смерти. Перед отъездом брат попросил: «Если что случится, не оставляй мой прах в Алма-Ате, похорони меня на аульном кладбище». Мы договорились, что перед операцией он пришлет телеграмму, и я буду с ним рядом. Телеграмма пришла с опозданием, я приехал в последние минуты его жизни. Сердце Айкена остановилось в ночь с 19 на 20 октября. Мне предстояло увезти его тело в родные края, как он того хотел, – задача практически невыполнимая

для рядового гражданина, приехавшего издалека, без связей, без денег. И в этой трагической ситуации я в очередной раз в жизни убедился, что суть человеческая познается в том, насколько он способен откликнуться на чужое горе.

В госпитале меня ждал мой курчумский товарищ Акшолаков Капас, работник Министерства сельского хозяйства. Чтобы помочь мне, он отпросился с работы на три дня.

Тяжко переживая потерю родного и близкого человека, мы с Капасом в первый момент попросту растерялись, не представляя, к кому следует обратиться, с чего начать. И как обнадежила нас в первый момент встреча со знакомым человеком из числа персонала больницы, с кем мы близко общались во время его ежегодных приездов в отпуск в аул. Я так обрадовался встрече, надеясь, что родственник нашего земляка поможет если не делом, то хотя бы советом. Но он, услышав о наших проблемах, даже не выразив соболезнования, произнес: «Да, дела неважные» и ушел. Я был настолько поражен, что язык не повернулся спросить у него, как получить тело из больницы, какие требуются для этого документы и кто может их дать. Но, к счастью, мир не без добрых людей. Все это объяснил мне совершенно незнакомый русский врач, которого я увидел впервые. Он посоветовал не терять время на оформление дорожных документов, поскольку это можно будет сделать позже, а в первую очередь найти главного врача больницы и взять у него разрешение не делать вскрытие тела покойного, поскольку предстоял долгий путь.

Поняв по нашему виду, что мы нуждаемся в помощи, он выяснил, что главного врача больницы не будет несколько часов, позвонил в морг и на свой страх и риск от имени главного врача попросил не производить вскрытие без разрешения.

Затем мы отправились искать транспорт, чтобы увезти тело покойного на родину. В аэропорту выяснилось, что для аренды специального рейса необходима астрономическая

сумма. Не меньше запросили за аренду вагона на железнодорожной станции. Оставалась одна надежда – такси. В таксопарке согласились отвезти гроб за приемлемую цену, и мы решили утром пораньше тронуться в путь.

Суббота была коротким рабочим днем, и документы в больнице подготовить не успели. Мы поехали в морг договориться взять тело утром в воскресенье безо всяких выписок и свидетельств, но нас там предостерегли:

– Не делайте этого. По дороге любой милиционер может остановить такси, проверить не только документы, но и груз. Обнаружит гроб без документов – задержит. Еще заподозрят в убийстве. В лучшем случае вас без гроба вернут в Алма-Ату за оправдательными документами. А что произойдет с трупом за это время? Так что без документов из больницы не выезжайте. И вообще ехать в такую даль на одной машине без спутника опасно. Машина есть машина, может по дороге сломаться.

Мы прислушались к этим советам, и поездка была отложена на понедельник. В воскресенье занялись поиском другого транспорта, но безрезультатно. Я был удручен. Сердце изнывало от горечи потери, в голову лезли тревожные мысли о дальней дороге, терзали сомнения, что последняя воля покойного не будет исполнена. Тяжкое душевное состояние усугубила встреча на улицах Алма-Аты с двумя усть-каменогорскими знакомыми. Один сказал: «Я тебе не завидую» и пошел прочь. Вторым был известный курчумский земляк, поэт Турсынбаев Бателкожа. В 20-е годы он был активистом аула, а в 30-е, закончив рабфак, учительскую деятельность совмещал с поэтическим творчеством. Несколько лет назад он приехал в родной район и нашел меня для решения своих проблем, подкупив словами: «Я пришел к тебе, потому что ты сын своих замечательных родителей, поймешь меня и поможешь». И я помог ему. Теперь, когда я оказался в трудном положении в чужом городе, он произнес

всего два слова: «Я спешу». Наш поэт оказался из числа людей, которые, когда ты им нужен, готовы лизать тебе ноги, а затем за ненадобностью отворачиваются. Общество давно бы деградировало, если бы состояло только из таких людей. К счастью, их все-таки меньше, чем милосердных.

Походив в прострации, я неожиданно вспомнил еще об одном своем знакомом – Бимендине Амире, закончившем в Москве Высшую партийную школу. Он шесть лет возглавлял областной отдел образования в Восточном Казахстане, а в описываемое время руководил гороно Алма-Аты. Вспомнив Абеке, я пошел к нему домой посоветоваться. Выразив соболезнование, он пообещал назавтра устроить мне прием у нашего министра Ади Шарипова, отрекомендовав его как отзывчивого человека. Я видел Ади Шарипова на республиканских совещаниях и однажды он, узнав, что есть представитель из Курчума, нашел меня во время перерыва и сказал, что в начале 30-х учился в районной школе села Кумаш и поинтересовался судьбой парка, который в те годы разбили школьники, расспросил о судьбе своего директора школы.

Наутро Амир Мустафаулы ждал меня у входа в здание министерства. Оказалось, что министр уехал в дом правительства, но мое дело поручил своему заместителю А. В. Щербакову. Когда я пришел к Щербакову, тот приказал коменданту:

– Возьми машину и помоги товарищу из Восточного Казахстана. Пока не отправишь его в дорогу, не возвращайся!

Время поджимало, я, Капас и комендант, разделив обязанности, направились в разные стороны. Они вдвоем на поиски мастерской, где можно заказать оцинкованный гроб, а я поехал в аэропорт, чтобы договориться с самолетом. В аэропорту мне сказали, что брать гроб на борт вместе с пассажирами не положено, но они готовы предоставить самолет, если заказчик оплатит за 25 пассажирских мест. Таких денег у меня не было, и я отправился в республиканский

комитет гражданской авиации, где меня проводили к двери с надписью: «Начальник отдела перевозок Соколов». В небольшом кабинете сидел человек благородной внешности с седеющей головой. Выслушав меня, он вздохнул:

– Сынок, здесь ты не сможешь решить свою проблему. У меня нет самолета. Все самолеты в аэропорту. Это они хозяева. Я не смогу тебе помочь, не обижайся.

Я ответил, что пришел просить не самолет или другой транспорт, а совета у уважаемого, много видевшего на своем веку человека. После моих слов он задумался, поднял трубку и долго говорил с кем-то. Сначала хмурился, а потом заулыбался и решительным голосом произнес в трубку:

– Чего вам стоит Павлодарский почтовый самолет повернуть в Усть-Каменогорск? Гроб доставьте оплаченным грузом по назначению, доброе дело сделаете человеку, поддержав его в трудные минуты. – Затем велел мне быстро ехать в аэропорт, найти там начальника отдела перевозок и сказать, что пришел от него, от Соколова. В аэропорту мне сказали, что если до пяти часов вечера мы приготовим гроб в соответствии с санитарными требованиями, то он будет принят как груз. Полететь сможем завтра утром.

Подготовив «груз» и сдав его к концу дня на склад аэропорта, мы купили на шесть утра билеты и всю ночь провели в зале ожидания. Рядом со мной были Капас Акшолаков и его взрослый сын, которого он отправлял со мной для помощи в пути. Не стану описывать свое состояние. Наверное, у меня был очень жалкий вид, потому что ко мне подошел дежурный по залу аэропорта и спросил, куда я лечу и есть ли у меня билет. Узнав о терзавшей меня ситуации и о том, что до Усть-Каменогорска билет у нас есть, а до конечного пункта нет, он сказал, что аэропорт отправления может дать радиограмму промежуточному аэропорту, чтобы груз не задерживали. Для этого необходимо разрешение начальника аэропорта. Дежурный помог мне написать заявление, но по-

скольку начальника на месте не было, уговорил дежурного радиста дать радиограмму без подписи. Спустя некоторое время он сообщил, что радиограмма отправлена. Считаю, что со стороны дежурного это было проявлением настоящей человечности.

На рассвете самолет полетел на восток. Вскоре после взлета один из пилотов пришел ко мне, сидевшему в темном салоне почтового самолета у гроба, в окружении кип газет и журналов, и пригласил в кабину полюбоваться восходом. Пилот уступил мне свое место, а другие летчики, пытаясь отвлечь от тяжелых дум, показывали красоту обозримого с высоты полета мира при лучах восходящего солнца. Облака, стелющиеся под нами, создавали то иллюзию высоких гор, то бескрайних равнин, и золотые солнечные лучи, отражаясь, заставляли все это светиться разноцветными бликами. Слушая разговоры летчиков, любуясь чудесным природным феноменом, я не заметил, как прилетели в Усть-Каменогорск. Я был глубоко тронут и благодарен экипажу того самолета за проявленное ко мне участие. Иногда, казалось бы, незначительный поступок приносит человеку большое облегчение.

В конце этого горестного путешествия пришлось еще раз встретиться с человеческой черствостью. В радиограмму, посланную из Алма-Аты, вкралась ошибка. Заметив это, в аэропорту Усть-Каменогорска, погрузив в одиннадцатиместный самолет свой обычный груз, ждали павлодарский почтовый самолет из Алма-Аты. Работники аэропорта предположили, что хотя адрес указан неточно, едет большое должностное лицо, поэтому заранее подготовили самолет. А увидев нас, заявили, что попутного самолета нет и если мы хотим лететь дальше, то должны оплатить стоимость перелета, то есть всех одиннадцати мест до Курчума. Сказав, что таких денег у меня нет, я стал звонить товарищам в Усть-Каменогорск в поисках денег или маши-

ны. Работники аэропорта поняли, что я не могу заплатить за рейс, и, не осмеливаясь отправить загруженный самолет без меня, наконец, дали разрешение погрузить гроб как груз. В то время разрешалось провозить гробы в качестве груза, но сотрудники областного аэропорта, видя, что прах своего родственника везет издалека простой гражданин, попытались заработать, не знаю – для государства или для себя лично. А ведь им было известно, что доставка печального груза до места назначения уже была нами оплачена.

Да, и в советское время были такие «коммерсанты». Но они хоть знали, что такое стыд. В наше рыночное время таких стыдливых и не встретишь.

Пенсионер

В 1982 году мне по документам исполнилось 60 лет, и руководство титаново-магниевого комбината, постоянного и бессменного покровителя нашей школы, организовало и провело торжественное празднование моего юбилея, на которое была приглашена вся общественность городка, почетные гости. После официальной части комбинат накрыл стол на более чем сто персон – для всех гостей.

И вот я на пенсии. Сидеть без дела было не по мне, поэтому я заранее, задолго до выхода на пенсию, попросил наших шефов подобрать мне посильную работу на комбинате. Мне предложили должность инспектора. Работа была совсем несложная. После труда директора школы, не ограниченного временем, эта служба показалась мне едва ли не отдыхом. Я даже порой жалел, что столько времени в своей жизни посвящал труду. Почему я не искал более легкую и спокойную сферу приложения своим силам? Но когда вспоминал, скольких людей я встретил на своем пути педагога, кем стали мои ученики, сколько пользы принесли они родному на-

роду, отечеству, то успокаивался в надежде, что не зря прожил жизнь.

Я благодарен судьбе за то, что она дала мне эту профессию, именно таких родных и близких, именно этих учеников и друзей-товарищей. Со временем все наносное, негативное забывается, остается только доброе и светлое. Даже маленькие радости детских лет так и звучат, так и звенят в памяти. Вспоминаю светлую, прекрасную свадьбу, когда нежная, молодая невеста переступила порог моего дома. Все живет в моей памяти: и первая любовь, и первый поцелуй, и первый лепет нашего первенца. Потом радости наших детей, появление внуков. В жизни бывает очень много счастливых мгновений, и человек должен уметь им радоваться. Это тоже своеобразный талант. Радость и смех дают человеку силу и энергию, продлевают жизнь, защищают от зла, врачуют душу.

Благодарю создателя за то, что он дал нам детей. Они выросли, выучились, приобрели профессии, обзавелись семьями и со временем стали давать советы нам, родителям.

Чем дольше живет человек, тем годы кажутся короче... Время стремительно убегает. Это ускорение сказывается и на некогда степенном сознании казахов. Но как бы ни было, будь благословенна земля отцов! Пусть ширь твоя степная полнится звуками живой природы, и безмолвие твоего величия нарушают только радостные и созидательные дела детей твоих!

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....5
Геноцид против своего народа.....7
От автора.....9

БЕЗМОЛВНАЯ СТЕПЬ......10
Враги отчизны.....11
Две точки зрения на классовый вопрос.....19
Активисты.....23
Последняя осень кочевого аула.....26
Первая школа в нашем ауле.....33
Коллективизация.....35
Кулак и кулацкий сын.....38
Прощание со школой.....41
Конфискация.....42
Суд над женщинами.....45
Пострадали за хозяйственность.....48
Бойкот как метод классовой борьбы.....50
Прощай, земля отцов.....58
У потомков двух братьев.....59
Переселение в Куйган.....62
Пятая конфискация.....65
Беглецы поневоле.....67
В гостях у сестры.....72
Глава дома в 11 лет.....76
Под покровительством великодушного дяди.....82
Опасные поездки.....85
Жантурсын.....91
Женские заботы.....92
Страдания бесприютных.....93
Казахи без скота.....95
Эпидемия оспы.....98
Беглец.....99
Посевная.....103
Едем в Риддер.....106
В Кирпичной.....112
Помощь голодающим.....117
Отрада для души.....119
Строители электростанции.....120
Возвращение в родные края.....124
Благополучная зима.....130
Катастрофа.....135

Путешествие к родне.....137
В ауле родственников.....144
Страшная весть.....147
Возвращение сирот в родной аул.....151
На земле отцов.....153
Колоски нового урожая.....160
Голодные странствия.....167
Последняя голодная зима.....169
Горе за горем.....171
Блаженный вкус еды.....175
Милосердие нищих и жестокосердие имущих.....180
Вопросы без ответов.....184
Мертвец во дворе.....185
Водка-кормилица.....187
Батраки.....189
Снова скитания.....192
«Слава Богу, еда есть».....194
С выдержкой собаки.....198
Новостройка.....200
Возвращение в школу.....204
Горе в семье.....206
Добрый наставник.....207
Купец поневоле.....208
Политические уроки.....210
Осознание себя.....212
Людская доброта.....214
Перед войной.....216
Экстерн.....220
Начало войны.....222
Первый призыв.....223
Призыв в национальную армию.....226
В полку стрелков.....227
Найти человека без адреса.....232
Расплата за милосердие.....233
Дорога на фронт.....235
Среди разведчиков.....237
Детские игры.....239
Первая разведка.....242
На Сталинградском фронте.....243
Бои вокруг Сталинграда.....245
Охота за «языком».....246
Будни разведки.....251

«Подарок» немецкого снайпера....256
Путешествие после ранения....258
В госпитале....262
На охране военного завода....265
Из Сибири – в Таджикистан....266
На пограничной заставе....270
Возвращение из госпиталя....275
Трагическая поездка....279
Как вор у вора украл....281
Новогодний праздник 1945 года....285
Два колхоза – две судьбы....289
Конец долгого путешествия....296
Изменившийся аул....297
Общие радости....300
Первые месяцы в ауле....302
Радость победы....304
Цена победы....306
Первый мирный год....308
Семейные новости....312
Возрождение школы....318
Женская доля....319
Учительская жизнь....320
Первые выборы после войны....322
Заочное обучение....324
Радость в семье....328
История вступления в ряды партии....330
Прощание с любимой школой....335
Среди рудокопов....338
Поездка на жайляу....343
Польза от депутатства....346
Работа в районо....348
Коллеги....350
Взаимоотношения с родственниками....352
Владычица района....356
Друзья-товарищи....361
Переезд....363
В новом коллективе....365
Бозамбайские знакомые....366
По семейным обстоятельствам....370
Семья....373
Последний долг....375
Пенсионер....381

Мухамет ШАЯХМЕТОВ

Безмолвная СТЕПЬ

Редактор *Л. Коптева*
Художественный редактор *Т. Мукатов*
Оформление и верстка *Т. Жубанышева*

Подписано в печать 12.12.08.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Печ. л. 24,25.
Гарнитура "Times New Roman".
Тираж 2000 экз. Заказ № 2370.

Адрес электронной почты:
editor@intelligroup. kz

ТОО Intelli Group
г. Алматы, ул. Аль-Фараби 19, Бизнес-центр
«Нурлы Тау», корпус 2Б, оф. 402

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ТОО "Полиграфкомбинат" Республики Казахстан.
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

ДЛЯ ЗАМЕТОК